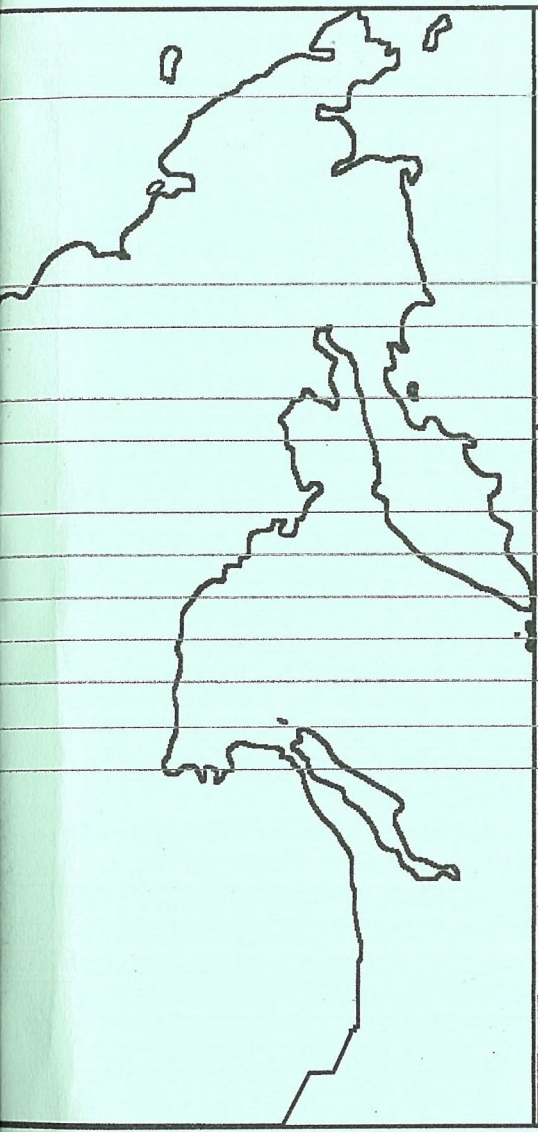
Ю. С. Салин



История экономики Дальнего Востока

Министерство образования Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Хабаровский государственный технический университет»

Ю. С. Салин

История экономики Дальнего Востока

Рекомендовано учебно-методическим объединением вузов России по образованию в области национальной экономики и экономики труда в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 06 07 00 «Национальная экономика» и другим экономическим специальностям

Хабаровск

Издательство ХГТУ
2004

УДК 338(09)(571.6)
ББК У03 (2Р55)
С 162

Рецензенты:
Р. Г. Леонтьев, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, профессор кафедры финансов и кредита Дальневосточного государственного университета путей сообщения,
Ю. В. Качановский, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Хабаровской государственной академии экономики и права

Научный редактор - кандидат экономических наук, доцент В. Ф. Коуров

С 162 **Салин Ю. С.** История экономики Дальнего Востока: Учеб. пособие. / Ю. С. Салин. – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 2004. – 379 с.

ISBN 5-7389-0294-7

Работа посвящена анализу проблем хозяйственного развития самого специфичного региона Российской Федерации. Детально рассмотрены хронология, причины и исторические обстоятельства присоединения Дальнего Востока к государству Российскому, возникновение и развитие экономических процессов на Дальнем Востоке. Дан историко-экономический анализ развития дальневосточной экономики царских времен, советской хозяйственной деятельности в регионе, общим чертам постсоветских преобразований дальневосточного хозяйства.

Для студентов, аспирантов, практических и научных работников, занимающихся проблемами истории экономики Дальнего Востока.

УДК 338(09)(571.6)
ББК У03 (2Р55)

ISBN 5-7389-0294-7

© Салин Ю.С., 2004
© Хабаровский государственный технический университет, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА.....5
ВВЕДЕНИЕ.....9
Глава 1. СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И КОНЦЕПЦИЯ М. И. ЛЕДЕНЕВА «ОТ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ К ОСВОЕНИЮ ЖИЗНИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ».....11
Состояние природы.....11
«Общечеловеческая» цивилизация и глобальный кризис.....22
Этническая культура и экономика.....30
«Почти общая» собственность.....37
Ключевое звено региональной экономики.....50
Собственность с точки зрения нравственности.....53
Почему Россия петь перестала.....56
Труд и собственность – категории философские.....69
Споры о проекте «Свой Дом на Своей Земле».....75
Библиографический список.....79
Контроль знаний студентов.....85
Глава 2. ПРИРОДА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....87
Национальная географическая и историческая специфика.....87
Физико-географические условия Дальнего Востока.....119
Человек и природа на Дальнем Востоке.....122
Родная наша вечная мерзлота.....126
Дефицит тепла и прочие аномалии.....128
Демографические последствия неблагоприятности климата.....130
Удорожающие факторы и неконкурентоспособность.....131
Библиографический список.....133
Контроль знаний студентов.....138
Глава 3. ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ ПРИАМУРЬЯ.....139
Пути сообщения.....139
Ввоз и вывоз продукции.....144
Пробуждение экономической активности коренного населения.....147
Библиографический список.....152
Контроль знаний студентов.....153
Глава 4. НЕВЕЛЬСКОЙ, МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ. ПЕРВЫЕ СПЛАВЫ.....155
Амурский вопрос и геостратегическая ситуация.....155
Гражданский подвиг Г.И. Невельского и Н.Н. Муравьева-Амурского.....160
Заселение юга Дальнего Востока.....164
Библиографический список.....182

Контроль знаний студентов....183
Глава 5. ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭКОНОМИКА ЦАРСКИХ ВРЕМЕН....185
Геостратегическая ситуация....185
Пути сообщения....192
Население....197
Сельское хозяйство....204
Промышленность....210
Библиографический список....215
Контроль знаний студентов....219
Глава 6. МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА....221
Жила бы страна родная....221
Колхозы....223
Вопреки всем экономическим законам....228
НЭП и пятилетки на Дальнем Востоке....229
Библиографический список....239
Контроль знаний студентов....241
Глава 7. ВОЙНА. ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФРОНТА....243
Вдали от линии фронта....243
Созидание продолжалось и в самые тяжелые военные годы....257
Библиографический список....263
Контроль знаний студентов....264
Глава 8. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ....265
Рентабельность и эффективность....265
Хозяйственное освоение территории....268
Трудовой потенциал....279
Транспорт....287
Производить или завозить?....295
Управление....297
Библиографический список....307
Контроль знаний студентов....312
Глава 9. ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ....313
Аргументы и результаты....313
Промышленность, транспорт, сельское хозяйство....329
Трудовой потенциал....343
1998–2002: Оживление. Что дальше?....354
Библиографический список....365
Контроль знаний студентов....374
ЗАКЛЮЧЕНИЕ....375
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ....377

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию представляется весьма необычное учебное пособие. Во-первых, оно в широком и узком смысле слова по содержанию, стилю изложения, авторской позиции существенно отличается от работ подобного направления. Во-вторых, ее символом, идейной сердцевиной является память о замечательном русском мыслителе профессоре Михаиле Ивановиче Леденеве, долгое время сотрудничавшем с кафедрой «Экономическая теория и национальная экономика» ХГТУ. В-третьих, данное учебное пособие является своеобразным авторским дебютом профессора Юрия Сергеевича Салина, автора большого числа публикаций по социально-экономическим проблемам Дальнего Востока.

На определенном этапе своего творческого развития Ю. С. Салин обратил особое внимание на необходимость в изложении в учебном пособии своих мыслей, идей своего Учителя об истории, настоящем и будущем нашего прекрасного края.

Учебное пособие составляют девять глав, в которых автор последовательно излагает материал в полном соответствии с программой дисциплины «История экономики Дальнего Востока».

В конце каждой главы автором проводится библиографический список литературы и формулируются вопросы контроля знаний студентов.

Обращает на себя внимание стиль написания учебного пособия. В отличие от общепринятого сухого академизма автор излагает содержание учебного материала преимущественно в публицистическом, эмоциональном стиле. Еще в 1982 году мною, вместе с профессором Л. Ф. Пысиным, были опубликованы методические указания по использованию произведений публицистики в преподавании экономических дисциплин. До сих пор остаюсь приверженцем этой идеи, так как считаю, что такой подход в значительной степени облегчает

студентам воспринимать учебный материал, помогает им глубже понять содержание сложнейших социально-экономических процессов, развивает в них постоянный интерес к чтению учебной литературы, предоставляет им возможность напрямую судить о человеческих качествах автора.

Учебное пособие открывает глава 1 «Современная глобальная ситуация и концепция М. И. Леденева "От освоения территории к освоению жизни на Дальнем Востоке"». Это экономический и философский центры работы.

В чем его основной смысл? В том, что автор ненавидит богатых? В том, что он предрекает глобальный экологический и социально-экономический крах на нашей Планете? В том, что призывает всех пересесть на оленьи упряжки? Нет, нет и еще раз нет!

В первой главе, уважаемый Читатель, Ю. С. Салин пишет о том, что в современных экстремальных условиях экологического состояния, деформации социально-экономических отношений человеческая деятельность на Дальнем Востоке должна быть направлена на освоение, развитие, обогащение самой человеческой жизни через праведный труд и нравственную собственность, через гармоничное, чуткое отношение к другой жизни – жизни Природы, через внимание к взаимозависимости этих двух главных Жизней, через их взаимосбережение.

Этот ключевой смысл работы автор использует и развивает в последующих главах учебного пособия. В них за основу изложения взят исторический подход и авторское понимание происходящих событий на каждом из этапов развития экономики Дальнего Востока. В каждой из глав читатель обнаружит и точные, почти математические сведения, и новые для себя литературные источники, и интересные исторические факты и многое, многое другое.

При этом каждая глава читателю будет интересна, в каждой из них он обнаружит что-то новое, что-то неуловимо изменяющееся. Постоянным в работе остается только стиль – по-человечески мягкий, где-то тревожный, где-то философски спокойный. В этом постоянстве и заключены душа и знания Ю. С. Салина, которые он открывает Вам, уважаемый Читатель.

В содержании учебного пособия, кроме автора и истории экономики Дальнего Востока, Вы почувствуете также незримое присутствие Памяти о замечательном человеке – Михаиле Ивановиче Леденеве. Более того, научное наследие М. И.

Леденева, его подвижническая жизнь Учителя являются прочным фундаментом учебного пособия. Таков – как иногда говорил сам М. И. Леденев – сухой остаток данного вопроса. Таков основной смысл жизни самого М. И. Леденева – углублять знания и передавать это умение другим.

После его смерти в экономической литературе, выступлениях известных на Дальнем Востоке и в России государственных деятелей все чаще звучат слова М. И. Леденева, все чаще звучит понимание тех проблем, над решением которых работал этот замечательный человек. В 2003 г. вышел сборник избранных произведений М. И. Леденева с замечательными словами в его адрес:

...Если смысл жизни Михаила Ивановича Леденева вместить в одно слово, то этим словом будет *русский*, если в два – *русский мыслитель*. А еще был он бойцом, воителем за Родину, личностью целостной, страстной, неравнодушной. И вся его жизнь, от первого до последнего дня, была посвящена России. Голодное трудовое военное детство в деревенской глубинке, отец, прошедший все пекло и вернувшийся с опаленной душой, мать, от зари до зари не щадившая себя на колхозных полях; после школы – армия, комсомол, Хабаровский железнодорожный институт, работа мастером в локомотивном депо на станции Облучье, руководство молодежными стройотрядами. И везде труд, полная самоотдача, организаторский талант, пристальное внимание исследователя. И вопросы, проблемы, поиски...

Почему именно русский мужик создал великую державу на вечной мерзлоте, как это случилось, что с одним топором в руках за считанные десятилетия прошел он от Великого Устюга до Охотского побережья? Именно эти интересы привели М. И. Леденева в науку – сначала в Институт экономических исследований и в последние годы – в ДальНИИ рынка.

Он погиб в бою, в самой тяжелой битве за тысячелетнюю нашу историю, потому что все вконец запуталось, и понять значило победить. «Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?» Он жил жизнью державы, все ее боли он пропускал через свое сердце, и боли эти оказались непереносимыми...

Ю. С. Салин пришел на кафедру «Экономическая теория и национальная экономика» после смерти М. И. Леденева. Сейчас становится ясным: ученик занял место Учителя. Занял не в смысле освободившейся должности и места за преподавательским столом. Он пришел на смену М. И.

Леденеву, для продолжения его педагогического дела. Преподаватели кафедры и студенты только рады этому.

Юрий Сергеевич Салин – доктор геолого-минералогических наук, член Союза писателей РФ, член редколлегии журнала «Дальний Восток», профессор кафедры «Экономическая теория и национальная экономика» ХГТУ.

Родился 11 января 1938 года в селе Троица Спасского района Рязанской области. Впервые попал в экспедицию в 1954 году, работал на Северном Каспии. После этого сомнений не было – только геология, только Московский нефтяной институт! И далее – Кавказ, Кубань, Беломорье, Хинган, Заполярная Якутия...

Десять лет работал в Институте вулканологии на Камчатке, потом – новосибирский Академгородок, тесное сотрудничество с академиком-новатором Ю. А. Косыгиным. Имеет много публикаций в соавторстве с основоположником школы философии геологии. Принимает участие в формировании и развитии фундаментальной науки в Хабаровске и Биробиджане. Статьи, монографии, диссертации, повести, очерки...

Совместные исследования с философом и экономистом М. И. Леденевым начались с выполнения его задания – подвести физико-географический фундамент под обоснование дальневосточной экономики. Затем естественным образом сферы сотрудничества расширились – региональная, национальная экономика, экономическая теория, философия экономики. Все его научные интересы, как в фокусе, сошлись в учебной дисциплине «История экономики Дальнего Востока», которую он преподает студентам экономических специальностей ХГТУ.

Вот, уважаемый Читатель, в основном все, что хотелось бы сказать в данном предисловии. Думаю, что Вы, как и я, после прочтения этого учебного пособия произнесете: «В добрый путь!».

С уважением канд. экон. наук доцент В. Ф. Коуров

Светлой памяти профессора
Михаила Ивановича Леденева
посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Лекционный курс «История экономики Дальнего Востока» посвящен описанию хозяйственной динамики самого специфичного региона Российской Федерации. Он систематизирует факты экономической действительности, ориентирован на выявление и формулировку закономерностей экономической деятельности человека и общества на Дальнем Востоке и ставит своей целью объяснение этих закономерностей, составление прогнозов и выдвижение гипотез дальнейшего развития региона.

Объектами экономической истории региона являются:

– положение экономики Дальнего Востока в общероссийском и мировом экономическом процессе и, шире, в устойчивом развитии цивилизации;

– взаимосвязи региональной экономики с природными условиями и устоями местной народной культуры;

– зарождение и развитие экономических процессов на Дальнем Востоке, их периодизация.

Вопросы возникновения и трансформации хозяйства в Дальневосточном регионе приходится рассматривать на широком фоне общенациональных и мировых процессов, в контексте общей истории и физической географии России и Дальнего Востока. Это естественным образом вписывается в новое направление экономической науки, созданное М.И. Леденевым, все это – предметы как его личного интереса, так и его исследовательской деятельности. Наконец, сюда вошло также и то, что раньше вообще лежало за пределами науки, даже при самом широком ее понимании, и считалось подвластным только инженерам человеческих душ, писателям. И иначе и быть не могло, если осознать созданную тоже М.И. Леденевым отрасль экономики, рассматривающую мотивацию

трудовой деятельности человека. Во имя чего человек работает, как под благотворным воздействием труда по-христиански, труда не на себя, а на ближнего, он становится Человеком? Какую роль играют в хозяйственных процессах патриотические мотивы, забота о семье, о родной природе? И все это должно базироваться на материале экономических фактов, на данных о производстве и потреблении, о процветании, застое или деградации хозяйства.

И еще одно поучительное сопоставление. Меня, специалиста в области наук о Земле, Михаил Иванович не просто привлек к совместной работе, он принудил, заставил меня разработать физико-географическое обоснование для анализа экономических процессов в данном конкретном регионе! И пока я занимался выполнением этого задания, я поневоле должен был вникать и в суть самих этих процессов. А так как сотрудничество наше продолжалось не одно десятилетие, то в результате я получил добротную экономическую и социологическую школу. И мой таежный, этнографический и естественнонаучный опыт соединился с леденевским крестьянским, заводским, управленческим и общественно-научным опытом. Последствием стало немалое количество публикаций в соавторстве. А уж интерес к Человеку у нас был общим. Так вот, у меня теперь есть возможность с позиции естествознания, которое во все времена и всеми исследователями признавалось более близким к эталону научности, чем обществоведение, реально оценить объективность социологических дисциплин. Результат? Я проникся еще большим уважением к мудрой ирландской половице: «Я знаю, вы были беспристрастны в этой борьбе, но к какой стороне вы были беспристрастны?»

Так что есть факты, и есть их интерпретация. И интерпретировать их можно по Смиту, по Марксу, по Максу Веберу или Василию Леонтьеву. А можно и по Михаилу Леденеву. Одно только невозможно – обойтись вообще без интерпретации.

На признании этой неизбежности и построен предлагаемый лекционный курс.

Выражаю признательность преподавателю кафедры «Экономическая теория и национальная экономика» Д. В. Клецу и аспиранту кафедры «Экономика и менеджмент» А. В. Коурову за помощь в подготовке учебного пособия к печати.

Правительства, исходившие из мысли, что главную роль в человеческой деятельности играют стремления материальные, всегда ошибались.

Эрнест Ренан

Глава 1

СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И КОНЦЕПЦИЯ М.И. ЛЕДЕНЕВА «ОТ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ К ОСВОЕНИЮ ЖИЗНИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ»

... Много было в истории человечества кризисов, но такого еще не бывало: «Человечество переживает решающий момент своей истории. Мир столкнулся с проблемами усугубляющейся нищеты, голода, болезней, неграмотности и продолжающейся деградации экологических систем, от которых зависит наше благосостояние», – такая оценка ситуации содержалась в итоговом документе крупнейшего в человеческой истории форума, конференции Рио де Жанейро-92 [1].

СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ

Небо над нами. Солнце пока еще не стало черным, но дело явно идет именно к этому. Редкими стали красочные закаты, голубые тона небесного свода сменяются серыми. Нижний слой атмосферы обогащается за счет техногенных выбросов тяжелыми молекулами и частицами дыма и пыли, прозрачность воздуха уменьшается, плотность увеличивается. И ураганы становятся более разрушительными, потому что воздушные массы бьют по любому препятствию все более и более тяжелой кувалдой [2].

Ураган «Митч», самый страшный по своим последствиям за 200 лет наблюдений, нанес Гондурасу ущерб, превышающий стоимость трети валового национального продукта, число человеческих жертв на территории Центральной Америки достигло 11 тысяч. Кроме повышения плотности воздуха, еще одной техногенной причиной небывалого возрастания разрушительной силы воздушной стихии стали вырубки лесов на огромной территории. В январе того же 1998 года шторма над Северной Америкой разрушили многие тысячи километров линий электропередач, уничтожили посевы сахарной свеклы, нанеся ущерб экономике на 2,5 миллиарда долларов. Июньский циклон в Индии в том же году погубил десять тысяч человек. Общий результат – потери от стихийных бедствий за неполный 1998 год составляют, по данным страховых компаний, сумму в 89 миллиардов долларов – это больше, чем за любой другой полный предыдущий год [3].

Главный источник загрязнения воздушного бассейна – сжигание нефти, природного газа и угля, дым пожарищ, выхлопные газы автомобиля. И несмотря на несомненный прогресс в технологиях, по мере роста материального благосостояния будет возрастать и загрязнение. За один только XX век энергопотребление возросло в 15 раз. И воздушная стихия будет обрушивать на нас все более и более тяжкие удары. Все более частыми и предсказуемыми станут «стихийные» бедствия: песчаные бури, смерчи, тайфуны, засухи. Страховые компании работают уже на грани рентабельности.

Не только снаружи будет наносить нам ущерб наша атмосфера, воздух будет проникать в наши легкие все более и более ядовитыми газами.

Что творится с качеством воздуха, лучше всего могут рассказать легочники: астматики, туберкулезники. Да и здоровому человеку бывает тяжело дышать при некоторых направлениях ветров. А есть города, где и роза ветров не имеет никакого значения. До меня дошло это в Архангельске, там сразу становится ясным, что выражения «выйти на свежий воздух» и «выйти на улицу» имеют противоположный смысл.

Однажды я выступал в школе перед десятиклассниками. Спрашиваю: «Кто из вас хочет иметь машину, поднимите руку!» Сто процентов! «А в противогазах целоваться вы пробовали? – задаю им вопрос. – Учитесь, пригодится.

Обязательно. Если каждый взрослый житель планеты будет владельцем собственной автомашины, все живое на земле сразу задохнется».

115 миллионов автомобилей насчитывается в США. В 1991 году на каждого жителя США приходилось 2613 кг нефти, в то время как в Индии – 62 кг, а в Заире – 10 кг [4]. Америка потребляет кислорода вдвое больше, чем производят его все биоценозы страны.

По дорогам планеты бегают уже 550 миллионов автомобилей. Во многих регионах именно автомобиль – главный загрязнитель атмосферы.

Как-то довелось мне присутствовать на докладе нашего хабаровского целителя-травника Алексея Кирилловича Пехтерева. «Не слушайте, – призывал он, – эту лживую рекламу про всякие там импортные снадобья – Гербалайф, Биттнер-бальзам и прочие. Из чистых, видите ли, альпийских трав они приготовляются... Откуда в Альпах возьмутся чистые горные травы? Да ведь там ветер, откуда ни подует, несет грязь со всей Европы!»

В самом деле, если даже во льдах Антарктиды, по скрупулезным подсчетам гляциологов, скопилось не менее 2 ООО тонн ДДТ (дихлордифенил трихлорэтан, применялся в сельском хозяйстве такой ядохимикат после войны), так о какой альпийской чистоте может идти речь?

И все-таки ДДТ нынче воспринимается как детские шалости недоразвитой химии. Истинным триумфом научного прогресса стали диоксины, «супертоксиканты XXI века». Они в десятки тысяч раз (!) более ядовиты, чем супертоксикант XIX и XX века – цианистый калий. Их содержание измеряется уже не в миллиграммах (это одна тысячная доля грамма), а в микрограммах (миллионная доля грамма), нанограммах (миллиардная доля грамма) и даже в пикограммах (триллионная доля грамма). Подопытные крысы, подвергшиеся воздействию диоксина в концентрации 210 частей на триллион, погибали от рака печени. Шести граммов этого страшного вещества достаточно для того, чтобы отправить на тот свет все население Африки.

Для диоксина нет ПДК – предела допустимой концентрации. Его не должно быть вообще в окружающей среде. Диоксин называют химическим СПИДом, он действует неотвратимо и неторопливо, выводя из строя всю иммунную систему, нервную систему, почки, мозг и кожу, нарушая

функции деторождения; кроме всего прочего, он является сильнейшим канцерогеном.

И хотя его не должно быть нигде, он есть везде. Даже в молоке кормящих матерей. Причем мать очищается от собственных запасов диоксина в период кормления, отравляя ребенка.

Мусоросжигательные заводы стали главным источником этих новейших супертоксикантов в Европе. Установлено, что после сжигания мусора получается больше опасных отходов, чем было. И поэтому в США был объявлен мораторий на строительство новых мусоросжигательных заводов. Здесь 53% общего выброса диоксинов в атмосферу дают медицинские инструменты – одноразовые шприцы, системы из поливинилхлоридов.

Вода. Мы исчерпали запасы воды раньше, чем запасы нефти. Уже привычными стали разговоры, что войны XXI века будут вестись не за нефтяные месторождения, а за водные ресурсы.

Для жизни человеку нужно примерно 2,5 литра воды в сутки. Однако расход воды в индустриально развитых странах, сообщают Л.И. Водолазов и Д.П. Лобанов [5], превышает биологическую потребность человека во много тысяч раз (в среднем на одного жителя США – в 100 тысяч раз). При этом потребление воды в цивилизованных странах растет в 3 раза быстрее, чем численность населения.

Вода, как и земля, как и воздух, тоже стала неизлечимо больной. И вместо того чтобы исцелять наше тело, она тоже стала его отравлять. По данным Всемирной организации здравоохранения, 80% болезней человека прямо или косвенно связаны с качеством питьевой воды.

В местностях, где сконцентрировано население, промышленность, животноводство, растениеводство, где много бытовых стоков, в воде бурно размножаются болезнетворные бактерии. Обеззараживания можно добиться, убивая все живое в воде газообразным хлором или его соединениями. В абсолютном большинстве случаев именно так и делается. Вернее, делалось везде. А теперь...

«Специалисты начинают глубже понимать гигиеническое значение хлорирования воды. Помимо положительного значения, связанного с бактериологическим обеззараживанием, хлорирование таит в себе грозную опасность для населения в связи с остаточным содержанием

хлорорганических соединений. Везде, где для обеззараживания воды используется хлор, обнаружены концентрации фенолов, превышающие ПДК в 2–4 раза... Это чревато образованием в питьевой воде особо опасных для здоровья человека полихлорированных соединений, обладающих высокой токсичностью и такой же высокой канцерогенной и мутагенной активностью» [6].

Полихлорированные соединения – это и есть те самые диоксины, ПХДД, ПХДФ, проникающие повсюду, вплоть до материнского молока. И «цивилизованные», то есть богатые страны, отказались от хлорирования воды, перешли на другие, гораздо более дорогие, но менее вредные способы обеззараживания, например, на озонирование. Понятно, на это у них есть деньги, которые они выкачивают из недоразвитых стран.

До 30% поверхности Мирового океана покрыто нефтяной пленкой [7]. А что значит пленка между гидросферой и атмосферой? Она мешает нормальному испарению воды, нарушает газообмен, препятствует жизнедеятельности любых морских организмов, а если еще учесть, что поверхностный слой является своего рода колыбелью жизни для многих видов...

И это касается океана. Во внутренних бассейнах ситуация еще более плачевная.

После 1970 года в Черном море 20 «коммерческих» видов рыбы исчезли из-за нехватки кислорода и света в воде, улов рыбы сократился на 95%. Румыния и Болгария, причерноморские страны, продали свои рыболовецкие суда Греции, имеющей выход к другим морским бассейнам. Бурно развился фитопланктон, питающийся отходами человеческой жизнедеятельности. Ослабленная разливами нефти, выбросами токсических веществ и пестицидов, экосистема начала разрушаться. Все море заполонила медуза мнемиопсис, масса которой достигла 900 миллионов тонн (это в 10 раз больше всего годового вылова рыбы в мире). Дельфины и туристы исчезли, а загрязненные воды Черного моря стали почти безжизненными [8].

А Балтийское море вообще приближается к экологической катастрофе. В 1946–1947 годах военное командование союзников приняло решение захоронить в проливах Скагеррак и Каттегат весь запас немецкого химического оружия, а это сравнимо по объему с нынешними

запасами США и России. Боеприпасы уложили в трюмы старых кораблей и затопили в четырех районах моря. Более полувека коррозия разъедает корпуса снарядов и, по расчетам, в начале XXI века состоится выброс сильнейших боевых отравляющих веществ в акваторию. От 60 до 250 млн человек пострадают от прямых и косвенных последствий этой химической атаки.

Земля. В погоне за сверхприбылью цивилизованный человек уничтожил и почву, и все растущее на ней.

Если в начале земледельческой истории пахотнопригодные земли планеты составляли около 4,5 млрд гектаров, то сейчас их осталось всего 2,5 млрд, причем 1,5 млрд уже введено в сельскохозяйственный оборот. Оставшийся 1 млрд имеет низкое природное плодородие, эти земли нуждаются в коренной мелиорации и высоких капиталовложениях.

Так как миллионы и миллиарды – лишь пустая абстракция, никак не воспринимаемая нашим умом, привыкшим к цифрам с многими нулями, необходимо представить для ориентации более общую картину.

Площадь всей суши земного шара 14,9 млрд гектаров, из них леса занимают 4,5 млрд, или 30% территории, пастбища 3,0 млрд, или 20%, пашни 1,5 млрд, или 10%, пустыни, бедленды («дурные земли») и застроенные территории 4,4 млрд, или 30%, ледники 1,5 млрд, или 10%.

Нынче почвенный баланс выглядит так: вводится в оборот из оставшегося резервного фонда, из неприкосновенного запаса, примерно столько же новых земель, сколько деградирует старых. Выводятся из сельскохозяйственного оборота в основном площади для промышленных нужд. Городами, селами, дорогами, шахтами, линиями коммуникаций и трубопроводов занято уже 12–15% суши, и эта раковая опухоль на теле планеты все разрастается и разрастается. Рекультивация площадей, ставших уже ненужными промышленности, в основном горнодобывающей, ни в коей мере не компенсирует потерь. Происходит опустынивание, вызванное преимущественно человеческой деятельностью – засоление почв и их превращение в солончаки, размыв оврагами земель, лишенных защиты леса, и т. д.

Снос плодородного слоя реками увеличивался следующим образом: в 20-е годы он составлял 3,10 млн т/год, в 60-е годы 9,10, в 70-е годы 24,10 млн т/год. Почвенный покров

неудержимо разрушается как в развитых, так и в развивающихся странах.

Снижается биопродуктивность вследствие смены природных ландшафтов антропогенными: пашнями вместо лесов, вторичными лесами вместо первичных, пастбищами вместо степей и саванн.

Но самая печальная участь выпала на самые ухоженные почвы. Высокоурожайные селекционные сорта – главная причина экологического кризиса в растениеводстве. Они полностью утратили свою генную память, забыли все, чему их научила эволюция, они стали капризными, требовательными, нежизнеспособными, они стали неприродными, больше – антиприродными. Они потеряли все свои способности к самозащите от вредителей, сорняков, от полегания и любых неблагоприятных погодных условий. Они требуют все больших и больших доз удобрений, энергии, пестицидов, стимуляторов роста, и их восприимчивость все притупляется и притупляется, как у наркоманов. В США за то время, пока внесение удобрений увеличилось в десять раз, потери урожая увеличились на 31–38% [9].

Если в начале XX века энергозатраты составляли в полеводстве до 4 гигаджоулей на гектар угодий, то сейчас 15–25 гигаджоулей [10]. А 15 гигаджоулей – это критический уровень, за которым начинается разрушение почвы как природного тела, это уровень гидропоники [11]. Почва превращается в механический субстрат и систему капилляров, подводящих заготовленные химические вещества к корням. В ней уже нет души, нет жизни, она лишилась своей естественной бактериальной среды, микрофлоры, и дать человеку вместе со своим урожаем она может только ту химию, которой ее саму напичкали. И скажите, может вырасти человек здоровым, потребляя такую искусственную пищу?

Бьют тревогу ботаники – пропадают сорняки, давно пора заносить их в Красную книгу, создавать для них заповедники, специально разводить их там и выращивать. Ведь они были таким необходимым компонентом биоценоза, они сохраняли почву от эрозии, они доставляли питательные вещества на поверхность с глубины, недоступной для культурных растений [12]. Нынешний вектор прогресса в растениеводстве – поменьше химии, поменьше энергии, поменьше размеры

полей! [13]. Что в пределе? Наши трижды осмеянные шесть соток с их допотопным научно-техническим уровнем.

А загрязнение окружающей среды особо опасными отходами, радионуклидами, ядовитыми веществами? В конце 80-х годов их приходилось на США около 270 млн тонн, на Западную Европу около 25 млн тонн, на Восточную Европу около 20 млн тонн, и на весь остальной мир – около 15 млн тонн [14].

Живая природа. В нынешнем мире отравлено, извращено и деформировано все. Техномасса уже на порядок превышает биомассу (имеется в виду годовой прирост продукции). Пределы допустимого воздействия человека на биосферу превышены в 8–10 раз. Уничтожено 70% естественных биосистем [15].

«Развитые страны с рыночными системами хозяйства для обеспечения своего экономического роста еще в начале века разрушили на своих территориях естественную среду: на территории США сохранилось только 5% ненарушенных хозяйственной деятельностью площадей, а в Европе – всего 4% (только за счет скандинавских стран и Исландии). Сейчас эти страны потребляют сохранившиеся природные системы (экологическое пространство) других территорий через использование их ресурсов, вложение капиталов, экспорт загрязняющих производств и отходов, естественный перенос поллютантов» [16].

Если первоначальная лесистость земной суши составляла 75%, то в 1991 году – всего 26–27% [17], и темпы облысения планеты стремительно возрастают. В середине восьмидесятых годов влажнотропический лес уничтожался со скоростью 11,3 млн гектаров в год, а в девяностых годах уже 16–17 млн, что по площади равно половине территории Японии; *половина всей потери покрытых лесом площадей приходится на последние 20 лет* [18]. По некоторым оценкам, на рубеже 90-х годов XX века леса исчезали со скоростью 0,6–1,0% в год [19].

Начали гореть абсолютно несгораемые ранее влажнотропические леса. Причина – опять-таки вырубки, расчленение сплошных массивов сельвы, последующее осушение и хозяйственное освоение освобожденных от леса площадей. Результат – за тот же рекордный 1998-й год сгорело в Индонезии 2 млн гектаров, в Бразилии 5,2 млн [20].

Опустынивание земли идет со скоростью от 6,9 до 21 млн га в год. Под угрозой превращения в пустыню находится 19% суши планеты [21].

Суммарная биомасса за период с 1850 по 1990 год уменьшилась на 7–25% (разные оценки), и ожидается ее уменьшение в ближайшее десятилетие еще на 27–28% [22].

По причине деградации природной среды ежегодно исчезает 10–15 тыс. разновидностей биологических организмов, в результате чего биологическое разнообразие, формировавшееся сотни миллионов лет, за ближайшие 50 лет сократится не менее чем на четверть [23].

В связи с этим генеральный секретарь ЮНЕП (Программы ООН по окружающей среде) М. Толба заметил: «Если бы Ч. Дарвин жил в наши дни, его усилия, вероятно, были бы направлены не на изучение происхождения видов, а на описание их исчезновения» [24].

Жизнь на планете Земля явно находится под угрозой уничтожения.

И это лишь некоторые из достижений «общечеловеческой» цивилизации.

Здоровье человеческое. И человек не может остаться здоровым в этом нездоровом окружении. Научно-техническая цивилизация приводит не только к расширению сферы многих «старых» болезней, но и к появлению новых, к фундаментальным перестановкам в списке заболеваемости.

До второй мировой войны основной причиной смертности населения служили инфекционные и паразитарные заболевания, ныне их доля снизилась до 1–3%; причиной 70% смертей человеческих стали теперь сердечно-сосудистые расстройства и рак, далее идут нервно-психические расстройства, болезни обмена, аллергические состояния, пороки развития и генетические болезни [25].

«О распаде генома человека свидетельствуют данные о росте генетических заболеваний в развитых странах, прежде всего, психических заболеваний и врожденных нарушений (Лосев и др., 1993). Социальные последствия этого процесса требуют пристального внимания, так как, возможно, именно с ними связаны распространение алкоголизма и наркомании, вспышки невиданной жестокости при локальных конфликтах, снижение иммунного статуса организма человека, возникновение новых болезней, расширение круга людей,

затрагиваемых уже, казалось бы, искорененными болезнями (например, холерой и малярией), нарушение запретов и тормозящих процессов. Таким образом то, что обычно называют "экологическими" заболеваниями и непосредственно связывают с загрязнением среды, оказывается лишь верхушкой айсберга. За очевидными причинами лежат глубинные механизмы, ведущие к распаду генома человека, намного более опасные, но невидимые и неощутимые, подобно ионизирующему излучению.

...Растет число новых заболеваний, среди которых наиболее опасным остается СПИД и его аналоги. Увеличивается число травм, отравлений, аварий и пострадавших от стихийных бедствий. Возрастает нагрузка на общество инвалидов и больных, особенно больных детей» [26].

Та же тревога звучит и в отчете Госкомэкологии России: «В последние годы значительные изменения окружающей среды в результате антропогенного воздействия приводят к непредсказуемым последствиям в поведении популяций возбудителей и переносчиков опасных для человека и животных болезней, прежде всего вирусной этиологии. Могут возникать новые рекомбинанты возбудителей опасных вирусных инфекций с широкими адаптационными возможностями и другими свойствами, что грозит чрезвычайными эпидемическими вспышками с тяжелыми последствиями, особенно в регионах, неблагоприятных в эпидемиологическом отношении. При перестройке микробной биоты повышается активность многих природных очагов опасных для человека инфекций. А некоторые сапрофитические или условно патогенные микроорганизмы могут приобретать патогенные свойства и становиться возбудителями ряда болезней.

...В сложившейся ситуации наступление СПИДа – лишь первое звено в цепи возможных эпидемий неизвестных ранее заболеваний» [27].

Скучно жилось цивилизованному человеку, мало ему было войн, природных катастроф, открыл он Америку и сифилис, сделал возможными рукотворные стихийные бедствия, создал СПИД, и все мало, мало, мало! Что ж, новые микробы вырастит, новые штаммы вирусов, которые в противомикробных и антивирусных препаратах будут жить, как в питательном бульоне, вот тогда мало не покажется, скучно не будет.

...Читаю реферат студентки Ани Шавандриной. Он посвящен метеочувствительности человека, то есть его способности ощущать влияние небесных факторов, атмосферных и космических. Когда-то человек жил в гармонии с природой и чутко реагировал на любую ласку погоды, далеких излучений и естественных полей. Затем он создал для себя искусственную среду обитания, и эти ощущения стали для него чересчур тонкими. Но в периоды ослабления здоровья восприимчивость обостряется. Да вот только те самые ощущения, которые раньше несли радость, теперь приносят боль: «Проблемы болезненного реагирования на метеогеофизические возмущения кроются прежде всего в устройстве нашей повседневной жизни. Это и несоответствующие физиологическим ритмам ритмы труда и отдыха, нерациональное питание, преимущественное развитие механизмов социальной адаптации в противовес биологической адаптации, потеря для многих в ежедневной деятельности творческого начала, несущего радость; неправильная подача обучающей информации, тормозящая способность организма чувствовать окружающий мир и сливаться с ним».

Особенно верно это относительно обрушивающегося на человека вала информации, от которого совершенно притупляется и в конечном счете атрофируется вся гамма чувств.

Человек становится механическим, расчетливым и бесчувственным, и если радость он изгонял через все микроскопические щели, то пришла беда – отворяй ворота. Во всю ширь. Если ты раньше отвергал притяженье земли, то теперь тебя проймет до печенок и легчайшее дуновение космического ветра из туманности Андромеды. И больные твои суставы начнут тяжко скрипеть от смещения цефеид относительно Альфы Центавра. Не хотел радоваться морозу – будешь зябнуть и мерзнуть. Отказывался наслаждаться ветром и дождем – начнешь простывать и болеть. И так со всеми шалостями погоды и других явлений природы.

Что же может быть общего между загрязнением среды, СПИДом и грядущими еще более страшными инфекциями, патологической метеочувствительностью и всеми прочими болезненными и катастрофическими проявлениями нынешней кризисной ситуации? Потребительская антиприродная цивилизация. Первородный грех объективного рационального

познания. Не захотел белый человек любить, познавать сердцем, предпочел ненавидеть и познавать одним разумом с корыстными расчетливыми целями, – что ж, за то и наказание: в поте лица добывай хлеб свой насущный, в муках рожай детей. И живи тоже в муках и болезнях.

Долгое время в русской философии широкой известностью пользовалось имя Константина Дмитриевича Кавелина, противника славянофилов, убежденного защитника преимуществ западного образа жизни. Но даже он вынужден был признать: «Западные европейцы забыли внутренний, нравственный, душевный мир человека». Нищету же духа ничто не может компенсировать: «Нравственные качества и совершенство не совпадают ни с умственным развитием и образованием, ни с обеспеченностью личною и имущественною, ни с свободами политическими и гражданскими, ни с культурой. Пороки и преступления под влиянием всех этих несомненных благ не уменьшаются, а только становятся утонченнее. Посреди небывалых богатств, материальных и духовных, тосклива и безотрадна, скучна и бесцветна становится жизнь современного человека. Сомнения закрадываются в его душу: к чему все эти блага, когда с ними живется так тяжело, какая-то тоска наполняет грудь и не дает ими наслаждаться? Да и в самом ли деле они – блага, когда не дают душевного удовлетворения? Стоит ли жить, когда жизнь не радует, а оставляет ничем не наполненную пустоту? ...Настойчивость, выдержка, умение, находчивость – всего этого имеют в избытке люди нашего времени, не задающиеся нравственными идеалами, а чисто личными целями. Но они все более и более вырождаются в хищных зверей, тем более лютых и опасных, что, не останавливаясь ни перед чем, вооружены всеми средствами, которые дают знание, наука» [28].

«ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ» ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС

«Если человечество будет продолжать жить так, как жило до этого, то оно познает, что такое конец света», – это убеждение не какого-нибудь адвентиста седьмого дня, а одного из крупнейших ученых конца XX века [29].

Ракетно-ядерный потенциал России и США до сих пор вызывает большую тревогу. Я помню, как еще в 60-х годах

глава СССР Н.С. Хрущев, оправдываясь перед внутренними оппонентами за советское отставание в области ядерных вооружений, говорил: «Да, это правда, американцы могут уничтожить нас сто восемьдесят раз, а мы их всего сто двадцать, но я думаю, что ведь и одного раза будет достаточно!» За точность цифр не ручаюсь, возможно, речь шла о восьмидесяти и шестидесяти разах, дело не в количестве раз, а в принципе.

Никита был, конечно, прав, одного раза вполне достаточно. И для американцев, и для нас, и для всего мира, потому что имеющихся запасов хватит, чтобы уничтожить все живое на Земле. Да разве только живое?

Немного позже хрущевской калькуляции взаимоистребления была создана у нас в Хабаровске в Институте тектоники, в котором я тогда работал, лаборатория техногенной тектоники под руководством крупного специалиста, пришедшего в Академию наук из военной геологии, из строго секретных учреждений.

Не раскрывая особых стратегических тайн, он охарактеризовал ситуацию кратко, но выразительно: «Наша планета слишком хрупка и слишком миниатюрна, чтобы остаться в целости после взрыва всего накопленного атомного оружия».

А есть ли гарантии, что взрыва не будет? Роль бикфордова шнура для поджигания полномасштабной войны может сыграть любая авария, любая случайность. В ту же эпоху над испанской деревней Паломарес произошла катастрофа американского бомбардировщика с водородной бомбой на борту. Самолет рухнул на землю, и четыре предохранителя из пяти оказались не в состоянии предотвратить ядерную трагедию. Жизнь на планете спас только последний, пятый предохранитель.

И даже если взорвется не бомба, а всего-навсего реактор? Вспомните, какой страх нагнал на весь мир, какой вред нанес половине Европы один-единственный энергоблок Чернобыля! Никто не сможет поручиться, что такое не повторится.

А американские бомбардировки Югославии, иракских атомных объектов? А удары иракских ракет по Израилю? А появление ядерного оружия у Индии и Пакистана, непримиримо враждующих друг с другом?

Нет, не может быть спокойствия на пороховой бочке! Существует же закон: если в первом акте драмы на стенку

вешают ружье, то в последнем оно обязательно должно выстрелить...

А взаимосвязь социальных конфликтов и конфликтов атомных? Ныне напряженность в отношениях бедных и богатых в России так велика, что в любой момент может разрешиться вспышкой неуправляемых страстей. Да разве только в масштабе одной страны возрастает потенциал розни и ненависти? Если социальная несправедливость на планете сохранится, то каждый день грозит превратиться в 11 сентября.

Ужасающая пропасть между бедными и богатыми все расширяется и углубляется. А иначе и быть не может. Это раньше, в эпоху социального прогресса, передовые страны богатели больше, отсталые меньше. Теперь же, в эпоху кризиса, когда исчерпаны все резервы для повышения благосостояния всего человечества, получается, что для улучшения материальных условий в одних стран нужно понижать уровень благосостояния в других. И потому, как указывал еще П.А. Кропоткин, возрастает уровень несправедливости. Если когда-то были бедные люди и богатые люди, бедные классы и богатые классы, потом бедные страны и богатые страны, то теперь поляризация дошла до предела, и нынче есть мир бедных, называемый Югом, и мир богатых, называемый Севером. Можно назвать эти полюсы и по-другому – натовская цивилизация («общечеловеческая») и *иная* цивилизация (общечеловеческая).

В 1970-м году число людей на планете, проживающих в условиях абсолютной бедности, составляло 650 млн человек, в 1990 году 1 млрд – 1 млрд 200 млн [30]. Вот вам и научно-технический прогресс, повышение урожайности, «зеленая революция»! Но и это не пределы роста.

Из доклада Густава Спета, администратора Программы развития ООН, от 1996 года: «Около 1,3 млрд человек живут в абсолютной нищете, имея доход менее чем 1 доллар в день, и нищета растет так же быстро, как и население. 60% людей живут менее чем на 2 доллара в день. Более чем в 100 странах положение ухудшилось по сравнению с их положением 50 лет назад. Каждый год 13–18 млн человек – в основном дети – умирают от голода и нищеты... В последние десятилетия в мире быстро растет неравенство. За последние 30 лет разрыв между 20% беднейших и 20% богатого населения Земли удвоился (ранее он был 30-кратным, теперь 60-кратный). Разрыв в

доходе на душу населения между развитыми и развивающимися странами утроился» [31].

Средний американец потребляет ежедневно 52 кг природных материалов (18 кг нефти или угля, 13 кг другого минерального сырья, 12 кг сельхозпродуктов, 9 кг прочих продуктов). А на один миллиард беднейшего населения мира приходится по 1,5 кг биомассы (зерно, топливо, корм для скота) в день на человека – таковы данные Worldwatch Institute за 1990 год [32].

На долю 20% богатых в 1960 году приходилось 70% доходов, сейчас 85%, тогда как на долю 20% бедных в 1960 году 2,3%, сейчас 1,4%. Нынешние миллиардеры имеют в собственности столько же материальных благ, сколько их приходится на 2,5 млрд человек – 40% населения Земли! [33].

Каково же количество этих героев нашего времени? Американский журнал «Форбс» (июль 1997 г.) сообщает: в 1982 году миллиардеров было 13, в 1996 г. 149, а в 1997 г. 450 человек. За один год их число возросло в три раза! Естественно, главная причина – чубайсизация российской экономики: «Олигархия в России – точка роста мировой раковой опухоли» [34]. И что особенно поражает – 88% миллиардеров живут в бедных странах! [35]. Россия – не единственная банановая республика.

Президент People-Centered Development Forum Дэвид Кортен убежден: «Чем больше мы будем увеличивать совокупный экономический продукт, считая это "решением проблемы бедности", тем быстрее будет расти пропасть между богатыми и бедными и тем более ускорится наше общее продвижение к окончательному экологическому краху» [36].

Общественность бьет тревогу, пытается обнаружить глубинные причины всех потрясений.

В 1994 году на Съезде сведущих людей в Хабаровске делали доклад «Новый взгляд на всепланетное равновесие» Рональд Логан, директор Исследовательского института ПРАУТ (Progressive Utilisation) из США и Е.Г. Миков, директор Общественного института ноосферы, Россия. Они проанализировали по отдельности главные причины экологического кризиса на Земле и главные составляющие западного миропонимания, послужившие основой «героического капитализма». Обнаружилось удивительное совпадение. Вот этот перечень:

– Говоря о прогрессе человечества, мы имеем в виду экономический рост и возрастающее потребление.

– Человек отделен от природы. Ему суждено завоевать ее, то есть использовать окружающую природную среду как ресурсы для удовлетворения своих потребностей.

– Способствует прогрессу то, что основано на анализе, расчленении мира и что дает рост экономической эффективности.

– Действительной истинностью обладает только рациональное познание, интуиция и чувство должны быть отвергнуты как субъективные и лишенные обоснования.

– Жизнь общества построена на индивидуализме. Чувство включенности в целостные связи бытия свидетельствует о примитивном мышлении.

– Карьера в мирской жизни, а не духовная самореализация – вот мерило человеческих достижений и путь к счастью.

– Материальные блага – мера человеческого богатства. У богатого самое высокое положение в обществе. Общество выиграет, если в погоне за материальными благами каждый человек будет преследовать свои эгоистические цели.

«Эти взаимодополняющие и взаимно пересекающиеся посылки определили западное миропонимание, а такое миропонимание, в свою очередь, породило левиафана западной цивилизации, сокрушающего равновесие всепланетной жизни. Хочется подчеркнуть, что названные принципы – именно миропонимание. Оно не всегда ясно осознается, но определяет постановку целей, а значит, и результаты практической деятельности. Будучи помножено на жизненные устремления сотен миллионов людей, такое миропонимание становится страшной разрушительной силой. Весь драматизм момента, переживаемого человечеством, раскрывается нам только тогда, когда мы видим: жизненные установки, жизненная философия дают свой результат с неотвратимостью природного закона. В душе поселяется тревога. Разум и совесть задаются вопросом: неужели человечество всегда следовало такой жизненной философии? Неужели невозможен другой образ жизни, основанный на единении человека и природы, на отсутствии алчности в отношениях между людьми, где человек осваивает мир не только холодным, расчетливым рассудком, но и откровением, интуицией, чувством?» [37].

Не остались в стороне от поисков выхода и представители западной цивилизации. В 1968 году по инициативе Аурелио Печчеи был образован Римский клуб. В него вошли деловые люди (итальянская фирма «Фиат» и западногерманский концерн «Фольксваген»), обеспокоенные, удастся ли им сохранить свои миллиарды в неблагоприятных глобальных условиях социального и экологического развития; были привлечены и ученые, общественные деятели [38].

На Стокгольмской конференции ООН 1972 года была создана специальная структура – Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Семидесятые годы были объявлены Организацией Объединенных Наций десятилетием экологии.

За четверть века работы комиссии стало ясно, что в рамках используемой модели индустриального развития защита природной среды носит характер борьбы со следствиями, а не с причинами.

В 1987 году Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию обострила вопрос о необходимости поиска новой модели развития цивилизации. Был опубликован доклад «Наше общее будущее», широко известный как доклад Гру Харлем Брундтланд, возглавлявшей работу комиссии. Именно с этого времени в средствах массовой информации начал употребляться термин «устойчивое развитие» (sustainable development) – такое движение вперед, при котором достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения без лишения такой возможности будущих поколений [39].

Правда, с русским переводом термина sustainable development связано много недоразумений. В наших баталиях на тему о развитии цивилизации он приобрел скорее значение неотклоняемого развития, движения, сохраняющего направление, то есть скорее steady, stable, чем sustainable. В словарном же значении слова sustain доминируют смыслы «поддержать, не дать угаснуть, не дать прекратиться». Поэтому академик Н.Н. Моисеев рекомендует трактовать прижившийся у нас термин «устойчивое развитие» как «допустимое развитие», что вполне соответствует его определению, данному комиссией Г.Х. Брундтланд [40].

К работе подключилась вторая крупнейшая международная организация – ЮНЕСКО.

В декабре 1989 года Генеральная Ассамблея ООН призвала провести на уровне глав государств и правительств специальную конференцию, посвященную выработке стратегии устойчивого экономического развития цивилизации, не нарушающего экологическое равновесие.

Такая конференция прошла в июне 1992 года в Рио де Жанейро. Председатель конференции, бразильский президент Фернандо Коллор де Мелло, сказал на ее открытии: «Мы принимаем историческую необходимость и нравственную обязанность сформировать новую модель развития, в которой благополучие всех и сохранение окружающей среды были бы синонимами... Мы не можем обеспечить экологическую безопасность планеты в социально несправедливом мире» [41].

Генеральный секретарь конференции Морис Стронг заявил на церемонии открытия, что надежды, появившиеся было после Стокгольмской конференции 1972 года, не осуществились – слишком глубокими оказались корни проблемы.

Главные факторы, угрожающие будущему человечества, по мнению М. Стронга, – характер производства и потребления в индустриально развитых странах, который подрывает системы, поддерживающие жизнь на Земле; взрывообразный рост населения, преимущественно в развивающихся странах, добавляющий ежедневно четверть миллиона человек; углубляющееся неравенство между богатыми и бедными, которое ввергает 75% человечества в борьбу за выживание, и самое главное – экономическая система, которая не учитывает экологические ценности и ущерб окружающей среде, система, которая рассматривает неограниченный рост как прогресс. И окончательный вывод М. Стронга: «Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут к рискам и дисбалансам, которые в одинаковой степени угрожают и бедным и богатым. Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху» [42].

Это настоящая трагедия всего человечества, что «общечеловеческая» цивилизация пошла по пути рыночной экономики: «Основным движущим мотивом рыночной экономики является личная заинтересованность и в конечном

счете алчность. При отсутствии всяких ограничений жесткое действие рыночных сил ведет к эксплуатации, пренебрежению к общественным нуждам, деградации окружающей среды и быстрому истощению ресурсов» [43].

И вот какие сомнения возникают у человека, неплохо знакомого с рыночной экономикой, – у президента Франции на протяжении четырнадцати лет, Франсуа Миттерана: «Я задаю себе вопрос – сумеем ли мы предотвратить превращение мира во всеохватывающий рынок, где господствует закон сильного, где главной целью является получение максимальной прибыли, где спекуляция за несколько часов сводит на нет плоды труда миллионов людей и подвергает опасности результаты таких переговоров, как эти?» [44]. Это было сказано на конференции в Копенгагене-95, задавшейся целью выяснить, что сделано для спасения человечества после Рио-92, и констатировавшей: не сделано ничего, ситуация в мире продолжает ухудшаться.

И Бригитта Даль, спикер парламента Швеции, развивает ту же мысль: «Мы хотим искоренить бедность, безработицу и слабую развитость многих стран, обеспечить здоровую экономику, работу, социальное благополучие, сохранение окружающей среды и устойчивое развитие. Мы ясно видим, что рыночная экономика с ее безудержной эксплуатацией человека и природы и жесткие санкции, предпринимаемые Международным валютным фондом по отношению к развивающимся странам, сами по себе не могут решить упомянутые проблемы – они не могут дать работу безработным и осуществить переход к экологически безопасным технологиям, они не могут защитить интересы бедных людей и следующих за нами поколений. Скоро нас будет 10 миллиардов. Нельзя поэтому основывать стратегию выживания человечества на сегодняшних технологиях и неолиберальной рыночной экономике» [45].

Дискуссия по глобальным проблемам, начатая конференцией Рио-92, продолжается до сих пор. И фундаментальные постановки, выдвинутые конференцией, не могли остаться незамеченными.

«Вступая в рыночную цивилизацию, мы купили билет на падающий самолет», – утверждает один из лидеров Социально-экологического союза России С. Забелин [46].

Еще определеннее высказался профессор А.Г. Ишков, председатель Москомприроды: «Может быть, сегодняшняя

экономика есть защитный механизм природы, заложенный в поведение человека? Может быть, природа именно так защищается от последствий перенаселения и "разумной" деятельности человека? Может быть... Но при действительно разумной его деятельности на Земле могло бы существовать 60, а не 6, как сейчас, миллиардов человек» [47].

И наконец, председатель Госкомэкологии В.И. Данилов-Данильян: «Локальное наведение "экологического порядка" на территориях проживания "золотого миллиарда" достигается такими методами, которые влекут ухудшение состояния биосферы в целом... Существует единственный способ выживания Homo sapiens – уменьшить глобальное антропогенное воздействие на биосферу и тем самым обеспечить восстановление ее регулятивного потенциала» [48].

Таковы выводы исследователей, пытавшихся взглянуть на проблему шире, чем обзор локальных нарушений природной среды.

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА

Среди всего написанного человеком трудно найти более выразительное произведение на тему об экологии и всеобщей гармонии, чем послание индейского вождя Сиэттла американскому президенту (1854 год):

«Великий вождь в Вашингтоне пишет нам, что хочет купить нашу землю.

Великий вождь также шлет послание доброй воли и дружбы. Мы ценим это, поскольку знаем, что он не нуждается в нашей взаимности.

Но мы рассмотрим его предложение. Ведь мы знаем, что если не согласимся, то белые люди придут с ружьями и отнимут нашу землю.

Как можно купить или продать небо, тепло земли? Нам это непонятно.

Если нам не принадлежит свежесть воздуха и блеск волны, как можно купить их?

Каждая пядь этой земли священна для моего народа. Каждая блестящая иголочка сосны, каждый песчаный берег, туман темного леса, каждая поляна, жужжание каждого насекомого свято для памяти и сознания моего народа. Сами

соки, питающие деревья, несут в себе воспоминания краснокожего человека.

Когда белый человек умирает, он забывает землю, где родился, отправляясь в путешествие к звездам. Наши мертвые никогда не забывают эту прекрасную землю, мать краснокожего человека. Мы – часть земли и она – часть нас.

Благоухающие цветы –
наши сестры;
олень, лошадь, великий орел,
Все они – наши братья.
Скалистые вершины гор,
соки лугов,
жар лошадиной крови и человек –
Все мы – члены одной семьи.

Поэтому, когда Великий вождь в Вашингтоне пишет, что хочет купить нашу землю, он хочет от нас многого.

Великий вождь пишет нам, что он подыщет для нас место, где мы могли бы спокойно жить как захотим. Он станет нам отцом, а мы будем его детьми.

Поэтому мы подумаем над вашим предложением купить у нас нашу землю. Но это будет нелегко. Ведь эта земля священна для нас.

Хрустальная вода, которая бежит в ручьях и реках, не просто вода, а кровь наших предков. Если мы продадим нашу землю, вы должны помнить, что она священна, и рассказать вашим детям об этом и объяснить им, что каждый призрачный блик на воде озера – это отражение памяти прошлого моего народа. Журчание воды – это голос отца моего отца.

Реки – наши братья, они утоляют нашу жажду. Реки несут наши каноэ и кормят наших детей. Если мы продадим нашу землю, вы должны помнить и передать это вашим детям, что реки – наши и ваши братья и, следовательно, вы должны относиться к ним с добротой, как отнеслись бы к братьям.

Краснокожий человек всегда отступал под натиском белого человека, как отступает горный туман перед надвигающимся рассветом. Но прах наших отцов священен. Их могилы – это святая земля, и поэтому эти леса и эти холмы, и эта часть земли стали святыми для нас. Мы знаем, что белому человеку непонятны наши традиции. Один кусок земли ничем не отличается для него от другого, поскольку он приходит ночью и берет у чужой ему земли все, что захочет. Он относится к земле как к врагу, а не как к брату, поэтому он

движется дальше, когда покорит часть ее. Он оставляет у себя за плечами могилы отцов, и ему все равно. Он крадет землю у своих детей, и ему все равно. Могилы его отцов и священные права его детей забыты. Он относится к своей матери – земле и к своему брату – небу так, как будто их можно продавать, грабить, покупать, как овец или яркие украшения. Его аппетит опустошит землю и оставит позади лишь пустыню.

Я не знаю. Наши традиции отличаются от ваших. Краснокожему человеку больно смотреть на города, построенные вами. Может быть, это от того, что краснокожий человек дик и не может этого понять. В городах, где живут белые люди, не найти тихого места. Негде послушать, как распускаются листья весной или как стрекочут крыльями насекомые. Может быть, это потому, что я дикарь и не способен понять. Шум города только оскорбляет мой слух. И зачем жить, если нельзя услышать одинокий крик жалобного козодоя или спор лягушек ночью у пруда? Я – краснокожий, и мне не понять. Индеец предпочтет слушать мягкое шуршание ветра над прудом и вдыхать его запах, напоенный полуденным дождем или запахом сосен.

Дыхание бесценно для краснокожего человека, поскольку все мы живем единым дыханием – зверь, дерево, человек – все мы. Белый человек, похоже, не замечает воздуха, которым он дышит. Как человек, который уже давно умирает, он не чувствует запахов. Но если мы продадим вам свою землю, вы должны помнить, что ее воздух был свят для нас, что этот воздух имеет общую душу с жизнью, которую он поддерживает. Ветер, давший нашему деду первый глоток воздуха, принял и его последний выдох. И ветер должен передать нашим детям дух жизни. И если мы продадим вам свою землю, вы должны сохранить ее в святости, чтобы даже у белого человека было место, куда он мог бы уйти, чтобы почувствовать ветер, напоенный сладостью луговых цветов.

Итак, мы подумаем над вашим предложением продать вам нашу землю. Если мы решим его принять, я поставлю одно условие: белый человек должен относиться к животным, живущим на этой земле, как к своим братьям.

Я – дикарь и не признаю никаких других традиций. Я видел сотни гниющих туш бизонов в прерии, где они были подстрелены белыми людьми из проходящего поезда. Я дикарь, и мне не понять, как стальная, изрыгающая дым

лошадь может быть важнее бизона, который не способен на убийство, кроме как для самосохранения.

Что такое человек без животных? Если исчезли бы все животные, человек умер бы от тоски и одиночества. Поскольку все, что происходит с животными, вскоре происходит и с человеком. Все вещи связаны между собой.

Вы должны рассказать своим детям, что земля у нас под ногами – это прах наших дедов. Чтобы они уважали землю, расскажите им, что земля богата жизнями нашего рода. Научите своих детей тому, что земля – наша мать. Все, что случается с землей, происходит и с ее детьми. Если люди плюют на землю – они плюют сами на себя.

Это мы знаем. Земля не принадлежит человеку – человек принадлежит земле. Это мы знаем. Все вещи связаны между собой, как кровь, объединяющая весь наш род. Все вещи связаны между собой.

Все, что происходит с землей, происходит и с ее детьми. Не человек плетет паутину жизни, он – лишь одна из ее нитей. Все, что он делает, сказывается на нем самом.

Но мы подумаем над вашим предложением отправиться в резервацию, которую вы приготовили для моего народа. Мы будем жить отдельно и в мире. Не так уж и важно, где мы проведем остаток своих дней. Наши дети уже видели поражение своих отцов. Наши воины уже испытали стыд и коротают свои дни после поражения в безделии, отравляя свои тела сладкой пищей и крепкими напитками. Нам не так уж и много осталось. Еще несколько часов, несколько зим – и не останется никого из потомков тех огромных племен, что некогда жили на этой земле и еще до сих пор небольшими группами скитаются кое-где по лесам, и некому будет оплакивать могилы народа, некогда столь многочисленного и многообещающего, как и ваш. Но почему я должен оплакивать гибель своего народа? Племена состоят только из людей. Люди приходят и уходят, как морские волны.

Даже белый человек, чей Бог ходит и говорит с ним, как с равным, не избежит общей судьбы. И все же, может быть, мы – братья; посмотрим. Одно, что мы знаем точно, и что белый человек, возможно, когда-нибудь поймет, это то, что Бог у нас один. Возможно, вы думаете, что Он принадлежит вам, так же как и наша земля, но Им нельзя обладать. Это Бог, принадлежащий всем людям, и он сочувствует одинаково и краснокожему и белому человеку. Он дорожит этой землей, и

причинять вред земле означает обрушивать презрение на ее Создателя. Белый человек тоже уйдет, возможно, даже раньше, чем другие племена.

Но исчезая, вы будете гореть ярко, воспылав от искры Божьей, которой Он наградил вас, поставив над краснокожими людьми и этой землей. Ваше предназначение – загадка для нас, ибо мы не в состоянии понять убийства бизонов, истребления диких лошадей, опутывания полных тайн лесов, где еще жив дух многих людей, говорящими проводами.

Где лесные чащи? Их нет. Где орел? Его нет. Что означает прощание с быстроногим пони и охотой? Конец жизни и начало выживания.

Итак, мы обдумаем ваше предложение купить нашу землю. Если мы согласимся, то мы сделаем это, чтобы получить обещанную нам резервацию. Там, возможно, мы сможем дожить наши дни так, как захотим. Когда последний краснокожий человек исчезнет с лица земли, и память о нем станет лишь тенью облака, пролетающего над прериями, все эти берега и леса еще будут полны духов моего народа. Потому что они любят эту землю, как новорожденный любит сердцебиение своей матери. И если мы продадим вам нашу землю, любите ее, как мы любили ее. Заботьтесь о ней, как мы заботились о ней. Сохраните в своей памяти эту землю такой, какой получите ее от нас. И всем вашим разумом и всем сердцем, собрав все силы, постарайтесь сохранить ее для ваших детей и любить ее... как Бог любит нас всех.

Мы знаем одно. У нас один Бог. Даже белому человеку не уйти от общей судьбы. Может быть, мы все же братья. Посмотрим» [49].

...Услышав от Ф. Моуэта историю о Маугли, человеческом детеныше, воспитанном волками, эскимос Утек удивился не тому, что волчья семья приютила человека, а тому, что голый лягушонок так долго прожил в стае. Все-таки привычки, потребности, образ жизни у людей и у волков довольно различны...

А что касается волчьего миролюбия, то что же тут особенного? Утек рассказал, как его, тогда пятилетнего ребенка, отец отвез в волчье логово, и он играл там с волчатами, а взрослые волки обнюхивали его, не причиняя ни малейшего вреда. На следующий день отец приехал за ним и отвез домой.

И в том, что волчица выкормила безволосого детеныша, тоже нет ничего необычного. В канадской тундре и не такое бывало. Однажды эскимосы нашли осиротевших волчат, а среди собак не было в то время ни одной недавно ощенившейся суки. Тогда волчат выкормила грудью эскимоска, как раз страдавшая от избытка молока [50].

Эскимосы никогда не убивают волков, больше – стараются не причинять им ни малейшего вреда. Зачем? Разве это не болезнь – неутолимая жажда белого человека убивать, уничтожать, истреблять? И почему непонятная страсть к убийству ради убийства получила благородное наименование «спортивной охоты»?

Сотни гниющих бизоньих туш в прериях, о которых упоминает с возмущением вождь Сиэттл – это и есть доказательство высокого уровня культуры белого человека? Убивали просто так, убивали из окон поезда, который специально для того останавливался посреди прерии. Убивали не только азартные охотники, мужчины, – милые дамы и чистенькие детишки не отказывали себе в удовольствии пострелять по живым мишеням.

Зачем? Разве «спортсмены-охотники» были голодны и хотели есть?

Лишь иногда прислуга или проводники вагонов выходили наружу, чтобы вырезать языки у одного-двух огромных быков. За три только года, с 1872-го по 1874– й, было убито 3 700 000 этих добродушных беззащитных животных [51]. Семьдесят миллионов бизонов было уничтожено в считанные десятилетия, самый многочисленный на планете вид крупных млекопитающих исчез с лица земли [52]. Ради каких возвышенных целей делал это цивилизованный человек? У дикаря это совершенно не укладывалось в голове.

Убивать без нужды – грех, было его глубоким убеждением. Оставалось место в душе дикаря и для жалости: «Случайно пойманного птенца, лисицу с неважною летней шкурой и тому подобное они сейчас же отпускали на свободу; сами терпя недостаток в мясе, не убивали дикого оленя, которого им удавалось настичь, если он был очень худой; мучения раненного зверя всегда торопились прекратить и проч. Даже мальчишки не отставали в этом отношении от взрослых, сознавая, что всяким бесцельным истреблением животного, служащего здесь единственным средством пропитания, они

совершают большой грех перед Богом», – так пишет о жителях села Марково поручик А.В. Олсуфьев, адъютант командующего войсками Приамурского военного округа, направленный в 1892 году на Чукотку для выяснения обстановки на северо-восточных границах Российской империи [53].

А вот уже советские этнографы В.В. Лебедев и Ю.Б. Симченко сообщают о чукчах севера Камчатской области [54]. Когда женщины разыскивают в тундре мышиные норы и забирают оттуда приготовленные на зиму запасы, они выгребают кладовые грызунов не подчистую. Оставляют часть и хозяевам, более того, кладут юколу у входа в норку, приговаривая, – давайте меняться. А старый пастух, прослышав про нападение волков на оленей, обвиняет в конфликте не серых разбойников, а хозяев табуна. Наверное, предполагает он, они не оставили волкам их долю, когда разделывали тушу в последний раз. И ворону надо оставлять законную его долю, иначе будет он выклевывать глаза у новорожденных каюю, когда при массовом отёле невозможно укараулить каждую важенку посреди кустарника.

Не нарушая интересов друг друга, мирно и согласно жили на лоне природы дикие люди и дикие звери. «Сие достойно примечания, – в своей знаменитой книге о Камчатке свидетельствует С.П. Крашенинников, – что тамошние медведи не делают вреда женскому полу, так что в летнее время берут с ними вместе ягоды, и ходят около их как дворовой скот, одна им от медведей, и то не всегдашняя обида, что отнимают они у баб набранные ими ягоды» [55].

По всей стране, населенной скотоводческим племенем масаев в Африке, дикие животные были до появления цивилизации совершенно ручными, и нередко антилопы, зебры и газели безбоязненно паслись рядом с домашним скотом масаев, вблизи от их деревень.

Когда ительмен встречал в лесу медведя, он обращался к нему с предложением, – давай будем братьями. Ламуты считали медведя своим прародителем. Нельзя говорить плохо о медведе, учили своих детей чукчи, это шаман, одетый в медвежью шкуру, он способен на расстоянии читать мысли людей. Охотники юкагиры о медведе рассказывали, избегая называть его по имени, – «дед, старик, он». Если им случалось убить медведя, они хоронили его, как представителя своего племени, на лабазе, устроенном в вершине большого дерева.

Медвежатину можно было есть только после принесения искупительной жертвы.

«ПОЧТИ ОБЩАЯ» СОБСТВЕННОСТЬ

По всей тундре и тайге – у чукчей, эвенов, удэгейцев, нанайцев, нивхов – существовали настолько странные взгляды на богатство, что европейцу пришлось даже выдумывать для него специальный термин «почти общая собственность» [56]. Но самое удивительное – отношение к богатству у тех, для кого оно было своим, и у тех, для кого оно было чужим, совпадало.

Амурские нанайцы относились к запасам пищи, заготовленным кем угодно, как к общим или ничьим, примерно как воспринимали они воздух и воду. Точно так же и южноамериканские индейцы акурио не делили и не присваивали продукты питания и прочие материальные ценности.

Фарли Моуэт самокритично описывает один случай, произошедший с ним в оленьем краю Северной Канады. Эскимос Ауликтук, увидевший оленя за рекой, схватил ружье Моуэта, и ни слова не говоря, бросился на перехват. Писателю было очень дорого это ружье, оставшееся у него как память о великой войне, в которой он участвовал, рисковал жизнью и добыл себе трофей, впоследствии сопровождавший его во всех его скитаниях и путешествиях.

«Я проклинал те порядки, которые позволяли любому эскимосу, когда ему вздумается, хватать мое драгоценное ружье и удирать с ним» [57]. И когда Ауликтук, довольный удачной охотой, вернулся с чужой собственностью, перепачканной кровью, белый человек обрушил на него весь свой гнев и раздражение. Эскимосы восприняли вспышку некрасивых эмоций как промах, который надо пропустить мимо внимания. Ведь быть такого не может, чтобы человеку не стало стыдно за свою минутную слабость, зачем же еще и сыпать соль ему на рану!

Если человек берет чужое копье, значит, оно ему нужнее, чем тому, кто его сделал и пользовался им на охоте. Если копье не возвращено владельцу, значит, оно все еще нужно тому, кто его взял, а если ты не можешь обойтись без этого, взятого у тебя единственного твоего копья, сделай себе новое.

Общими были запасы пищи и у ирокезов. Все, что давали охота, земледелие, природа, шло на пользу всех, и потому голод и нищета не были знакомы индейцам, населявшим окрестности Великих озер Северной Америки [58].

Человек, отвергавший простые и убедительные нормы добра и взаимопомощи, становился изгоем. Если член сообщества отказывался делиться своим достоянием, его не переубеждали, не наказывали, не отвечали ему тем же самым, его просто начинали избегать. Такой жадный, шаман Какуми, развращенный белой цивилизацией, красочно описан Ф. Моуэтом. Эскимосы считали его больным, ненормальным, его жилище казалось им свалкой ненужных вещей. Зачем тебе три ружья, если на охоте ты пользуешься только одним, зачем лишние запасы пищи, одежды, если ты все равно не сможешь все надеть, все съесть? До чего же бессмысленно все лишнее!

Общественное мнение всех аборигенов Севера осуждало чрезмерное накопление богатств. Конечно, имущественного равенства в мире абсолютной анархии, где каждый сам себе хозяин, быть не могло, зато существовали социальные механизмы, выравнивающие благополучие соплеменников. Главным принципом было то, что бедные тоже имеют свои права на имущество богатого.

Олекминские эвенки часто питались у одного костра всем стойбищем, каждый хозяин по очереди колол своего оленя. При хорошей погоде ели все вместе из общего котла, а в ненастье хозяйка сама разносила сваренное мясо по чумам. Бедняки кормились как все, но на их оленей никто не посягал, потому что понимали, что им сохранение поголовья нужнее.

Любой путник, будь то свой или чужой, тунгус, якут или русский, мог заходить в любое время в любое жилище чукчи или юкагира и жить там сколько захочет. Его принимали как члена семьи, делились с ним последним куском. Отказ в гостеприимстве рассматривался как преступление. Самым удивительным было отношение чукчей к ламутам, ими от души ненавидимым, потому что эти бродячие охотники не всегда давали себе труд отличить дикого оленя от домашнего, принадлежащего чукче. Тем не менее и ламуты могли твердо рассчитывать на безотказное гостеприимство чукчей.

А вот типичный пример взаимоотношения чукчей друг с другом. Он описан краеведом Чаунской культбазы И.С. Архинчеевым на одном из стойбищ в 1932 году [59]. На пять

яранг здешнего населения приходилось 1564 оленя, из которых 1530 принадлежали «переднедомному» – его яранга первой встречала восход солнца – 65-летнему Вуатагыну, бывшему бедняку, собственным старанием и умением добившемуся благосостояния. 17 оленей принадлежали Каагу и столько же Етылагаю. Для пропитания употреблялись только животные из стада Вуатагына, причем никто не испытывал особой признательности к нему: это считалось естественным, само собой разумеющимся. Упряжки на перекочевках комплектовались тоже, по преимуществу, из оленей «переднедомного», даже нарты использовались, в основном, его – 48 Вуатагына, 10 Каага и 11 Етылагая. В табуне работали трое пастухов: взрослый сын Вуатагына и Етылагай с 19-летним сыном.

Третья и пятая яранги вообще не работали, существовали только за счет стада «переднедомного». На попечении самого состоятельного находились многочисленные несовершеннолетние: дети, внуки, племянники, сироты, а также парализованная женщина с мужем-инвалидом и дочерью, одинокая бесприютная старуха, но самое поразительное – еще и бедняк, не родственник, Хавголгын с семьей из четырех человек, вполне трудоспособный бездельник. «Зря ходящий» – называли таких людей чукчи. Он не работал, но ел, причем тоже имел право заявлять претензии, если ему доставался кусок хуже, чем другим.

Выравнивали положение, уменьшали неуверенность в завтрашнем дне многочисленные акты дарения, праздники убоя и раздачи. При том женщины получали лучшие подарки, чем мужчины, чужие – лучшие, чем родственники. Никакого отдаривания не предполагалось.

Масштабы раздач и дарений были гораздо большими, чем мог бы представить белый человек. К многооленному хозяину приходили в гости иногда по сто-полтораста человек, причем для каждого закалывали обычно по одному оленю. После обильного пиршества возвращались домой со шкурами, мясом, пыжиками, живыми оленями. Богатые становились после этого значительнее беднее, бедные – значительно богаче [60].

Именно этим истинная помощь тундры отличается от фальшивой «цивилизованной» благотворительности, которая никогда не меняет положения дел, и лишь приятно щекочет «нравственную тупость» богатого человек (выражение Л.

Толстого), умножая ему удовольствия среди океана окружающей нищеты.

Конечно, всякое случалось и в тундре. Как отмечал выдающийся исследователь Чукотки В.Г. Богораз, не у всех одинаковый характер, скверный человек мог и не дать бедному ничего. Однако и скупой жил среди людей, он знал, что только истинно щедрого тундра признает знатным. В обществе анархии, где и слыхом не слыхивали ни о праве, ни о полиции, ни о юстиции, порядок в социальных отношениях обеспечивала только нравственность. Нарушить этические норм, вызвать осуждение окружающих член этого общества по-настоящему боялся. Как он будет смотреть в глаза ближнему?

Известны были такие опасения и русскому мужику, а потому разделы на деревне обычно были справедливыми. И захочет отец не дать коня отделяющемуся сыну, пишет А.Н. Энгельгардт, да лишь поёжится при одной мысли : а как оценит подобный поступок сельский мир? [61].

В тундре помощь со стороны ближнего всегда была реальной. Многократные акты дарения, практика отдачи оленей «взаймы», с тем чтобы по прошествии некоторого времени должник вернул заимодавцу то же поголовье, оставив приплод себе, позволяли бедному прочно стать на ноги, как это и произошло с Вуатагыном. И потому молниеносные разорения, нередкие на севере (по причине гололедицы, копытки, сибирской язвы), не вызывали уныния. С бодрым духом отправлялся бывший богач по табунам, ему возвращали долги, дарили от души, давали взаймы, и все начиналось сначала.

Как можно видеть, собственность в иные времена, у иных народов была категорией нравственной не менее, чем экономической. И то, что ныне она рассматривается лишь под углом зрения экономики, не означает ли, что стала она категорией откровенно безнравственной?

А какими были обменно-рыночные отношения у «дикарей»?

Еще Ч. Дарвин поражался, наблюдая, как индейцы Патагонии малейший кусочек лакомства, подаренный кому-нибудь одному из них, моментально делили между всеми. Бессмысленно? Конечно. То хоть бы один распробовал, а на всех – даже и запаха не почувствуется.

Если в долганском чуме жили две семьи и поймана была всего одна рыбина, то и она делилась пополам.

У тунгусов семья, купившая сахар, никогда не пользовалась им одна, если у соседей его не было. Соседи не только приходят в гости и пьют чай с сахаром, но еще и уносят его с собой [62].

А вот в каких выражениях пишет В.К. Арсеньев о лесных людях, удэгейцах: «Дайте ему какое-нибудь лакомство, он ни за что не будет есть его один, он попробует и поделится со всеми его окружающими. Убьет ли он на охоте оленя, поймает ли рыбу, привезет ли муку – он не отдает все это только своей семье, но поделится и со всеми соседями...» [63].

Африканский готтентот не приступал к еде один, даже находясь в непролазных джунглях, прежде чем он не прокричит троекратное приглашение всем, кто может его слышать [64].

«Тайно ест», – было самое плохое, что сказал бы о человеке чукча [65].

Когда П.А. Кропоткин в своей «Этике» приводил многочисленные примеры бескорыстия и доброты дикарей, он отмечал с сожалением, что их заботы не выходят за пределы собственного племени [66]. Великий русский борец за справедливость недооценил представителей иной цивилизации.

Зимой 1866 года на Колыме разразился голод в связи с недоходом рыбы. Русские жители, с желтыми лицами, горячечным блеском в глазах, ели ремни и налимьи кожи, которыми были затянуты окна. Спасли их от вымирания чукчи. Духовный лидер чукотского народа Амвраоргин пожертвовал 800 оленей, другой кочевник, имя которого история не сохранила, отдал 130 оленей. Не скупились и другие. Об оплате не могло возникнуть и речи. И голодовки, и благородные акты помощи повторялись много раз, если не сказать – регулярно [67].

Поразительна чуткость дикарей. Они прекрасно понимали, что если спасут от голодной смерти только людей, то все равно, оставшись без своих собак, жители поселка вымрут спустя несколько месяцев, так как не смогут ни добыть, ни привезти себе пищу ни весной, ни летом. И потому они предусматривали корм и для многочисленных собак в русских поселках. Более того, они иногда и собак давали! Ну какие же писаные кодексы и уставы могут сравниться своей продуманностью с непроизвольным движением души!

«Гуманной идеей» назвал Н.В. Слюнин заботу коряков о чужеземцах [68]. Русское население Гижиги не раз могло бы вымереть от голода, если бы не коряки с их табунами. В 1910 году, сообщает протоиерей Шерстенников, корякский оленевод Холли в Камчатской области помогал пережить трудные времена целой волости – русским, ительменам, камчадалам [69]. Подобные случаи известны и на Анадыре, на Индигирке, происходили они и до революции, и после.

Никому не давали пропасть в беде удэгейцы, какой бы национальности семья ни осталась без средств существования. Если погибал кормилец, они поддерживали чужих детей и женщин, как своих собственных. Не делали различия между соплеменниками и инородцами и юкагиры, когда видели нуждающегося.

В 60-х годах XX века фирма Western union extension вела на Чукотке и в Корякском нагорье изыскания, связанные с установлением телефонно-телеграфного сообщения между Америкой и Европой. Незнакомые с местными условиями, ни к чему не приспособленные и беспомощные, цивилизованные люди часто оказывались на грани смерти.

Американцы были для чукчей чем-то вроде инопланетян, гораздо более чуждых, чем человеческий детеныш отцу Акеле и маме Ракше, к туземцам они относились высокомерно и с нескрываемым презрением. Но для чукчи было важно лишь одно – человек нуждается в помощи.

«Американцы эти претерпели много неудобств, иногда подвергались опасности лишиться жизни; если бы не добродушие марковцев, то много их погибло бы от голода и холода. Во всех трудных случаях марковцы с полной охотою помогали им, кто чем только мог, – сообщает А.Е. Дьячков, – не то, что за плату, а просто даром, жалости ради. Во время зимовки в Марковой американцы помещались по вольным квартирам и пропитывались безо всякого вознаграждения хозяевам, несмотря на то, что в тех годах и у марковцев были недостатки корма. Помогали кто пищей, кто одеждой, кто собаками для езды, а кто и трудами» [70].

Отношения ламутов к русским отличаются полным братством, – утверждает А.В. Олсуфьев [71]. Понятно, что здесь никакой особой любви именно к русским не было. Так же отнесся бы ламут к французу, японцу или негру.

«И таких людей, изощренно внимательных, называют варварами?» – поражается Г. Майдель.

Когда геолог И.П. Толмачев в 1909 году работал в Чаунской губе, к нему пришли на помощь чукча Еманькау с сыном. Они помогали русским отыскивать броды, переносили их грузы, собрали для них две легкие байдарки и перевозили небольшой отряд от одного обнажения на скалистом берегу бухты к другому. Причем делали они все совершенно бескорыстно, подчеркивает И.П. Толмачев [72].

Однажды наш геологический отряд и бригада оленеводов Олелея, встретившись среди дня, расположились на общий обед. Выложили на мох в центре тесного круга у кого что было. Бесстрастно наблюдали бронзоволицые воины, как я прихлебываю чай из стеклянной банки. Не нужно большого опыта, чтобы сообразить, что урони только раз такой бокал на камни, – и нет бокала. Да и ронять не обязательно, можно в рюкзаке раздавить при упаковке. А кружку я просто забыл дома, в городе; во время сборов голова бывает забита куда более важными проблемами!

Мы поговорили о сохранности поголовья, оводах, копытке, перевалах и переправах, лагерях и стоянках, вспомнили общих знакомых, обсудили все интересные новости, только о кружках и банках не было сказано ни слова. Но когда бригада снялась и двинулась дальше, на таборе вместе с нашими вещами мы насчитали лишнюю кружку. И это в безлюдной пустыне, где кусочек проволоки – драгоценность!

И если, возвратившись из маршрута, я обнаруживал в своей палатке свежий кусок мяса, то гадать мне приходилось лишь об одном: кто принес, Виталик или сам Олелей?

«Как и все примитивные народы, – пишет Я.П. Алькор в редакторском предисловии к первому тому "Чукчей" В.Г. Богораза, – чукчи отличаются своим исключительным гостеприимством» [73]. Вот как дело поворачивается, уже и достоинства человеческие становятся показателем примитивности! Тут уж деваться некуда от вывода, что признаком совершенства следует считать черствость, равнодушие и прочие недостатки. Тогда в чем же совершенство, чем хорош высокий уровень развития и стоит ли к нему стремиться?

И еще один вопрос – от кого чукчи отличаются гостеприимством?

Якуты Приколымья часто питались мышами, но приберегали кусок жирной кобылятины и пару замороженных ушканов на случай, если вдруг заедет нежданный гость.

Тунгусы, живущие в часто посещаемых, узловых пунктах таежных троп, бывало, разорялись совершенно, но никому не отказывали ни в крове, ни в пище, ни в помощи [74].

Уж, конечно, чукчи отличались гостеприимством не от якутов и тунгусов. А вот от цивилизованных немцев – без всякого сомнения. Потому что они не поняли бы юмора, если бы, провожая чукчу домой, хлебосольный хозяин вручил бы своему гостю счет, где было бы с немецкой педантичностью расписано, на сколько марок и сколько пфеннигов чукча выпил и съел за праздничным столом.

«Если белый человек, путешествуя по нашей стране, входит в одну из наших хижин, мы обращаемся с ним, как я с вами, – говорил Конраду Вейзеру вождь ирокезского племени онондаго Каннассатэго. – Мы обсушиваем его, если он промок, мы согреваем его, если он озяб, и даем ему мясо и питье, чтобы он мог утолить свой голод и жажду, и мы стелим для него нежные меха, чтобы он мог отдохнуть и выспаться. Мы ничего не просим взамен. Но если я вхожу в дом белого человека в Олбани и прошу еды и питья, то они говорят: "Где твои деньги?" И если у меня нет их, они говорят: "Убирайся вон, индейская собака!"» [75].

Но все же и это не слишком серьезный ответ на «примитивное» гостеприимство.

Большинство англичан, высадившихся в Плимуте в 1620 году, ждала бы гибель от голода, если бы не помощь аборигенов Нового Света. Индейцы вампаноага восприняли новоселов Америки как беспомощных детей, делились с ними зерном из племенных запасов, показывали им места и способы рыбной ловли и помогли выжить в первую зиму. Когда наступила весна, местные жители дали белым людям семена маиса и объяснили, как его сеять и выращивать.

Прошло немного времени, и вампаноага были вытеснены в далекие неудобья, а когда они попытались сопротивляться, то огнестрельное оружие тотчас уничтожило их почти поголовно. Их вождь Метаком пал в бою, его голову выставили в Плимуте на всеобщее обозрение и демонстрировали там в течение двадцати лет. Его жена и маленький сын вместе с другими женщинами и детьми были проданы в рабство на острова Вест-Индии [76].

Дикари же не просто радушно встречали своих гостей, они их и провожали не с пустыми руками, всегда снабжали запасом в дорогу. Открытость и доверчивость «низшей

расы», щепетильность и честность ее представителей, их доброта и предупредительность были просто невероятны.

Когда за роскошную шкуру лисы-сиводушки судовой врач военного транспорта «Якут» Н.В. Слюнин передал чукче четыре плитки чаю, то вскорости две плитки ему принесли обратно на борт судна с объяснениями, что русский, наверно, ошибся [77].

Ламуты, не боящиеся с одним ножом в руках идти на медведя, отличаются еще большей деликатностью. Однажды, в конце XIX века, в Средне-Колымск приехал на едва живых оленях туземец. Несколько недель продирался он сквозь тайгу, преодолевал хребты и форсировал реки, чтобы отдать долг. Тридцать пять лет тому назад с купцом не успел расплатиться его дед. Почти все стойбище вымерло от оспы, всего три человека осталось в живых. Спасаясь от заразы, они забрались в немыслимую даже для тунгусских племен глушь, но и там, на грани жизни и смерти, не забыли о долге, сделанном два поколения тому назад [78].

И кто бы ни умер, должник или заимодавец, верность договору не имеет срока. На побережье Ледовитого океана сжигали старуху. Примчался на загнанной упряжке чукча и молча бросил в погребальный костер целую папушу черкасского табаку. Чтобы хоть там, на небесах, человек получил то, чем не успел он воспользоваться на земле [79]. «Уговор дороже денег», – есть такая пословица у русских. У алеута уговор дороже жизни. Отец Иннокентий Вениаминов рассказывает: абориген острова Уналашка обещал купцу перевезти на своей лодке его груз, когда тот потребует. Купец назначил срок, но море было очень неспокойное, и островитянин, знакомый с водной стихией не хуже седого моржа, заявил, что выходить в такую погоду означает верную смерть. Русский не поверил, заподозрил уклонение от договора, принялся настаивать. Алеут не счел возможным отказаться, вышел в море и погиб.

Широко известным на колымском Севере стал случай, когда местному священнику за связку сушек стоимостью в несколько копеек, съеденную детьми, юкагир Шалугин ежегодно в течение полутора десятков лет выплачивал долг шкурками белок и лисиц, перевозил его грузы и отрабатывал другие повинности, какие только могли придти в голову представителю более высокой цивилизации [80].

Но все эти примеры меркнут перед американскими эталонами товарообмена. Остров Манхэттен был куплен у индейцев в начале XVII века за кучку рыболовных крючков и стеклянных бус стоимостью в 60 гульденов. И причиной была, конечно, не коммерческая безграмотность аборигенов, не знавших стоимости плодородных земель или считавших безделушки таким уж несметным богатством. Даже если бы так оно и было, долгом порядочного человека было бы расторгнуть столь грабительскую сделку. Но в том, видимо, и состояла сила западной цивилизации, что цель оправдывала в ее глазах любые средства. А слабость туземцев была равна силе их белых партнеров. У алеутов, например, постыдным считалось торговаться с покупателем и самому назначать цену за свой товар.

Точно так же не доросли до принципов рыночной экономики и другие дикари. Тунгус, эскимос отдают любую свою вещь, если видят чье-то желание получить этот предмет, и не требуют, не ожидают ничего взамен. Даже в магазинах, созданных специально для товарообмена, им не приходит в голову, что надо продавать и покупать, а не отдавать и принимать. Когда коряк в 30-х годах сдавал в советской фактории кучу шкур и гору мяса, он брал из всего, что ему предлагали, лишь тот минимум, который в данный момент был ему нужен. Он мог положить на нарты один чайник или два ножа; и любые попытки торговых работников понять, каким эквивалентом магазинным товарам можно считать одну шкуру или пуд мяса, заканчивались безрезультатно [81]. Эквивалента не было, потому что не было товарообмена.

Стяжательство было неведомо первобытному человеку, потому что он не был знаком с потребительством. «Сколь ни бедным кажется состояние этих людей, – писал о тунгусах Г.А. Сарычев, – но они гораздо им довольнее, нежели просвещенные, в непрерывном довольстве живущие богачи» [82].

«Как и другие народы Сибири, чукчи имеют немногие потребности, легко удовлетворяемые произведениями оленьих стад, которые дают им жилища, одежду, пищу и все, что требуется для кочевой их жизни. – Это впечатления лицейского друга А.С. Пушкина, мичмана Ф.Ф. Матюшкина – На снежных степях своего мрачного, льдистого отечества, под легкими палатками из оленьих шкур, чукчи почитают себя счастливее своих соседей, и на них всегда смотрят с сожалением. Легко и

хладнокровно переносят они все недостатки и лишения и не завидуют другим, видя, что за необходимые удобства и удовольствия жизни надобно отказаться от своей природной независимости» [83].

Были люди и среди просвещенных европейцев, понимавшие сущность этики первобытных племен. Но понимание приходило не сразу. Начиналось всегда с попыток растолковать некультурным, недоразвитым туземцам, что образ жизни цивилизованного человека – эталон для дикаря.

Трудно пришлось молодому П.А. Кропоткину, путешествовавшему по Сибири и еще веровавшему в преимущества белой цивилизации, когда он пытался просвещать дикарей, но не мог объяснить им, почему в столь развитом европейском мире люди умирают с голоду, в то время как рядом с ними многие живут в сытости и довольстве. Безрезультатность всех его попыток привела будущего теоретика анархии к осознанию необходимости разобраться в самом себе, в своей душе и в своей привычной, некритически воспринимаемой до того жизни. И он понял туземцев и их общество, понял себя и свое общество и пришел к выводу о более высоком нравственном уровне дикарей. Не учить их, а у них учиться следует князьям, профессорам, ученым и культурным людям [84].

И святой Иннокентий тоже прошел через трудные сомнения: «Чем улучшится нравственное состояние дикаря, когда он, например, узнает, что не солнце вертится вокруг земли, а в то же время не поймет ни цели существования мира, ни цели своего существования? Счастлив ли будет дикарь в быту своем, когда он из звериной шкуры переоденется в сукно и шелк, а в то же время переймет с ними все злоупотребления производителей и потребителей?» [85].

Но таких мыслителей, способных и на свою цивилизацию со стороны взглянуть, было крайне мало. И даже умнейшие, внимательнейшие люди, отмечая несомненные достоинства дикарей, ломали голову над одним вопросом, чего же им все-таки не хватает до настоящего человеческого уровня?

И потому гораздо более типичными были другие оценки: «Кажется, что видишь перед собой преобразование дикого, грубого и угрюмого человека в существо хотя и более благородное, но у которого все более и более сглаживаются именно те свойства, которые отличают человека от животного и которые порождают и его подвиги, и его преступления.

Существо это едва ли выдержит борьбу за существование с новыми вторгающимися в страну народами, если не найдет защиты или не попадет в более благоприятные условия». Именно так считал профессор и полярный мореплаватель А.Э. Норденшельд [86].

В этой цитате очень точно выражена вся сущность технократической европейской цивилизации, считающей себя единственной на Земле. Кто не с нами, – тот не просто против нас, тот вообще не человек, а животное! Сущность же человеческой личности, согласно европейской точке зрения, – фаустовский дух агрессивного рационализма, познания во имя превосходства, подавления, власти. Именно эта воля к власти была для цивилизованного европейца источником и подвигов, и преступлений, тут с А.Э. Норденшельдом не поспоришь.

Превозмогая все: пространство и время, природу, добро – Европа напрямую вышла к конечному пункту развития бездуховной цивилизации: к глобальному экологическому кризису, всепланетной социальной напряженности, мировому термоядерному конфликту.

В утверждении А.Э. Норденшельда – вся соль проблемы, здесь убийственно точно проведена грань между этикой дикарей каменного века и этикой рационалистической западной цивилизации.

«Им надо так мало, что они не хотят усваивать привычки цивилизованных людей. То, что мы называем комфортом и удобствами, не ценится ими настолько, чтобы они вздумали потратить хоть малейшие усилия на их достижение. Подавляющее их большинство смотрит на образ жизни белого человека с равнодушием и презрением» [87]. Автор сей горестно-выспренной тирады, управляющий резервацией, бывший газетный репортер Натан Микер, задумавший вывести племя юта из стадии дикости, требовал, чтобы дикари называли его «Отец Микер». Исполненные собственного достоинства индейцы не признавали неудавшегося поэта и романиста представителем высшей цивилизации и обращались к нему снисходительно – «Ник».

Вся философия западной цивилизации построена на том, что если нет материального интереса, то нет и стимула развития, и никакого прогресса вообще не может быть. И цивилизация, сотни лет развивавшаяся под знаменем выгоды, добилась огромных успехов. Просвещенное общество

стремилось к богатству, оно его и получило. Вместе с его неотъемлемым приложением – глобальным кризисом.

... А эстетика, поэтичность отношений между «диким» человеком и дикой, первозданной природой. Разве сравнится она с убогой, бедной возвышенными эмоциями жизнью «обменного» человека?

«Встает над морем один из дней, такой же, как и вчера, – писал Нурдаль Григ, – все тот же рокот глухих поршней, такой же как и вчера».

У кочевника не могло быть дня, такого же как и вчера. Рокот глухих поршней не вторгся еще в его жизнь. Вчера была бурлящая, стремительная Пылга и туман закрывал перевалы, сегодня вышли к бухте Сомнения. Ласковые волны тихо плещут на песок. На ночном дежурстве олени забились в кедрачи, пришлось подниматься за ними по склону почти на самую вершину. Медведь рявкнул в зарослях, заставил схватиться за карабин и укоротить поводок рассвирепевшей оленегонной лайки, тотчас рванувшейся в атаку. Первые лучи солнца прорвались из-за тучи над иззубренным хребтом. Капельки росы засверкали в полураскрытых фиолетовых бутонах ирисов...

Разве такой труд может восприниматься как проклятие? А что же тогда такое счастье? И грехи ли Адамовы стали причиной превращения труда в проклятие? Или это потребительская тупиковая цивилизация заявила свои права на бессмертную душу?

Чтобы много потреблять, надо много и производить, а массовое производство может быть только поточным. Продукция с конвейера сходит абсолютно обезличенной, любые экземпляры, как сапоги одного размера. Да, таким образом можно резко повысить производительность труда, эффективность производства. Но за все на свете приходится платить...

Человек у конвейера становится винтиком чудовищного механизма, таким же как и другие. В быту он пользуется предметами ширпотреба, сидит перед ящиком, тупо уставившись в экран. Массовое производство, массовое потребление, массовая культура... Только вот... культура ли это вообще, если она массовая?

Человек нутром чует, что ему подсовывают что-то не то, он не получает удовлетворения, ожесточается. Неискоренимы преступления, нарушения законности и норм общежития, пока

не будет устранена дисгармония духовных потребностей и среднедушевого потребления.

Нормальному человеку, не испорченному «цивилизацией», в подобной жизни непонятно все. Зачем так спешить, стремиться сделать быстрее, больше, дешевле? Что же в том хорошего, если в вещах, сопровождающих тебя от рождения до смерти, есть все, что нужно для выполнения их предназначения, и ничего сверх того? Разве одежда должна согревать только тело, а не душу? А можно ли согреть чужую душу, не вложив частичку своей собственной?

Как нет в тундре двух цветков одинаковых, нет в горах двух скал, неотличимых друг от друга, так не найдешь на Севере и двух кухлянок, похожих одна на другую, двух шапок одинаковых. По тону подобраны куски шкур, украшены бисером и яркими заплаточками из разноцветного сукна, сшиты вручную, стежок к стежку, окаймлены пушистым мехом. Завязки, застежки, манжеты, клапана – все несет декоративную нагрузку. Фантазия, творчество, самовыражение... Скажите, для чего может использовать швея бараньи уши, медвежьи когти, гусиные лапки? О, Ольга Константиновна, жена Олелея, способна из чего угодно сотворить красоту! И хранятся вышедшие из-под ее рук произведения искусства в музеях и на выставках Паланы, Петропавловска-Камчатского, Москвы, выступают в ее кухлянках корякские танцевальные ансамбли, заказывает ей предметы традиционного обихода Союз художников СССР... Причем, заметьте, искусство Ольги Константиновны – сугубо прикладное, хоть сейчас одевай национальный костюм и иди пасти оленей. А разве Ольга Константиновна единственная мастерица? А теперь подумайте, способна ли она стать швеей-мотористкой?

Конечно, и на Западе художники не смогут работать малярами. Но много ли художников среди огромной армии маляров и швей-мотористок? А у чукотской цивилизации все творцы. И ни один не пригоден для должности швеи-мотористки.

КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Где ключевое звено региональной экономики, во имя чего мы размещаем производство, повышаем технический уровень? К чему следует стремиться, осваивая, обживая,

развивая такие районы, как Сибирь, Север, Дальний Восток: к финансовой отдаче, самоокупаемости территории? Люди обычно спешат усовершенствовать средства, а надо бы совершенствовать саму цель. Возьмем жизнь – имеет она цену или нет? Вопрос риторический: цены она не имеет, выше жизни нет ничего. И нет выше цели, чем организовать в регионе жизнь, достойную человека.

Осваивать нужно не территорию, а жизнь на этой территории. Надеюсь, со мной согласится каждый, что освоенная территория – это не содранный и проданный в соседние страны лес, это не выкопанное золото, это не выловленная рыба и испохабленный берег, – это территория, подготовленная для жизни человека. Территория, где воспроизводится человеческая жизнь, где удовлетворяются базовые потребности человека.

Вот формула: территория не может быть признана освоенной, если она не имеет достаточных условий для формирования постоянного, коренного населения, квалифицированного работника, всесторонне, по-настоящему, развитого человека.

Обратимся к Марксу: всякое производство есть в конечном счете производство населения. Ускоренное развитие региона, повышение вклада Дальнего Востока в экономику страны и прочее – все это частные задачи, если не выполняется главная – воспроизводство человека. Нужно сделать, чтобы каждый имел родительский дом с семьей, достойную человека работу, родную землю...

Такова точка зрения русского экономиста-мыслителя Михаила Ивановича Леденева. Нижеследующие разделы этой главы будут представлять собой либо воспроизведение отдельных фрагментов из его произведений, либо их пересказ, либо комментарии к ним и дальнейшее развитие его идей.

Отметим, что экономика при таком подходе будет отличаться от ее понимания А. Смитом, для которого целью хозяйственной деятельности является возрастание богатства народа, а вовсе не возрастание народа самого по себе.

И это сразу разводит разные экономики по разные стороны баррикад. Для А. Смита это объективная, то есть обесчеловеченная, дегуманизированная наука. Правит бал технократический подход, прагматика. Ну, прирастает богатство, ну и что? А ничего, вопрос исчерпан, дальше

экономике уже хода нет, дальше она не идет. А зачем богатство? От этого человеку лучше? Это что, уже аксиома?

Если же экономика – это наука о воспроизводстве человека, то главный вопрос: насколько должно прирастать богатство народов, чтобы человек воспроизводился, а может, хватит, может, богатства больше уже и не надо?

Дальний Восток всегда был и будет самым трудодефицитным районом страны. Природная непривлекательность здесь такова, что почти невозможно компенсировать ее материальными льготами. Хотя за последние тридцать доперестроечных лет население тут удвоилось, все равно оставались очень большие проблемы в формировании трудового и демографического потенциала. Из трудоизбыточных республик Советского Союза наивно было ждать притока. Вот неопровержимые доказательства: резкое ухудшение состояния здоровья у переселенцев из южных регионов СССР [88]. Не их это климатическая зона, и жить к нам они не поедут.

А в других регионах, более близких к нам по физико-географическим показателям, кадров и для собственного производства не хватает. Труднее всего привлечь на Дальний Восток квалифицированные кадры. Нужны привилегии, чтобы условия жизни здесь были лучше, чем в регионе выезда. В миграционном обмене рабочей силой с европейскими регионами страны квалифицированных кадров от нас больше выбывало, чем прибывало к нам. 85% своей рабочей силы на дальневосточных новостройках СССР формировалось по вольному найму, за счет действующих производств региона. И это ослабляло уже сформировавшиеся коллективы. «Химики», вербованные, условно осужденные, условно освобожденные действовали на окружающих отрицательно. И свои осужденные не покидали пределов региона. Все это отливалось в растущую волну преступности, усиливало настроение временности труда и жизни на Дальнем Востоке. А при повышающемся техническом уровне производства, при его постоянном усложнении было все более и более необходимо формирование стабильных коллективов высококвалифицированных работников.

Застой, стагнация на Дальнем Востоке, все эти нежелательные проявления получили развитие потому, что цели в послевоенный период были избраны страной не те, и рано или поздно они должны были выйти боком. «Вы еще не

прошли испытания сытостью», – говорил немецкий писатель в романе «Берег» Юрия Бондарева своему коллеге и бывшему врагу, советскому писателю, в благополучные и для СССР и для Германии послевоенные годы... Конечно, пройти это испытание не в состоянии никто, а мы, русские, в особенности. Нам сытость совершенно противопоказана. Если для всех она – смерть, то для нас это мгновенная смерть. И Дальний Восток стоит в этой очереди на первом месте. Вот нас эта смерть и постигла раньше всех.

Не стало у нас высших, не потребительских ориентиров развития, как это было до того во все эпохи, когда более высокая, чем материальное благосостояние, цель вызывала вдохновение, мобилизацию всех сил человека, консолидацию общества. И если уж вся Россия в шестидесятые годы петь перестала, то мы, дальневосточники, и в этом оказались первыми. Человек без высших целей превращается в быдло, скота, в потребителя. Отовсюду повылезало мурло мещанина. Увы, где тонко, там и рвется. И застой у нас тоже был с районным коэффициентом.

И если на Дальнем Востоке отмечались убытки тем большие, чем большими были капиталовложения, то подходить к делу требовалось с другой, не экономической, стороны, – привлечение населения строить не на выгодах, а на патриотизме и романтике. В конце концов, человек рожден для счастья, а не для выгоды. И в ощущении своей нужности Родине, в гордости за свой труд заключается немалая доля переживания счастья.

СОБСТВЕННОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

Важнейшая грань в проблеме, что может человек взять от природы, а на что не имеет права, – это понятие Своего Дома на Своей Земле. М.И. Леденев неоднократно обращал внимание на крайности в оценке категории собственности: от «собственность священна и неприкосновенна» до «собственность есть кража».

Я же утверждаю, что истинны оба взаимоисключающих высказывания. Но относить их надо к разным объектам. Существует собственность, которая священна и неприкосновенна, и существует собственность,

которая есть кража. Грань между ними – то понятие, которое М.И. Леденев ставит в центр всей экономической науки – Свой Дом. Свой Дом на своей земле имел каждый свободный человек во все времена. Да разве только свободный? Русский крепостной во веки веков жил в Своей Избе, и последний нищий на Руси, рассказывает А.С. Пушкин, уходя побираться, оставлял Дом в деревне, и у самого дикого дикаря был вигвам или яранга, юрта, иглу [89].

Советская экономика послесталинских времен посягнула на эту святая святых человеческой жизни и обобществила сферу быта. Лишенный Своего Дома, деградировал работник, на котором держалось хозяйство.

Самым страшным для Ф.М. Достоевского на каторге, в «Мертвом доме», оказалось то, что там человек никогда не один [90]. И потому любое общежитие – мертвый дом. Оно не может быть пристанищем любви. А любовь это жажда бессмертия, как говорил М. Монтень.

В Своем Доме, на своей земле труд формировал человеческую личность. Труд вольный, осмысленный, благородный, от первых дней, как человек встал на ноги, до последних дней, пока ноги носили. Вольный, потому что хоть и от зари до зари, да не от звонка до звонка, как захочешь, так и бросишь, как заблагорассудится, так и снова возьмешься. Осмысленный, потому что не культуризм, а необходимость. Мог Мишка Леденев полить капусту не как мама сказала – по три кружки на корень, а по одной, ведь все равно бы никто не уличил? Нет, не мог, знал, что дожить надо до следующего урожая. Благородный, потому что не товаропроизводящий, не для обогащения – для поддержания жизни да для примера подрастающему поколению. С первых дней, как сможешь выгнать чужого козла со своего огорода, до последних, пока есть силы доползти хоть на четвереньках до грядки – огурцы прополоть. А что было делать восьмидесятилетней Пелагее Яковлевне Леденевой в тепле и уюте у сына на девятом этаже, кроме как сидеть у окошка пригорюнившись да смотреть невидящим взглядом на окрестный асфальт, машины, конторы?

Продолжить себя в следующих поколениях не только физически, но и духовно, можно было лишь прожив с потомками, с детьми и внуками душа в душу, съевши вместе пуды соли. Передача традиций – дело святое.

В родительском доме и познакомиться с миром в радость, и умереть среди своих благостно, сюда тянет и из дальних странствий возвратиться, и блудного сына здесь примут. Свой Дом всегда родной. Но разве такое же отношение вызывает своя квартира на девятом этаже? Рука повернется написать высоким слогом – Своя Квартира?

И страшен ли тебе продовольственный кризис, экономические неурядицы, если у тебя под окнами – тридцать соток ухоженной земли? Ты свободен, ты можешь бросаться в любые авантюры, прожекты, эксперименты, ты знаешь, что бы ни случилось, с голоду не помрешь!

Собственный Дом – ячейка, где воспроизводится вечность рода людского. Нет Дома – и под вопросом преемственность поколений. Так что понятие Дома можно поставить в центр не только экономики, но и этики.

Однако это далеко не все. Да, понятие Дома – необходимая категория экономики и этики. Это М.И. Леденев показал впечатляюще. Следует во всем с ним согласиться. Однако хабаровский философ недооценил значимость собственного открытия. Дом – категория не только необходимая, но и достаточная. Да, уровень собственности ниже необходимого приводит к тяжелейшим социальным последствиям. Но и уровень собственности выше достаточного также приводит к социальным потрясениям, бунтам и революциям, чему свидетельством вся человеческая история, а нынче ведет еще и к глобальной экологической катастрофе, о которой грозно предвещает состояние окружающей среды на данный момент.

Вот где истоки разноголосицы в оценке собственности. Собственность необходимая священна и неприкосновенна, собственность сверх достаточной есть кража. И для того чтобы убедиться в этом, стоит взглянуть пошире, чем принято у экономистов. Собственность – одна из главных тем религиозной, этической, этнографической, исторической литературы.

В обществе с более высокой нравственностью, чем в нынешнем цивилизованном мире, не было уголовных кодексов, юриспруденции, права. За ненадобностью. Незнакомы были с имущественными преступлениями ирокезы, алеуты, юкагиры. Беспокоиться о сохранности своей собственности им не приходилось, она была неприкосновенна, потому что священна. Яранги, вигвамы, кажимы надежнее

любых запоров, собак и томагавков охраняла древняя родовая традиция. Все деревни великой крестьянской России веками обходились без вмешательства власти и полиции. В своем доме, на своей земле мужик гораздо больше боялся судьи, чем вора. «Предметы, действительно произведенные трудом человека и необходимые ему для жизни, всегда ограждаются обычаем, общественным мнением, чувством справедливости и взаимности, – уверял Лев Толстой, – и не нуждаются в ограждении насилием» [91].

ПОЧЕМУ РОССИЯ ПЕТЬ ПЕРЕСТАЛА

Далее я предлагаю вашему вниманию опубликованный в журнале«Дальний Восток» очерк М.И. Леденева с тем же названием, как и название этого раздела.

Сороковые роковые. Позади четверть века: продразверстка, голод, раскулачивание, коллективизация, массовые репрессии... За что же тут стоять, во имя чего надрываться? «Колосс на глиняных ногах», – толкни, и развалится. И что же? Страшнейшие удары, от которых в считанные дни гибли государства отнюдь не рабов. А «страна рабов» устояла.

«Днем и ночью у мартеновских печей не смыкала наша родина очей». В этой строчке поэта сказано все. Но давно уже повелось от книжников в России «чужебесие» заглядываться на Запад, доверять чужим словам больше, чем своим глазам, слушать с раскрытым ртом рассказы о нас какого-нибудь «проезжающего по Московии» француза.

Что ж, послушаем и мы свидетельства француза. Леон Кюффо, бригадный генерал, летчик легендарного полка «Нормандия-Неман»: «Наша юность в силу исключительных обстоятельств проходила в особой атмосфере войны, навязанной Гитлером человечеству... Я хочу воссоздать в памяти ту эпоху, воскресив период нашего отдыха в тылу, в городе Туле... Жители города быстро оправились от последней кровопролитной героической обороны и с чисто русским фанатизмом, способным заглушить боль самых глубоких ран, поразивших многих в самое сердце, извлекали пользу из полученных уроков... Фронт был недалеко, и люди мужественно и достойно переносили все трудности, выпавшие на их долю. Каждый советский человек, все, кого мы знали, какую бы

работу он ни выполнял, какой бы пост ни занимал, жил с абсолютной уверенностью, что он лично ведет патриотическую войну против немецких захватчиков. И каждый хотел занять в ней свое место. Мы часто обсуждали с русскими эту войну. Их вера в неизбежность окончательной победы воодушевляла нас... Стоя у окон вагона, мы с любопытством рассматривали проносящиеся мимо пейзажи, которые с высоты наших полетов виделись несколько иначе. Повсюду простиралась опустошенная войной выжженная земля. Она не сдавалась. А ее убивали, как человека. В Смоленске оборванные немцы с потухшими взглядами расчищали дорогу. Ах, как не похожи они были на завоевателей. Но сколько России потребовалось приложить сил, чтобы наглые стали жалкими».

Но последующее уже вершилось на глазах нашего поколения, нами самими. Как должны были работать мы, проснувшиеся к жизни в годы этой страшной войны? Первое, что разбудило мое сознание, это – ощущение огромности моей страны. Через наше село пролегала дорога, соединяющая Воронеж, Саратов, Сталинград... А мы – мал мала меньше, еще не годные ни к какой работе, вечно толкались здесь у обочины. Что притягивало нас?

Шли солдаты. А однажды, летом, со скатками, с винтовками, плечом к плечу, откуда-то из-за горизонта, коим прежде заканчивалась моя земля, шли и шли несколько дней и ночей непрерывно! Какие же мыслишки крутились в моей голове? Те же: неужели и эти не победят?! Эти... победили. Леон Кюффо сказал верное слово: каждый советский человек, какую бы работу он ни выполнял, какой бы пост ни занимал, жил с абсолютной уверенностью, что он лично ведет патриотическую войну, и каждый хотел занять в ней свое место. Наша полезность тут была ничтожна: сбегать за водой для раненых, помочь свернуть и прикурить цигарку... Мелочи все это для деревенских ребятишек, хотя и за них мы получали обычно очень щедрое вознаграждение – хлеб.

Но теперь незачем лукавить, дело прошлое, не только потребность в таком общении притягивала нас к солдатам. Леон Кюффо рассказал о курьезном случае, как однажды его товарища, возвращающегося вечером в солдатское общежитие, остановили неизвестные. Пилот подумал, что это патруль. И пока он предъявлял свои документы, у доверчивого парня «сперли из кобуры пистолет ТТ». Так бывало и у нас. Все стреляющее, что «плохо лежало», если оно помещалось в

карман или за пазуху, немедленно туда перекочевывало. Мы были взрослее, чем о нас думали; мы готовились лично участвовать в войне, если она до нас докатится или мы успеем до нее дорасти. И такое не считалось у нас за воровство. Я уверен: если бы эта война и кончилась поражением, то ничуть не раньше и нашей гибели.

Пропаганда? Да какая там пропаганда! Я читать научился по немецким листовкам. Узнавал там, что мы, русские – почти что свиньи, что у нас в избе и теленок мочится на пол, тут же и ягнята, и козлята, и цыплята под кроватью. Оскорбляло ли это мои национальные чувства? Нисколько. Я потешался над немецкой глупостью: ну разве можно их, этих братьев меньших, оставлять в хлеву зимой, особенно на ночь? Да и какая ведь прелесть поиграть с козлятами вволю! Не верю, чтобы нынешние ребятишки добровольно отказались от такого удовольствия.

Оскорбляло другое. Мне хорошо понятно, что значит для наших матерей: «Только бы войны не было». Мы же, оглушенные раздирающим душу бабьим воем по бесчисленным похоронкам, уязвленные своим бессилием помочь Великому Делу по причине малолетства, с пеленок знали: надо становиться сильными, самыми сильными. Компромиссов тут быть не могло.

И долго еще для нас оставался главным наш пост у дороги. Его мы не покидали в 45-ом и 46-ом. Ждали победителей. В редкий день, редко по двое возвращались они по этой же дороге. И порой долго мы их провожали, идя отдалька, не теряя из вида. Плакали? Нет. Слезы, видно, перекипали в наших сердчишках. Должны же были оставаться в них какие-то зарубки?

Естественно, что для нас, подросших, не существовало вопроса о том, как работать. Изо всех сил. Мы должны были, наконец, обезопасить себя и страну. Припоминается написанная на фронтоне нашего сельмага фраза Сталина: «Когда мы станем выплавлять 70 млн тонн стали, нам не будет страшен никакой враг». Прочитывалось это нами совершенно серьезно. Я не встречал человека в 50-е годы, который бы не верил в то, что мы «догоним и перегоним».

Но вот где-то в середине 60-х я стал в этом сильно сомневаться. Контрастно определиться тут помог случай. Так получилось, что через шесть лет после службы в армии и учебы в институте я вернулся в свой цех на практику, где до службы

работал мастером. Увидел: работа стала хуже. Я не мог найти этому объяснений. Оборудование? Лучше. Заработки? Выше. Начальство? То же. Люди? В массе те же. А работа не клеилась. Что-то подломилось. Что и когда? Кляли Хрущева. Я же его ненавидел. Сам наблюдал его кукурузную дурь. Из памяти не выходило повествование отца с ухмылкой, как он в летнюю пору прирезал шесть овец, а баранину сдал в сельскую чайную по рублю за кило, да и то – «по знакомству». Но вот уже и сняли Никиту, а работа лучше не стала. На что же надеяться?

Научно-технический прогресс, совершенствование управления... Всё не ко двору. Кстати сказать, заволновался не я один – многие. Обсуждали дела свои часами и не находили исхода. Заволнуешься!

Перечитываю «Дом» Ф. Абрамова. И тут явно 60-е. Слушает приехавший погостить Петр свою сестру о деревенском житье-бытье: «Да и Михаила не больно любят...

– Кого не любят? Михаила?

– А кого же больше? – Петр выпрямился: – Да за что? – А за работу. Больно на работу жаден. Жить людям не дает. – Да почему? – Петр все еще не мог ничего понять. – А потому что народ другой стал. Не хочет рвать себя как прежде, все легкую жизнь ищут».

Убежден, ничего тут не придумал писатель. Конечно, жизнь состоит не из идеалов. И раньше было немало таких в городе и деревне, «снизу» и «сверху», работающих спустя рукава или для галочки; что ж, в семье не без урода. Но не они, как говорится, делали погоду. Общий настрой определяли лучший рабочий, лучший инженер, лучший солдат, лучший студент. Теперь же верх стала брать посредственность, а то и откровенная халтура. Явление становилось повсеместным - «народ другой стал», точнее не скажешь.

Но такая ли уж тут новость для России? Вряд ли. Отец мой, как всякий солдат-окопник, «хлебнувший горячего до слез» (его слова), не любил разговоров о войне, тем более о храбрости и подвигах. Но однажды уже на склоне своих лет зачем-то поведал мне: «Где-то в году 42-м драка пошла страшная. Мы почувствовали: выжить на этой войне нельзя; и русский мужик озверел». И долго потом рассказывал жуткие эпизоды.

Спрашиваю мать: «Вот вы долбили окопы зимой у речушки Токай (полтораста верст от Воронежа). Что? Надеялись, ваши ямки остановят немецкие танки?»

–Надеялись и верили: за что-нибудь он, гад, зацепится, во что-нибудь наши мужики упрутся. Нельзя по-другому.

Вот он, «чисто русский фанатизм». Но это для француза. Русскому тут как-то само собой понятно.

Но как только выпадал мирный просвет, спадало и напряжение, по-другому шла жизнь, другим становился народ. Думается, 60-е годы в этом отношении тоже по-своему характерны. Что там ни говори, а страна уже основательно обезопасилась. Иначе с чего бы это стучал Никита башмаком по трибуне ООН? Не из-за чего стало «рвать себя как прежде».

Но этим нельзя исчерпать проблему кризиса и разложения, нельзя ответить на вопрос коллеги П.М. Салыкина: «Почему Россия петь перестала?», – хотя и пить вроде стали больше. Что-то еще произошло в эти годы.

Переменился образ жизни, и «народ другой стал». Ладно бы только в том, что «раньше людей работа мучила, а теперь люди работу мучают». Это, может быть, как-то и изжилось бы само собою. Но стали замечаться более тяжелые факты. На улицах стали появляться и множиться люди беспризорные, взрослые беспризорные. Нет, не нищие, не побирушки, не калеки. Такие были, меньше или больше, но были всегда. Нет, появились другие люди. Они не просили милостыни. Неопределенного возраста, чаще мужчины, уединялись или собирались небольшими группами для выпивки, и тут же был их ночлег. А скоро этот феномен, окрещенный непонятным словом «бич», стал заметен для всех и, кстати сказать, снискал общественное неуважение. Они воспринимались как тунеядцы.

«Ничтожный процент занимают тунеядцы в общей массе людей работающих, однако чуть ли не каждая беседа в трудовых коллективах не обходится без наболевшего вопроса: "Когда призовут к порядку бичей?" Этим коротким, злым, похожим на удар хлыста словом – "бич" – прежде на севере Дальнего Востока, а теперь повсеместно называют всякого рода захребетников и трутней», – так начал свою статью в «Известиях» (4 февраля 1985 года) журналист Б. Резник, освещая эту проблему в Хабаровском крае. Сейчас это может показаться странным и даже неискренним, но еще совсем недавно мы действительно считали, что у нас нет общественных условий для бродяжничества. Однако факты появления лиц «без определенного рода занятий» и «без определенного места жительства» множились, били по глазам, раздражали нашу общественную совесть. В словах журналиста была правда.

Располагая личным опытом сотен встреч на лекциях и беседах по проблемам трудовой активности и дисциплины, я могу подтвердить, что ни одна из них не обходилась без вопроса о «бичах». Вопросы звучали жестко, слушатели требовали навести порядок, заставить работать любыми мерами, вплоть до самых крайних. Люди усматривали здесь социальную несправедливость: «вопросы-требования» всегда сопровождались пояснениями, что «бич» ест и пьет, его лечили и учили, что... это они, работающие, содержали и содержат его. По правде сказать, такое же настроение было и у меня, хотя их угнетенный, жалкий вид вызывал неизъяснимую тревогу. Злое слово не вязалось с образом этих людей. Тут, скорее, веяло несчастьем. Те из них, что определили себя уже как «бичи со стажем», промышляли сбором стеклопосуды, торговлей дикоросами да червями для рыбацкой наживки, не были агрессивными, наоборот, обособлялись и сторонились людей.

Я впервые услышал слово «бич» в армии от парней-дальневосточников. Оно звучало как-то шутливо-иронически и было для них вполне расхожим. Спросил. Расшифровали тоже с иронией – «бывший интеллигентный человек». Но я сам призывался из Хабаровска и не знал этого словца. А дело все было в том, что парни, обогатившие наш солдатский лексикон, призывались из леспромхозовских поселков.

Там, видимо, много раньше появился этот феномен. Но само слово? Откуда и как оно залетело в наши дальние края? И в прошлом, и в настоящем в людях этого типа мало что было от интеллигентности. Вероятнее всего, корень слова идет из Англии: моряк, списанный с корабля. И эти, «захребетники и трутни», оставили корабль нашей общественной жизни. Добровольно? Внешне казалось, что это так, рабочие руки требовались повсеместно. Отсюда и шла к ним такая неприязнь.

Но одно было дело видеть таких людей поодиночке или по двое-трое на улицах, другое – наблюдать их по сто-двести человек вместе, устраивающихся на работу добровольно! Это я и увидел на одном лесоустроительном предприятии. Тут, конечно, не все или даже немногие могли определиться как «бичи со стажем». Такие уже едва ли способны выполнять тяжелую работу. Но тип человека тут просматривался отчетливо. Надо было видеть тридцати-сорокалетних мужчин, получающих новенькие трудовые книжки, а у кого эти книжки были – там, как говорится, печати некуда поставить. Немало

пачек сигарет раскурил я с этими людьми, пытаясь узнать, что выталкивает их из «нашей» жизни, или почему они ее отвергают. Бесполезно. Поначалу думал: не говорят, что-то скрывают. Нарывался и на такое: «Не лезь в душу, начальник». Теперь убежден – они и сами того не знают. В беседах, конечно, можно было как-то схватить личностный момент данного человека. Но как его систематизируешь, когда и один человек – бездна? И я попытался систематизировать их биографии. Помогли работающие с ними мастера и начальники партий. Начало было положено. Потом с коллегой С.А. Чернышевым продолжил накапливать биографии этих людей. Когда мы обобщили около 500 таких свидетельств, я понял великий смысл утверждения: не судите, да не судимы будете!

Что выпало на долю этих людей? Труд, работа. Какие же? «Стройки века», лесоповал, путины, экспедиции и партии, рудники и россыпи – всё поденщина и каторга. А что же оставалось тут наработанного? Искореженная земля, содранный с ее лика лес, затаренные минтай и горбуша... Как этот труд мог соединить «бесконечное с конечным и наоборот»? Никак. Поденщина породила плебс, замечал еще Ф. Энгельс. Делать такую работу и оставаться человеком непросто.

Временность противоестественна в социальном отношении, она ведь отнимает у любого из нас главное – стабильность, которая соединяет человека с его прошлыми поколениями и уносит его в вечность. Временность, как установка, по отношению к миллионам людей не может быть оправдана ни морально, ни экономически.

И потому вахтовый, экспедиционный методы освоения природных богатств – вовсе не выход для нашего региона. Разумеется, таким образом можно сэкономить часть средств, идущих на социальные нужды. Но подобная экономия на социальной инфраструктуре, это «усеченные» семьи, разводы и, следовательно, сегодняшние потери завтрашнего коренного населения.

В отдельных случаях, хочешь не хочешь, а вахтовая технология необходима и единственно возможна. Так, например, можно эксплуатировать отдаленный рудник, брать лес, ловить рыбу. Но постоянно держать на колесах, заставлять сидеть на чемоданах миллионы людей? Весь Дальний Восток такими набегами не освоить.

Но неверно было бы все травмы «бичей» и «бомжей» свести к их работе. В истории русского человека обычными

были отхожие промыслы, извоз, крупные стройки с их знаменитыми артелями, наконец, барщина. Но держался же чем-то человек? «Неужели вам не приходило в голову, глядя на великороссийского крестьянина, на его умный развязный вид, на его мужественные красивые черты, на его крепкое сложение, что в нем таится какая-нибудь другая сила, чем одно долготерпение и безответная выносливость?» – обращался А.И. Герцен к своим оппонентам. Держался человек более всего Своим Домом, Своей Семьей, своей общиной, как ни убоги они казались со стороны. «Счастлив путник, который после длинной и скучной дороги с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными смотрителями, бряканьем колокольчиков, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами видит наконец знакомую крышу с несущимися навстречу огоньками, и предстанут перед ним знакомые комнаты, радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей и успокоительные тихие речи, прерываемые пылающими лобзаниями, властными истребить все печальное из памяти. Счастлив семьянин, у кого есть такой угол, но горе холостяку!» – записал Н.В. Гоголь.

У этих людей, так случалось, не оказывалось и подобия Дома. Бараки и балки, койка в общежитии, а то и вовсе «прописка по судну». Ни семьи, ни устойчивого положительного общения, ни «малой родины», обустроенной своим трудом. «Душа человека во сто крат тяжелее его тела, и нести ее один он не может», – гласит восточная мудрость. Не на что было опереться и не с кем было поделиться ношей этим людям.

Могут сказать: «А никто не заставлял, сами дорогу выбирали». Так-то оно так. Но коль дороги с волчьими ямами, кто-нибудь все равно попадется. Я обратил внимание на труд и жизнь людей, занятых на разного рода сезонных работах. Они формируют отмеченный тип человека, что называется, в рафинированном виде. Коллега С.А. Чернышев, психолог по профессии, пошел дальше – провел включенное наблюдение, потрудился на таких работах непосредственно, побывал с этим народом на их «хатах». Я полтора десятка лет прожил в разного рода общежитиях, не барышня, кое-что довелось видеть, о чем вспоминать не хочется. Однако его дневники я читать не смог – душа не принимала. Но в целом-то все сходилось: пройти такие «университеты труда и жизни» и не покалечиться душой и

телом едва ли возможно. Север и Дальний Восток особенно богаты этими «университетами», потому и появился отмеченный тип человека здесь «прежде». Сотни тысяч людей оказываются здесь перед прямой угрозой деградации. А косвенно? Тут уж, как ни крути, – «повсеместно».

В 1986 году в роман-газете вышла повесть В. Распутина «Пожар». Она потрясла меня. Где-то в глубине души мне не хотелось верить, что наблюдаемое и изучаемое нами есть общее для России. Хотелось думать: может быть, когда-нибудь изживется, образуется. С.А. Чернышев даже полагал, что этих искалеченных людей можно как-то реанимировать. «Пожар» тут поставил точку. В. Распутин видит, как перепутывается добро и зло, как появляются от этого люди-мутанты, маргиналы, на его языке – «архаровцы». Это еще не бичи. Они еще работают. Как уж там работают, другое дело. И в наших исследованиях обнаруживался такой тип людей, согласных на любую работу с той, однако, установкой, чтобы потом как можно дольше не работать. Они агрессивны, или, скорее, пакостливы. Дальше их дорога в «бичи» или в тюрьму. Но катастрофа просматривается не только в судьбах этих людей. Еще держатся из последних сил те мужики, которые устояли под Сталинградом. Чем же живут? Вероятнее всего, преданием. Больше нечем. «Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре одна важней другой. Захромает какая – весь свет внаклон», – отмечает писатель, показывая, что давно хромают все четыре подпорки. У иных же их и вовсе не стало. И нечем стало держаться в этой жизни, смысл которой интуитивно стал пониматься в ее укороте. Да и как же может быть по-другому?

Четыре подпорки, а, по-другому, четыре венца. С каких же начинать перестройку? Ведь десять лет таких попыток должны были убедить, что начали не с того конца. Начали с работы, с производства, с венца верхнего, с крыши. И что же? А то, что если тут было много дыр и гнили (кто же этого не знает), то теперь белый свет над головой. Впору вернуться да старое латать, но не за что хватать. Ошибка? Безусловно. Откуда же она? Все оттуда же: из идеологии, имя которой – экономизм. Опять все зациклено на категориях «политика – экономика» и «экономика – политика». Да сколько же можно оставаться в этом порочном круге?! Ведь прежде-то идет мировоззрение, понимание жизни, философия. Т. Карлейль как-то заметил,

скажите мне философию этого человека, и я вам скажу, каких надо ждать от него результатов.

Терпелив и силен человек, а русский, как говорят, в особенности. Вытерпел он коллективизацию и индустриализацию, другими словами, отчуждение труда в самых крайних формах, сумел защитить и обезопасить страну. Что ж, для россиянина это не впервой – «против воли действовать дружно». Не смог он вынести одного – потери Собственного Дома. «В деспотических государствах, – замечал Ш. Монтескье, – каждый дом – отдельное государство». Это, по его словам, затрудняет задачу воспитания – научить искусству жить с другими людьми, да и сама эта задача там очень ограничена: она сводится к тому, чтобы вселить в сердца страх, а умам сообщить познание некоторых самых простых правил религии. Знание там было бы опасно, соревнование гибельно. Но человек выживал и в этих условиях. Когда каждый дом превращается в отдельное государство, то это не способствует воспитанию умения жить с другими людьми, но, по крайней мере, консервирует силы для дальнейшего развития человека, как только для этого открываются возможности. Наше государство массовым переселением людей в казенные дома-общежития и ограничением личных подсобных хозяйств подрубило последнюю подпорку в жизни человека.

Обобществить бытийную сферу человека! Ни одна социальная система, пожалуй, в своем развитии не доходила до таких масштабов обобществления жилищ, бытийной сферы человека. Не случись этого, наше поколение, это уж точно, ушло бы в мир иной, так и не ведая, что делало и что натворило.

Понималось ли нами происходящее тогда, на рубеже 60-х? Никто, конечно, не хлопал в ладоши по поводу разрушения и ограничения личных подсобных хозяйств: ведь только-только стали досыта наедаться, в том числе и благодаря этим хозяйствам. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что аргументы партийно-государственных функционеров – «навкалывается человек на своем огороде, разве он будет потом хорошо работать на производстве» – особенно и не оспаривались. Но, безусловно, радовались тому, что, наконец, «и в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима», не задумываясь особенно о том, какая цена за это платится и будет платиться. Не понимается это, к сожалению, и до настоящего времени.

Последствия этого акта чудовищны по своей разрушительной силе. Какими бы убогими ни казались сейчас русская изба, подворье и огород, но, помимо того, что они давали кров и пищу, здесь творилось и еще нечто бесконечно важное. Во-первых, естественным образом осуществлялся необходимый и посильный труд человека. Человек постигал его, как только становился на ноги и осуществлял его, а следовательно, и самого себя до тех пор, пока носили ноги. Дома, в своем хозяйстве, воспитывалась привычка серьезного отношения к делу, к работе. Во-вторых, здесь, обычно в трехпоколенной семье, естественным образом осуществлялась другая великая истина – безусловная, абсолютная самоценность человеческой жизни, какой бы она ни сложилась. Дом, как верно заметил писатель, это то место, где тебя примут всегда и всякого. Примут и поверят в тебя и тогда, когда ты уже сам в себя не веришь. Даже если ты изверился, иззверился, из тюрьмы вышел, должно быть на этой земле место, где поверят тебе больше, чем ты сам себе веришь, и эта вера даст тебе новые силы. Где помогут выбраться из той ямы, куда ты попал по случайности или по ошибке. И место это – родительский дом. Светлые умы, Гельвеций в частности, утверждали, что все в этом мире определяется потребностью, и каждый человек должен быть где-то нужен, а потребность в нем прежде всего – дома.

И вот эта безоглядная вера дает человеку новые силы. А без такого естественного воспитания в главном, в любви и вере, любая декларация прав человека остается только декларацией. Без дома человеку быть нельзя.

Преследуя цель повышения трудовой активности на казенном производстве и экономии общественного труда ограничением подсобного и обобществлением домашнего хозяйства, государство, по существу, лишило возможности трудового воспитания молодежь и продолжения трудовой жизни лиц старших возрастов, нанесло непоправимый ущерб этике труда, инициировало разрушение трехпоколенной семьи, исключило из созидания национального богатства в форме строительства и содержания жилищ посильное участие десятков миллионов людей, вызвало к жизни неоправданные ожидания и потребительские настроения, усилило концентрацию населения в безликих городах и поселках, обрекло массу людей, обслуживающих казенные жилища, на грязную и непривлекательную работу, лишило возможности

приобретения человеком личного опыта рынка. С достижением полной занятости трудовых ресурсов в обобществленном производстве предприятия и организации оказались обреченными на дефицит рабочей силы; наемный работник, наконец, получил возможность диктовать свои условия чуждому ему производству. «Условия» эти при наемном труде везде одинаковы: поработать как можно меньше, получить как можно больше. Деградация производства, труда и трудящегося стала делом времени.

Свой Дом – точка роста, освоения жизни, идея России. Ношу в кармане, как Фарадей свою железяку, заметку: «Профессор из Чикаго получает Нобелевскую премию по экономике». За что такая честь? За освещение предмета: как экономические факторы управляют формированием семьи. Говорю коллегам, следующая такая премия падет на Россию, и возьмем ее мы, если удастся вовлечь в исследовательскую бригаду В. Распутина с его «Пожаром». Мы осветим противоположный предмет: как утрата Своего Дома, а с ним и семьи, превращает в ноль все экономические факторы, а человека в «бича», маргинала, архаровца; не на удивление – в назидание «всем народам и государствам».

Понятно, что разбор поставленной таким образом проблемы выходит за рамки журнальной статьи. Но сказанного, думаю, достаточно, чтобы обратить внимание на факт отчуждения бытийной сферы человека как на ключевой момент, когда социальное движение приобрело отрицательное значение в целом. Отсюда неотвратимо следует вывод: без приватизации бытийной сферы, сферы непосредственного воспроизводства населения и человека, существенные и глубокие прорывы в приватизации производственной сферы невозможны. Более того, без этого невозможно остановить общую деградацию, стабилизировать общую обстановку. Не забудем отметить и то, с чего начался разговор.

Нет, очевидно, и большей радости, чем та, которая дается созиданием жилища. Строя себе хижину, Генри Торо замечал: «В том, что человек сам строит свое жилище, есть глубокий смысл, как в том, что птица строит свое гнездо. Как знать, может быть, если бы люди строили себе дома своими руками и честно и просто добывали пищу себе и детям, поэтический дар стал бы всеобщим: ведь поют же все птицы за этим занятием. Но мы, к сожалению, поступаем подобно кукушкам и

американским дроздам, которые кладут яйца в чужие гнезда и никого не услаждают своими немузыкальными выкриками».

Вот и Россия уже петь перестала.

Беда наша не в административно-командной системе, обобществившей до крайности всякое производство. Это обобществление идет семимильными шагами во всем мире. А «эффективный собственник» не более как грамотный, воспитанный, общественно контролируемый, подсудный... менеджер, управленец. Мелкие ремесленники, коих миллионы, не в счет, они что и наши дачники. Беда наша в том, что мы, не ведая что творим, непомерно обобществили быт, прежде всего, жилье, создав его по самым примитивным меркам бараков-общежитий, стеснили человека в его бытии, ограничили его волю в повседневности. И все стало рассыпаться, а в первую очередь – семья.

Понадобятся десятилетия, чтобы изжить, убрать, вытеснить из жизни антисоциальное жилье в «хрущобах», разрушившее семью, нарушившее основные предпосылки воспроизводства здорового телом и духом человека. Но важно то, что это мало-помалу осознается. И самый наглядный пример тому – устремленность людей к земле, пусть в уродливой форме «дач» из шести соток.

Я был свидетелем начала этого гигантского движения. Знаю, что оно было порождено не стремлением людей, начавших дело, обеспечить себя овощами и картофелем, коих было в достатке и совершенно по символическим ценам. Желание хоть как-то вырваться из тесноты казарм-общежитий, обрести свой кусочек пространства (землю, удобную для хозяйства, не давали нигде, не дают и сейчас) – вот что подвигало человека на титанический труд по освоению болот и других неудобий. Теперь эта деятельность стала общественно необходимой, престижной и распространилась вплоть до Крайнего Севера. Я же полагаю, что это только начало. Медленно осознается это, наконец, чиновниками, «помогут» и рыночные отношения или, точнее, закон стоимости; неизбежно возникнет и будет последовательно возрастать сопротивление людей, не утративших инстинкта самосохранения, чувства собственного достоинства.

ТРУД И СОБСТВЕННОСТЬ – КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФСКИЕ

Этот раздел также представляет собой извлечения из текстов М.И. Леденева:

Труд – это затрата усилий человеческих по преобразованию первичного природного продукта в предмет, годный для употребления. И даже в том случае, когда мы пользуемся необработанным вроде бы продуктом (грибы, ягоды, рыба, древесина и т. д.), то мы все равно затрачиваем усилия на его поиск, сбор, заготовку и сохранение.

Труд – вот то, что создает богатство народов, человеческое достояние. А самое главное – труд создает человека.

Русский человек, воспитанный крайне суровыми природно-климатическими условиями, своего труда не ценит, себя не щадит, никакой тяжкой работы не боится. Сейчас это, конечно, скрыто шелухой либерализма, навязчивой идеологией ангажированных СМИ; к тому же подавляющая часть людей оказалась в состоянии оторопи, растерянности, безысходности. Но это не смертельно. В России так бывало не раз, пройдет и это.

Русский труд сходен с борьбой, преодолением. Формула «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют» принята в России совершенно серьезно, и никто не позволит даже теперь ёрничать по данному поводу. Русский труд особенный, он по своему естественно-историческому основанию жертвенный. И горе тому, кто по недомыслию или злому умыслу обидит приносящего жертву.

А между тем и в постиндустриальном обществе хозяйственная система остается старой со всеми присущими ей пороками. Коммунисты сделали многое, поставив труд и человека на первое место (пусть и на словах). Но исторические условия и нехватка педагогов–мыслителей и практиков типа А.С. Макаренко заставили заплатить за эти достижения дорогую цену. И начинать социальные преобразования надо было по-иному. Пресловутые «100 тысяч тракторов» не могли изменить, облагородить образ жизни. Однако никакие самые очевидные неудачи не могли лишить эти начинания присущего им пафоса. Не было, пожалуй, и сельской кузницы, где бы, пусть и плакатно, не прославлялся труд. А для русского

человека моральное стимулирование значит зачастую больше материального.

Вот один из эпизодов моих научных исследований по организации труда в советские времена. Найдя общий язык с рабочими, убедив их, что я «не проверяющий», буквально допрашиваю звеньевого докеров-механизаторов одного из крупнейших дальневосточных портов: как ему удается обеспечивать и контролировать слаженный труд сорока или даже пятидесяти человек, которые передвигаются по грузовому району как ртуть. Очень просто, отвечал он: направляю, например, пять-шесть человек на разгрузку вагонов, в двоих-троих я абсолютно уверен, что они «лягут костьми», но работу выполнят наилучшим образом; другим ничего не остается как тянуться за лидерами. Спрашиваю, – проверяете? – Никогда! Это оскорбит. Только прихожу на помощь, когда чувствую заминку или что еще.

Русские рабочие – не индивидуалисты. Это в своей массе артельные люди. Одно бесспорно, любит русский человек быть замеченным, обласканным, словом, быть на доске Почета. Похвали его от души – он горы свернет.

Этот вывод имеет важное практическое значение: до тех пор, пока моральное стимулирование труда не будет восстановлено, не будет и оздоровления хозяйственной системы, других общественных институтов в России. Припомним, с какой серьезностью отнеслись к этому делу большевики, – и «русское чудо» свершилось! Страна дважды поднималась (после гражданской и отечественной войн) из небытия, как феникс из пепла.

А что творится сейчас? Стоит только послушать радио или посмотреть телевизор: «Появилась работа, стали устойчивыми заработки». Ясно, что управляют страной люди некомпетентные, им даже и в голову не приходит, что у нас в мотивации труда половину или более того занимают моральные стимулы. И это копилось годами, поколениями, столетиями. А деньги... Неужели вы не замечали очевидного факта : кто много говорит о деньгах, работает плохо? Только от человека, который на работе молчит, можно ждать больших результатов.

Никак не облагородили труд и образ жизни проводимые ныне реформы. Ведь и собственность, при всем ее огромном социальном значении, вторична по отношению к труду.

Работа и собственность, конечно, понятия неодинаковые, но в них немало и общего. Писатель Валентин Распутин представил это так: «Страшное разорение чувствовал в себе Иван Петрович, простой русский мужик, устоявший под Сталинградом. Но знал он, чем поправляется это нездоровье – работой или добрым делом». А что ж такое работа? «Работа – это то, что остается после тебя. Тебя нет, ты уже и сам становишься работой для других, а она долго-долго будет напоминать о тебе живущим вслед за тобой».

Горе человеку, когда ему нечего оставить в наследие.

Свой Дом на Своей Земле – вот граница собственности. Именно разрушение этого векового, естественного для человека общежития привело к настоящей катастрофе. Оставьте человека со Своим Домом и достаточным по условиям России подворьем, и вы получите непревзойденного Работника, а при нужде – Воина. Сколько раз Россия демонстрировала это всему миру! И причина очевидна: Свой Дом на Своей Земле научит человека самому главному – Труду, а с ним и всему остальному, необходимому в жизни: любить Родину, никогда не отказывать в помощи, быть милостивым, уважать старших...

Отделить твой Дом с твоей Землей, сделанными по твоему загаду (земля тоже сделана, не зря же говорят о том, что хозяин – земледелец), скотину, за которой какой-нибудь тетке ухаживать охота, и все, что зажигает и одухотворяет жизнь, – без всего этого жить невозможно. Невозможно и объяснить чувства человека, построившего себе дом, превратившего какую-нибудь территорию, которую и землей-то грех называть, в плодородную почву или в подлесок, а затем и в деляну со строевым лесом. Прочно ставши на ноги, такой человек пойдет служить в армию. У него не будет проблем с трудоустройством, он не будет мучиться в тисках одиночества. Не будет искать приюта по чужим углам и многое такое. Он – человек на своей земле!

Никто не отрицает собственности. *Собственность – застывший труд, но не больше.*

«Неужели император сотворил землю, что называет ее царской?» – поражались даже самой мысли о подобной нелепице русские сектанты духоборы [92]. Собственность – это твое творение, это все то, что ты создал, выражая самого себя, потому она и несет на себе твои черты, она похожа на тебя, имеет твои особенности, *собинность*, это твоя *собина* (см. словарь В.И. Даля). Это в полном смысле слова твое детище,

твое порождение, и как же не возмутиться, не оскорбиться до глубины души, если твою собственность кто-то отнимает силой или обманом, это же все равно, что кто-то похищает твоих детей!

Вот что пишет Г. Проклов, сварщик Амурского судостроительного завода: «Всякий труд почетен, но не всякая работа имеет вот такой конечный результат, как судно, сваренное целиком твоими руками. По каким бы морям и океанам это судно затем ни носило, а на бортах его всюду будут наши автографы из стальных прочных сварных швов» [93]. Безоговорочно прав трудящийся в своей рабочей гордости, вот только не стоит сводить дело к одним лишь автографам из сварных швов: любой трудовой результат носит личностный характер, на любом предмете, сделанном человеком, остаются его совершенно неповторимые дактилоскопические отпечатки.

Сейчас, конечно, отношения собственности уже и не отличаются от вещных отношений, отношений владения и распоряжения. Но вещь, которой ты владеешь, которой ты распоряжаешься, могла быть получена и путем насилия, обмана, ростовщичества. Она сделана другим, она несет на себе его личностные черты, его особенности, она – не твоя, а его *собинность*, собственность.

О том же А.Н. Энгельгардт: «Как мне кажется, мужик считает собственностью только свой труд и накопление труда видит только в денежном капитале и вообще в движимом имуществе». Урожай – мой, земля – наша: «Мужицкое понятие, что земля может быть только общинной собственностью». Она не может быть частной собственностью, это не продукт моего труда.

Не только крестьянин, но и русский рабочий, интеллигент-трудящийся также не признавали и никогда не признают иной собственности, кроме трудовой. Конечно, здесь надо учесть еще один важный момент: по обыкновению все люди ссылаются на нынешнюю «мощь СМИ». Не считаться с этим нельзя. Но учтем и противостоящую пишущей братии силу – миллионы рабочих и крестьян, способных жить «своим загадом», множество интеллигентов-тружеников, ни при каких условиях не берущих взяток.

Окончательно, всегда было и теперь остается, что русский человек не признает иной собственности, кроме трудовой. И не только на своей земле. «Мировой пожар раздуем», – не пустые слова, а Макар Нагульнов из «Поднятой целины» М.А.

Шолохова – совсем не шут гороховый. Именно в таких и таится какая-то иная сила, по словам А.И. Герцена.

Те, кто принялся за либеральные преобразования в России, совершенно не понимая сущности собственности в России, напрасно ожидают, как невеста на выданье из сказки про Ивана Царевича, «эффективного собственника».

Вопрос слишком важен: на карту поставлены судьба России и все наши судьбы. Собственник в высоком смысле этого слова воспитывается трудом по-христиански, трудом для других – сделал побольше, взял поменьше – высочайшей культурой, крайним напряжением созидания. Ничего похожего мы не замечаем в проводимых реформах, о которых самим инициаторам и говорить уже стало неловко.

В русском восприятии человека-труженика собственность тройственна: личная – это может быть дом, огород, сад, имущество и т. д., все это добыто своим трудом или куплено на деньги, заработанные тоже своим трудом; коллективная – сенокосы, пашни и т. п.; общественная – лес, реки, моря и заливы и т. п.

Иного русский человек-работник не принимает. И для этого есть основания: все здесь укладывается в известную формулу «приискать землицы», и русский при нужде быстро вспоминает и Ермака, и Хабарова, и Невельского, и других таких же. И случайно ли масштабы браконьерства, самовольных порубок леса в настоящее время ошеломляют? «Свое берем», – сопротивление правоохранительным органам ожесточенное.

Иное дело восприятие собственности у капиталистов, чиновников, лелеющих мечту разбогатеть. Здесь она многократно сложнее; здесь и «власть-собственность», и всякого рода финансовые операции; здесь – «деньги не пахнут». Разумеется, что и среди чиновников немало честнейших людей, но они не определяют характера слоя.

Совершенно «прозрачным» должен быть и источник средств труда. Л.Н. Толстой своими поступками убедительно доказал, что наследование, дарение и другие подобные сделки должны носить другой характер, чем есть.

Нельзя однозначно утверждать ни частную, ни коллективную, ни общественную формы собственности. Они – продукт естественно-исторического процесса, и все это в динамике. Несомненно, однако, что Россия никогда не станет такой же «рыночной» страной, как страны Европейского

полуострова. Громадность территории, рассредоточенность природных ресурсов, редкое население предполагают медленный оборот капитала. И как неизбежное следствие – монополии, дополненные кустарными производствами (сельскими кузницами). Выбирая же из двух зол (монополия частная или монополия государственная) приоритет надо отдать монополии государственной. География диктует России оставаться самой социалистической страной мира, как Аляске – самым социалистическим штатом США.

Теперь же обстановка в мире переменилась. В условиях дефицита ресурсов повысилось значение приоритета, силы, обмана. Страны Запада по преимуществу обеспечивают свое благополучие за счет этого. И потому кто любит нынче американца, француза, англичанина? Думается, никто. Народы обладают огромной памятью сотворенного добра и зла. А у Запада последнее многократно перевешивает.

Труд был и остается доминантой источника собственности. «Прошлый труд», «застывший труд», богатство накапливаются. Они обретают все формы собственности, теснят «труд-собственность». Человек, как «человек трудящийся», обезличивается. Накапливаемое имущество погребает такого человека. Но особенно «обретают вес» деньги. Такое соотношение угрожает общепланетным кризисом. Очевидны и деформации в отношениях собственности в самой ее сути. «Собственность-труд» заслоняется фетишем «собственность-деньги».

Обилие потребительских товаров, оборудования, инфраструктурных объектов и даже продовольствия – не оправдание «прогресса». На памяти одного поколения обмелели или исчезли реки, оскудели луга, обеднел лес, уменьшился и ухудшил качество черноземный слой... И это в России! Разрушен русский дом с землей, русские поселения, а с ними и русская семья, традиции, обычаи... Можно не сомневаться, что счет прибылей и убытков накопления собственности обернется большими дефицитами.

При всей многоплановости избранной темы данное утверждение выделим отдельно: созданные дома-бараки по своей природе исключают и семью, и трудовое воспитание человека; кое-что держится на инерции, что-то стало видимостью или камуфляжем семейного общежития. Но можно полагать, что с каждым днем в отмеченной «сердцевине» общественного устройства будет все хуже и хуже.

И все же собственность, имея громадное значение во всех сферах общественной жизни, не является «главным звеном» в этой жизни. «Главным звеном» был и остается труд. Следовательно, можно полагать, что при всех возможных скачках и перерывах приоритет останется за трудовой собственностью. Кроме того, мы отмечали, что эффективно организовать работу коллективов никак нельзя, если не учитывать труд во всех его аспектах: идеологических, политических, нравственных...

Но этим, конечно, не разрешается самое существенное противоречие: собственность-труд и собственность-имущество. Победа в конечном счете будет за собственностью, рожденной трудом, поскольку лишь в этой среде человек становится Человеком.

Сегодня приоритеты в квалификации, в «лидирующих продуктах», в физико-географических условиях определяют положение товаров на рынках. Но это состояние временное. Народы разных стран скоро осознают ситуацию и найдут что противопоставить этому. Несправедливость слишком очевидна. Рабочие Юга обездолены и превращены во вспомогательную рабсилу для США и Западной Европы.

Усиление напряженности в распределительных отношениях в глобальном плане неизбежно. Производственные ресурсы год от года сокращаются, потребность же в них, напротив, растет. И потому собственность «сжимается». И это – еще одна из тенденций ее развития. Надо учесть еще и то, что установкой населения наиболее густонаселенных стран мира, таких, например, как Китай, стало потребительство. Следовательно, надо ждать взрыва новых потребностей.

СПОРЫ О ПРОЕКТЕ «СВОЙ ДОМ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ»

Может быть, необъективно оценивали значимость разработок М.И. Леденева некоторые старшие его русские коллеги. Профессор В.А. Буряк, лауреат Ленинской премии, первооткрыватель крупнейшего на планете месторождения рудного золота, поразился, впервые познакомившись с выводами М.И. Леденева: «А я и не знал, что рядом со мной, в Хабаровске, работает ученый такого мирового уровня!» А

патриарх дальневосточной науки академик Ю.А. Косыгин, будучи уже на девятом десятке и добившись всего, о чем только может мечтать научный деятель, вздохнул: «Наверно, если бы знал раньше, занялся бы с юности проблемами Своего Дома на Своей Земле».

Но есть и действительно объективные, без проникновения в дух и суть, оценки проекта М.И. Леденева. Я много раз был свидетелем и участником обсуждения леденевских идей, на философских и методологических семинарах, на заседании общественной палаты при губернаторе Хабаровского края, в газетной полемике и в радиодискуссиях... Хорошо знаком и с возражениями против проекта, более того, как бы это ни парадоксально звучало после всего, что я сказал про М.И. Леденева, я согласен с этими возражениями. К чему они сводятся?

В отличие от меня, от В.А. Буряка, Ю.А. Косыгина, оппоненты леденевского проекта не знакомы с самим автором, не знают об его корнях и поисках, они обсуждают только написанное М.И. Леденевым. И находят возможным дать иную интерпретацию тем же самым рекомендациям.

Вот, допустим, как аргументирует несогласие с М.И. Леденевым в своей язвительной статье «Мы наш, мы новый миф построим» архитектор С. Дыминский: «Не знаю, стоит ли долго объяснять, что комфортность, качество, индивидуальность жилища зависят не от выбранного типа (количество квартир, этажей, блок-секций и т. п.), а от финансовых возможностей конкретного заказчика и мастерства проектировщиков и строителей». При таком прочтении проекта века вывод предопределен: «Только если наша казна побогаче немецкой будет».

И когда речь заходит о богатстве и финансовых возможностях, я всегда вспоминаю, как дочери одного миллиардера поручили написать сочинение о бедной семье. Она и написала о бедном, разнесчастном семействе, у которого и вилла была бедная, и лимузины самые дешевые, а самое трагичное состояло в том, что даже оба сторожа их плавательного бассейна были бедные-бедные.

Нет, во всем прав архитектор, несомненно обладающий «мастерством проектировщика», способным обеспечить необходимые «комфортность, качество и индивидуальность жилища», при наличии, естественно, «финансовых возможностей конкретного заказчика». А профессор М.И.

Леденев во всем не прав. Ну кто же его за язык тянул выражаться так, чтобы в своем проекте оставить место для обоих сторожей плавательного бассейна индивидуального застройщика? Поделом ему, поделом...

Когда я публикую собственные материалы о «Проекте XXI века», я заранее исключаю любую возможную двусмысленность. И встречаю понимание, иногда даже меня самого изумляющее. Так, новосибирская журналистка Нина Максимова, готовя мою статью, сняла мое название и дала другой заголовок – «Свой Дом на своей земле не должен быть дворцом». И постановка, и решение тут становятся ясными еще до прочтения, сразу объявляется открытым текстом: «Господ новых русских просят не беспокоиться, это не для них». И я застрахован от всякой критики, потому что ни один архитектор, обладающий мастерством проектировщика, способным обеспечить комфортность и качество любому конкретному заказчику, имеющему финансовые возможности, на мою статью не обратит ни малейшего внимания.

Или вот еще... Один известный в Хабаровске общественный деятель демократического направления, познакомившись с леденевским проектом, пренебрежительно хмыкнул, – чего же здесь нового? Вон в Австралии восемьдесят процентов населения живут в своих домах. А в Америке порядочные люди все поголовно имеют собственное ранчо, и на работу ездят за сто миль на собственном автомобиле... И всего-то оригинальности – сделать «как в Америке». И тут финал тот же самый: когда наша казна побогаче американской будет.

И когда меня однажды попытались привлечь к соавторству в статье, заявляющей поддержку леденевскому проекту под таким соусом: пусть у каждого будет свой дом, такой, какой ему позволяют его финансовые возможности, то есть, у одного дворец с плавательным бассейном, а у другого сарайчик из ржавых бидонов, – что-то вроде «Jedem das Seine», каждому свое, как было написано на воротах Бухенвальда, то я отказался от такой поддержки М.И. Леденева.

Меня всегда беспокоила именно эта неоднозначность, и потому, заинтригованный сутью леденевских предложений, я, до того лично с профессором не знакомый, подошел к нему и сразу начал с главного: «Яранга и хижина – да?» На что М.И. Леденев безоговорочно согласился: «Яранга и хижина – да!» Следующим вопросом было: «Вилла и яхта – нет?» И только после того, как автор проекта XXI века рассеял все мои

сомнения: «Вилла и яхта – нет!», – я протянул ему руку в знак полного единодушия и представился.

Ну, да ладно, Господь с ней, с неоднозначностью, тут вполне можно дотолковаться. Тревожит другое. Не поздно ли?

Пуанкаре терпит фиаско... Русский мужик расшифровывал эту ситуацию по-русски. Чемберлена не потерпел, Вильсона не потерпел, а Фиаску терпит. Видать, сильнее... Два великих реформатора были на Руси, два Петра – Романов и Столыпин. Оба покушались на патриархальную русскую культуру во имя ускорения научно-технического и промышленного развития, оба тщились разрушить, разгромить общинные устои. Устоял сиволапый. А при Никите рухнул наземь. Видно, сильнее оказался Никита, чем оба Петра, вместе взятые.

Вот эти-то потрясения М.И. Леденев учитывает и, я уверен, нейтрализует. Способен Свой Дом на Своей Земле возродить традиции русской культуры, подавленные Н.С. Хрущевым, любителем кукурузы и противником крестьянского подворья? Но этот проект совершенно не учитывает реалии, созданные последним десятилетием русской истории.

Б.Н. Ельцину удалось сделать то, что оказалось не под силу всем троим предшественникам – обоим Петрам с Никитой в придачу. Если до того культура человека земли была подавлена, угнетена, то первый президент «Россиянии» ее просто уничтожил. И теперь должна идти речь не о возрождении, а о реанимации. Возможно ли это?

Серьезные сомнения возникают, стоит лишь вспомнить о поголовном устремлении молодых стать собственником своего авто. Михаил Иванович проводил со студентами очень похожий эксперимент. Распространил среди них экспресс-анкету о зарплате, которую они рассчитывают получать после завершения института. В анкете было три графы: до полутора миллионов, от полутора до двух с половиной, больше двух с половиной миллионов (понятно, что речь идет о временах до деноминации рубля). Ни один не согласился на зарплату меньше полутора миллионов. «Абсолютная социальная дезориентация! – клокочет гневом М.И. Леденев. – Траву есть будете!»

А я в этом очень сомневаюсь.

Захожу к знакомым. В комнате никого из взрослых, телевизор работает на всю мощность, против него – маленькая девочка. «Что смотришь?», – спрашиваю. «Санта-Балбалу», –

отвечает юная телезрительница. И вырастет она, как и мои школьники, и леденевские студенты, в абсолютной уверенности, что единственная достойная жизнь – это сладкая жизнь, и на интерьер своего дома, худший, чем в Санта-Балбале, она никогда не согласится.

Телевидение – это оружие массового поражения, еще более страшное, чем атомная бомба. Бомба способна уничтожить только бренное человеческое тело, телевидение калечит бессмертную и божественно совершенную душу.

И средства для достижения цели подрастающему поколению ясны, как божий день. Конкуренция – хватай ближнего за глотку и держи до тех пор, пока у него пятки дергаться не перестанут. Нет, не прав профессор М.И. Леденев, эти траву есть не будут. Эти будут кушать друг друга. А для пробуждения аппетита сожрут нас. И не поперхнутся.

Очень мудрый и добрый проект предлагает М.И. Леденев. Способен он полностью исправить хрущевские извращения. А вот как исправить последствия ельцинской деятельности?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России / *В. А. Коптюг, В. М. Матросов, В. К. Левашов, Ю. Г. Демянко.* Владивосток, 1997. С. 14.

2. *Дуков В.* Время воевать не друг с другом, а с «грязью» в атмосфере // Зеленый мир. 1999. № 23. С. 15.

3. Зеленый мир. 1999, № 4. С. 2.

4. *Курдюмов С. П.* В обход «конца света» // РФ сегодня. 1999. № 15. С. 54 .

5. *Водолазов Л. И., Лобанов Д. П.* О пользе закрытых систем // Зеленый мир. 1999. № 3. С. 12.

6. Экологическая обстановка в Иркутской области в 1993 году. Иркутск, 1994. С. 107.

7. *Вронский В. А.* Прикладная экология. Ростов-на-Дону, 1996. С. 318.

8. Зеленый мир. 1999. № 6. С. 22.

9. *Уразметов Р. В.* Выступление на экологической конференции Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. Хабаровск, 1994. 28 апреля.

10. *Реймерс Н. Ф.* Охрана природы и окружающей человека среды: Словарь-справочник. М., 1992. С. 96.

11. *Ахтямов М. Х.* Выступление на экологической конференции Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. Хабаровск, 1994. 28 апреля.

12. *Уразметов Р. В.* Выступление на экологической конференции Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. Хабаровск, 1994. 28 апреля.

13. *Ахтямов М. Х.* Выступление на экологической конференции Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. Хабаровск, 1994. 28 апреля.

14. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России / *В. А. Коптюг, В. М. Матросов, В. К. Левашов, Ю. Г. Демянко.* Владивосток, 1997. С. 20.

15. Концепции современного естествознания. М., 1997. 271 с.

16. Окружающая среда: от новых технологий к новому мышлению / *В. Г. Горшков, К. Я. Кондратьев, В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев* // Устойчивое развитие. Материалы к семинару «Управляемость мировым развитием: опыт и перспективы». Новосибирск, 1995. 168 с.

17. *Реймерс Н. Ф.* Охрана природы и окружающей человека среды: Словарь-справочник. М., 1992. С. 98.

18. *Коптюг В. А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Чем грозит России игнорирование ее выводов? // Трагедия цивилизации. Новосибирск, 1994. С. 10

19. *Реймерс Н. Ф.* Охрана природы и окружающей человека среды: Словарь-справочник. М., 1992. С. 142.

20. Зеленый мир. 1999. № 4. С. 2.

21. *Реймерс Н. Ф.* Охрана природы и окружающей человека среды: Словарь-справочник. М., 1992. С. 149.

22. *Реймерс Н. Ф.* Охрана природы и окружающей человека среды: Словарь-справочник. М., 1992. С. 98.

23. *Коптюг В. А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Чем грозит России игнорирование ее выводов? // Трагедия цивилизации. Новосибирск, 1994. С. 10.

24. *Коптюг В. А.* Итоги Конференции ООН по окружающей среде и развитию // Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 194.

25. Экология и экономика: Справочник. Киев, 1986. 286 с.

26. Окружающая среда: от новых технологий к новому мышлению / В. Г. *Горшков, К. Я. Кондратьев, В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев* // Устойчивое развитие. Материалы к семинару «Управляемость мировым развитием: опыт и перспективы». Новосибирск, 1995. С. 105–106.

27. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1994 году. М., 1995. С. 100.

28. *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. М., 1989. С. 528.

29. *Коптюг В. А.* Корабль цивилизации надо суметь провести между Сциллой и Харибдой // Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 208.

30. *Кортен Д.* Развитие, ориентированное на человека: альтернатива для человечества в период кризиса // Устойчивое развитие. Материалы к семинару «Управляемость мировым развитием: опыт и перспективы». Новосибирск, 1995. С. 37

31. *Поздняков А. В.* Стратегия российских реформ. Томск, 1998. С. 168.

32. *Кортен Д.* Развитие, ориентированное на человека: альтернатива для человечества в период кризиса // Устойчивое развитие: Материалы к семинару «Управляемость мировым развитием: опыт и перспективы». Новосибирск, 1995. С. 43.

33. *Поздняков А. В.* Стратегия российских реформ. Томск, 1998. С. 293.

34. *Ключников Б. Ф.* Дьявольский насос // Наш современник. 1998. № 11– 12. С. 150.

35. *Поздняков А. В.* Стратегия российских реформ. Томск, 1998. С. 150.

36. *Кортен Д.* Развитие, ориентированное на человека: альтернатива для человечества в период кризиса // Устойчивое развитие: Материалы к семинару «Управляемость мировым развитием: опыт и перспективы». Новосибирск, 1995. С. 41.

37. *Логан Р., Миков Е. Г.* Ценности «героического» капитализма и кооперативный уклад жизни // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1998. № 1. С. 169–170.

38. Трагедия цивилизации. Новосибирск, 1994. С. 6.

39. Трагедия цивилизации. Новосибирск, 1994. С. 6.

40. *Моисеев Н. Н.* Устойчивое развитие или стратегия переходного периода // Становление экологического образования в Приморском крае. Тенденции и перспективы. Владивосток, 1997. С. 77.

41. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России / *В. А. Коптюг, В. М. Матросов, В. К. Левашов, Ю. Г. Демянко.* Владивосток, 1997. С. 12.

42. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России. / *В. А. Коптюг, В. М. Матросов, В. К. Левашов, Ю. Г. Демянко.* Владивосток, 1997. С. 13.

43. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. М., 1991. 321 с.

44. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России / *В. А. Коптюг, В. М. Матросов, В. К. Левашов, Ю. Г. Демянко.* Владивосток, 1997. С. 34.

45. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России / *В. А. Коптюг, В. М. Матросов, В. К. Левашов, Ю. Г. Демянко.* Владивосток, 1997. С. 34.

46. *Забелин С.* Момент истины был, но получилось «как всегда» // Зеленый мир. 1999. №3. С. 10.

47. *Ишков А. Г.* У нас есть шанс... // Зеленый мир. 1999. № 24–25. С. 28.

48. *Данилов-Данильян В. И.* Новая этика – обязательное условие ответа на экологический вызов // Зеленый мир. 1999. № 6. С. 14.

49. *Вождь Сиэттл.* Послание //Думая как гора. М., 1992. С. 69–74.

50. *Моуэт Ф.* Не кричи: «Волки!» М., 1993. С. 77, 94.

51. *Ди Браун.* Схороните мое сердце у Вундед-Ни. Хабаровск, 1988. С. 273.

52. *Моуэт Ф.* Смертный час бизона // Трагедии моря. М., 1988. С. 105 – 113.

53. *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Зап. Приамурского отдела Имп. Русского геогр. общ-ва. СПб., 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 82.

54. *Лебедев В. В., Симченко Ю. Б.* Ачайваямская весна. М., 1983. 143 с.

55. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.-Л., 1949. С. 247.

56. *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955; *Лопатин И. А.* Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования // Записки общ-ва изучения Амурского края Владивосток. отделения Приамурского отдела Русск. геогр. общ-ва. Владивосток, 1922. Т. 17. 369 с.

57. *Моуэт Ф.* Люди оленьего края. Иркутск, 1988. С. 191.

58. *Морган Л. Г.* Лига ходеносауни или ирокезов. М., 1983. 301 с.

59. *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955. С. 171.

60. *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955; *Богораз В. Г.* Чукчи. Л., 1934, 1939. Ч.1, ч. 2; *Кропоткин П. А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. П.-М., 1922.

61. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем: 1872 – 1887. М., 1987. С. 541.

62. *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955. С. 183.

63. *Арсеньев В. К.* Лесные люди – удэхейцы // Избр. произведения: В 2 т. Хабаровск, 1997. Т. 2. С. 515.

64. *Кропоткин П. А.* Этика. М., 1991. С. 261.

65. *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955. С. 190.

66. *Кропоткин П. А.* Этика. М., 1991. С. 77.

67. *Дьячков А. Е.* Анадырский край // Зап. общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. 2. С. 46; *Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Гергарда Майделя: Приложение к LXXIV-му тому записок Импер. Академии Наук. 1894. № 3. С. 80; *Трифонов А.* Заметки о Нижне-Колымске // Изв. Сиб. отд. Импер. Русского геогр. общ-ва. 1872. Т. 3. № 3. С. 160 – 166.

68. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. СПб., 1900. С. 372.

69. *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955. С. 186.

70. *Дьячков А. Е.* Анадырский край // Зап. Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. 2. С. 46.

71. *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Зап. Приамурского отд. Русского геогр. общ-ва. СПб., 1896. Т. 2. С. 139.

72. *Толмачев И.П.* По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911. С. 57.

73. См.: *Богораз В. Г.* Чукчи. Л., 1934. Ч. 1. С. IX.

74. *Діонео.* На крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб., 1895. С. 51.

75. *Морган Л. Г.* Лига ходеносауни или ирокезов. М., 1983. С. 174.

76. *Ди Браун.* Схороните мое сердце у Вундед-Ни. Хабаровск, 1988. С. 28–30.

77. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. СПб., 1900.

78. *Діонео.* На крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб., 1895.

79. *Діонео.* На крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб.,1895.

80. *Бутурлин С. А.* Отчет уполномоченного министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края мирового судьи С. А. Бутурлина. СПб., 1907. С. 33.

81. *Билибин Н.* Классовое расслоение кочевых коряков. Владивосток, 1933. С. 38; Он же. Обмен у коряков. Л., 1934. С. 23.

82. *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 60.

83. *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому океану, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. г. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. М., 1948. С. 180.

84. *Кропоткин П. А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. П.-М., 1922. С. 110.

85. *Вениаминов И. Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. СПб., 1840. Ч. 2. С. 315.

86. *Норденшельд А. Э.* Плавание на «Веге». Л., 1936. С. 361.

87. *Ди Браун.* Схороните мое сердце у Вундед-Ни. Хабаровск, 1988. С. 371.

88. *Мильнер Г. В.* Общие проблемы социального развития и повышения жизненного уровня населения зоны БАМа // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч. 2. С. 86.

89. *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1994. Т. 5. С. 283.

90. *Гачев Г.* Русская дума. М. 1991. С. 33.

91. *Толстой Л. Н.* Рабство нашего времени // Л. Толстой. Не могу молчать! М., 1985. С. 405.

92. *Бонч-Бруевич В. Д.* О религии, религиозном сектантстве и церкви // Избран. соч. М., 1959. Т. 1.

93. *Проклов Г.* Наша огненная профессия // Амурский характер. Хабаровск, 1986. С. 188.

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Вопросы входного контроля:

Был ли в истории человечества кризис, подобный нынешнему глобальному экологическому кризису, и если был, то когда?

а) такого кризиса не было;

б) был неолитический кризис присваивающей экономики;

в) был на рубеже Средневековья и Нового времени;

г) был в конце эпохи колониального передела мира.

Как вы считаете, какая страна несет главную ответственность за кризисные проявления в глобальной экологии?

а) США;

б) СССР, РФ;

в) Китай;

г) отсталые страны «третьего мира».

Было ли имущественное расслоение в первобытных общинах?

а) было;

б) нет;

в) оно возникало, но не получало развития;

г) социальные механизмы выравнивания предотвращали его появление.

Насколько осуждалось стремление к обогащению

а) в русском традиционном обществе;

б) в СССР;

в) в нынешней РФ.

Вопросы текущего контроля:

Возможно ли в принципе решение экологических проблем методами совершенствования экономических механизмов и с помощью высоких природосберегающих технологий?

а) возможно;

б) частично возможно: решаются локальные и национальные экологические проблемы ценой усугубления глобальных экологических нарушений;

Исчерпаемые и неисчерпаемые ресурсы: за какие запасы будут вестись войны XXI века?

а) золото;

б) нефть;

в) вода.

В результате экономического развития повысилось или понизилось в мире число бедных и голодных за последние полвека?

а) повысилось;

б) понизилось;

г) не изменилось.

Развитие материальное и духовное, выбор какого из них в качестве определяющего предотвращает возникновение:

а) экологических проблем;

б) социальных конфликтов.

Люди не могут быть одинаковыми. Если тебе больше дано от природы, то ты

а) имеешь право больше брать;

б) обязан больше отдавать.

Категория труда – основа экономической теории и ее философии. Собственность только трудовая. Свой Дом – своими руками. Отказ от соблюдения этого принципа привел общество

а) к глобальному кризису;

б) к богатству и процветанию;

в) к распаду семьи, крушению социальных устоев.

Вопросы выходного контроля:

Характеристика современного состояния природы.

Соотношение между техническим прогрессом и экономическим развитием, с одной стороны, и состоянием природы, с другой стороны.

Этническая культура и ее взаимосвязь с развитием экономики.

Обмен материальным продуктом в обществах, не знакомых с экономикой.

Собственность и ее реализация в жизненном укладе коренных народов Дальнего Востока.

Социальные механизмы имущественного выравнивания в хозяйственной деятельности коренных народов Дальнего Востока.

Homo oiconomicus и его отношение к природе.

Труд как ключевое звено региональной экономики.

Свой Дом на Своей Земле как основа глубинных устоев народной культуры.

Социокультурный аспект собственности.

Философское содержание категорий «труд» и «собственность».

Глава 2

ПРИРОДА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Дальний Восток - самый специфичный регион на планете, он отличается даже от европейской России так же резко, как сама Россия отличается от других стран. Поэтому сначала надо проанализировать эти наши национальные особенности.

На наши природно-климатические условия определяющее влияние оказывают океанические течения: Гольфстрим в Атлантике и точная его копия в Пацифике – Куро-Сио. Пассатные ветры создают в экваториальной зоне движения водных масс, направленные с востока на запад. Встретив материковый барьер, широтные потоки поворачивают в северном полушарии направо, к северо-востоку, а в южном – налево, к юго-востоку. Получается, что севернее экватора массы тепла согревают всю Западную Европу и Западную Америку. Нам в обоих случаях не достается ничего – наша историческая Родина слишком далека от атлантического побережья, а на Дальнем Востоке Куро-Сио спешит прочь от наших берегов, не достигнув даже Хоккайдо. Только в Баренцевом море последние остатки энергии Гольфстрима слегка подогревают Кольский полуостров, от берега которого море из бореального, умеренного, постепенно переходит в арктическое, правда, это пока еще низкая Арктика, с положительными температурами морской воды. А вот за барьером Новой Земли Карское море – уже высокая Арктика, с отрицательными температурами и постоянными льдами. И в тихоокеанском бассейне – то же самое: Куро-Сио, развернувшись направо, вдоль сороковой параллели доходит до Америки, где поворачивает на север, обогревает штаты Орегон

и Вашингтон, Британскую Колумбию, Аляску, Алеутские острова и угасает у Командорских островов. А Берингово море за барьером Алеутской гряды находится полностью во власти Арктики, низкой у берегов Аляски и высокой у берегов Чукотки.

На карте распределения зимних температур на поверхности Мирового океана [1] изотерма + 5° С от атлантического побережья Америки в районе Нью-Йорка поднимается круто вверх, параллельно струе Гольфстрима, проходит мимо Гренландии намного севернее Скандинавии, почти к Шпицбергену. И стоит только задуматься, как сразу становится понятной неизбежность свирепых морозов на всей территории России: Западный Мурман, почти в полтысяче километров севернее Полярного круга, не замерзает, а Азовское море, расположенное на 2 500 километров южнее, замерзает на 3–4 месяца в году! Скандинавское Заполярье теплее нашего курортного юга!

Ну а Белое Море, хотя оно и южнее Баренцева, зато дальше от печки, или вернее от батареи водяного отопления, от Гольфстрима, и потому замерзает на 6–7 месяцев. И в устье Оби зимой теплее, чем в Чите.

И не Солнце, не широтное положение, а близость к печке определяет все климатические закономерности Европы. Изотермы января идут на карте не по горизонтали, в широтном направлении, как положено, а по вертикали. То есть повышается температура не с севера на юг, от полюса к экватору, а с востока на запад, из России к Западной Европе.

Вода – самый могучий энергоаккумулятор в природе, у нее колоссальная теплоемкость, и стоит, допустим, повыситься температуре морского течения всего на один градус, как температура воздуха в прибрежных странах сразу повышается на десять градусов.

Изотерма января – 8° С спускается из окрестностей Шпицбергена к Мурманску, далее прямо к Санкт-Петербургу, Брянску, Киеву и Ростову-на-Дону. Следующая изотерма – 16° С, нарушая все законы распределения солнечной энергии по земному шару, идет от Земли Франца-Иосифа по Новой Земле через Печору вдоль всего Урала мимо Челябинска к Орску. На три с половиной тысячи километров поперек широтной зональности! Еще более вызывающе ведет себя изотерма – 24° С. Практически от самого северного полюса она устремляется

вниз по карте через Ямал до Иркутска. А Иркутск расположен на широте Брюсселя и Бонна.

А ведь наша страна простирается на восток еще дальше от Гольфстрима, и на карте нарисованы совсем жуткие изотермы – 32° С, – 40° С, – 48° С... И полюс холода в Северном полушарии находится на нашей территории, и абсолютный минимум – минус 71° С тоже зарегистрирован у нас. В Европе же температурный минимум в норвежском Бергене такой же, как и в Стамбуле (– 16,1° С), а в Лондоне никогда в истории не было мороза больше чем десять градусов [2].

Так что же расположено слева от январской изотермы – 8° С? Вся Западная Европа, со скандинавским Заполярьем. Норвегия, где в мае собирают клубнику. «Лыжная Мекка» – Финляндия. «Не наши» страны Балтии, которые и в составе-то СССР были самыми не нашими. А нулевая изотерма, на которой лежат Сочи и Осло, в общем, довольно точно, как подметил А.П. Паршев, разделяет страны НАТО и страны бывшей Организации Варшавского договора, то есть это старая граница «капстран» и «соцстран». Германия, Дания, Голландия, Бельгия, Англия, Ирландия, не говоря уже о других, общеизвестно теплых странах – все лежат в области положительных зимних температур. С западной частью Швеции и Норвегии может сравниться только южный берег Крыма...

Россия – самая суровая страна планеты, кроме Монголии, где в среднем холоднее, чем на прибрежных научных станциях Антарктиды [3]. У нас среднегодовая температура – минус 5,5° С. Две трети территории нашей Родины расположены на вечной мерзлоте. «Мы не Запад и не Восток, – вечно горячился в споре со мной М.И. Леденев, – мы страна Севера».

И что нам сравниваться с Америкой! Она вся уютно разместилась между 25-й и 49-й параллелями, это тропики, субтропики да южно-умеренная зона, у нас же южнее 49-го градуса всего чуть-чуть территории – Предкавказье да Приморье.

По И.Л. Солоневичу, трудно представить большую противоположность, чем противоположность природных условий США и России: «История САСШ повествует о благоговейном изумлении, которое охватило первых переселенцев в Северную Америку. Джон Смит писал: "Никогда еще и небо и земля не были так согласны в создании

места для человеческого жительства". Действительно: мягкий климат, плодородная земля, обилие леса и дичи, незамерзающее море с обилием рыбы, возможность почти любой сельскохозяйственной культуры умеренного климата, лесные промысла, которые давали сырье для судостроения, гавани, которые обеспечивали этому судостроению материальную и транспортную базу, – и *никаких* нашествий: индейцы без боя отступали вглубь страны, поставляя оттуда меха для дальнейшего товарооборота. Это была, действительно, "Господа Бога собственная страна". Что было в Москве? Тощий суглинок, маленькая Москва-река, суровый климат, ближайшие моря отрезаны со всех сторон, и из-за Оки, с "Дикого поля" непрерывная *всегдашняя*, – вечно нависающая угроза смертоносного татарского набега.

Если в Северной Америке "небо и земля", действительно, как будто сговорились в "создании места для человеческого жительства", то в России и небо и земля, и климат и география, и история и политика как будто сговорились, чтобы поставить народ в казалось бы совершенно безвыходное положение: а ну-ка попробуйте!» [4]

Канада к нам, конечно, поближе, чем США, но и она тоже благодатный юг в сравнении с Россией. Основная масса населения проживает там на широте нашего Предкавказья и юга Русской равнины. Средняя годовая температура в Ванкувере + 9,8° С, как в Вене, Софии и Одессе, а в Монреале + 6,7° С (для сравнения – в Москве средняя годовая температура + 3,8° С). Лишь некоторые районы с плотностью населения 1–10 человек на квадратный километр доходят до 52–53° северной широты. А на прочей территории к северу от пятидесятого градуса, где у нас сосредоточено все население, у них плотность не превышает 1 человек/км². Большая же часть всей площади России располагается севернее шестидесятого градуса, где практически никто в Канаде на живет, а у нас здесь огромное число жителей. И вообще больше нигде в мире не живет такое огромное количество людей в столь высоких широтах! [5]

Или вот – не самая южная из европейских стран: «Современная Германия лежит в самом центре Европы, в мягком умеренном климате, не знающем ни морозов, как на нашем севере, ни засух, как на нашем юге, ни наводнений, как на Миссисипи или на Желтой реке. Плодородная почва, с очень большими запасами каменного угля, железа, меди и

прочего – почти всего, кроме нефти, которая до мировых войн никакой роли вообще не играла. Ее территория прорезывается рядом незамерзающих рек, впадающих в незамерзающие моря, где у Германии есть ряд первоклассных гаваней: Данциг, Любек, Гамбург, Бремен, Кельн. Германия имеет все преимущества континентальной страны и все преимущества морской. Германия не знала татарских нашествий – а наполеоновские не несли с собой ни резни, ни рабства, ни даже порабощения» [6].

Есть такое понятие в физической географии – сумма температур. Оно формируется так: когда ртуть в термометре поднимается выше + 10° С, начинают прибавлять температуру одного дня к температуре другого вплоть до того времени, пока градусник не опустится снова ниже + 10° С. Почему так сложно? Потому что только так можно выяснить, хватит ли тепла садовым, огородным и полевым культурам, чтобы пойти в рост и успеть созреть. Так вот, у нас лишь незначительная часть территории, примерно к югу от линии Санкт-Петербург – Новосибирск лежит в зоне с суммой температур более 1600 градусов (холодно-умеренный пояс), и только на юге страны, на карте это ниже Тамбова – Самары – Барнаула, растения чуть лучше обеспечены теплом (сумма не менее 2200 градусов, умеренный пояс). И как же нам равняться с Западной Европой, США и обитаемой частью Канады, где сумма температур как в саду Эдемском!

На карте зон сравнительной благоприятности территорий для плодоводства, приводимой А.П. Паршевым, в зону, получившую наивысший балл – 10 – попадает юг Испании, девятибалльная и восьмибалльная зона охватывает Грецию, Италию, Испанию, Францию и Англию (с ее хрестоматийно «ужасным климатом»), запад Швеции и Норвегии, южный берег Крыма и окрестности Сочи; шесть–семь баллов получила вся остальная Европа западнее СССР; западная граница четырехбалльной зоны совпадает с западной границей РФ, Москва лежит в трехбалльной зоне, далее на восток – зоны вторая и первая [7]. Карта не доходит до Урала, а интересно было бы посмотреть, как на ней были бы отражены хотя бы Омск и Томск, я уж не говорю о Хабаровске и Магадане.

А ведь не только низкие температуры составляют неудобство для жизни человека! Тут и избыточная влажность, туманы и морось, и чрезмерная жара, недостаток чистой воды, обилие гнуса, заболоченность местообитания – ведь всего

этого у нас в избытке, и все в большем масштабе, чем в других странах! Вот как пишет о самых обыкновенных комарах Р.К. Маак: «Тот, кто не бывал в сибирской северной тайге и болотах, не может себе даже представить, до какого изнеможения, до какого отчаяния могут довести эти, по-видимому, ничтожные твари» [8]. Мы, русские, равно как и якуты, чукчи, нанайцы и прочие наши соотечественники, живем в экстремальных условиях, в которых ни один француз, немец или американец жить не согласится.

Годовые перепады температур у нас нередко достигают 80–100 градусов и даже больше (в Европе около 40–50 градусов). Попробуйте к ним привыкнуть – летом задыхаешься от зноя, а зимой движешься по городу короткими перебежками от магазина к магазину. Да и гардероб необходим самый разнообразный – от тулупа до бикини.

Заболоченность в якутской и чукотской тундре почти как в белорусском Полесье, хотя осадков там меньше, чем в пустынях Прикаспия. Причина проста – вечная мерзлота едва успевает оттаять на глубину в ладонь, а ее водоупорные свойства абсолютны, и вся вода остается на поверхности, ей некуда фильтроваться, да и стекать тоже некуда, потому что рельеф тундры примерно такой же, как у обеденного стола.

Карта, на которой отражается степень благоприятности жизни населения, предоставляет просто убийственные доказательства, почему у нас все не как у людей. Полоса наиболее благоприятных условий тянется не вдоль параллели и даже не вдоль меридиана, а вдоль... западной границы РФ! То есть далее, прочь от наших суровых и скудных территорий, располагаются по линии повышения благоприятности жизненных условий, вы только вникните: ближнее зарубежье – бывшие соцстраны – капстраны, или, по-другому, страны НАТО и Общего рынка. Магистраль – к Гольфстриму от нашего русского полюса неблагоприятности жизни в Северном полушарии.

По словам специалиста по демографической генетике В.В. Тимакова, «само существование России – неповторимое чудо мировой истории. Русский народ создал свою державу в таких широтах, где великого государства не могло и не должно было быть... Нигде в мире – ни в Северной Америке, ни на скандинавском полуострове – нет землепашества, нет постоянного земледельческого населения в тайге. Нигде в мире нет в северных широтах таких крупных городов, как

Архангельск, Иркутск, Якутск, Воркута, не говоря уже о Норильске и Магадане» [9].

И может ли наше субарктическое сельское хозяйство конкурировать с американским или канадским? «Урожайность сельскохозяйственных культур в США выше российской прежде всего за счет значительно лучших агроклиматических условий, а не из-за трудолюбия земледельцев или характера собственности на землю» [10].

И умиляться надо не тому, что в Голландии и Швеции пшеница приносит 70 центнеров с гектара, а тому, как русские земледельцы добиваются стопудовых урожаев (16 ц/га). Нынче, правда, об этом приходится только вспоминать: если в царские времена урожаи составляли около 7 ц/га, а в советские 20 ц /га, то в 1992–1997 гг. – около 14 ц/га.

Официальные данные за 1996 год приводят Н.И. Кондратенко и В.А. Бекетов: Россия получила 13,2 ц/га, Великобритания 73,0 ц/га, Нидерланды 82,9 ц/га [11].

Господствующее направление ветров в Европе западное. Потоки воздуха несут от Гольфстрима не только тепло, но и влагу.

Чем дальше к востоку, тем меньше годовое количество осадков: в Западной Европе до 1000 мм в год, на Русской равнине около 600 мм, в Западной Сибири 600–400 мм и в Якутии менее 400 мм. И это тоже весьма существенный фактор эффективности сельского хозяйства.

Вот более конкретные сравнительные данные для разных стран: в США среднегодовое количество осадков около 1000 мм, в Великобритании – 900 мм, во Франции, Германии, Австрии и странах Бенилюкс – около 800 мм, в России – чуть более 400 мм. Границей рискованного земледелия признается уровень 500 мм [12].

Вся Западная Европа – область гарантированного земледелия (там и заморозков не бывает!), Россия же целиком расположена в зоне рискованного земледелия, и это относится даже к самому благодатному нашему уголку – Кубани.

И потому существует прямая корреляция между количеством осадков и урожайностью зерновых культур – при среднем количестве осадков 800–1000 мм в год урожайность равна 50–80 ц/га, при 400–500 мм всего 12–17 ц/га [13].

Лишь один год из трех у нас можно отнести к среднеурожайным, а недороды в России – самое обычное

явление. Примерно раз в десятилетие на нас обрушиваются тяжелые неурожаи. И совсем не редкость для нашей страны неурожаи катастрофические. Случается и так, что голодные годы следуют один за другим, и бывало, что это вызывало непоправимые социальные потрясения, как оно и произошло в начале Великой Смуты XVII века. Лето 1601 года было холодным и сырым, хлеба не созрели, в июле и августе начались заморозки, а 1 сентября – морозы. В 1602 году в середине весны, как пишут летописи, «грянули великие, страшные морозы, побили хлеб во цвету». Лето 1603 года – «вельми сухое и жаркое». Люди ели кошек и собак, мякину и сено, траву и коренья, в городах не успевали подбирать трупы, их закапывали в огромных братских могилах, население сократилось, по некоторым подсчетам, на одну треть. Понятно, что в такой обстановке любая искра способна вызвать всенародный взрыв.

В 1995 году *в январе* в США вымерзли томаты в открытом грунте под Вашингтоном, и это было воспринято как настоящая природная аномалия, примерно так же, как пурга в Сахаре. А у нас заморозки посреди лета – обычное явление, и никого этим не удивишь. Сколько молодых всходов, сколько рассады гибнет по всей стране! Вот оно и есть – рискованное земледелие.

Факт чрезвычайной экономической отсталости России в сравнении с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению, утверждает И.Л. Солоневич. По статистике 1912 года доход на душу населения составлял в США 720 рублей (в золотом дореволюционном исчислении), в Англии – 500, в Германии – 300, в Италии – 230 и в России 110 рублей. То есть, среднестатистический русский еще до первой Мировой войны был почти в семь раз беднее среднего американца и больше чем в два раза беднее среднего итальянца. Даже хлеб – основное наше богатство – был скуден. Если Англия потребляла на душу населения 24 пуда, Германия – 27 пудов, а США целых 62 пуда, то потребление хлеба в России составляло только 21,6 пуда, включая сюда и корм для скота. При этом следует принять во внимание, что в пищевом рационе России хлеб занимал такое место, как нигде в других странах. В богатых странах мира, в отличие от России, рацион значительно пополнялся мясными и молочными продуктами и рыбой.

Таким образом, староэмигрантские песенки о России, как о стране, в которой реки из шампанского текли в берегах из паюсной икры, являются кустарно обработанной фальшивкой: да, были и шампанское и икра, но меньше чем для одного процента населения. Основная масса населения жила на нищенском уровне [14].

Почему же мы при любом общественном строе были такими бедными?

Потому что жить в России – очень дорогое удовольствие. И нам приходилось по одежке протягивать ножки.

У нас, в самой суровой стране мира, должны быть и самые высокие затраты на обеспечение нормальной температуры в жилых помещениях. Иначе мы просто вымерзнем. Да разве только мы? Наши рыбки в аквариумах вмерзнут в геометрически правильную глыбу льда.

«Первое, с чем сталкивается в России потенциальный инвестор, это поразительная дороговизна строительства по сравнению с любой страной мира» [15]. В зависимости от вида строительства его стоимость у нас выше, чем в Западной Европе, в 2–3 раза, а сравнительно с южными странами и того больше.

Прежде всего, нам приходится строить дома с более толстыми стенами. Если в Англии достаточна толщина в один кирпич (20 см), то в Средней России стена должна быть как минимум в 3,5 кирпича (не менее 70 см). Дом в Америке, втрое больший по площади, чем наш, будет стоить дешевле нашего. Да и не каждый стеновой материал выдержит наши 70–90-градусные перепады температур. То же самое надо сказать и о краске, синтетических и других стройматериалах [16].

«В США стена птицефабрики устанавливается только для того, чтобы птица не разбежалась, чтобы обозначить территорию предприятия. Не сооружаются капитальные стены, не монтируются системы отопления, вентиляции. А в России и цыпленка, и утенка, и поросенка отапливать надо, особенно в условиях Центральной России, Сибири и северных территорий, – с сентября по май» [17].

Кроме того, фундамент конструкции должен быть заглублен ниже границы промерзания, а вдвое более глубокий фундамент стоит втрое-вчетверо дороже. На юго-западе России глубина промерзания 110 см, в Поволжье – 170 см. У нас же на Дальнем Востоке эта глубина составляет 250–300 см. На

непромерзающем грунте фундамент практически не нужен. В Германии и Англии, как и в других странах НАТО, здания не выше трех этажей строятся на твердом грунте без фундамента.

Подземные коммуникации у нас вообще разорительны, – чтобы не порвало трубы, их тоже приходится закапывать глубже сезонного промерзания. А дорожное покрытие? Если зимой то оттепели, то снова морозы, а у нас такое не редкость, то вода, проникая в образующиеся микротрещины и замерзая в них, превращает в мелкую крошку и асфальт и бетон. И плоские крыши у нас не годятся, не выдерживают они веса снеговых наносов.

Строительный сезон в средней Германии равен десяти месяцам в году, а в южной России пяти-шести месяцам, и в северной – только трем. Советские строители пытались удлинить этот сезон так называемыми «тепляками», досчатыми навесами и ограждениями вокруг строящихся зданий. Технически это оказалось выполнимо, экономически – не под силу [18].

А отопление по 8–10 месяцев в году, при наших-то свирепых морозах, во что оно обойдется? Даже в Москве на отопление расходуется в год по четыре тонны условного топлива на одного жителя. Это равно годовой зарплате семьи из четырех человек в странах «третьего мира» [19].

Сравните расходы энергии на отопление одного квадратного метра площади жилых зданий: в России 418 кВт/ч на 1 кв. м, в Германии 260 кВт/ч, в Швеции и Финляндии – 135 кВт/ч, в США 55 кВт/ч [20].

А отопление – это не только топливо, это еще и теплотрассы, батареи и внутренняя разводка, это котельные или ТЭЦ, и все намного, во много раз дороже, чем в других странах. И для государства неважно, проводятся эти расходы по линии зарплаты либо по социальным статьям. Все равно это затраты на жизнеобеспечение человека.

Зарплата у нас, если считать и выплаты из общественных и государственных фондов, не ниже, а выше среднемировой.

Самый знаменитый наш диссидент А.А. Зиновьев, опубликовавший за рубежом десятки разоблачительных антисоветских книг, рассказывает. Когда в 1978 году он впервые оказался на Западе, ему задали вопрос о размере его зарплаты. Собеседники сразу же перевели рубли в доллары, и у них получилось, что советский профессор получает меньше американского солдата. Тогда профессор объяснил

американским теоретикам и журналистам, что за квартиру он платил гроши, что налоги были чисто символическими, медицинское обслуживание вообще бесплатным и вовсе не таким плохим, как его изображала западная пропаганда; и кроме того, просветил советский философ западных экономистов, в понятие жизненного стандарта входят такие вещи, как гарантированная работа, доступ к культуре, возможности образования и воспитания детей, обеспеченная старость, условия труда и еще многое другое. И если все это принять в внимание, то материальный жизненный уровень советского профессора окажется выше, чем у американского генерала [21].

Вскользь упомянул А.А. Зиновьев и о природных условиях, а если бы пояснил, что в сумму выплат на каждого человека входит и стоимость строительства (с коэффициентом суровости климата) и затраты на тепло, в Лас-Вегасе вообще бесплатное, стоит лишь распахнуть окошко, – то генерал в США встал бы на уровень не профессора, а нашего бича.

Итак, содержание человека в России, безразлично, бича, профессора, генерала, артиста или слесаря, просто поддержание его жизни хотя бы на рубеже выживания, стоит баснословно дорого. Вот почему Маргарет Тэтчер подсчитала, что в нашей стране экономически оправдано проживание лишь пятнадцати миллионов человек [22].

А если дорогой россиянин еще и пойдет на работу, насколько он станет дороже?

«Есть эмпирические данные для оценки стоимости обустройства рабочего места в зависимости от зимних температур; так вот, для отрицательных температур с каждым градусом эта стоимость растет на десятки процентов. Встречал я и утверждение, что при среднегодовых температурах ниже минус 2° – даже вдвое с каждым новым градусом» [23].

Из чего же складывается эта стоимость? Все из того же, что и в жилищной сфере – толщина стен, глубина фундаментов, обогрев цехов и лабораторий.

«Для средней полосы России доля отопления в объеме общих энергозатрат промышленности составляет три четверти. А ведь у нас еще и затраты на освещение повыше!» [24]. Если вы иностранный инвестор, и вас есть выбор, где построить завод, в России, где вам придется 7–8 месяцев в году расходовать деньги на его отопление, или в Таиланде, где среднемесячная температура июля + 28° С, а января + 28° С, то

вопрос решается автоматически. Но ведь и в том случае, если вы русский инвестор, то вы тоже вложите деньги не в российские проекты, а в таиландские, индонезийские, французские... Потому что понятия патриотизм в бизнесе нет, а понятие прибыль есть, и капитал пойдет туда, где прибыль больше, а если еще и придется выбирать между прибылями и убытками... В общем, иностранный капитал к нам из-за рубежа не пойдет, а российский пойдет, – за рубеж, естественно. Что и требовалось объяснить, потому что многолетняя практика уже показала, что притока нет, а отток колоссальный. В нынешней экономике Дальнего Востока, например, иностранные инвестиции составляют всего 0,5% от регионального внутреннего валового продукта, или 5,3% от общего объема всех вложений в экономику региона [25]. А вот каковы реальные масштабы бегства капитала из России: 1990 год – 20 миллиардов долларов, 1991 год – 50 миллиардов, 1992 год – 60 миллиардов, 1993 год – 40 миллиардов, 1994 год – 50 миллиардов [26].

Суровые природно-климатические условия России, географические факторы удорожают производство в России в 2,5–3 раза, делает совершенно однозначный общеэкономический вывод Е.Н. Стариков, сумевший донести эти простые истины до своих слушателей в университетах Оксфорда, Глазго и Лондона [27].

И вряд ли цивилизованный человек согласится работать по таким, как у нас, нормам охраны труда: монтажникам, строителям и сварщикам БАМа, работающим на улице, каждый час предоставляется для обогрева десятиминутный перерыв при температуре минус 30° С, на 30% сокращается рабочий день при 35° С и прекращаются работы при минус 40° С. Детально расписано и то, как изменяются эти нормы при силе ветра от 0 до 2 метров в секунду, от 3 до 8 и от 9 до 14 метров в секунду. Все это вместе взятое скромно именуется у нас «зимним удорожанием» [28].

Завершая разговор о производственной сфере, приведу окончательный вывод А.П. Паршева: любые капиталовложения в производство на нашей территории убыточны, и чем больше трудозатрат требует произведенный продукт, тем большими будут эти убытки.

Фактические данные, проанализированные тремя научно-практическими конференциями, проведенными в

Краснодарском крае в 1997–1998 гг., заставили экономистов сделать совершенно категорическое заключение: «Заниматься производством любого товара при нынешнем экономическом механизме нецелесообразно, потому что продукция убыточна (неконкурентоспособна), в лучшем случае – на грани убыточности. И это в самой благодатной агроклиматической зоне России!» [29].

Самые же высокие убытки, согласно А.П. Паршеву, будет приносить самая высокотехнологичная, наукоемкая продукция, так как в ней самая высокая доля труда, причем труда самого высококвалифицированного и, следовательно, высокооплачиваемого. Поэтому при включении России в единое экономическое пространство технологический уровень хозяйства будет у нас неизбежно и неотвратимо снижаться. То есть в нашем валовом продукте будет постоянно возрастать удельный вес необработанного сырья – леса-кругляка, нефти и газа, руды, а также самых примитивных полуфабрикатов.

Но и с природными материалами дело обстоит тоже далеко не удовлетворительно.

Все, что было построено у нас раньше в отрасли горнодобывающей промышленности, требовало колоссального напряжения всей экономики и духа народного; поиски, разведка и добыча полезных ископаемых в самых суровых и труднодоступных углах планеты стоили всей стране неимоверных лишений. Теперь же сырьевые отрасли отданы в частные руки, накопленный потенциал будет очень скоро безвозвратно растрачен, и те же самые месторождения, которые когда-то обеспечивали нам бесплатное образование, медицинское обслуживание, покрывали наши расходы на науку, культуру, оборону, станут недоступными, как на обратной стороне Луны. Новому собственнику выгоднее вложить свой капитал во Франции, в Австралии или на Коста-Браво.

Да и месторождений больше не будет: для их сохранения необходима постоянная доразведка, чтобы прирост запасов опережал их изъятие. Выступал как-то в прессе бывший министр геологии СССР Е.А. Козловский, – да если бы я хоть на полгода не обеспечил выполнение плана по опережающему приросту запасов, тотчас же был бы уволен по несоответствию занимаемой должности! Новые хозяева не находят денег для перспективных исследований, и когда найденное прежними собственниками будет высосано, месторождение прекратит

существование. Ремонт, поддержание пригодности, восполнение выбывшего из строя оборудования, прежде всего гигантских коммуникаций, требует также чрезвычайных капиталовложений, убыточность которых по сравнению с инвестициями в любые зарубежные проекты совершенно очевидна.

Свеча горит с обоих концов сразу – и запасы тают, и остающиеся становятся все дороже и все недоступнее. Инфраструктура изношена, «труба» выслужила все сроки! При непрерывном и дорогом ремонте она еще, может, и продержится лет десять. «Нынешние "инвесторы" просто расходуют сделанные когда-то советские инвестиции!» [30]. А без нефти нам самим не прожить, тут уж не до экспорта, потому что для отопления городов нужны углеводороды.

В доходах добывающих фирм рента (бухгалтерски она легко исчислима) составляет до 75%, указывает Г.А. Агранат на истину, которую, вроде бы, должны знать все. По авторитетным подсчетам, государство получает лишь 13% этой суммы. Ренту присваивают «Газпром», «Лукойл», «Норильский никель» и другие монополии. По грубым прикидкам, государство недополучает от ресурсных магнатов минимум 8–10 миллиардов долларов в год. Такая сумма помогла бы решить многие болезненные проблемы России [31].

Цена добычи золота в Сибири на 80–90% определяется энергозатратами. И часто именно поэтому наше золото оказывается нерентабельным. Урановые руды рентабельны только при цене до 80 долларов за килограмм. Найденные раньше месторождения, которые обеспечивали добычу с такой себестоимостью, у нас близки к исчерпанию. Себестоимость кувейтской нефти 4 доллара за баррель, западно-сибирской 14 долларов. И это без учета затрат на разведку и обустройство. Таковы оценки А.П. Паршева.

Километр дороги в болотах Западной Сибири обходится впятеро дороже, чем в песках Ближнего Востока, в прокладке нефтегазопроводов разница еще больше. А сколько этих километров до ближайшего танкера надо проложить нам и Кувейту?

А вот какие цифры приводит Г.А. Агранат: себестоимость добычи тонны нефти на арктической Аляске 40–50 долларов, а на севере Западной Сибири 100–110 долларов [32]. Получается еще хуже, чем по А.П. Паршеву, – если аляскинская стоит от 7 до 8, 5 долларов за баррель, то наша 15–17,5 долларов. Вот и

конкурируй. А когда на мировом рынке цена на нефть снова упадет до 19 долларов? Не век же будет идти война на Ближнем Востоке? Единственно, чем жива экономика нынешней России – это нефть; и что будет в этом не столь уж и невероятном случае?

«Даже производители сырья говорят, что без расходов на отопление их продукция еще могла бы быть конкурентоспособна, но стоит учесть в себестоимости счета за отопление – и о прибыли можно забыть» [33].

Так что «сырьевым придатком» цивилизованных стран мы не станем.

Но что особенно трагично, наше сырье оказывается неконкурентоспособным не только на внешнем, но и на нашем собственном внутреннем рынке.

Себестоимость добычи угля в нашей стране очень высока. Шахтеры Воркуты в 1995 году продавали уголь по 45 долларов за тонну. Покупая его по этой цене, энергетики вынуждены были поднимать цены на электричество, тепло, далее росли цены на сталь, машины и т. д. Польша предложила свой уголь вдвое дешевле. Череповецкий и Новолипецкий металлургические комбинаты стали покупать польский уголь. Но вывозить свой уголь за рубеж из Воркуты шахтеры не могут, он будет там и вовсе неконкурентоспособным. Вот и скапливаются горы такого необходимого и никому не нужного угля у шахт.

«Неизбежно возникает вопрос: "Как же удавалось в доперестроечный период оплачивать труд горняков, если цены на уголь были значительно ниже?" Дело в том, что в настоящее время основная часть шахт акционирована, а раньше добытый на государственных шахтах уголь шел на государственный металлургический завод, а полученный металл – на государственный машиностроительный завод. Всей этой продукцией распоряжалось государство. Оно продавало произведенный автомобиль по цене выше себестоимости, но не всю полученную прибыль отдавало машиностроителям, а часть ее в виде дотаций шла на поддержание угледобывающих предприятий. Перестав быть собственником всей этой производственной цепочки, государство не может регулировать цены и не имеет средств на дотации» [34].

Раньше весь Советский Союз был единым предприятием, и рентабельность его производства можно было оценивать

только в целом. Так вот, это была очень высокая рентабельность. При наших самых суровых на планете климатических условиях, при той разрушительной войне, которую мы выдержали в середине века, мы добились материального благополучия населения, социальной справедливости, надежной независимости, уверенности в будущем.

Лесная промышленность у нас тоже неконкурентоспособна, все по тем же причинам – зарплата, коммуналка и прочая социосфера, резко повышенные производственные расходы, при меньшей, сравнительно с теплыми странами, продуктивности лесной деляны, то есть при меньшем приросте биомассы на той же площади за то же время. «Даже собирательство на нашей территории менее продуктивно, чем в Западной Европе. Между прочим, грибное изобилие уцелевших к настоящему времени лесов Германии значительно превосходит наше, и собирать грибы там можно чуть не круглый год» [35].

Но есть и еще одна отличительная особенность нашей географии, уже и сама по себе, без всех прочих отличий обязывающая нас вести совсем иную, чем в других странах, экономическую политику. И не только. Уклад жизни, привычки общения, способ производства...

Российская империя, ставшая после 1917 года Советским Союзом, – самое большое государство за всю историю человечества. Даже сейчас площадь нашей страны приближается к площади Южной Америки и превосходит площадь Австралии или Европы. И потому вопрос о транспортных тарифах у нас становится не экономическим, а политическим, даже геополитическим. Будут цены на грузоперевозки и на пассажироперевозки способствовать укреплению государственности или усугублению распада страны?

В наших суровых условиях транспорт очень дорог. Причем любой – и морской, при отсутствии или нехватке незамерзающих портов во многих регионах страны (вспомним хотя бы знаменитый «северный завоз»!), и речной, работающий только в течение шести–восьми месяцев летней навигации, и воздушный, по причине дороговизны строительства и эксплуатации аэродромов и самолетов, а также аномально высокой стоимости оплаты квалифицированного труда, и автодорожный – по всем тем же причинам. А если

учесть, что две трети страны располагаются на вечной мерзлоте, а вся оставшаяся территория – в зоне глубокого сезонного промерзания... И что вагоны и салоны зимой надо отапливать, и кроме того, изготовлять их «в северном исполнении». И что износ техники у нас повышенный в несколько раз, что поломки и аварии на автодорогах случаются минимум в десять раз чаще, чем в теплых странах, что стоимость одного капитального ремонта автомобиля равна стоимости целой новой машины, и что без таких ремонтов нам никак не обойтись, что резина при минус 40° С теряет эластичность и становится хрупкой... И еще семь верст до небес, да все лесом. Наша географическая специфика – она же на всем отражается!

Цена на многие наши товары, и минеральное сырье в том числе, определяется транспортными тарифами. Как в начале XX века – поднималась цена на овес, и автоматически дорожала сталь уральских заводов.

А у нас к тому же все как нарочно разбросано по разным углам страны. Металлургическое производство отстоит на тысячи километров от угледобычи – увы, такова наша география размещения месторождений железа и каменного угля, а с коксующимся углем вообще тяжелейшие проблемы...

«Естественные богатства России, как и ее реки, расположены, так сказать, издевательски: в центре страны нет вообще ничего. Там, где есть уголь – нет руды и где есть руда – нет угля. В Кривом Роге есть руда, но нет угля, в Донбассе есть уголь, но нет руды. На Урале есть руда, но нет угля, в Кузбассе есть уголь, но нет руды. Пока Урал работал на древесном угле, Россия вывозила лучшее в мире железо. Когда истребление лесов и прогресс техники *потребовали* соседства угля и руды, то русская промышленность оказалась в заколдованном кругу. Для того, чтобы "освободить" Донбасс, нужно было покончить с кочевниками. Когда с ними было покончено, нужны были железные дороги, чтобы возить руду в Донбасс, или уголь – в Кривой Рог. Для железных дорог нужно железо. Для железа нужны железные дороги. Эта проблема и до сих пор не решена *экономически*: да, можно возить руду с Урала в Кузбасс и – встречными маршрутами – уголь из Кузбасса на Урал, но сколько это стоит?

Золото и нефть, уголь и руда разбросаны по окраинам страны. В ее центре нет, собственно, *ничего*. В Германии, Англии и САСШ все это расположено в центре и рядом. Рур,

Пенсильвания, Бирмингем. Для транспорта всего этого имеются незамерзающие реки и незамерзающие порты» [36].

В нашем Черноземье для самого примитивного строительства не хватает ни леса, ни щебенки, ни даже бутового камня. А вспомните хотя бы эпопею строительства Санкт-Петербурга! По указу императора каждая крестьянская подвода, приезжающая в новую столицу, обязана была сдать караульному солдату на заставе хотя бы один булыжник, иначе не пропустят.

Энергоресурсов у нас много. Но посмотрите на карту – где они добываются и где используются! Нефть приходится перекачивать по трубам, а она у нас вязкая, зимой ее надо подогревать, а это опять перерасходы. «Если с нефтеэкспортеров брать за перекачку нефти среднемировую плату, то вся их выручка будет уходить на "трубу"» [37].

И с энергетическими тарифами в условиях открытой экономики ситуация крайне двусмысленная.

«Пока у нас процветает частная торговля, требования о господдержке низких цен на энергоносители являются благоглупостью. Государство будет просто субсидировать хищников-спекулянтов, торгующих на мировом рынке» [38].

Судите сами. Энерготарифы у нас в 5–10 раз ниже мировых. И вот братья Черные из Израиля закупают бокситы в южных странах, где они самые дешевые в мире, везут их в Россию, где отпускные цены на электроэнергию самые низкие в мире, выплавляют алюминий и вывозят за рубеж. Производство алюминия настолько энергоемко, что этот металл получил название «твердого электричества». И тарифы, установленные на уровне, необходимом, чтобы не вымерзли наши нынешние соотечественники, используют для получения многомиллиардных прибылей наши бывшие соотечественники.

Теперь несколько слов о сельском хозяйстве. Все климатические показатели у нас благоприятны разве что для оленеводства. Россия находится в зоне рискованного земледелия, наши почвы малоплодородны по сравнению с американскими или западноевропейскими, они подвержены сезонному промерзанию, или вообще оттаивают летом лишь на небольшую глубину, растения у нас получают минимум тепла и минимум влаги, кроме того, труд и жизнеобеспечение деревенского населения нашей страны обходятся так же дорого, как и городского населения. Поэтому наши крестьяне,

работающие в государственных, коллективных или фермерских хозяйствах, абсолютно неконкурентоспособны по отношению к западноевропейским, американским, канадским или китайским сельхозпроизводителям, и открытые экономические границы означают мгновенную смерть всего нашего и растениеводства, и животноводства.

И даже высокий урожай порождает у нас неразрешимые в условиях открытого рынка проблемы. Вот 10 октября 2001 года впервые состоялось выездное (не в Кремле) заседание президиума Госсовета. В Оренбурге, столице одного из главных зернопроизводящих регионов страны. Что делать с урожаем? Покупатель предпочитает импортное зерно, для него оно намного выгоднее. И на заседании было произнесено очень много хороших умных слов, только главное не было высказано: должны быть закрыты наши границы или хотя бы приняты жесткие протекционистские меры для защиты нашего сельхозпроизводителя.

Да как же нам конкурировать с ними, когда чистый прирост биомассы с одного гектара, если абстрагироваться от общественного строя и национального менталитета, в России в 2–2,5 раза ниже, чем в Западной Европе, и в 3–5 раз ниже, чем на атлантическом побережье США! И перерыв в полевых работах в Европе до удивления короток (декабрь–январь), что обеспечивает гораздо более благоприятный ритм труда и в связи с этим в 4–6 раз более тщательную обработку пашни [39].

Основными кормовыми культурами в США являются соя и кукуруза. Это культуры высокоурожайные, что обеспечивает и высокую продуктивность животноводства. У нас же соя растет только на юге Дальнего Востока, а кукуруза в основном в Предкавказье, и то в незначительных количествах.

Н.С. Хрущев пытался засеять кукурузой Подмосковье, да еще самым высокотехнологичным, квадратно-гнездовым способом. Но не захотела созревать «королева полей» в России, потому что плохо знал Никита-чудотворец географию, не догадывался даже, что и тепла у нас маловато, и влаги, и почвы у нас не те.

Валовой сбор кукурузы и бобовых, включая сою, в 1996 году составлял: в США 302,3 миллиона тонн, в Канаде 11,4 миллиона, во Франции 17,3 миллиона, а в России 2,8 миллиона тонн. «Без этих компонентов невозможно сбалансировать рационы животных по белку, что ведет к значительному перерасходу кормов на единицу продукции» [40].

Еще большими становятся затраты кормов в России по причине нашей длительной суровой зимы. В холодное время года потребность в кормах у нас в три раза больше, чем в США. Все это неизбежно отражается на себестоимости продукции животноводства. Наше сельское хозяйство является самым дорогим по сравнению с сельским хозяйством других крупных государств, где, как мы видели, природные условия несравненно более благоприятны. Но и там аграрный сектор не обходится без государственной поддержки.

В.А. Корчмит, познавший как нелегкую долю директора оленесовхоза, так и заботы первого (по экономике) вице-губернатора Корякии, пишет: «В 25 наиболее развитых странах Запада поступления в сельское хозяйство из бюджета в 9 раз превышают выплаты сельского хозяйства в бюджет, а если к этому прибавить и перевод средств через ценовой механизм, то в 18 раз» [41]. В расчете на один гектар сельхозугодий перевод средств составляет в Турции 305 долларов, в США 232, в Швеции 674, в Финляндии 1342 , в Норвегии 3533 доллара [42]. В расчете на одного работника, полностью занятого в сельском хозяйстве, перевод средств составляет в США 36 957 долларов, в Финляндии 27 241, в Канаде 14 150, в Норвегии 38 624 доллара [43]. И вот такой итог подводит Г.А. Агранат: доля государственных средств в стоимости продукции сельского хозяйства США 70–90%, России 7–9% [44]. Смелее, хозяин!

«Без государственной поддержки наше сельское хозяйство способно, добиваясь самоокупаемости, разорить всю страну: все связанные с ним отрасли и прежде всего своего главного потребителя – население. Себестоимость нашего сельскохозяйственного производства настолько велика, что многие сельхозпродукты дешевле ввозить из-за рубежа (что, кстати, сейчас и делается). Но прокормить такую массу населения за счет ввоза сельхозпродукции невозможно. Кроме того, сельские местности многих районов останутся без производства и будут обречены на вымирание» [45]. Импорт – это поддержка зарубежного сельхозпроизводителя.

Но ведь, в конце концов, роль государства в том и состоит, чтобы обеспечивать и защищать народ. А разве фермеры и колхозники не народ? Разве они не нуждаются в обеспечении? Вот о них и надо позаботиться, не хлебом их накормить, конечно, а помочь им этот хлеб произвести – для себя и для

горожан. Как и поддержка дачников – это освобождение властей, хотя бы частичное, от забот о прокормлении горожан.

Ведущую роль в нынешних экономических преобразованиях в России играет энергетическая политика: «Имея в избытке собственные энергоносители, через их посредство в России создан механизм разрушения собственной экономики, и прежде всего ее продовольственного сектора. Темпы роста цен на энергоносители опережают рост стоимости продукции АПК в 15–20 раз» [46]. Губернатор Краснодарского края Н.И. Кондратенко и председатель законодательного собрания того же края В.А. Бекетов приводят цифры: если в 1991 году доля энергоносителей в структуре себестоимости сельскохозяйственной продукции составляла 20%, то в 1995 году – 51%, а в 1997 году уже 60% [47]. Другими словами, доля факторов, не зависящих от твоего трудового вклада, возросла в три раза! Сколько бы ты ни вложил энтузиазма, творчества, инициативы в свое дело, все равно все будет съедено повышением цен на бензин и электричество!

Как видим, все наши отрасли производства требуют дотаций, а содержание колоссальной непроизводственной сферы вообще по самому своему смыслу ничего кроме убытков не приносит. Откуда же брать средства на покрытие всех расходов?

Раньше, когда вся экономика представляла собой, по сути, единое предприятие, государство направляло денежные потоки оттуда, где были доходы, туда, где это было необходимо для обеспечения обороноспособности, инфраструктуры, социальной сферы или «нерентабельных» производств. Теперь, когда экономика стала частнопредпринимательской, необходимо пополнять государственную казну при помощи налогообложения. И так как у нас издержки по причине нашей географии самые большие в мире, то и налоги должны быть самыми высокими (вовсе не – одними из самых высоких!). Будут налоги низкими – моментально вымерзнут города, остановится жизнь на полях и фермах, одичаем мы без концертных залов и университетов... А чтобы решить эту проблему по-другому, придется всего-навсего пустить Гольфстрим по Северному морскому пути [48].

Тем не менее – правительство гордится, что у нас самый низкий налог! Все перепуталось под нашим Зодиаком... Как такое возможно, если возможно вообще?

Мы живы до тех пор, пока не изношено все, построенное раньше при патриотических властях, в царские и советские времена. И по мере того, как созданное ранее материальное, интеллектуальное и духовное достояние будет растрачиваться, жизнь будет капля за каплей утекать из страны [49]. До тех пор, пока наше население не будет приведено в соответствие с нормой, предписанной нам миссис Тэтчер. А это, если помните, 15 миллионов человек.

Где же выход? Он чересчур прост. Внешняя торговля должна быть прерогативой государства, настаивает М.И. Леденев. Полагать, что государственный чиновник по какой-то своей природе неповоротливее и глупее частного дельца, нет никаких оснований. И это во всем, исключая, пожалуй, личное подсобное хозяйство.

Тот же вывод и у А.П. Паршева: мы должны закрыть свои экономические границы, отказаться от частного внешнеэкономического предпринимательства и от конвертируемости рубля, вернуть в руки государства собственность на природные наши богатства, прежде всего, на энергоресурсы.

Вообще-то говоря, даже в нашей новейшей постсоветской истории все эти рекомендации нельзя считать чем-то из ряда вон выходящим. Пыталось поставить под контроль государства «трубу», создать ГНК (государственную нефтяную компанию) правительство Примакова–Маслюкова–Геращенко, и многие макроэкономические показатели за короткое время своего пребывания у власти ему удалось весьма существенно улучшить, но... «С пути реформ мы не свернем!» – прозвучало напоминание, и прежние экономические ориентиры были восстановлены [50].

Закрытие экономических границ должно осуществляться не путем возведения глухого железного занавеса, а с помощью таможенных барьеров. То есть надо вести продуманную дифференцированную политику, тщательно анализировать, что именно следует пресекать, а что можно разрешать.

И тут обнаруживается самая очевидная смычка истории с географией. Согласно реконструкциям А.П. Паршева, самые высокие темпы экономического развития были у нас в эпохи максимального протекционизма – при Александре III и при Сталине. А при открытых границах, при введении конвертируемости рубля – обвал экономики, обнищание народа и социальные взрывы 1905-го и 1917-года, а также

нынешнее катастрофическое положение, угрожающее полным распадом хозяйства, исчезновением страны с политической карты мира, вымиранием населения; и началось оно с горбачевской политики «Европа – наш общий дом», а продолжилось при его преемниках.

Вот только один из эпизодов нашей экономической истории: при *либеральном* Александре II в 1880 году много нашего зерна было продано за границу, и это считалось показателем процветания нашего сельского хозяйства; именно из таких эпизодов и сложился в представлении нынешнего телезрителя образ дореволюционной России, которая *кормила своим хлебом всю Европу*. И это, конечно, верно, Европу она кормила, а своего мужика? Вот оценка А.Н. Энгельгардта, московского профессора и смоленского помещика, автора знаменитых «Писем из деревни», которыми зачитывалась вся Россия: «Мужики хлеба не продавали. У мужика не только нет лишнего хлеба на продажу, но и для себя не хватит. ...Хлеб продавали паны, деньги получали паны... А пан продаст хлеб и деньги тут же за море переведет, потому что пан пьет вино заморское, любит бабу заморскую, носит шелки заморские и магарыч за долги платит за море. Хлеб ушел за море, а теперь кусать нечего... А в Поволжье народ, слышно, с голоду пухнуть зачал» [51]. И далее А.Н Энгельгардт задает самый главный вопрос: «Имеют ли дети русского земледельца такую пищу, какая им нужна? Нет, нет и нет. Дети питаются хуже, чем телята у хозяина, имеющего хороший скот. Смертность детей куда больше, чем смертность телят, и если бы у хозяина, имеющего хороший скот, смертность телят была так же велика, как смертность детей у мужика, то хозяйничать было бы невозможно... Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаем кровь нашу, т. е. мужицких детей» [52].

И внешнеэкономические наши достижения можно было бы сделать еще более впечатляющими, убежден А.Н. Энгельгардт: «А как бы поднялся наш кредитный рубль, если бы народ ел гнилое дерево, а рожь можно было бы всю отправлять за границу на продажу!» [53].

За 1909–1913 годы среднегодовой экспорт российского хлеба был крупнейшим в мире – 725 млн пудов (12 млн тонн), при этом производство хлеба на душу населения в России было в 2 раза меньше, чем в США, в 2,5 раза меньше, чем в Аргентине и почти в 3 раза меньше, чем в Канаде. То есть товарных излишков для экспорта, по существу, не было [54].

Есть и еще одно весьма существенное отличие России от прочих, благополучных, стран. Историческое отличие.

Никого в мире не закаляли так упорно и не принуждали так жестоко к войнам, как нас.

За сто три года, с 1492-го по 1595– й, Россия вынуждена была пятьдесят лет вести войны на западе, и все столетие на юге и востоке. Ежегодно в наши земли вторгалась орда, доходила до Москвы, даже до Твери и Ярославля, истребляла стариков, а молодых женщин, юношей и детей уводила в полон. Еврей-меняла в Кафе (Феодосия), наблюдая масштабы работорговли, удивлялся: «Да остался ли хоть кто-то в этой земле, или она совсем опустела?» Еще в XVI веке на большинстве французских и венецианских галер гребцами были русские невольники, прикованные на всю жизнь к своему веслу, а последний набег на Россию орда совершила в XVIII веке, при Екатерине II [55].

И дальше было не намного легче. За 537 лет со времени Куликовской битвы до конца первой мировой войны наша страна провела в битвах 334 года. За этот период ей пришлось 134 года воевать против различных антирусских союзов, причем одну войну она вела с девятью врагами сразу, две – с пятью, двадцать пять раз пришлось воевать против трех и тридцать семь – против двух противников, и все эти войны были оборонительными или представляли собой упреждающий контрудар, сообщает высокопреосвященный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский [56].

Основу нашей жизни всегда составляли коллективы – крестьянская община, городская артель, монашеская киновия. А сверху – царь-батюшка или генеральный секретарь с абсолютной, как у анархиста Махно, властью. На время чрезвычайного положения. А не чрезвычайного в нашей истории и не было.

Наиболее глубоко исследовал это наше главное историческое отличие от всех других стран и народов И.Л. Солоневич. Вот каким предстает в его изложении суровое русское прошлое [57].

Монгольская степь поставила перед русским народом вопрос о борьбе не на жизнь, а на смерть – и поплатилась жизнью.

Однако и наши потери были чудовищны. Периодически выжигались городские центры страны, и Курск с его трехсотпятидесятилетним запустением никак не был

исключением: разорялось и разбегалось крестьянское население, лучшие элементы страны или гибли в боях, или уводились в полон, и над всей страной в течение почти тысячи лет устанавливался постоянный и вызванный беспощадной неизбежностью режим военного положения. Мы никогда не сможем сказать, во что обошелся стране этот режим. Но были сделаны кое-какие подсчеты того, во что обошлась нам Турция.

С XV по XVIII век включительно из Великой и Малой Руси, частично из Польши (Польша тогда владела русскими западными областями) в турецкий плен было уведено от трех до пяти миллионов человек. Вся прислуга в Константинополе у турок и у христиан состояла из русских рабов и рабынь. Не было нянек и кормилиц, если крымцы долго не чинили набегов на Восточную и Западную Русь...

Вопрос, как видите, был не о рынках и «сферах влияния», вопрос был поставлен гораздо более жестоко – быть России иль не быть? За четыре века после татар наша Родина потеряла от трех до пяти миллионов человек, а это был лучший элемент нации. Сколько она потеряла за время борьбы с татарами? Примите во внимание значение миллиона для тех времен: вся Россия при Иване Грозном насчитывала меньше пяти миллионов. Значит, только турки увели в плен массу, почти равную всему населению страны в середине XVI века. Сколько увели татары? Сколько людей погибло в боях? Сколько их погибло при доставке живого товара от места его добычи до места сбыта? В сумме это, вероятно, будет в два или в три раза больше, чем все население России во времена Грозного.

Западная Европа ничего подобного не знала. Никакие степняки не уводили в рабство ее населения. Западная Европа тихо и семейственно резала себя сама. Руси же пришлось с первых дней своего существования бороться за голую жизнь на своей земле.

Не только с юга и востока грозила нам опасность, и не только до Ивана Грозного. Страшный крепостной гнет польской шляхты, изощренные издевательства поработителей народа западной русской украйны приводили к нескончаемым гайдамацким бунтам, за которыми следовали беспощадные подавления: восставшие города и села сплошь и рядом вырезались поголовно, до последнего младенца.

Как сообщал пламенный русский патриот украинец Виктор Сергеевич Шевченко, заместитель главного редактора журнала «Дальний Восток», досконально исследовавший

историю своего народа, – только в ту эпоху, когда на Руси царствовал Алексей Михайлович *Тишайший,* Украина потеряла четыре миллиона населения. И Родина не могла оставаться равнодушной свидетельницей истребления своих соотечественников на оккупированных землях. В ответ на обращение Переяславской рады украинского народа Московская Русь начала войну за воссоединение с отторгнутыми территориями Киевской Руси. И снова долгая, тяжелейшая, кровопролитная война.

Россия – это страна, которая вела наибольшее количество войн во всей истории человечества. Для контраста: США – это страна, которая вела наименьшее количество войн. Все основные наши войны были войнами оборонительными, хотя были и войны чисто наступательные. США является страной, которая вела исключительно наступательные войны...

Наши оборонительные войны были безмерно тяжки. Американские наступательные войны были чем-то вроде наших черемисских войн или похода Ермака Тимофеевича: в основном это были войны с *дикарями*. Но все-таки были войны и уж никак не оборонительные.

С начала семнадцатого века и до середины двадцатого, то есть в продолжение чуть более трехсот лет, попав в исключительно благоприятные условия, американцы «делали деньги», но, кроме денег, они не сделали ничего. Им не мешал никто. Мы за это же время пережили, если не считать Смутного времени, а до него сожжения Москвы Девлет-Гиреем (1571) – такие «блага мира и свободы»:

Войну с Польшей за Смоленск, Полоцк и Псков, а не за Варшаву или Краков.

Войну со Швецией, которая была разбита у Полтавы, а не у Стокгольма.

Войну с Францией, которая была решена у Бородина и Березины, а не у Нанси или Парижа.

Крымскую войну, которая велась в Крыму, а не в Нормандии.

Первое германское *нашествие* 1914–1918 г г.

Второе германское *нашествие* 1941–1945 г г.

...Нам пришлось решать силой и татарское иго, и 700-летние польские интервенции и стасорокалетнюю блокаду России со стороны Польши, Швеции и Ливонского ордена (1551–1703) – блокаду сознательную и планомерную, сознательно и планомерно отрезывавшую Россию от всякого

соприкосновения с Западом. Пришлось силой ликвидировать блокаду России на берегах Черного моря, блокаду, длившуюся триста сорок лет (1475–1812) и дополненную работорговыми налетами крымчаков на русскую землю. Нам пришлось все той же силой решать и вопрос об обоих германских нашествиях...

В последнее столетие существования Московского Царства, Россия, при среднем населении в пять миллионов человек, держала в мирное время под оружием армию в двести тысяч бойцов, то есть около 4% всего населения страны, около 8% всего мужского населения страны и около четверти всего взрослого мужского населения страны...

Этих людей нужно было вооружать, одевать и кормить. Для этого нужен был аппарат, который реализовывал бы воинскую повинность в любом ее варианте и собирал бы налоги – тоже в любом варианте. Для всего этого необходима сильная и централизованная государственная власть. Эта власть еще более необходима для ведения войны вообще, в войнах не на жизнь, а на смерть. Отсутствие этой власти означало бы гибель.

...И первые поселенцы Северной Америки,и ее последние «пионеры» воевали только за расширение территории. Россия воевала, главным образом, за свое физическое существование и как нации и просто как суммы «физических лиц». Американским поселенцам пришлось бороться с дикими и разрозненными племенами, нам пришлось ломать такие самые современные в каждую эпоху завоевательные машины, как татарские, польские, наполеоновские или гитлеровские орды. Мы лили и лили – и кровь и деньги. Америка сберегала и то и другое.

И тот общественный строй, который выработала Россия за все века своего чрезвычайного положения, конечно, ничем не напоминал социальное устройство других, благополучных стран. И наша экономика, созданная в эпоху всеобщей и вечной мобилизации, никак не могла быть рыночной, она не могла быть похожей на чью угодно иную экономику.

Только на Тихом океане свой закончили поход русские люди, исполняя государственный долг, высший долг для патриота, то есть защищая Родину. Русской защитой была не глухая оборона, по самому своему замыслу безнадежная. Отсидеться за каменной стеной, боясь высунуть нос на нейтральную полосу или на вражескую территорию, – это было не для наших, не было у русского человека такой тяги к боязливой пассивности. Да и не спасительной, а губительной

боязливой пассивности. Да и не спасительной, а губительной она оказывалась. Врага надо было искать впереди, заставая его неподготовленным, нападать на него *в отай, искрадом,* то есть сражаться со степным хищником его же методами, сшибаясь с ним грудь в грудь, глядя ему прямо в глаза.

Россия – это страна, которая колонизуется, такое определение давал В.О. Ключевский, это страна с границами, которые, как горизонт, отодвигаются все дальше, пока ты идешь к ним, это страна, которая как газ, расширяется, пока не встретит сопротивление стенок сосуда. Такими стенками стали для нас естественные рубежи, защищающие нас от нападения врагов – Тихий и Ледовитый океаны, Амур, Памир и Кавказ.

Вот как пишет об этом нашем вечном расширении И.Л. Солоневич.

К концу XV века Россия имела около двух миллионов населения и около пятидесяти тысяч квадратных километров территории. Она была расположена в самом глухом углу тогдашнего мира, была изолирована от всех культурных центров, но открыта всем нашествиям: с севера (шведы), с запада (Польша), с востока и юга (татары и турки). Эти нашествия систематически, каждые пятьдесят лет, сжигали на своем пути все, в том числе и столицу. Россия не имела никаких сырьевых ресурсов, кроме леса и мехов, даже и хлеба своего ей не хватало. Она владела истоками рек, которые никуда не вели, не имела доступа ни к одному морю, если не считать Белого, и по всем геополитическим предпосылкам не имела *никаких* шансов сохранить свое государственное бытие. Однако в течение четырехсот лет она расширила свою территорию в четыреста раз – от 50 тысяч до 20 миллионов квадратных километров.

Все это время наша страна вела необычайные по своей длительности и напряженности войны и за свое государственное существование, и за жизнь своих граждан. Основные войны – со Швецией, Польшей, татарами и турками – длились веками, это были войны на измор. И все они кончились переходом наших врагов на самые задворки современной геополитики.

Залогом наших побед было всеохватное единство власти и народа. Наиболее яркий пример – отказ новгородской *мизинной* рати биться против московского войска и последовавший за этим разгром Новгорода (битва при Шелони). В годину серьезных угроз для страны народ

никак нельзя назвать типичным. В Польше, например, основная масса населения всегда оставалась политически пассивной, и польские мятежи 1831 и 1863 годов, направленные против чужеземных русских завоевателей, никакого отклика и поддержки в польском крестьянстве не нашли. Мининых в Польше не нашлось, ибо для Мининых там не было никакой почвы.

Московская Русь не знала деления на «правительство» и «общество». Правительство было обществом и общество правительством. Правительством были те, кто служил, а служили все – дворяне и мужики, монахи и купцы, посадские люди и прочая публика, даже уголовные преступники. Служба была очень тяжела.

Единство нации и ее организованность не следует, конечно, преувеличивать. Как и во всех делах человеческих, люди старались получить побольше льгот и сбыть побольше тягот. В 1762 году это и удалось служилому слою, который стал поместным и рабовладельческим дворянством и который спустя полтора века после своей пирровой победы, в 1917 году, заплатил за нее полной гибелью. Как и во всяких делах человеческих, были и злоупотребления, и взятки, и просто разбой. Как и повсюду в ту эпоху, все это обильно поливалось человеческой кровью. Московская Русь никак не была раем земным. Но все-таки порядка и справедливости в Москве было больше, чем в любой стране мира в ту же эпоху. И именно поэтому Москва, а не ее соседи, оказалась в конечном итоге победительницей.

В первые века существования нашего государства в беспримерных по тяжести условиях Русь удельная, раздробленная, растерзанная врагами, нашла в себе силы объединиться, и степь была разгромлена. Иван Грозный, продолжая политику своих предшественников и опираясь на народные низы, добивает остатки удельной аристократии.

После Ивана Грозного Россия остается без правительства, но создает на голом месте армию и власть и полностью ликвидирует интервентов и «воров». И за весь период Смуты, несмотря на анархию и разорение страны, не возникло *ни одного* сепаратистского движения. При втором царе династии Романовых украинские низы, так же, как раньше новгородские, переходят на сторону Москвы. Польша терпит окончательное поражение и окончательно выбывает из

числа могущественных государств Европы. При Петре польскую попытку повторяет Швеция – и тоже навсегда уходит с европейской арены.

И если в 1480 году Испания имела в четыре раза больше людей, чем Россия, а в 1914 году населения в России было в десять раз больше, чем в Испании, то это никак не является результатом благодатного климата Испании или суровой русской зимы.

Несмотря на все ошибки, падения и катастрофы, идущие сквозь трагическую нашу историю, народ умел находить выход из, казалось бы, совершенно безвыходных положений, становиться на ноги после тягчайших ошибок и поражений, правильно ставить свои цели и находить правильные пути их достижения. Если бы не эти свойства, мы были бы даже не Испанией или Польшей, а то ли улусом какой-нибудь монгольской орды, то ли колониальным владением Польши, то ли восточно-европейским комиссариатом берлинского министерства восточных дел.

С самого первого дня своего государственного существования Русь стала строить сеть защитных сооружений от нападений из степи. Сооружение защитной линии против вражеских нашествий не принадлежит, конечно, к особенно оригинальным изобретениям. Самым знаменитым среди них является Великая Китайская Стена; она, как известно, не помогла – монголы завладели Китаем. Самым последним – французская линия Мажино, она тоже не помогла. Отличительной особенностью московской системы от всех остальных является ее наступательная роль, – роль, которую не смог выполнить даже римский вал, ограждавший Империю от тевтонских полчищ. Отличие московской линии, или, точнее, московских линий от всех остальных линий военной истории заключается в том, что они свою роль выполнили до конца, и не только оградили Москву от нашествий с востока, но и позволили России перенести ее опорные пункты с берегов Оки на берега Тихого океана, или, говоря грубо, с расстояния восьмидесяти верст от Москвы на расстояние восьми тысяч.

Первая линия шла по Оке, от Мурома на Серпухов, далее через Боровск, Можайск, Волоколамск. Это было передовое укрепленное кольцо, от которого протягивались наружу вооруженные щупальцы засек, застав, засад, разъездов и дозоров. С течением времени эти щупальцы превратились во вторую линию укрепленных пунктов – Венев, Рязань, Тула,

Одоев, Лихвин, Жиздры, Козельск. Эта вторая линия, опираясь на блестящую организацию тыла, протянула на юг и на восток новые засеки, заставы и сторожи, и из них выросла третья линия: Алатырь, Темников, Шацк, Ряжск, Данков, Новосиль, Орел, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль.

Продвигая все дальше и дальше свою стратегическую оборону, Москва при Федоре закрепляет четвертую линию: Воронеж, Оскол, Курск, Ливны, Кромы. И закончилось это продвижение только на Тихом океане.

Мы платили поистине чудовищную цену в борьбе за свою независимость, самобытность и просто за личное, национальное и государственное существование. Мало того, что это была плата кровью, миллионами жизней наших соотечественников, – налоги на содержание нашей огромной военной машины отхватывали у налогоплательщика долю до *третьей деньги*. Ведь кто-то должен был кормить, обувать, одевать и вооружать армию. Оборона государственно-индивидуального русского «я» и с востока, и с запада, и с юга была обороной и государства, и общества, и нации, и религии, и личности.

Русский народ всегда подчинял свои групповые интересы интересам государственного бытия, иначе бы мы не выжили. Исключения были очень редки: «некрасовские запорожцы» в Турции и переход большей части русской аристократии на сторону Польши и католичества в результате Люблинской унии. Победа Наполеона в 1812 году почти наверняка и почти автоматически привела бы к ликвидации крепостного права в России, фактически же 1812 год привел к ликвидации Наполеона. Приблизительно то же относится и к гитлеровскому походу, который массы могли бы рассматривать с точки зрения ликвидации колхозного строя. Великая Отечественная привела к ликвидации Гитлера, а не колхозов [58].

Но это все касается служилых людей, это была организованная оборона, стрелецко-солдатская государственная система защиты Родины.

А зачем неорганизованный русский мужик шел и шел, год за годом, век за веком, все на восток, на восток и на восток? Не тихую обитель, укромное убежище от бед и невзгод он искал. Инстинкт самосохранения русского народа гнал его навстречу опасностям. Конечно, бежал мужик на волю, от крепостной неволи. Но не от исполнения своих державных обязанностей сбегал военнообязанный, закрепленный за

землей государственный человек. Ведь и за землей он был закреплен во имя защиты Родины, чтобы обеспечивать хлебом и прочим довольствием и служилого воина, дворянина, и государственного служащего, боярина.

В «диком поле», в заволжских степях и в лесах за Камнем он гораздо лучше исполнял свой воинский долг, защищая Родину на далеко выдвинутых рубежах. Идти навстречу опасности, подавлять врага в его логове – таким был геостратегический принцип Российского государства, русского народа. И его реальным воплощением было возникновение и укрепление казачьих войск: сначала донского, потом кубанского, терского, уральского, семиреченского, забайкальского и амурского. Задержать «воровские перелазы» степных кочевников на святую Русь – так понимали свою задачу, например, казаки, поселившиеся прямо в пасти дьявола, на реке Урал [59]. И в Средней Азии уже в XIX веке нам приходилось защищаться от набегов кочевых племен и защищать союзные России ханства и эмираты по их просьбе.

...Вот так мы и освоили шестую часть земной суши. Мы распространялись на восток, от двадцатого меридиана западной долготы до сто восьмидесятого и даже дальше, *в другое полушарие*, не выходя за пределы своей собственной зоны благоприятности жизни, все время оставаясь в средней полосе – между абсолютно дискомфортной и экстремально дискомфортной зоной. И никто не мог нам помешать. Германцы, не говоря уже о романских народах, китайцы, индусы, японцы, все наши прочие теоретически мыслимые конкуренты в колонизации Северной Евразии – жители теплых краев. И даже наши славянские собратья – поляки, болгары, чехи, сербы и сорбы – все жили западнее русских, среди гораздо более благоприятной природы, согретой Гольфстримом, и оказались чересчур изнеженными для расселения на вечной мерзлоте. И арабы, монголы, построившие каждый свою собственную сверхдержаву, даже и носа не совали севернее ковыльных степей. И кто мог воспрепятствовать нам расселиться от Баренцева моря до Берингова – лопари, самоеды, тунгусы или чуванцы? Среди великих народов мы, русские – единственные дети тайги, хвойного мрачного леса Севера.

А Русскую Америку, КВЖД и Порт-Артур следует признать стратегической ошибкой. Все они были расположены явно за пределами естественных границ России, не

обеспечивали ее обороноспособности, а очевидным образом ослабляли ее, и относились они не к привычной для нас суровой таежной зоне, так что не стоит и сожалеть об утрате этих территорий.

ФИЗИКО–ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Если северо-запад Евразии находится под влиянием теплого течения Гольфстрим, а северо-восток – под влиянием холодного течения Ойя-Сио, то положение территории по отношению к Гольфстриму или Ойя-Сио важнее, чем широтное положение: чем западнее, тем теплее, чем восточнее – тем холоднее. И потому на меридианах европейской России море не замерзает и на 75-м градусе северной широты, а у нас на Дальнем Востоке замерзает уже на 45-м градусе. Мы проигрываем своей собственной метрополии по благоприятности жизни три тысячи километров. В Европе нет вечной мерзлоты и в заполярном Мурманске, а у нас она есть в Приморье,уже на широте Ялты, то есть и тут мы проигрываем те же три тысячи километров.

Все особенности природы Дальнего Востока определяются его уникальным геологическим положением.

Дальний Восток России находится в области сочленения Евразии, величайшего материка планеты, с самым большим океаном планеты – Тихим океаном. Более того, здесь проходит глубинный раздел между двумя полушариями Земли, преимущественно океаническим и преимущественно континентальным. Сформировавшаяся на этом стыке колоссальная структура планетарного ранга – Тихоокеанский подвижный пояс – определяет повышенную интенсивность магматизма, горообразования, рудообразования [60].

Контрастность рельефа здесь – самая высокая на земном шаре. Высочайшие горы планеты – не Гималаи, а вершины Курил и Камчатки, которые возвышаются над своим подножьем, дном глубоководной котловины, на 11–15 км. И генеральное простирание гор и долин в основном определяется положением Тихоокеанского подвижного пояса, и все естественные препятствия здесь – поперек главных путей грузоперевозок и миграции населения.

Именно поэтому Дальний Восток стал своего рода полюсом недоступности для колонизации, именно это и определило столь позднее освоение наших территорий технической цивилизацией. Англия и Франция уже вовсю вели войны в Китае за свое право свободной торговли наркотиками, а материковый юг нынешнего нашего Дальнего Востока оставался еще незанятым, необжитым, даже неразграниченным.

Единственным исключением из близмеридиональной зональности субконтинента является широтная долина Амура, контролируемая другой геологической структурой, уже меньшего, но все же очень высокого, континентального ранга – Монголо-Охотским складчатым поясом. Приамурье в силу этого и занимает особое положение в природе, истории и хозяйстве всего Дальнего Востока.

Уникальное геологическое положение Дальнего Востока определяет и все его дальнейшие необычные характеристики: систему морских течений, атмосферную циркуляцию (циклоны, муссоны), климатические особенности – зональность не широтную, а секущую параллели глобуса резко наискось, что приводит к гораздо более суровым природным условиям по сравнению с находящимися на тех же широтах местностями Восточной Европы и даже Сибири.

Точно так же как в горах ветер, откуда бы он ни дул, вынужден выбирать одно направление из двух – вверх по долине или вниз, но не поперек и не наискось, так и у подножья наших высочайших хребтов морские течения могут идти только на северо-восток или на юго-запад.

Теплое течение Куро-Сио направляется вдоль берегов Японии в сторону нашего Дальнего Востока, но его резкий поворот направо, на восток, происходит гораздо южнее наших акваторий, и согревающее воздействие Куро-Сио ощущается только на Южном Сахалине и Южных Курилах с их бамбуковыми зарослями, а уже Северный Сахалин и Северные Курилы вписываются в общую картину неблагоприятного для жизни человека дальневосточного климата.

Определяет все наши особенности погоды холодное течение Ойя-Сио или Курило-Камчатское, несущее с севера вдоль одной из главных структур Тихоокеанского пояса, Курило-Камчатской островной дуги, огромные массы холодной воды. И потому зимняя граница плавающих льдов спускается параллельно направлению этого течения с севера Берингова

моря в южную часть Охотского моря, превращая его из умеренного, каким он должен был бы быть по своему широтному положению (уровень Балтики), в настоящий арктический бассейн с очень тяжелой ледовой обстановкой. Январская изотерма 0° С от северной оконечности Сахалина протягивается до середины западного побережья Камчатки. У Шантарских островов, на широте Уфы и Рязани, море иногда так и не освобождается от льдов на протяжении всего лета. И жители Николаевска-на-Амуре тоже имеют возможность, хотя и не каждый год, наблюдать в июне и в июле плавающие льдины напротив Петровской косы.

На тех же широтах, где в Европе растут каштаны, у нас платят северные надбавки, и платят не зря, и все равно это недостаточная компенсация здешнего климатического дискомфорта.

В общем, можно сказать, что если восточное и западное побережья Евразии подвергаются диаметрально противоположному влиянию морских течений – западное омывается теплым, а восточное холодным течением – то ситуация и в воздушном бассейне на западе и на востоке отличается как небо от земли. Владивосток располагается примерно на тех же широтах, что и Порту или, чуть дальше от берега Атлантики, Барселона и Рим. Однако ни о каких плюсовых изотермах января здесь не может быть и речи. Рядом с Владивостоком проходит январская изотерма – 8° С, а рядом с Порту, Барселоной и Римом + 10° С.

Очень узкая полоса материка (то есть не считая Курильских островов, Сахалина и Камчатки) в регионе Дальнего Востока от Уэлена до Владивостока лежит в зоне морского климата, впрочем, морского климата довольно своеобразного. Самая низкая температура, зарегистрированная во Владивостоке (на широте Тбилиси и Рима), минус 31° С, в Охотске минус 45° С, а в Анадыре минус 51° С.

В общем, только этой полосой и ограничивается относительно благодатная территория Востока России.

Сравните сами, на всей европейской части России (кроме Предкавказья) вместе с Кольским полуостровом и Новой Землей (без северной ее оконечности), а ширина ее более полутора тысяч километров, средняя температура января заключена в пределах от минус 8° С до минус 16° С, у нас же это узкая каемка шириной 100–300 км у моря на краю континента. Между изотермами января от минус 16° С до минус

24° С – вся Западная Сибирь шириной еще 1500–3000 км плюс север Новой Земли плюс Земля Франца-Иосифа, а у нас опять узенькая полоска, параллельная берегу моря, в Приморском и Хабаровском краях, Магаданской области, Корякском и Чукотском округах.

К чему бы это такая экономия территории? Чтобы распахнуться во всю ширь за линией средних январских температур больше минус 24° С. Вот таких-то земель у нас на Востоке России больше чем на всей оставшейся территории планеты – они простираются с севера на юг на три тысячи километров и с востока на запад на две–четыре тысячи километров, выплескиваясь за границы Дальневосточного федерального округа в пределы Красноярского края и Иркутской области. У нас это вся Якутия, Бурятия, Амурская область, почти вся Еврейская, Читинская, Магаданская области, часть Корякии и абсолютно большая часть Чукотки.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКА

Поначалу в столь лютые холода в столь южных широтах не хотели верить даже ученые. Академик Лаксман, своими глазами увидевший, как в Забайкалье замерзла ртуть в термометре, заявил, что это не морозы такие, а ртуть такая, ее плохо очистили. И только спустя четверть века градусники были реабилитированы [61].

Как воспринимается эта климатическая экзотика, вы можете представить, если вникнете в эмоции человека, впервые познакомившегося с зимой в Якутии (Р.К. Маак, 1854 год): «Морозы становились все сильнее и начали уже принимать чудовищные размеры: от холоду разрывались стволы толстых деревьев, несколько влажное дерево становилось несравненно тверже железа, и топор не рубил его, а сам при ударе разлетался вдребезги, как стекло; ртуть в термометрах давно застыла, и производить какие-либо работы было положительно физически невозможно. К тому же какая-то сырость воздуха делала стужу еще более невыносимой; замерзшие пары наполняли воздух, как мошкарой, мелкими иглами, что все при малейшем ветре становилось поистине убийственно нестерпимым» [62].

И поймете ли вы, о чем идет речь, когда водку несут из магазина, завернутую в газету... без бутылки! Примерно про

такие условия говорил мне знакомый охотник с севера Камчатки Женя Жеребцов: «Да ты в тундре и... (в общем, скажем так – снять штаны)... не сумеешь!» И это действительно проблема. И потому в Анадыре уличные туалеты самого низшего разряда приходится строить с толстыми кирпичными стенами и батареями центрального отопления.

С сорокаградусными морозами хорошо знакомы даже обитатели Сахалина и Камчатки с их «мягким морским климатом». И понятно, что малейший сбой в системе энергообеспечения доставит здесь населению не мелкие, но терпимые неприятности – здесь это мгновенная смерть. И погода за окошком даже при полном организационном благополучии остается определяющим фактором, ведь всю жизнь в четырех стенах не просидишь.

И когда американская студентка профессора М.И. Леденева впервые познакомилась с Тындой, а это отнюдь не Оймякон и не Анадырь, она сказала: «Жить здесь невозможно!»

И никакая выгода не способна привлечь в нашу Тьмутаракань человека без патриотических или романтических настроений: «Лучше через день есть в Ростове-на-Дону, чем каждый день в Николаевске-на-Амуре!» Трудно переселенцу прижиться на Востоке России: «Я тридцать лет прожил на Камчатке, а камчадалом себя не считаю, – говорил ученый секретарь Института вулканологии Илья Федорович Махоркин, – все равно уеду!». Бог ему судья, и царствие ему небесное, так и не успел он уехать домой из холодного этого угла, здесь его и похоронили.

На лето у нас, на большей части территории, не пожалуешься, и все же... Июльская изотерма +15° С в Карелии проходит около 65° северной широты, то есть практически у Полярного круга, а на Дальнем Востоке выходит к побережью Японского моря близ 55° северной широты, то есть на 2000 км южнее, и даже по сравнению с ее положением в Западной Сибири у нас она располагается на полторы тысячи километров южнее.

Юг Камчатки находится на широте Киева, но безморозных дней здесь всего около 100–120, среднемесячная температура летом 10–13 градусов (в Киеве больше 20 градусов), и даже в июле иногда наблюдаются отрицательные температуры. Среднегодовая температура на Северных Курилах

1,5–4 градуса, а в Европе и в Америке на тех же широтах 9–10 градусов.

Я вспоминаю, как мы с семьей поехали однажды с Камчатки в отпуск в Новосибирск. Сыну было всего три года, и он еще ни разу не выезжал «на материк». Бабушка у себя дома начала снимать с внука обувь, а Мишка с ревом вцепился в ботинки, он даже представить себе не мог, что по земле можно бегать босиком!

Перепады температур на востоке России во многих местах достигают ста градусов, причем это не только Якутия, Колыма и Чукотка, это и северные районы Хабаровского края. Например, в Батомге, расположенной за хребтом Джугджур, в 112 километрах от моря, среднегодовая температура минус 10,2°, средняя температура января минус 40,3°, разница наивысшей и наинизшей температуры 103°, а количество безморозных дней всего 62 [63].

Крайне неблагоприятна для жизни на Дальнем Востоке и атмосферная циркуляция. Господствующее направление зимних воздушных потоков у нас – с материка к морю, и в результате из района Оймякона, полюса холода северного полушария (с его абсолютным минимумом температур минус 71 градус), в прибрежные районы поступает огромная морозная масса. Арктический фронт зимой спускается у нас до 55 градусов северной широты (в Европе он располагается на 72-м градусе, более чем в 600 км севернее Полярного круга). Невероятно, но факт: на Крайнем Севере при северных ветрах теплее, чем при южных. Северные ветры там дуют из Арктики, а южные – из Восточной Сибири. И вот они-то леденят Крайний Север, леденят Арктику [64].

К тому же зимние ветра на Дальнем Востоке не несут влаги, и потому зимы на континентальных окраинах у нас бесснежные или малоснежные, что приводит к очень глубокому промерзанию грунтов со всеми неблагоприятными последствиями для растительности и сельского хозяйства.

Удивительные факты приводит Р.К. Маак. Зимой на Вилюе морозы такие, что влажная одежда может стать причиной гибели. Но стоит лишь положить ее на несколько часов на снег, чтобы она (при минус 40–50° С) стала совершенно сухой.

Поражается и В.К. Арсеньев: ветра в начале зимы (по В.К. Арсеньеву – ноябрь, в чем певец природы Дальнего Востока, безусловно, прав) бывают настолько сухими, что первый

снег просто испаряется, возгоняется даже при устойчивых отрицательных температурах [65]. Мартовский-апрельский снег уже не помогает теплоизоляции почв, а только создает вместе с летними дождями повышенную влажность и разрушительные паводки. Зимой в Приамурье выпадает осадков в пять-десять раз меньше, чем летом. Весной же и летом на сушу Дальнего Востока обрушиваются огромные массы атмосферных осадков.

Годовой перепад температур в Хабаровске достигает 83 градусов, месячный (в апреле) на поверхности почвы – 54 градуса. В Забайкалье не прикрытая снегом земля выхолаживается зимой до минус шестидесяти градусов. Летом же она раскаляется настолько, что на нее невозможно ступить босыми ногами. Весной после дневной жары здесь может ударить вдруг сильный мороз. Такой разницы между дневной и ночной температурами нет больше нигде – ни в Иркутске, ни в Якутске, ни на Диксоне [66].

В Хабаровске влажность повышенная – 60–80%, при оптимальном для человека уровне 30–60% [67]. Во Владивостоке она еще выше, летом чувствуешь себя как в парной, а зимой даже при 10 градусах мороз пробирает до костей.

На Сахалине средняя влажность колеблется от 76% (Долинск) до 85% (Оха). Это одно из самых туманных мест в мире. В году дней с туманами 79 в Южно-Сахалинске и 85 в Охе. «Небо по целым неделям бывает сплошь покрыто свинцовыми облаками, и безотрадная погода, которая тянется изо дня в день, кажется жителям бесконечною, – пишет А.П. Чехов в своем «Острове Сахалине». – Такая погода располагает к угнетающим мыслям и унылому пьянству. Быть может, под ее влиянием многие холодные люди стали жестокими и многие добряки и слабые духом, не видя по целым неделям и даже месяцам солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую жизнь» [68].

Конечно, эту эмоциональную реакцию можно отнести на долю излишней писательской чувствительности. Что ж, вот более объективные свидетельства. На Камчатке у переселенцев из Закавказья заболеваемость в 9,6 раза выше, а у переселенцев из Казахстана и средней полосы России в 3–4 раза выше, чем у выходцев из северных районов Хабаровского края [69].

На Камчатке влажность мало меняется в течение года и составляет 80%, и в связи с этим на камчатском побережье, а также на Курилах и Командорах в году бывает до 70–115 дней с туманами. В Петропавловске не редкость, когда выстиранное белье висит на улице по три дня, и не успевает высохнуть, а только закисает. Что ж, наибольшее количество осадков в стране – на юго-востоке Камчатки и на юго-западных склонах Большого Кавказа (1600–3200 мм в год).

На Курильских островах пасмурных дней в году бывает 220–230, а ясных всего 20–40.

РОДНАЯ НАША ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

Практически весь Дальний Восток находится в зоне вечной мерзлоты. Южная граница многолетней мерзлоты спускается вдоль левого берега Амура почти до Ленинска в Еврейской автономной области и Благовещенска в Амурской области. В Приморье островная многолетняя мерзлота доходит даже до 45 градусов (широта Милана и Ялты).

В Европе та же граница располагается севернее Полярного круга, в районе Мурманска и Нарьян-Мара. Потому-то и была поставлена под сомнение эта сибирская южная аномалия. Знаменитый естествоиспытатель Леопольд Бух возмущался, ну что за абсурд, о какой вечной мерзлоте может идти речь, когда там даже кустарники произрастают! «Уважаемый естествоиспытатель не знал, что почти вся сибирская тайга стоит на мерзлой земле» [70]. И так как промерзание происходит в основном холодной малоснежной поздней осенью и ранней зимой, то укрывание почвы утеплителями (сено, солома, пенопласт, поролон) позволяет удлинить лето и стереть с климатической карты эту южную аномалию хотя бы в масштабе одного дачного участка.

А булгунняхи, то есть ледяные бугры, выпирающие из-под земли, и тарыны, наледи площадью в десятки и сотни квадратных километров, когда грунтовая вода при замерзании прорывает перекрывающие пласты и изливается на поверхность?

Ледяные бугры имеют обыкновение взрываться в самый неподходящий момент, а наледи уничтожают дома, корпуса цехов, мосты, десятки километров дорог. В бассейне Буреи

отмечено формирование наледей площадью до 250 тысяч квадратных метров и мощностью до 3–4 метров. При подпорных взрывах таких наледей поднимаются в воздух глыбы льда до 250 тонн весом и образуются фонтанирующие воронки глубиной до 7 м [71]. На забайкальской станции Тургутуй вечная мерзлота оттаивала под железнодорожным путем в течение сорока пяти лет, и каждый год рельсовое полотно приходилось поднимать и укреплять. А мерзлотные грунты могут не только проседать, но и вспучиваться.

Вот как описывает шалости забайкальской природы читинский поэт Георгий Граубин: «Когда я жил в деревне, наш дом стоял на вечной мерзлоте. Дважды в год его стены то поднимались, то опускались. Летом деревянные перегородки упирались в потолок и изгибались дугой, а зимой не доставали до потолка. Труба тоже то утопала в крышу, то торчала высоко над ней. Подполье иногда до самого пола заливала вода. По домашнему озеру можно было плавать в ванне.

Но нашему дому еще повезло. Некоторые дома вообще ушли по подоконники в землю или завалились на бок. Такие "пьяные" дома можно и сейчас встретить во многих селах и даже в Чите, в Кузнечных рядах.

Частенько по милости, или вернее , немилости вечной мерзлоты "пьяными" становятся деревья, целые рощи и леса. Деревья клонит то влево, то вправо, и они навсегда остаются скособоченными. Недаром им дали шуточное название "зеленые алкоголики"» [72]. И ведь все это происходит на широте Варшавы, Берлина и Амстердама!

Многие малые реки, да и не очень малые, промерзают до дна. И вот на перекате в начале зимы уже успела образоваться ледяная плотина, а выше по течению еще течет по плесу жидкая H_2O. Куда ей деваться? Вода растекается по льду, течет и примерзает к нижнему слою, течет и примерзает, и так может продолжаться еще долго-долго, пока не сформируется окончательно причудливый грандиозный ледовый рельеф.

Сплывали мы как-то на резиновой лодке по симпатичной таежной речке Дарге (южнее Парижа!) вместе с Виктором Литвинчуком, уроженцем Украины. И рыбу при этом ловили, вернее, пытались ловить, и Виктор удивлялся, как это так, в его родных местах, где на каждую рыбку по сотне рыбаков, за то же самое время можно было бы хоть мешок наловить, а у нас вечно на уху не хватало. Корма – избыток, и прочие условия вроде совершенно идеальные, так чего же еще этому

привередливому карасю нужно? И лишь потом выяснилось, что рыба здесь вообще не живет, а только заходит в речку на короткое теплое время, потому что зимой воды здесь вообще не остается, сплошной лед снизу доверху.

И весной здесь не лед по воде плывет, а вода по льду течет, и даже когда трава по берегам зазеленеет, ноги стынут в воде, потому что на дне под оттаявшим слоем ила – лед.

ДЕФИЦИТ ТЕПЛА И ПРОЧИЕ АНОМАЛИИ

Противоречие между солнечной радиацией, которая определяется широтой местности (на широте Киева солнце везде греет в точности так же, как и в Киеве), и приносом огромных масс холода морскими течениями и арктическими атмосферными фронтами как раз и приводит к сочетанию в одном и том же месте таких несочетаемых элементов юга и севера: темнохвойные породы, лиственница, арктический кедровый стланик, с одной стороны, и маньчжурский орех, амурский бархат, аралия, лимонник, лианы «кишмиша» или актинидии, с другой стороны.

Территории с суммой тепла более 2200 градусов на нашем Дальнем Востоке тянутся узкой полосой от Владивостока вдоль берегов Уссури и Амура по самому югу Еврейской и Амурской областей.

А зона с суммой больше 1600 градусов окаймляет эту полосу тоже не слишком широко: от побережья Японского моря напротив Хоккайдо по западному подножью Сихотэ-Алиня она не доходит до Николаевска, затем разворачивается налево и вниз, и по левобережью Амура охватывает южные районы Хабаровского края, Еврейскую область, южную половину Амурской области, далее до Читы и Улан-Удэ. Вот и все. Остальное – по норме Петрозаводска и Ханты-Мансийска, Нарьян-Мара и Диксона. Не зря 99% Востока России относится к районам Крайнего Севера либо приравненным к ним.

И какими картами благоприятности территории ни руководствуйся, все равно результат один – зона малоблагоприятного климата спускается у нас от широты приполярного Беломорья, Ухты и Сыктывкара к Хабаровску и Совгавани, то есть на уровень юга Русской равнины на границе с Предкавказьем.

Даже в самом комфортном районе (6 баллов) – в Приморье, на Уссури-Приханкайской низменности (где рис растет!), в западных предгорьях Сихотэ-Алиня и на отрогах Восточно-Маньчжурских гор только лето признается комфортным, теплым, а весна и осень холодные, зима суровая. Пятью баллами оценена Амурская область, низменности вдоль Амура в Хабаровском крае, восточные предгорья Сихотэ-Алиня, Раздольнинская равнина. Здесь лето комфортное, весна резко-холодная (в марте, после оттепели, температура ночью может понизиться до тридцати градусов мороза), осень холодная, зима суровая. Четыре балла получили низкогорные и среднегорные районы Хабаровского края и Амурской области – суровая зима, комфортное лето, резко-холодные весна и осень. 3 балла – внутренние районы Камчатки и Сахалина, западные горные районы Хабаровского края: суровая зима, холодное лето и осень, резко-холодная весна. 2 балла – континентальные районы Магаданской области, прибрежные районы Сахалина и Камчатки, восточные предгорные районы Джугджура, отдельные участки северного побережья Японского моря: зима суровая, холодное лето, резко-холодные весна и осень. 1 балл – берега и прилегающие районы Восточно-Сибирского, Чукотского, Берингова моря, узкая полоска побережья Охотского моря: крайне суровая зима, холодное лето, резко-холодная весна и осень [73].

В регионе нередки как наводнения, так и засухи. Более того, иногда они даже случаются одновременно, как это было в Приамурье в 1998-м году: вода поднялась в июле-августе до уровня 5,25 метра, и за эти же два месяца не выпало ни капли дождя, все посохло, начались возгорания, выгорело 2,5 млн га леса; над очагом пожара образовался устойчивый антициклон, не позволивший атмосферной влаге проникнуть к горящему лесу.

Почвы в регионе малоплодородные, практически все кислые, они требуют известкования, внесения больших масс удобрений, на абсолютно большей части территории непригодны для выращивания сельхозпродукции в открытом грунте, за исключением картофеля и некоторых овощей. На крайнем юге выращиваются рис, соя, овес. Конкурентоспособное производство зерновых в регионе невозможно.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕБЛАГОПРИЯТНОСТИ КЛИМАТА

«Открыт закрытый порт Владивосток, – пел когда-то Владимир Высоцкий, кумир криминофильствующей интеллигенции, – в который не заманят и награды». Нет, не заманят награды и выгоды переселенцев на Дальний Восток. Не за наградами и не за деньгами ехали мы сюда когда-то – по патриотическим и романтическим соображениям. И радовались мы не тому, сколько денег прибавлялось в нашем кармане, а тому, как улучшалась жизнь вокруг нас, в наших любимых и родных краях.

Экономические стимулы, какими бы могущественными они ни были, не сформируют здесь постоянного населения. К местному населению, даже коренному, надо относить не тех, кто здесь родился или принадлежит к населяющим наши края народам, нет, местными надо считать только таких, кто хочет жить здесь вечно, продолжая себя в будущих поколениях. А заманенные наградами и выгодами так и будут сидеть на чемоданах свои положенные три года или пять лет, как означено в договоре, они не постесняются взять все, что плохо лежит. Будут драть икру на нерестилищах, скупать пушнину за водку, снимать сливки с богатой залежи, вырубать ценную древесину и оставят после себя лишь пустыню. Не будут временщики беречь здешнюю уникальную природу. А она, как можно было видеть, чрезвычайна ранима и требует особого к себе отношения.

Дотации для компенсации наших климатических потерь сравнительно с обитателями более благодатных краев и раньше-то были недостаточными. А демографические показатели очень чувствительны к справедливости распределения благ – бесплатных или приобретаемых за деньги. И когда и выплаты снизились, и вышли из моды слова Родина, гражданский долг, когда отброшены были все моральные стимулы, начался бурный отток населения. Когда нет ни моральных, ни материальных стимулов, зачем сюда ехать и зачем здесь оставаться?

Наши края во все времена, и при царях,и при секретарях, по самому своему природному положению давали человеку при тех же затратах труда меньшую отдачу, чем в других регионах,

и того же материального благополучия здесь можно было добиться, только вложив гораздо большие усилия.

Осваивать Дальний Восток всегда было нашим патриотическим долгом.

Магадан почти что Сочи, только лето чуть короче...

Предположим, что в городе дальневосточник живет с комфортом, ему не холодно в квартире, и условия труда у него самые благоприятные, и транспорт работает как часы, и питания хватает всей семье, и такое же благополучие с культурным досугом, с образованием и здравоохранением... Будет ли человеку хорошо на Дальнем Востоке?

Увы, все это искусственное благополучие можно создать только за четырьмя стенами. А на улице? А комары, а туманы, морось, стужа и прочее? Не будет ли человек стремиться в места с более подходящим климатом?

Ведь если даже за службу на Хоккайдо, а это по нашим понятиям почти субтропики, японские военные получают тройной оклад [74], то в какую же сумму оценить наши тяготы? Солнышко у нас очень дорогое, говорит житель Магадана, собираясь в Сочи, чтобы поджариться впрок на ласковом песочке.

УДОРОЖАЮЩИЕ ФАКТОРЫ И НЕКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

И наконец, наши края это территории пионерного освоения, тут инфраструктура еще не создана, как же можно сравниваться с европейской Россией, даже если бы у нас и были те же самые климатические условия? Мы ведь живем как в геологической экспедиции! Если не хватило продовольствия или медикаментов, там же в ближайший магазин не сбегаешь!

Есть и еще одна веская причина, почему наша дальневосточная экономика неконкурентоспособна. Очаговость промышленности и сельского хозяйства, разбросанность по огромной территории. Наши хозяйственные центры как острова в океане. И это ложится дополнительным грузом на рентабельность и эффективность всей нашей материальной жизни на Дальнем Востоке.

Ладно бы острова эти были большими и самодостаточными. Ведь нет же, летишь ночью над нашими просторами – там огонек, тут, а между ними сплошной мрак.

Море огней можно увидеть только на юге, в Приамурье и Приморье. Только там располагаются наши относительно плодородные равнины, пригодные к тому же для промышленного и транспортного освоения.

Природные препятствия очень мешают установлению нормальных связей между людьми на Дальнем Востоке. Горы, мари, болота, наледи, своенравные реки.

Нанайцы и удэгейцы, даже живущие в бассейне одной реки, почти не общались друг с другом. Разные лодки у них были. В нижнем течении нужна была оморочка, а в верхнем – ульмагда, одна была непригодна для плавания по бурным горным верховьям реки, вторая не достаточно эффективна на спокойной широкой реке.

Транспортные и энергетические тарифы гораздо более болезненная проблема для нас, чем для псковичей или ростовчан. У нас же все надо завозить, а при грабительских железнодорожных тарифах наше производство теряет последние остатки своей жизнеспособности.

И вот как выглядит в конечных экономических показателях результирующая всех удорожаний. Удельный вес капиталовложений на ввод производственных мощностей по добыче одного кубометра леса в среднем по стране составлял 24–26 рублей, а на Дальнем Востоке 65–80 рублей [75]. Окупаемость капиталовложений в геологические исследования на одну тонну прироста запасов олова на Солнечном комбинате около Комсомольска более чем в полтора раза ниже, чем в на других оловянных месторождениях СССР [76]. Использование традиционных строительных материалов приводит к увеличению стоимости строительства зданий и сооружений в зоне БАМа в 8–14 раз по сравнению с центральными районами страны [77]. И так во всем, во всем и во всем...

У нас даже сравнительно с Европейско-Уральским регионом прирост биомассы на одной и той же единице площади за одно и то же время вдвое ниже [78], а уж о Западной Европе, равно как и об Америке или Канаде, и говорить нечего. Там у себя в НАТО, где зимой в футбол играют, они могут выращивать на плантациях скороспелую сосну, дающую древесину высокого качества, и это будет индустриализированное поточное экономически высокорентабельное лесное хозяйство.

Возможно ли ведение такого же хозяйства у нас? Едва ли. Прежде всего, нам надо беречь леса, это общечеловеческое

достояние, зеленые легкие планеты. Экологические организации призывают – не заменяйте естественные биоценозы лесными огородами, посадками товарной монокультуры, они плохо выполняют, совсем не выполняют природоохранных и восстановительных функций, это просто конвейер по получению прибыли. И кроме того, у нас и на огородах та же самая сосна будет давать меньшие урожаи, чем в НАТО, и труд у нас более дорогой, чем у них, так что мы будем и здесь неконкурентоспособны. Точно так же, как и наш огурец обречен в соревновании с китайским. Да, и бывали дни веселые, когда лес не вывозили от нас в Японию, Китай или в США, а наоборот: в конце XIX века лес на Камчатку ввозился с Аляски, а во Владивосток из Японии и Китая [79]. И это было экологически и экономически более правильно. Из России в Эквадор следует экспортировать клюкву, а бананы лучше все же импортировать оттуда.

Но студенты, которым я читаю лекции по природопользованию и экологии (а в одной из групп заочников у меня было три кандидата наук), таким выводом не удовлетворяются. Да, говорят, мы согласны, девственные леса пусть и остаются нетронутыми, но ведь много у нас и вырубок, пожарищ, земель, выбывающих из сельскохозяйственного использования. Вы правы, соглашаюсь с ними я, давайте будем растить деревья только на них, но не надейтесь, что эта древесина пойдет на внешний рынок.

И как писал один наш великий этнограф и географ, «приказано было считать Сахалин землею плодородною и годною для сельскохозяйственной колонии, и где жизнь не могла привиться естественным порядком, там она мало-помалу возникла искусственным образом, принудительно, ценой крупных денежных затрат и человеческих сил» [80].

Дан приказ: ему на запад, ей в другую сторону... У нас ведь все делалось по приказу. В течение всего тысячелетия нашей государственной истории. И экономику мы либо вовсе не учитывали, либо учитывали в последнюю очередь. Увы, командно-административная система... Иначе бы мы не выжили.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Зенкевич Л. А.* Моря СССР, их фауна и флора. М., 1956. С. 59.

2. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. Рекомендовано издателем в качестве начального курса экономики для министров финансов, министров экономики, директоров институтов проблем экономики переходного периода. М., 2001. С. 48.

3. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 21.

4. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 75– 76.

5. *Раковская Э. М.* Методическое пособие по курсу «География: природа России». Книга для учителя. М., 2001.

6. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 177.

7. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 46.

8. *Маак Р. К.* Вилюйский округ. М., 1994. С. 103.

9. Цит. по работе *Старикова Е. Н.* «Схватка бульдогов под ковром» // Наш современник. 1999. № 9. С. 102.

10. *Раковская Э. М.* Методическое пособие по курсу «География: природа России»: Книга для учителя. М., 2001. С. 22.

11. *Кондратенко Н. И., Бекетов В. А.* «Ножки Буша» – вне закона! // Советская Россия. 1999. № 47. 27 апреля.

12. *Кондратенко Н. И., Бекетов В. А.* «Ножки Буша» – вне закона! // Советская Россия. 1999. № 47. 27 апреля.

13. *Кондратенко Н. И., Бекетов В. А.* «Ножки Буша» – вне закона! // Советская Россия. 1999. № 47. 27 апреля.

14. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 75–76.

15. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 53.

16. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 55.

17. *Кондратенко Н. И., Бекетов В. А.* «Ножки Буша» – вне закона! // Советская Россия. 1999. № 47. 27 апреля.

18. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 74–75.

19. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 92.

20. *Кондратенко Н. И., Бекетов В. А.* «Ножки Буша» – вне закона! // Советская Россия. 1999. № 47. 27 апреля.

21. *Зиновьев А. А.* Запад. М., 2000. С. 337.

22. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 5.

23. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 48.

24. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 70.

25. *Ишаев В. И.* Особый район России. Хабаровск, 1998. С. 264.

26. *Стариков Е. Н.* Схватка бульдогов под ковром // Наш современник. 1996. № 9. С. 106.

27. *Стариков Е. Н.* Схватка бульдогов под ковром // Наш современник. 1996. № 9. С. 102.

28. *Бирюков С. Н., Князькова Н. П., Чащин Ю. В.* Влияние региональных особенностей на производительность труда при сооружении объектов БАМа // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч. 2. С. 71.

29. *Кондратенко Н. И., Бекетов В. А.* «Ножки Буша» – вне закона! // Советская Россия. 1999. № 47. 27 апреля.

30. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 62.

31. *Агранат Г. А.* География – экономика – общество // Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 6. С. 11.

32. *Агранат Г. А.* География – экономика – общество // Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 6. С. 6.

33. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 78.

34. *Раковская Э. М.* Методическое пособие по курсу «География: природа России»: Книга для учителя. М., 2001. С. 23.

35. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 263.

36. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 74.

37. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 78.

38. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 77.

39. Эти выводы *Милова Л. В.* приводит *Стариков Е. Н.* в статье «Схватка бульдогов под ковром» // Наш современник. 1996. № 9. С. 102.

40. *Кондратенко Н. И., Бекетов В. А.* «Ножки Буша» – вне закона! // Советская Россия. 1999. № 47. 27 апреля.

41. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 343.

42. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 343.

43. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 345.

44. *Агранат Г. А.* География – экономика – общество // Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 6. С. 8.

45. *Раковская Э. М.* Методическое пособие по курсу «География: природа России»: Книга для учителя. М., 2001. С. 23.

46. *Кондратенко Н. И., Бекетов В. А.* «Ножки Буша» – вне закона! // Советская Россия. 1999. № 47. 27 апреля.

47. *Кондратенко Н. И., Бекетов В. А.* «Ножки Буша» – вне закона! // Советская Россия. 1999. № 47. 27 апреля.

48. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. с. 97.

49. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001

50. *Лев Макаревич.* Реванш «олигархов» // РФ сегодня. 1999. № 15. С. 31.

51. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987. С. 474.

52. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987. С. 481.

53. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987. С. 491.

54. *Стариков Е. Н.* Схватка бульдогов под ковром // Наш современник. 1996. № 9. С. 103.

55. См.: *Митрополит Иоанн.* Битва за Россию // Одоление смуты. СПб., 1996. С. 65; *Ключевский В. О.* Курс русской истории //Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 2. Ч. 2. С. 196–197.

56. *Митрополит Иоанн.* Битва за Россию // Одоление смуты. СПб., 1996. С. 65.

57. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991.

58. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991.

59. *Максимов С. В.* Плавня. Очерк уральской казачьей общины // По русской земле. М., 1989.

60. *Романовский Н. П., Маслов Л. А., Фу Жун-шань.* Глубинная структура и металлогенические особенности

Тихоокеанского подвижного пояса // Международный научный симпозиум «Закономерности строения и динамики планет земной группы». Хабаровск, 1992. С. 95–97.

61. *Граубин Г. Р.* Четырехэтажная тайга. Иркутск, 1984. С. 456.

62. *Маак Р. К.* Вилюйский округ. М., 1994. С. 14.

63. *Чумин В. Т.* Физико-географическая характеристика территории края // Леса и лесное хозяйство Хабаровского края. Хабаровск, 2000. С. 21.

64. *Граубин Г. Р.* Четырехэтажная тайга. Иркутск, 1984. С. 403.

65. *Арсеньев В. К.* Дерсу Узала // Избранное. Хабаровск, 1997. Т. 1. С. 516.

66. *Граубин Г. Р.* Четырехэтажная тайга. Иркутск, 1984. С. 489.

67. *Климина Е. М.* Роль пространственной структуры и природных условий в формировании городской среды Хабаровска // Хабаровск как он есть сегодня (экологическое состояние). Хабаровск, 1998. С. 14.

68. *Чехов А. П.* Остров Сахалин. М., 1984. С. 92.

69. *Мильнер Г. В.* Общие проблемы социального развития и повышения жизненного уровня населения зоны БАМа // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч. 2. С. 86.

70. *Граубин Г. Р.* Четырехэтажная тайга. Иркутск, 1984. С. 457.

71. *Сапожников А. П., Морин В. А., Широкова М. Р.* Особенности нормирования защитных и запретных лесных полос на восточном участке БАМа // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч. 2. С. 122.

72. *Граубин Г. Р.* Четырехэтажная тайга. Иркутск, 1984. С. 392–393.

73. *Деркачева Л. Н.* Оценка климатических условий жизнедеятельности человека на Дальнем Востоке // Социальная экология и здоровье человека на Дальнем Востоке. Человек и среда. Хабаровск, 1988. Ч. 2. С. 11–12.

74. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 82.

75. Лесопользование в восточных районах зоны БАМ / *Азарнин А. А., Парайко Г. И., Руник В. Я., Турков С. Л., Шейнгауз А. С.* // Хозяйственное освоение зоны БАМ:

территориально-производственные сочетания восточного участка. Владивосток, 1983. С. 39.

76. *Мусатов И. А.* Перспективы развития Солнечного горно-обогатительного комбината // Хозяйственное освоение зоны БАМ: территориально-производственные сочетания восточного участка. Владивосток, 1983. С. 73.

77. *Голланд Э. Б., Дубнов А. П., Кин А. А.*. Подготовка территории к освоению: технико-экономический аспект // Хозяйственное освоение зоны БАМ: территориально-производственные сочетания восточного участка. Владивосток, 1983. С. 124.

78. *Чумин В. Т.* Физико-географическая характеристика территории края // Леса и лесное хозяйство Хабаровского края. Хабаровск, 2000. С. 28.

79. *Данилин А. К.* Краткая история развития лесного хозяйства России до присоединения Приамурья // Леса и лесное хозяйство Хабаровского края. Хабаровск, 2000. С. 193.

80. *Чехов А. П.* Остров Сахалин. М., 1984. С. 60.

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Вопросы входного контроля:

Следует ли стремиться к достижению конкурентоспособности дальневосточных предприятий и товаров на российском рынке:

а) да, и пусть проигравшие гибнут;

б) нет, наши товары и без этого делают жизнеспособной экономику страны в целом;

в) нет, потому что назначение Дальнего Востока не экономическое, а стратегическое.

Вопросы текущего контроля:

В.И. Ишаев: нет проблемы Дальнего Востока, есть проблема России на Дальнем Востоке! Возможные разгадки парадокса:

а) мы нужны Москве больше, чем она нам;

б) мы без Москвы проживем, а она без нас нет;

в) это лишь попытка привлечь внимание центра к нашим проблемам.

Вопросы выходного контроля:

Географический фактор – основная причина убыточности дальневосточного хозяйства.

Необходимость государственного регулирования дальневосточной экономики.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ ПРИАМУРЬЯ

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Какие были пути сообщения, транспорт и связь на Дальнем Востоке?

Из России до Иркутска вел колесный сибирский тракт, *колесуха*. Далее по недлинной сухопутной дороге можно было добраться до верховьев Лены, где стоит нынешний Качуг. По Лене водой или после ледостава санным путем пассажиры и грузы прибывали в Якутск. Далее в любые концы *Якутского уезда*, в который входила тогда не только нынешняя Якутия, но и весь Дальний Восток, дорог не было никаких, даже зимников. Реки же представляли собой не водные пути, а водные преграды, ибо шли они прямо поперек путей миграции и товароперевозок.

На Охотское побережье вели два пути – тот, который стал потом Аянским трактом, и будущий Охотский тракт. Вьючную тропу от Якутска до Охотска, впервые намеченную первооткрывателями Охотского моря, казаками Ивана Москвитина, называли *трактом смерти*. Топи, скалы, заросли, завалы, перевалы и переправы не давали возможности ни для санных, ни для колесных перевозок. Караван Мартына Шпанберга, соратника Витуса Беринга, был на этой трассе застигнут сильными морозами. Люди пережидали в снегу, питались мясом павших лошадей, ели сыромятные сумы и кожаную обувь. Многие погибли.

В 1720–1740-е годы в связи с проведением исследовательских работ Первой и Второй, или Великой, Камчатских экспедиций понадобилось обеспечить переброску большого количества грузов и людей, дорогу начали постепенно расчищать и обустраивать, строить мосты. В 1783 году было принято решение о заведении станций через каждые 20–25 верст. К 1840 году действовало уже 24 станции. Длина

пути составляла 1040 верст (верста равнялась 500 саженям, 1067 м), времени затрачивалось, в зависимости от сезона и погоды, от 25 до 60 суток.

Длина Аянского тракта составляла 1200 верст. От Якутска до Нелькана в верхнем течении Маи шла санно-вьючная дорога, далее через хребты Джугджура надо было пробираться через всевозможные неудобья и препятствия. И все же этот последний труднопроходимый отрезок пути был короче, чем на Охотском тракте, и потому путь занимал всего до одного месяца. Но легким и его назвать было невозможно. Только за 1808 год здесь пало около 10 000 лошадей, в 1818 году – 4365, и в другие годы по всему пути воздух был напитан смрадом от разлагающихся конских туш. В 1851 году тракт был объявлен казенным почтовым, на нем устроили 38 станций. От всех улучшений стало легче, но не намного. И даже с нашими нынешними возможностями, в XXI веке, проложение по этим местам более или менее приличной дороги сопряжено с огромными трудностями и затратами.

В 1849 году из Якутска по Охотскому тракту проследовал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, будущий граф Амурский, с женой и многочисленными сопровождающими лицами, а после посещения Камчатки он вернулся в Якутск по Аянскому тракту и нашел его более подходящим, чем Охотский.

Попытки основать на трассе земледельческие поселки, обслуживающие транспортный поток, не удавались, хлеб здесь не родился, крестьяне или вымирали от голода и болезней или бросали сельское хозяйство и превращались, как и местные жители, в охотников и звероловов. Питались зачастую подножным кормом, ягодой и сосновой заболонью, если не удавалось заготовить мяса и рыбы.

Важно осознать, что до присоединения Приамурья только по этим дорогам осуществлялось все сообщение Дальнего Востока с европейской Россией и Сибирью, все снабжение самых дальних окраин продовольствием, снаряжением и вооружением. Нетрудно прикинуть, какой была стоимость, допустим, муки на Камчатке: если она и обходилась дешевле золотого песка, то не намного.

Альтернатива же – водные пути – была еще хуже. От Одессы или Петербурга надо было плыть почти вокруг света через три океана до Камчатки или Охотска не меньше восьми-девяти месяцев. На плавание же от Якутска вниз по Лене и

далее вдоль берега Ледовитого океана даже только до устья Колымы уходило целое лето при самой благоприятной погоде, отсутствии льдов и при попутных ветрах. Обычно же плавание затягивалось на два, а то и на три года. А если надо было плыть на Чукотку или еще дальше, на Камчатку? Посуху, чаще зимой, добирались от Якутска на крайний Северо-Восток, до Анадырска и Нижнекамчатска, за полгода.

В такое путешествие отправлялись только «по великой нужде». С.П. Крашенинников писал: «Скарб, амуницию и потребное к пропитанию важивали на нартах через знатное расстояние дикими, пустынными и многим ужасным вьюгам подверженными местами, от которых по несколько времени обыкновенно стоят на одном месте; в таком случае не можно не изойти съестным припасам прежде времени. Тогда сыромятным сумам, ремням, обуви, особливо же подошвам расход бывает. Поверить почти невозможно, чтоб человек дорожный мог снести голод через 10 или 11 дней, однако в тех местах никто тому не удивляется, ибо редкой бывалой в той стороне путь свой без оной нужды оканчивал» [1].

И такие *пути сообщения* взимали с путешественников страшную дань: только за 1703–1715 годы здесь погибло около 200 служилых людей. Да и «немирные инородцы» нередко нападали на ватаги и остроги как гулящих, так и государевых людей. И потому в синодиках одной только Охотской церкви ежегодно вносились в поминальные записи десятки имен.

Самым же первым приходилось еще труднее. Они шли пешком, со всем скарбом за плечами, или на лыжах, волоча за собой санки с грузом.

Что это такое, я впервые познал по собственному опыту в 1961 году, когда с двумя напарниками сделал попытку в конце декабря пройти из долины реки Камчатки через Валагинский хребет на Восточное побережье. Снег был такой глубокий и рыхлый, что проваливались мы в него по грудь и шли, так ни разу за целый день и не увидев собственных лыж. Точно так же в погруженном состоянии, как подводная лодка, волочились за нами груженые санки. Даже безо всяких дополнительных препятствий мы выбивались из сил, достигая скорости едва километр в час. А без приключений не проходило ни единого дня. Бурные горные реки не успевал сковать за месяц даже сорокаградусный мороз. И вот в одном месте мы нашли ледяной мост через главную протоку. Я ступил на него, сделал несколько шагов и провалился. Лыжи перепутались крест-

накрест, рюкзак свалился через голову, захлестнув лямками шею, и хотя глубина была невелика, и друзья приняли меры мгновенно, я вымок с ног до головы. Звеня одеждой, бежал я впереди всех к недостроенному зимовью без крыши, оставленному нами в двух километрах позади...

Ничуть не лучше, а хуже, гораздо хуже путешествовать в этих краях летом. Реки представляют собой непреодолимые во многих случаях водные преграды, в болотах вьючные кони пробивают копытами тонкую дернину и проваливаются по брюхо, делая раз за разом безнадежные попытки выдернуть ноги и встать на твердую почву, пока, наконец, полностью растратив силы, они не валятся на бок, со свистом втягивая воздух. Приходится развьючивать их, перетаскивать на плечах весь груз до ближайшего надежного островка, расседлывать и выводить на отстой и отдых. И снова вперед в неизвестность, до следующего недоразумения...

Горные склоны, косогоры и подъемы то и дело превращаются в головоломный слаломный спуск: кони с вьюками крутят сальто под откос, в щепки разбивая ящики, ломая ребра и ноги... Кустарники, кедровые и ольховые стланики бывают в полном смысле слова непроходимыми. А как иначе можно назвать заросли, где у меня дважды за день собаку заклинивало между упруго переплетенными стволами? Пройдешь несколько километров через такое препятствие – одежда рвется в клочья, с ремня вместо брюк свисают лохмотья, и ветер тебя продувает, и гнус гуляет по всему телу, как в собственной кормушке. Тучи комарья, мошки и оводов, нескончаемые холодные дожди, морось, затягивающаяся на долгие недели...

Нет, только познакомившись лично с дальневосточными «путями сообщения», можно представить, какой труд и какие затраты требуются здесь, чтобы доставить груз из пункта А в пункт Б...

Ну и о какой экономической эффективности дальневосточного хозяйства могла идти речь при таких товарообменных процедурах?

Присоединение Камчатки еще более осложнило транспортную ситуацию на Востоке.

В результате деятельности Второй (Великой) Камчатской экспедиции под руководством В.И. Беринга был приведен в известность и в гораздо более надежное российское владение весь крайний Северо-Восток Азии. Охотский порт, через

который осуществлялись все сношения с Камчаткой, превратился в официальный центр русского Дальнего Востока. Уже к 1731 году сюда было сослано 153 человека, а первому начальнику порта Г.Г. Скорнякову-Писареву, сподвижнику Петра I, попавшему в опалу при преемниках, сеченному кнутом ссыльному, предписывалось заселить обслуживающим персоналом тракт Якутск–Охотск, завести здесь хлебопашество и коневодство, а также организовать в Охотске смолокурение, построить железоделательный завод для судостроения, открыть церкви и кабаки. К 1740 году здесь жило не менее пятисот человек, жители пробовали заниматься хлебопашеством (неудачно) и выращиванием овощей – более удачно; и все же пашенные крестьяне в конце концов занялись оленеводством. Здесь работал солеваренный завод, обеспечивавший практически весь Дальний Восток, соль добывали выпариванием из морской воды, действовал кирпичный завод; за полтора века были построены 62 судна, и освоение азиатского Востока России и Русской Америки получило резкое ускорение [2].

Добираться до Камчатки сначала приходилось посуху, в обход Пенжинского залива. Не самый ближний и не самый экономный путь...

А делать суда местные поселенцы не умели. И тогда Петр I под страхом смертной казни повелел построить в Охотске корабль для дальнего плавания и открыть регулярное морское сообщение между Охотском и Камчаткой, для чего командировал на Дальний Восток корабелов из Архангельска со всеми необходимыми припасами и инструментами. И вот в июне 1716 года одномачтовое судно «Восток» было спущено на воду и отправилось на Западную Камчатку, а потом вышло и в Тихий океан. Сухопутная трасса на Камчатку была после этого заброшена.

Для Второй Камчатской экспедиции построены были здесь же два двухмачтовых пакетбота «Святой Петр» и «Святой Павел» грузоподъемностью по 100 тонн. Место их зимовки в 1740 году в Авачинской бухте на Камчатке командор назвал Петропавловском. В середине XIX века этот порт стал главной военно-морской базой России на Дальнем Востоке.

«Если правительство дорожит людьми и денежными средствами, там употребленными, – писал 25 июня 1849 года Н.Н. Муравьев из Охотска в Петербург, – то должно дело это кончить в первую же навигацию и сосредоточить все наши

морские силы и средства Охотского порта в Авачинской губе» [3]. В Петропавловск в 1850–1852 гг. было перевезено все имущество ликвидированного Охотского порта. И только эта экстренная мера позволила сохранить наши дальневосточные владения от алчности английских, французских и американских друзей.

А можно ли было сохранить за собой Русскую Америку? При любых попытках завоевания империя не могла выставить на американский фронт никаких воинских сил. Нет, Америка явно была территорией, лежащей за пределами наших естественных границ, она представляла собой не защиту России, а лишнюю для нее опасность и обузу, так же, кстати, как впоследствии и российские владения в Китае – Порт-Артур и Дальний, как и КВЖД.

А вот Амур, напротив, стал надежным и абсолютно необходимым рубежом нашей единой, целостной Родины. Он был единственным водным путем, ведущим из глубины континента к Тихому океану. Лишь включение Амурского бассейна в состав империи скрепило воедино все наши земли и моря к востоку от Байкала, открытые для цивилизованного мира нашими земляками и освоенные ими.

После этого и Охотский, и Аянский тракты практически перестали функционировать. После же 1867 года, продажи Русской Америки и прекращения деятельности Российско-Американской компании, они были окончательно закрыты.

ВВОЗ И ВЫВОЗ ПРОДУКЦИИ

Так как же все-таки велось на Дальнем Востоке русское хозяйство до присоединения Приамурья? Ведь единство страны подразумевает свободный регулярный обмен людьми, товарами, информацией между всеми ее частями. Как ввозился необходимый продукт из центра и вывозилась местная продукция, как въезжали на Дальний Восток и выезжали отсюда русские люди, как посылали они сообщения родным и близким, оставшимся на далеком Западе, отправляли донесения властям и получали от них указания и распоряжения?

Естественно, вывозу подлежала только самая уникальная продукция, имеющая чрезвычайно высокую стоимость при несравненно малом весе и объеме. Таким требованиям отвечало

поначалу только «мягкое золото», пушнина, а потом – *обыкновенное* золото да «рыбий зуб», то есть моржовый клык или мамонтовый бивень.

Что ввозили? В первую очередь, иногда она же была и последней, оружейный припас: порох, свинец, пищали, пушки, кольчуги, шишаки, наручники, железо во всех видах и изделиях, ножи, топоры, котлы. Короче говоря, все то, что нужно было для войны здесь, в Сибири, что обеспечивало превосходство в силе немногочисленному русскому воинству, и что ни за какие деньги нельзя было сыскать в тайге и тундре.

И все же как бы дорого ни обходился русским сибирякам пушной «красный товар» на Востоке, еще более дорогим, жизненно необходимым, судьбоносным, он становился на Западе. Не только внешнеэкономическим рычагом, позволяющим сдвигать с мертвой точки многие хозяйственные наши задачи, был он в те времена, больше – он становился внешнеполитическим аргументом.

Еще хан Едигер вызвался платить дань России по соболю и белке с каждого человека, считая в Сибири 30 700 человек [4]. Иван Грозный, принимая хана Кучума под свою государеву руку, поставил ему условием ежегодную дань в тысячу соболей. «Сам Государь из казны своей отправлял за Каспийское море меха драгоценные и купцов Московских в Антверпен, в Лондон и даже в Ормуз» [5]. Папскому посланнику иезуиту Антонию Поссевину Иван Грозный передал несколько *драгоценных черных соболей* для папы Римского [6].

Русские послы в Константинополе не скупясь расходовали сибирские меха: «Чтоб заставить турецких вельмож не внимать враждебным внушениям, – пишет С.М. Соловьев, – Толстой начал на все стороны рассылать соболя и шубы; посредством соболей он узнал содержание письма Лещинского (Станислав Лещинский – польский король. Ю.С.) к султану... Муфтий, получивший от Толстого два сорока соболей, прислал сказать ему, чтоб был благонадежен, что он, муфтий, ему доброхотствовал, сколько мог, с некоторыми людьми и бранился, и определено поляка, присланного Лещинским, вскоре выслать и мир с Москвою содержать ненарушимо. То же самое прислал объявить Толстому и рейс-эфенди, получивший сорок соболей» [7].

А вот другой эпизод российско-турецкой дипломатии: «Толстой послал тайно к муфтию с просьбой потрудиться, чтоб

короля шведского (Карла XII – Ю.С.) и Мазепу выдали царскому величеству, обещая за труды 10 000 золотых червонцев да на 10 000 соболей» [8]. Не гнушалось соболями да *мехом лисьим черным самым добрым* и само султанское величество [9].

Петр I в своем безнадежном Прутском походе был окружен превосходящими силами турецкой армии. Начались тяжелые мирные переговоры. Заложниками пошли в Стамбул высокопоставленные лица – вице-канцлер П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев, сын главнокомандующего, фельдмаршала Б.П. Шереметева. Долго пришлось им склонять в миру султанских вельмож.

И вот долгожданный конечный результат. П.А. Толстой, только что освобожденный из Семибашенного замка, доносит Петру I, что одному из главных действующих лиц соболино-политической кампании бывшему визирю Али-паше благополучно отсекли голову; а пленный вице-канцлер П.П. Шафиров препровождает следующую калькуляцию: «...За мир было заплачено: визирю 30 000 червонных венецианских (по 3 рубля 26–24 гривны); муфтию – 10 000 червонных; зятю султана Али-паше 10 000; комиссару султанскому, бывшему в конференции – 4 000; рейс-эфенди – 3 000 да мех соболий; верховному кадию – 2 000; Маврокордату – 500 червонных и мех соболий; английскому послу – 6 000; голландскому 4 000; переводчикам и секретарям их – 1000; всего с разными мелкими расходами 84 900 червонных да 22 000 рублей денег» [10].

Так что русские казаки на охотском побережье, на крайнем востоке державы, дали возможность русским казакам на черноморском побережье не утратить окончательно своих позиций на крайнем юге державы.

Однако мир был все же не слишком прочен, и соболя не перестали быть крайне необходимым внешнеполитическим аргументом: «14 июня новый великий визирь Али-паша (не тот Али-паша, которому отрубили голову, и не тот Али-паша, который получил 10 000 венецианских червонных – Ю.С.) созвал к себе сановников и офицеров и спросил, начинать ли войну из-за двух пунктов, которых не принимают русские послы. Муфтий, которому Шафиров посулил 10 000 левков и мех соболий, отвечал, что война будет незаконна, ибо царь выполнил условия договора; остальные согласились с мнением муфтия, и это решение отправлено было к султану, который

отвечал, что и он согласен на мир... Покончили с турками; не щадя ни червонных, ни мехов собольих, отклонили опасную войну, могшую помешать счастливому ведению войны Северной» [11].

Вот такими были теснейшие всероссийские взаимосвязи, и не принесли бы плодов подвиги русского казачества в Азове, если бы не было подвигов русского казачества в Охотске.

После Охотска пришла очередь Камчатки. Освоенная благодаря охотскому судостроению, она давала много ценной пушнины, а другого экономического критерия в те годы и не существовало. Кроме соболей, везли отсюда еще более ценных командорских и алеутских бобров (каланов) и морских котиков, а также белых и голубых песцов.

А нужда в этом была, мало сказать, жизненно важной, она была просто смертельной. Чтобы избавиться от вечной опасности со стороны Орды и тевтонов, чтобы отодвинуть границы на юге до Черного моря и восстановить древние границы Киевской Руси на западе, необходимо было включить как военные, так и дипломатические механизмы решения международных конфликтов. Но если каждому Али-паше и каждому папскому нунцию всучать по нескольку сороков соболей, то где же столько сороков наберется? Восток Азии скоро истощился. Уже к XVIII веку он давал в несколько раз меньше драгоценной пушнины, чем в предыдущее столетие.

Пушным цехом страны стала зона деятельности Российско-Американской компании. А ведь это отнюдь не открытие двадцатого века, что доллар может выполнять свои функции только при наличии авианосца. Служить гарантом российской экономической деятельности на Дальнем Востоке могла только сильная военно-морская база. После Охотска и до Владивостока такой базой был Петропавловск-Камчатский.

Охотск угас после того, как передал эстафету Петропавловску, точно так же как угас Петропавловск, передав эстафету Николаевску и Владивостоку.

ПРОБУЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Поначалу пушнина поступала в казну как обязательная дань местного населения русским властям – ясак. Постепенно, однако, в межнациональные отношения внедрялись

экономические формы товарообмена. Но прежде чем покупать товар, надо привыкнуть к его употреблению, только после чего он и становится необходимым. Соприкоснувшись с цивилизацией, местные жители вскоре стали страдать от нехватки продуктов, о необходимости которых они раньше даже не подозревали. В 1896 году поручик А.В. Олсуфьев, командированный приамурским генерал-губернатором С.М. Духовским в Анадырскую округу, пришел к выводу, что «9/10 ввоза в эту бедную страну составляют продукты, в которых раньше инородец не ощущал надобности» [12].

«Чайная голодовка считается самой тяжелой после недохода рыбы, – писал о коряках в 1925 году В.К. Арсеньев, – на третьем месте стоит хлеб, а потом все остальное» [13]. Но Н.В. Слюнин высказывается еще категоричнее: чайная голодовка не на втором, а на первом месте [14]. Удивительно быстро чай покорил «храбрых и независимых дикарей Сибири».

И все же впереди шел табак. У Григория Новицкого, ссыльного соратника гетмана Мазепы, можно встретить упоминание о пристрастии остяков к куреву. Особенно большую роль сыграл табак в покорении чукчей.

Никакой силой не удавалось присоединить к империи «немирных инородцев», всего-то насчитывавших десять–тринадцать тысяч человек и никогда не собиравших более чем трехтысячное войско.

За полтора столетия «усмирений», перемежавшихся относительно спокойными периодами, в результате эпизодических прямых торговых контактов с русскими и постоянных косвенных – через юкагиров, коряков, чуванцев, тунгусов – чукчи заразились самой страшной болезнью цивилизованного мира, возбуждаемой вирусом потребительства. Они познали многое такое, без чего уже не смогли больше обходиться. Самым желанным товаром для них стал табак.

Единственным сортом, признаваемым оленеводами и охотниками Северо-Востока Азии, равно как и их чадами с домочадцами, был так называемый черкасский листовой табак – крепчайший горлодер, от первой же затяжки которого даже заядлого курильщика охватывал неудержимый кашель. Чтобы как-то смягчить шоковое воздействие, туземцы разбавляли самосад древесной корой и закладывали его крошечными порциями в свои маленькие трубки. Но более слабым зельем они пренебрегали. И как знать, не оттого ли Чукотка стала

частью Российской империи, что конкуренты наших соотечественников – американцы – не нашли в своем гораздо более широком ассортименте товаров ничего даже отдаленно похожего на черкасский горлодер...

Миссионеры, потерпев полное поражение в попытках христианизации северных дикарей, нашли короткий путь к сердцу закоренелых язычников. Тем, кто соглашался креститься, обещали табак. За этот товар чукча готов был продать душу дьяволу.

Путешественники описывали совершенно анекдотические обряды приобщения чукчи к таинству Христовой веры. Раздетого язычника окунали в ледяную купель. Посчитав дело сделанным, новообращенный возмущался требованию повторить это удовольствие. Чтобы согреться, он принимался бегать по морозу с возгласами: «Давай табак, давай табак!» Ему так невтерпеж хотелось закурить, что даже одеться было недосуг. По прошествии некоторого времени чукча готов был креститься второй, третий раз, лишь бы получить причитающееся вознаграждение.

Узнали аборигены вкус сахара. С.П. Крашенинников был свидетелем первого знакомства богатого коряка с необычной «солью». Изумившись чрезвычайной сладости, туземец загорелся желанием отвезти маленькую щепотку жене, но не удержался и съел ее сам по дороге. Впрочем, жена так и не поверила ему, что есть на свете продукт слаще голубицы, толченой вместе с корнями сараны и оленьим жиром.

После встречи с русскими впервые открыли для себя обитатели Севера твердость железа. Но закон не разрешал продавать «немирным» чукчам никакие железные орудия. И потому они вынуждены были изготовлять ножи и наконечники для стрел и копий из добытых через третьи руки котлов. Одновременно с холодным оружием стало известно аборигенам и огнестрельное.

Нужны ли были «дикарям» упомянутые и неупомянутые дары цивилизации? Так ли уж плохо им жилось в их блаженном неведении?

Во времена С.П. Крашенинникова коряки были «хвастливы и горды тем, что никакие люди, ни самые россианы, такого роскошного жития не имеют» [15]. Нам нет нужды к вам ездить, говорили они купцам, потому что у нас всего хватает, а вы приезжаете на Камчатку, чтобы попробовать хоть раз в жизни жирную оленину.

Можно сказать, что все исследователи приходят к согласию: безбедно жили оленные люди до тех самых пор, как их «открыли», и прожили бы еще многие века без чьих бы то ни было забот.

Да и много ли вообще человеку надо? Берегитесь любостяжания, говорил Христос, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения.

Но белая цивилизация сделала свое черное дело. Вирус потребительства нашел питательную среду и в душах непокорных и счастливых северян. Купцы с простейшими товарами добились того, чего на протяжении полутора столетий не могли добиться военачальники с многочисленным войском. Чукчи сами изъявили свои верноподданнические намерения. Только бы не прекращался товарообмен.

Многое изменилось в вольной жизни бывших «немирных инородцев». Появились у северных анархистов старосты и тойоны. В натуральное, бестоварное свое хозяйствование внесли чукчи необходимые поправки. Даже маршруты перекочевок и месторасположения стойбищ и пастбищ сместились у них на многие сотни километров. Но не было мира в отношениях оленных людей с русскими купцами, которые обманывали и обирали простодушных и грубых дикарей. «Чукчи оказывались слишком мало цивилизованными, чтобы уметь скрывать неудовольствие под любезной улыбкой, – пишет Г. Майдель. – Справедливость они порывались восстановить силой, а так как являлись на торг по обыкновению вооруженными, то происходили кровавые стычки» [16].

Удар колокола на ярмарке был сигналом: ясак внесен в государеву казну полностью, можно торговать. Русские купцы, обгоняя друг друга, спотыкаясь и падая в снег, с товарами в руках бросались к ожидающим их покупателям. «Странную противоположность с суетливостью русских составляют спокойствие и неподвижность чукчей. Они стоят, облокотясь на копья, у саней своих, и вовсе не отвечают на неистощимое красноречие противников, – писал Ф.Ф. Матюшкин, наблюдавший ярмарку в 1820 году, – если торг кажется им выгодным, то молча берут они предлагаемые предметы и отдают свои товары. Такое хладнокровие и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера чукчей, дает им на торге большое преимущество перед русскими...» [17].

Много ли выиграли аборигены Севера, сделав первые шаги по дороге, ведущей к пропасти?

Они стали промышлять в море на вельботах, с винчестерами и гарпунными ружьями. Если раньше не было поселка на берегу Ледовитого океана, где бы в течение года не добыли хотя бы одного кита, обеспечивавшего людей на долгое время мясом, жиром и строительным материалом для яранг, то к 1895 году уже и навыки охоты на самого крупного морского млекопитающего стали забываться. Если до того моржей били не только весной и осенью во льдах, но и летом, когда они выходили на берег, то с распространением цивилизации стали редкой удачей и моржи. Лахтаков и других тюленей раньше промышляли столько, сколько было нужно для пропитания, для изготовления обуви, ремней и арканов, к концу XIX века они тоже почти исчезли. Голод, безысходность поселились в стойбищах приморских жителей, все больше пустели их селения.

Резко уменьшилось и количество пушных зверей в тайге и тундре, когда широкое распространение получило огнестрельное оружие.

Наблюдая жизнь гренландских эскимосов, известный американский художник и писатель Рокуэлл Кент делает замечательное предположение: уровень цивилизации определяется степенью использования обществом всех тех возможностей, которые отпущены ему окружающей средой. При достижении предела развития исчезают внутренняя борьба и конкуренция. Если у людей нет взаимно противоположных интересов или сами граждане умеют находить приемлемые для всех решения, зачем нужны специальные органы государственного или общественного регулирования? Если есть авторитетные люди, с мнением которых считаются, зачем полиция, юстиция, прокуратура, адвокатура? И что делать власти там, где и без нее все идет хорошо?

Они совершенно счастливы, – пишет Р. Кент об эскимосах, – разногласий и споров между ними не бывает, и поведение отдельных граждан как бы инстинктивно соответствует требованиям неписаного кодекса законов [18].

«Между собой они живут в полном согласии, – сообщает о чукчах Г. Майдель, – муж и жена почти всегда ладят между собой, и первый никак не считает последнюю за подчиненное

ему существо, за рабыню, а смотрит на нее как на подругу жизни» [19].

Нарушение этой гармонии произошло, увы, с нашим участием.

И вот вам еще одна, так же излишняя, как и все прочие, иллюстрация принципа домино: нам не оставили выбора наши западные соседи, принимать или не принимать европейскую цивилизацию, мы не оставили выбора чукчам и их землякам-дальневосточникам, принимать или не принимать русский вариант цивилизации. Впрочем, у нас не было выбора не только в случае с немцами, поляками и шведами; и в случае с чукчами выбор у нас был не больше – нам нужны были на Востоке естественные границы, которые защищали бы нас от врага, и нам нужна была пушнина, чтобы иметь возможность откупиться от посягательств на наши западные и южные границы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. С. 56.

2. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 38; *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. 192 с.; *Вус В. Г.* Заветный край особой русской славы. Хабаровск, 1990. 224 с.

3. *Вус В. Г.* Заветный край особой русской славы. Хабаровск, 1990. С. 109.

4. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 8. С. 140.

5. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9, С. 78–79.

6. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. С. 218.

7. *Соловьев С. М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 8. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 15–16. С. 162–163.

8. *Соловьев С. М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 8. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 15–16. С. 344.

9. *Соловьев С. М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 8. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 15–16. С. 62.

10. *Соловьев С. М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 8. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 15–16. С. 384.

11. *Соловьев С. М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 8. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 15–16. С. 396.

12. *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Записки Приамурск. отд. Имп. Русск. геогр. общ-ва. СПб., 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 199.

13. *Арсеньев В.* Гижигинский промысловый район // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. №5. С. 34.

14. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. СПб., 1900. С. 662.

15. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.-Л., 1949. С. 727.

16. *Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Гергарда Майделя. Приложение к LXXIV-му тому записок Импер. Академии Наук. СПб., 1894. № 3. С. 4.

17. *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. М., 1948. С. 178.

18. *Кент Р.* Гренладский дневник // К. Расмуссен. Великий санный путь. Р. Кент. Гренландский дневник. Иркутск, 1987.

19. *Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Гергарда Майделя. Приложение к LXXIV-му тому записок Импер. Академии Наук. СПб., 1894. № 3. С. 519.

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Вопросы входного контроля:

Как добирались русские на крайний Восток державы до присоединения Приамурья?

а) по воде;

б) посуху;

в) гужевым транспортом;

г) вьючным транспортом;

д) пешком.

Какими товарами обменивался Дальний Восток с метрополией до присоединения Приамурья?

а) вывозил золото, ввозил продовольствие;

б) вывозил пушнину, ввозил оружие и боеприпасы;

в) вывозил лес и рыбу, ввозил оборудование и снаряжение.

Вопросы текущего контроля:

В чем состоял главный экономический интерес России на ее самых дальних восточных рубежах до присоединения Приамурья?

а) золото;

б) пушнина;

в) лес и рыба.

В чем заключалась главная хозяйственная проблема России на востоке во все времена и эпохи?

а) нехватка финансов;

б) фрагментарность экономической структуры;

в) пути сообщения, транспорт и связь.

Вопросы выходного контроля:

Пути сообщения – самая главная экономическая проблема на Дальнем Востоке во все времена и эпохи.

Какие товары ввозились на Дальний Восток и вывозились из региона до присоединения Приамурья?

Глава 4

НЕВЕЛЬСКОЙ, МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ. ПЕРВЫЕ СПЛАВЫ

АМУРСКИЙ ВОПРОС И ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Соотношение комфортности нашего нынешнего Дальнего Востока и прилегающих территорий привело к формированию потоков переселения народов. Когда чжурчжени образовали свое сильное государство, они ушли из Приамурья в Китай. То же самое произошло и с монголами, и с маньчжурами. «Если бы наши земли представляли какую-то привлекательность для китайцев, то великая китайская стена была бы построена на две тысячи километров севернее» (М.И. Леденев).

Северная государственная граница империи Цин была защищена в XVII веке Ивовым палисадом – пограничной стеной, составляющей продолжение Великой Китайской стены и протягивающейся от Ляодунского залива к верховьям Сунгари, почти в тысяче километров южнее Амура, а широкая полоса амурского правобережья была территорией обитания аборигенов, не подвластных маньчжурам [1].

С этой позиции странными выглядят и претензии японцев на Курильские острова. Так же как и у китайцев в те времена, даже правобережье Амура еще не было освоено, так и для японцев даже Хоккайдо было северной, слишком северной, дискомфортной территорией, не привлекавшей их внимания.

Русские же чувствовали себя в Приамурье как в родной стихии, ведь тайга наш дом родной, а морозы и гнус, непроходимые чащобы и непролазные топи, вечная мерзлота и необозримые снега нам не в тягость, а в радость.

Как начиналась амурская эпопея?

В 1643 году отряд под руководством Василия Пояркова поднялся от Якутска вверх по Лене, Алдану, Учуру и Гонаму и, перевалив Становой хребет, спустился по Брянте до Зеи, где были построены дощаники, суда, вмещавшие по 30–40 человек

с грузом. Далее казакам предстоял водный путь по Зее и Амуру. Пройдя устья Сунгари и Уссури, русские стали на зимовку, привели местных жителей в подданство русскому царю и собрали с них богатый ясак – 12 сороков соболей и 16 собольих шуб. Весной 1645 года отряд спустился по Амуру в Охотское море и после опаснейшего двенадцатинедельного морского плавания пристал к устью Ульи, где совсем недавно основал свое зимовье Иван Москвитин. Только весной следующего года В.Д. Поярков, поднявшись по Улье и перевалив Джугджур, вернулся по Мае, Алдану и Лене в Якутск, где его уже считали погибшим. Таким образом, русские уже тогда, в XVII веке, знали по личному опыту, что путь из устья Амура налево, в Охотское море, судоходен. Знали они также от гольдов и гиляков, что и путь направо, в Японское море, вполне судоходен. Однако впоследствии эти сведения были не то что забыты, а под давлением многих авторитетов сочтены не заслуживающими доверия.

Ерофей Хабаров вышел в свой поход на Амур, зная уже многое об этих землях от своих предшественников, среди которых были, кроме Пояркова, также Перфильев и Бахтеяров. В 1649 году он дошел по Лене, Олекме и Тунгиру через перевал к реке Урке, впадающей в Амур. Оставив там 20 человек, которые за время его отсутствия построили добротные дощаники, он вернулся в Якутск за подкреплением. С вновь прибывшими 137 человеками и двадцатью оставленными на месте он сел на суда и поплыл вниз по великой дальневосточной реке. Основав в конце пути острог, Е.П. Хабаров возвратился на очередную зимовку. Два года занимался он приведением в известность здешних территорий и сбором ясака с местных племен.

За короткое время здесь были построены несколько острогов и крепостей, основаны русские деревни, что в конце концов привело к образованию Албазинского воеводства. Здешние земли позволяли заниматься хлебопашеством и могли служить сельскохозяйственной базой для будущего снабжения русского мирного населения и воинского контингента.

Однако маньчжурские войска напали на наши укрепления и после длительного и кровопролитного противостояния вытеснили русских с берегов Амура, навязав России невыгодный ей Нерчинский договор 1689 года, который тем не менее не привел к реальному разграничению территорий, так как маньчжуры, не владея приамурскими

землями фактически, ни малейшего представления не имели и о местной географии.

Наша империя, поглощенная борьбой на Западе со Швецией, Польшей, Крымом и Турцией, внутренними смутами после восстания Степана Разина, не имела никаких сил для укрепления своих позиций на далеком восточном фронте. Тем не менее амурский вопрос был в XVII веке предметом лишь российско-китайских взаимоотношений, но не широкой международной политики. Интересы иных держав он никак не затрагивал.

В XIX веке о сквозном судоходстве по Амуру до устья и далее по морю, Охотскому или Японскому, уже не говорили, считали, что Амур теряется в песках, чему находили подтверждение в исследованиях французского мореплавателя Лаперуза, английского Броутона и русского Крузенштерна. Эти капитаны хотели пройти в Амур с моря, но так и не смогли обнаружить судовой проход среди мелей амурского устья ни с севера, ни с юга. Не сумели они найти и пролив между Сахалином и материком. Не нашел судового хода и поручик А.М. Гаврилов, командированный Российско-Американской компанией в 1846 году к загадочному устью.

И как же, в самом деле, можно было тогда оценить стратегическое значение Амура, если он никак не облегчал сообщения России с Камчаткой, Чукоткой, охотским побережьем, Курилами и Алеутами? Если Амур не открывал для нашей страны выход в Тихий океан, то стоило ли рисковать той торговлей, которую Россия вела с Китаем по сухопутному пути через Кяхту, и вообще осложнять отношения с южным соседом? И потому Николай I начертал на рапорте А.М. Гаврилова: «Весьма сожалею. Вопрос об реке Амуре, как о реке бесполезной, оставить» [2].

Между тем геополитическая ситуация изменилась. Если агрессивная белая цивилизация проникала с моря и наносила такой непоправимый урон суверенному Китаю, то нужно ли было ему иметь границу с этими опасными соседями еще и по Амуру, оставаясь открытым возможному проникновению со всех сторон?

Интересно в этой связи сравнить российско-китайские договоры XVII и XIX веков. Да, и Нерчинский договор 1689-го года, и Айгунский 1858 года заключались под силовым нажимом. Какая все же была между ними принципиальная разница? Первый из них был внутренним азиатским, он был

заключен между державами Востока, второй решался в обстановке общего сопротивления Западу, когда белая цивилизация угрожала и нам, и Китаю.

Айгунский договор, подтвердивший права России на левобережное Приамурье, и Пекинский договор 1860 года, закрепивший за Россией правобережье Уссури и Приморье от устья Амура до корейской границы, – оба были заключены по причине взаимной заинтересованности сторон в урегулировании пограничных споров в обстановке общей обеспокоенности англо-французской агрессией. Для России это – Крымская война и нападение на Петропавловск-Камчатский, для Китая прежде всего опиумные войны. Ни Россия, ни Китай не были заинтересованы в проникновении западных сил на территорию, оставшуюся неразграниченной по Нерчинскому договору 1689 года [3].

«Возникло не безосновательное предположение, что англичане займут устье Амура, – доносил 25 февраля 1849 года Н.Н. Муравьев императору Николаю I. – Каких тогда потребуется сил и средств от правительства, чтобы Восточная Сибирь не сделалась английскою, когда в устье Амура станет английская крепость, и английские пароходы пойдут по Амуру до Нерчинска и даже до Читы? ... Если бы вместо английской крепости стала в устье Амура русская крепость, равно как и в Петропавловском порте в Камчатке, и между ними ходила флотилия, а для вящей предосторожности чтобы в крепостях этих и на флотилии гарнизоны, экипаж и начальство доставляемы были извнутри России, – то этими небольшими средствами на вечные времена было бы обеспечено для России владение Сибирью и всеми неисчерпаемыми ее богатствами» [4].

Кто будет владеть устьем Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере до Байкала, – из такого принципа исходил Н.Н. Муравьев в своей практической губернаторской деятельности.

Если бы наши нынешние дальневосточные земли не были заняты русскими людьми, то они стали бы английскими, французскими или американскими владениями, что было для Китая несравненно опаснее. Дальневосточная экспансия этих стран вызывала у Китая вполне обоснованные подозрения, так как англичане, французы и американцы бесцеремонно вмешивались во внутренние дела Поднебесной империи, вводили на ее территорию и использовали против китайцев

свои войска, ввозили в гигантских количествах опиум, занимаясь систематической наркотизацией населения, а взамен вывозили китайские товары и серебро, обескровливая экономику Китая; вывоз китайских кули в Америку приобрел характер и масштабы работорговли.

Да, были у Китая и России собственные взаимоисключающие интересы в этих краях. И были они в XVII веке определяющими внешнюю политику обоих государств. Причина была в том, что наша империя уже столкнулась с насильственностью германо-романской цивилизации (Gewaltsamkeit – термин Н.Я. Данилевского), с тотальной агрессивностью Запада, а Поднебесная империя еще нет.

Но в XIX веке вышли на первый план общие интересы, ранее неосознаваемые. Это противостояние «общечеловекам», агрессивной цивилизации Запада. И ко времени опиумных войн и Крымской войны это стало с очевидностью ясно как России и Китаю по отдельности, так и обоим вместе, что проявилось в новых акцентах их международных отношений. Подвергнувшись грубому насилию со стороны европейской цивилизации, свои внутриазиатские разногласия эти страны вынуждены были отставить на второй план и искать здесь взаимоприемлемые компромиссы. Взаимная же приемлемость состояла в том, что уж если Китай не смог отстоять от наглого хозяйничанья белых свои приморские и внутренние территории, то не смог бы он удержать фронт и по Амуру, и чтобы не подвергаться всеохватной блокаде со стороны европейской цивилизации (разве что с западного направления Китай был более или менее защищен горными массивами и борющимся Афганистаном), надо было закрыть от белой опасности северный фронт. Русское владение Амуром представляло для него наименьшее зло.

Интересно, что тот же геополитический расклад сохраняется и доныне. «Общечеловеки» подошли еще ближе к мировому господству, и восточный альянс России (союз с миром ислама и с Китаем) стал еще более необходимым условием ее дальнейшего существования [5]. Не в меньшей степени союз с Россией необходим и Китаю, и миру ислама. Да, есть у этих трех планетарных центров силы и свои собственные разногласия. Но они носят тактический характер, а вопрос «быть или не быть» вынуждает их идти к сближению и союзу в борьбе против мирового господства Запада,

поспешившего уже объявить себя «общечеловеческой» цивилизацией. По одиночке мы не выстоим и не выживем.

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ Г.И. НЕВЕЛЬСКОГО И Н.Н. МУРАВЬЕВА–АМУРСКОГО

Много материалов о русских путешествиях по Амуру изучил молодой офицер-патриот Г.И. Невельской, собираясь в далекое плавание от Петербурга до Петропавловска-Камчатского. Он горел желанием доказать, что такая полноводная река, как Амур, не может теряться в песках и что Сахалин – остров, отделенный от материка проливом. Заручившись поддержкой недавно назначенного генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, однако не имея прямых разрешений своего непосредственного начальства, на свой страх и риск начал он гидрографические исследования этого белого пятна на географической карте и получил все доказательства своей правоты. В июле 1849 года было совершено открытие, тотчас опрокинувшее все геополитические расчеты как русских, так и иностранных государственных деятелей.

1 августа 1850 года на мысе Куегда на левом берегу Амура Г.И. Невельской поднял русский военно-морской флаг и основал пост Николаевский, будущий город Николаевск. Этот самовольный поступок офицера вызвал бурю недовольства в Особом комитете Санкт-Петербурга, наиболее возмущенные чиновники настаивали на разжаловании в матросы нарушителя инструкций. Однако император Николай I заявил, что там, где поднят русский флаг, он никогда более не должен опускаться.

Было принято решение пост сохранить и, более того, учредить Амурскую экспедицию во главе с капитаном Г.И. Невельским. На шлюпках и собачьих упряжках с базы в устье Амура военные географы изучили огромные площади прилегающих территорий и акваторий, детально описали сахалинский и материковый берег Татарского пролива, бассейны Амгуни и Нижнего Амура. Никаких свидетельств китайского владения при этом не было найдено.

И тем не менее петербургские сановники то и дело создавали труднопреодолимые препятствия благородной деятельности Г.И. Невельского. «Мне предстояло и ныне

предстоит одно из двух, – писал офицер-патриот, – или, действуя согласно инструкциям, потерять навсегда для России столь важные края, как Приамурский и Приуссурийский, или же действовать самостоятельно, приноравливаясь к местным обстоятельствам и несогласно с данными мне инструкциями. Я избрал последнее» [6].

В правящих верхах у Г.И. Невельского был только один активный и влиятельный союзник – Н.Н. Муравьев. Его очень беспокоила безопасность наших азиатских владений на далеких пустынных окраинах империи.

Первым из сибирских губернаторов Н.Н. Муравьев совершил тысячеверстный поход по хребтам, тундрам и болотам от Якутска до Охотска по трассе, на которой нигде не было возможности воспользоваться хотя бы самым примитивным гужевым транспортом – только верхом, вьюком, пешком или на лодке по своенравным горным рекам. И на еще более далекую Камчатку первым из высших сановников ступил тоже Н.Н. Муравьев. Имея богатейший военный опыт кавказской кампании, он указал места расположения фортов и батарей в Авачинской бухте, приказал доставить и установить здесь крепостную артиллерию, и, когда англо-французская эскадра напала на Камчатку, она получила здесь столь неожиданный для себя мощный отпор, что,понеся тяжелейшие потери, вынуждена была позорно отступить.

Первым из высших сановников Н.Н. Муравьев понял, что если иметь в виду скорое присоединение Приамурья, то необходимо заблаговременно сформировать на передовых рубежах Забайкальское казачье войско, обеспечить его оружием и артиллерией.

А иначе как защитить необустроенную границу протяженностью 3 000 верст? Постами и караулами регулярных войск? Это было бы чрезвычайно дорого и не под силу Российской империи в тогдашней ситуации. Привлечением свободного русского населения? Но не слишком и привлекательна была новоприсоединенная страна, чтобы надеяться на приток новоселов-добровольцев. Вот и пришлось снова обратиться к испытанному в течение многих веков использованию казачьих военно-земледельческих поселений. 21 июня 1851 года императором был утвержден указ об образовании Забайкальского казачьего войска.

Первым из всех генералов во главе гигантского каравана плотов, барж и лодок совершил Н.Н. Муравьев в 1854 году

сплав по Амуру и в дальнейшем повторил его еще дважды. Лично руководил он на месте и проведением границы на крайнем юге Приморья, в акватории залива Петра Великого, получившего именно такое название от него лично. И присоединение прибрежных земель вдоль Японского моря, инициатором которого был Г.И. Невельской, санкционировал именно Н.Н. Муравьев.

«Не хотелось бы захватывать лишнего, – писал Н.Н. Муравьев-Амурский своему будущему преемнику М.С. Корсакову с места событий, – но оказывается необходимо: в бухте Посьета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы ее захватили при первом разрыве с Китаем» [7].

Без надежного владения этими территориями невозможно было бы защитить и наши природные богатства. Так, в 50-х годах XIX века сотни иностранных судов бесцеремонно добывали китов в нашем Охотском море и котиков на Командорах, зная, что у России нет никаких сил, чтобы защитить свою собственность. Без владения устьем Амура сохранить за собой Камчатку и Охотское море будет невозможно, доказывал Н.Н. Муравьев.

Амур впервые скрепил воедино все русские владения в бассейне Тихого океана, резко повысил обороноспособность империи на восточных рубежах. При тех трудностях военного и хозяйственного обеспечения, которые существовали до присоединения Приамурья, Дальний Восток России не мог бы быть защищен при любом серьезном военном столкновении и был бы потерян для нас так же, как двумя десятилетиями позже была утрачена Русская Америка.

Это доказали и события Крымской войны, в тихоокеанской акватории выразившиеся в нападении англо-французской эскадры на порт Петропавловск-Камчатский. Нападение было героически отбито с большими потерями для врага, но на следующий год, собрав еще большие силы, англичане и французы снова вышли к Петропавловску и наверняка добились бы своих целей, уничтожив главную военно-морскую базу России на Тихом океане, если бы...

Если бы Г.И. Невельской заблаговременно не вывел весь флот в Николаевск, где он был защищен и возведенными в ключевых участках берега укреплениями, и теми самыми отмелями Амурского лимана, которые не позволили ранее пройти в устье Амура ни Лаперузу, ни Броутону, и точно так же не дали возможности их соотечественникам атаковать русские

военно-морские силы у Николаевского поста. Да и воинские наши возможности после первого же сплава возросли многократно. Потому что переброшены были за время того же плавания многочисленные солдатские и инженерные соединения, большое количество строительной техники и материалов.

После вывода всего флота и всего населения Петропавловска-Камчатского в Амурский лиман англо-французская эскадра вынуждена была удовлетвориться лишь тем, что сожгла рыбный сарай, завладела брошенным разоруженным судном «Аян» и купеческим кораблем «Ситха» да баркасом с брига «Охотск».

Но и обладание устьем Амура не полностью решало геостратегическую проблему. Большую часть года Амурский лиман оставался в тяжелом ледовом плену. За это время любой вражеский флот мог успеть нанести громадный ущерб нашему хозяйству и обороне на побережье Тихого океана. Необходимо было основывать русскую военно-морскую базу в какой-нибудь незамерзающей гавани. И взоры Г.И Невельского устремились на юг, где на берегах Татарского пролива вплоть до корейской границы, так же как и в Приамурье, не было ничьих государственных владений. «Так как распоряжение правительства о занятии залива Де-Кастри и Кизи... последовало гораздо позже, чем мы их заняли, то мне оставалось занять Императорскую гавань и делать затем другие исследования и занятия берега к югу от этой гавани тоже вне повелений» [8].

Но сначала научное географическое заключение о возможности судоходства от русского Нерчинска до русского Петропавловска-Камчатского требовалось подтвердить реальным освоением этого водного пути. В 1854 году, снова по настоянию Г.И. Невельского и снова при противостоянии петербургского чиновничества, был проведен первый сплав по Амуру; много плотов, барж и речных судов с первым пароходом на Амуре – «Аргунь» – доставили грузы, воинские подкрепления и гражданское население к Николаевску. Летом 1855 года был проведен второй сплав, который снова возглавил сам генерал-губернатор Н.Н. Муравьев. Рубежи империи на крайнем Востоке Азии становились незыблемыми и неуязвимыми. В Николаевск были доставлены тяжелые (почти в 2,5 тонны весом) крепостные орудия для укрепления обороны амурских фортов. Была сильно укреплена береговая оборона

новыми батареями в Петропавловске, Аяне, заливах Чихачева на берегу Татарского пролива и Анива на Южном Сахалине, в Императорской Гавани и в устье Амура.

Кроме того, в целях создания единой системы обороны Дальнего Востока были закуплены в США три парохода и построены в России другие суда, а также отправлены из Кронштадта военные корабли, что позволило в конечном итоге создать Тихоокеанскую эскадру с основной базой сначала в Петропавловске, а потом в Николаевске. В 1856 году была учреждена Приморская область с центром в Николаевске. В 1858 году были заложены на Амуре Благовещенск и Хабаровск.

Благодаря личной инициативе Г.И. Невельского не занятый никаким иным государством берег Японского моря от устья Амура до корейской границы был присоединен к Российской империи. В 1860 году состоялось официальное основание поста Владивосток.

«Сии области всякая Европейская держава может отнять у нас без больших трудов и издержек, когда только пожелает оных», – так писал о Русской Америке в 1824 году знаменитый мореплаватель В.М. Головнин; так можно было сказать и обо всех дальневосточных владениях России до присоединения Приамурья. Г.И. Невельской и Н.Н. Муравьев-Амурский лишили «всякую Европейскую державу» таких возможностей. Равно как и всякую державу иных континентов.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Н.Н. Муравьев, еще не Амурский и еще не граф, в бытность генерал-губернатором Восточной Сибири присоединял земли в бассейне Амура и Тихого океана практически на свой страх и риск, против воли петербургских властей. Не встречая никакой поддержки, энтузиаст русской колонизации Приамурья столкнулся с массой проблем. Главное, не было ни денег, ни людей для заселения. Тогда он своей властью освободил ссыльнокаторжан, сделал их вольными и обратил в казачество. Тысячи разбойников и убийц согласились отправиться в неведомое. Только как век без бабы прожить, засомневался привередливый преступный люд. Чтобы дать каждому мужику по жене, генерал-губернатор освободил каторжанок и обвенчал их парами прямо на берегу. Но и тут не все уладилось в душах необычных русских

молодоженов. Законным ли является такой брак перед лицом господа, когда венчает генерал, а не священник?

Освободил их от всех сомнений первый епископ всего нынешнего Дальнего Востока отец Иннокентий, встретивший их в месте высадки на Амуре. Он отметил их в церковных книгах как законно венчанных. Согласитесь, поступок высоко гражданственный и патриотичный! Можно ведь было, сославшись на множество формальных нарушений, и самоуправного узурпатора церковной власти осудить? Хотя бы епитимью на него наложить за превышение полномочий. Нет, одна забота, одна душа была и у русского губернатора, и у русского священнослужителя, и у русского преступника, и, добавим, у русского географа-исследователя, так как рассказывает о необычном событии П.А. Кропоткин с явным одобрением [9]. И душа эта была душой русского патриота.

В политике закрепления дальневосточных земель царское правительство вначале опиралось на принудительные меры. Это касалось забайкальских казаков и ссыльных сектантов (молокане и духоборы).

В 1854–1862 гг. требовалось прежде всего «застолбить» за собой приграничные земли, что и было решено, во-первых, передислокацией части Забайкальского казачьего войска на берега Амура и Уссури, и во-вторых, переводом в те же края «штрафных» нижних чинов из гарнизонных батальонов внутренней стражи, расквартированных в европейской части страны [10].

«Я не думаю трогать дрянных твоих казачков, – писал Н.Н. Муравьев-Амурский из Благовещенска М.С. Корсакову, – которые всё только пищат, а хлеба не сеют: они только тогда пригодятся в люди, когда мы их наполовину разбавим русскими людьми; везде, и здесь на Амуре, эти штрафные – молодцы... это просто учителя для казаков, даже лодки строить, рыбу ловить и баржи с мели снимать» [11].

В результате на Дальний Восток до 1862 года было передислоцировано 16,4 тысячи человек. Они основали 96 станиц на территории Амурской области и 29 – в Приморье. Заселенность региона позволила сформировать здесь самостоятельное Амурское казачье войско, из которого впоследствии было выделено Уссурийское казачье войско [12].

Амурские казаки, начавшие жить здесь не по своей воле, горько сетовали на свою судьбу. «Какое тут житье, – говорили

они, зимой есть нечего, с голоду умирай, а летом от гнуса ни самому, ни скотине деваться некуда. Теперь возьми про хлеб. С весны он всегда растет хорошо: высокий, густой, просто сердце радуется. Глядишь, летом или водой зальет, или дождем сгноит, червем поест и не соберешь ты почти ничего за свои труды...»

...В начале лета 1863 года ничто не говорило о приближающейся беде. Зрели овощи на огородах, хороший урожай обещали пшеница и ячмень, но в августе на станицы по Уссури обрушились ливневые дожди и началось небывалое наводнение. 16 августа командир тринадцатого линейного батальона Я.В. Дьяченко доносит военному губернатору Приморской области П.В. Казакевичу:

«С 2-го августа и по сие время идет дождь, все хлеба, посеянные не на горах, и все луга затоплены. Все же незатопленные и сжатые, но не убранные, совершенно уничтожены двухнедельным дождем, зерно проросло, а у поваленных разбухло. Убрать хлеб нельзя. Огородные овощи все погибли. Дома с усадьбами в воде. Скот выгнан на высокие места. Эта вода выше воды 1861 года...»

Через некоторое время Я.В. Дьяченко тем же скупым языком рапорта пишет: «Надежды нет никакой на сбор урожая: с низких мест вся мышь собралась к пашням на высокие места и опустошила их. Пшеницу с ячменем пожрала голодная птица, греча же от сырости потекла... На обсеменение и прокормление батальона требуется до осени будущего года 82 тысячи пудов хлеба».

И власти выделяли необходимые средства на прокормление и обсеменение, и только потому наш Дальний Восток и оставался нашим.

Кроме принудительного переселения, власти приняли меры к заселению региона новоселами-добровольцами. Было решено ежегодно направлять из внутренних губерний России по 500 семей крестьян со средней численностью по 7 человек на семью, на что было затрачено за 1859–1861 гг. 300 тысяч рублей [13].

В проекте Правил для переселения в Приамурский край, составленном Н.Н. Муравьевым-Амурским, предлагалось, чтобы крепостные люди, прибывшие в регион, становились свободными сразу, лишь только они ступят на вновь присоединенную землю. Для них отменялась рекрутская очередь по старому месту жительства, а на новом они

освобождались от рекрутской повинности на 10 лет, и от всех государственных податей на 20 лет. 26 марта 1861 года, то есть после отмены крепостного права, были приняты Правила, в основном сохраняющие все достоинства муравьевского проекта; кроме того, переселенцам выделялось по 100 десятин земли на семью. Крестьян, воспользовавшихся льготами проекта 1861 года, стали называть впоследствии старожилами-стодесятинниками; после 1900 года, по исчерпании фонда пахотнопригодных земель, отводилось уже по 15 десятин на мужскую душу. Выделялись и ссуды на обзаведение [14].

Вскоре после первой волны заселения самой срочной была признана необходимость прочного утверждения за Россией южных земель Дальнего Востока, и наибольшие льготы стали предоставлять крестьянам, выразившим желание обосноваться в районе верховьев Уссури и на берегах озера Ханка. Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков отдал распоряжение выделять им ссуду не по 60 рублей, как прочим, а по 100 рублей [15].

Земли отводились для каждой деревни единым участком, и на этой территории общинное землепользование становилось преобладающим. В нераздельном пользовании находились лесные участки и выгоны для пастьбы скота. Дележа и регулярного передела пахотных угодий, как это было принято в старообжитых районах России, не проводилось за ненадобностью, потому что свободной земли хватало [16].

Меры по освоению Дальнего Востока были приняты экстраординарные, и вот какой была их эффективность: в 1856 году в Приморской области насчитывалось 11 206 человек населения, в 1860 году 34 978 человек [17]. С 1861 года по 1901 год в край прибыло 116 616 человек, из них крестьян 82%, казаков около 9%, остальные – неземледельческое население. Обратно возвращалось в те годы не более 2% [18].

Предлагаю реконструкцию событий той эпохи. Записаны свидетельства библиотекарем села Казакевичево, что лежит у подножья Хехцира в устье Амурской протоки, Н.Ф. Милушовой со слов старожилов села. По материалам собственных исторических исследований Наталья Федоровна написала книгу, которую мне довелось редактировать.

Привожу отрывок из этой книги.

...На дальневосточную землю изо всех уголков России переселялись казаки; они составляли потомственные

регулярные войска России и несли в основном сторожевую пограничную службу. Имели государственные привилегии: не облагались налогами, составляли самоуправляющиеся «общины вольных казаков».

Царским указом от 29 декабря 1858 года было образовано Амурское казачье войско «для охранения юго-восточной границы и содержания сообщения по рекам Амуру и Уссури». В его состав включались переселенные казаки Забайкальского войска. В Приморской области этим же указом был создан Уссурийский казачий округ, на территории которого вдоль реки Уссури разместился Уссурийский пеший казачий батальон.

Для переселения государство предоставило речной и гужевой транспорт. Переселенцы плыли на огромных рубленых плотах. На них умещались не только срубы домов, но и постройки для домашнего скота. Везли буквально все: домашнюю утварь и скот, лошадей, большие запасы продовольствия.

Вот как описывает заслуженный речник Амура, инженер А. Трошин устройство плотов и организацию сплавов.

...В Читинском краеведческом музее внимание посетителей привлекает одна из старинных фотографий: под хмурым дождливым небом плывет по беспокойной Шилке огромный, длиною свыше 80 метров, бревенчатый плот. На нем стоят изба, несколько телег с задранными в небо оглоблями, копна сена для лошадей и коров, что помещаются на этом же плоту. В центре этого своеобразного речного «корабля» навалены мешки, тюки, бочки, сложен штабель дров. Чуть сзади тянется в небо мачта, а на ней государственный флаг России. Ну чем не корабль? Даже флаг. По нему-то и можно судить, что плот этот не частный, а «казенный», и сплавлялся он либо с солдатами, либо по другой государственной надобности: с новобранцами, мастеровыми для оружейных мастерских.

Старинные снимки с плотами, плывущими по Амуру, есть и в Хабаровском и Благовещенском краеведческих музеях. Большинство первых переселенцев, наши деды и прадеды, прибыли в Приамурье на плотах. На плотах ехали в неведомые амурские места «за землицей» новоселы-переселенцы из центральных областей России. Путь их начинался от Читы, по реке Ингоде, шел по Шилке, а затем по Амуру.

Каков же из себя плот, этот переселенческий корабль? Для вязки плотов лес заблаговременно зимою вывозили и

скатывали по Ингоде в 20–30 верстах выше и ниже Читы. Вязка бревен в плоты производилась либо зимой на льду, либо по весне прямо на воде. Обычно переселенческий плот состоял из сорока сосновых бревен, связанных по двадцати в два полуплота. Грузовые плоты изготовлялись из толстых бревен, и тогда плот мог нести груза намного больше.

Управлялся плот двумя огромными бревнами – веслами – впереди и сзади этого плавучего сооружения. Взглянув на такое «весло», сразу понимаешь, какую силушку нужно было иметь плотогонам, чтобы направлять бревенчатый корабль в русло неукротимой реки, чтобы мгновенно развернуть плот на кривуне, не разбить его о скалистый берег. А разбивалось плотов великое множество. Потом, уже в 60–70 годах, на всех трудных участках водного пути по Амуру устанавливались местной администрацией специальные береговые знаки-столбы, которые были занумерованы. Они разделялись на указательные – обращавшие внимание плотогонов, что за столбом на реке затруднительный участок, и на перевальные, обозначавшие места, где нужно сойти с курса и перейти, перевалить за середину реки к другому берегу. Но и такая предусмотрительность не могла предупредить частых аварий с плотами переселенцев. Много их утонуло в те годы в Амуре-батюшке, так и не добравшись до «свободной землицы».

А что же пароходы? Хоть и росла их численность на Амуре, но для переселенческих целей плотам отдавалось предпочтение. Почему? Во-первых, на плотах из Читы до Благовещенска люди плыли 20–25 дней. Если бы переселенцы шли из Забайкалья до Сретенска пешком, а потом пересаживались на ходившие по Шилке пароходы, продолжительность продвижения до Благовещенска увеличилась бы до 2–3 месяцев.

Во-вторых, в конце прошлого века переселенцам плоты выдавались попечительским комитетом бесплатно, чтобы по прибытии в Благовещенск плот был сдан администрации города.

Как свидетельствуют очевидцы, на сплаве и даже на частой гибели плотов некоторые дельцы из администрации Приамурского губернатора, да и купечества, старались нажиться. Семипалатинский купец И. Носков в своей книге «Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношениях», написанной по свежим впечатлениям в 1863 году, когда автор изучал зарождавшуюся

экономику Приамурья, приводит много примеров (не называя, правда, фамилий лихоимцев), когда под видом гибели плотов их груз попросту продавался, принося дельцу баснословные прибыли, так как администрация края возмещала убытки...

Всего забайкальскими казаками было основано 104 станицы с переселением около 11 тысяч человек обоего пола. Места их расположения выбирались офицерами, отвечавшими за расселение. Отводился подходящий участок и вкапывался столб с четко написанным названием. Выбор места не всегда был удачным. Отдельные станицы в половодье заливались водой, другие оказывались у болот, поэтому они часто переносились. Как правило, станицы располагались на расстоянии около десяти километров друг от друга.

Спустя почти два века после В. Пояркова и Е. Хабарова здесь застучали топоры, стали воздвигаться целые улицы домов. Возглавляли сплавы офицеры и топографы. Для казачества были разработаны льготные правила с правом приобретения земли в собственность. Все переселившиеся освобождались от рекрутской повинности на десять наборов и навсегда – от уплаты подушной подати и лишь по истечении двадцатилетнего срока должны были уплачивать поземельную подать.

Со сплавом 1857 года в станицу Усть-Уссурийскую, так называлось поначалу Казакевичево, прибыли первые переселенцы. В станице уже вовсю работала часть 13-го линейного батальона. В ее задачу входило построить в короткие сроки целые улицы домов, административные здания: почту, школу, сделать запасы дров для речного транспорта.

Как вспоминают старожилы, их предки, забайкальские казаки еще на родине тянули жребий, кого куда пошлют: на Амур или на Уссури? В наше село попали семьи среднего достатка.

Всех их ждало в станице выстроенное жилье, скотный двор. Вместе с казаками прибыл станичный атаман. Нужно было в кратчайшие сроки раскорчевать и распахать землю под огороды и успеть ее засадить. Домашние заботы как-то отодвигали в тень тоску по родным местам. Не успели отсажать огороды, как надо было косить сено для домашнего скота и лошадей. Зимой – заготовка дров.

В рапорте чиновника по особым поручениям Бодиско военному губернатору Приморской области от 5 августа 1859 года говорится: «Честь имею представить подробное описание

всех станиц и мест, назначенных для поселения казаков по берегам реки Уссури.

...Казакевичева: Станица расположена при самом впадении реки Уссури в протоку реки Амура, на месте бывшей гольдской деревни Турмэ (Фурмэ). Семейств 28, домов 12, батальонный штаб и два магазина.

Место имеет характер гористый, верст 7 выше станицы впадает с правой стороны речка, по левому берегу которой тянутся высокие горы, покрытые прекрасным строевым лесом, сама же станица расположена в густом лесу, несколько вдали от берега встречаются прекрасные дубовые, ореховые и ясеневые деревья.

Грунт земли – чистый чернозем, глубиной в некоторых местах больше аршина.

Качество земли везде, на всем пространстве от Хабаровки до самой речки, впадающей в Уссури, 7 верст выше станицы Казакевичевой, одинаково удобно для хлебопашества и поселений, только требует расчистки.

Чистых мест для пашен на матером берегу нет, везде необходимо расчищать лес, потому и в этой станице пашни находятся на большом острове, лежащем против станицы, где земля не так хороша, но зато представляет чистое, не требующее расчистки пространство, здесь были яровые посевы казаков, около 25 десятин, на них собрано 1400 снопов всего хлеба и очень дурного качества, так что и половина семян не будет возвращена.

Луга на том же острове, что и пашни.

Строевой лес в большом изобилии находится вблизи самой станицы, впрочем нет в нем до сих пор надобности, вся станица и казенные дома выстроены из паромов, на которых приходят сверху переселяемые казаки; паромов такое изобилие, что даже продают частным лицам.

Особенных выгод станица не имеет, кроме изобилия драгоценных лесов и географического своего положения при самом устье реки Уссури, куда отправляются в зимнее время многочисленные партии туземцев с нижнего Амура для звериных промыслов».

До 1910 года станица Казакевичева была центром одноименного округа.

Казаки несли военную службу, почтовую повинность и другие государственные обязанности и не имели возможности с «упорством крестьян» заниматься сельским хозяйством; по

этой причине значительная их часть в первые годы заселения едва сводила концы с концами.

...О том, как жилось первым переселенцам, мы узнаём от путешественников, посетивших Амур. Вот что пишет С. Максимов («Кому мать – кому мачеха»):

Заготовленные для переселенцев дома крайне плохи и притом в таком небольшом количестве, что в них принуждены были поместиться на предстоящую зиму по пять-шесть семей. Дома эти или, лучше, деревянные срубы, строены были линейными солдатами, по казенному наряду, на срок и к спеху: стало быть вышли дурны, неблагонадежны. Углы этих изб прилажены на глаз и на авось; пазы вышли неровные и законопачены были ветошью (прошлогодней травой), которая летом высохнет на солнце и превратится в пыль; пыль эту выдуют и унесут в лес крепкие ветры или вымочат в грязь осенние дожди. На многих домах успели настлать один только потолок и то кое-как; на редком из них были сделаны крыши; в редком случае сложены печи, вставлены рамы; в немногих из рам врезаны стекла – дорогой, редкий продукт бесстекольной Сибири. Равным образом, переселенцы получили очень мало железа, да и то, которое им было выдано, оказалось дурного качества. Приготовленное на казенном Петровском заводе, оно было плохо прокатано: топоры и заступы очень скоро расплющивались и становились негодными, редкие сошники годились на какое-нибудь употребление; жалобы на полученное железо и просьбы о замене его новым были повсеместны. Переселенцы готовы были купить железо, но купить было негде. Восточная Сибирь, несмотря на существование двух больших казенных заводов и на избыток и изобилие железных руд, до сих пор так же нуждается крепко в железе, как и в стекле и во всех мануфактурных изделиях. Н.М. Пржевальский, отрывок из книги «Путешествие в Уссурийском крае»:

...По всему правому берегу Уссури, от низовьев до впадения Сунгачи, поселены казаки в двадцати восьми станицах, которые расположены на расстоянии 10–25 километров одна от другой. Все станицы выстроены по одному и тому же плану. Они вытянуты вдоль по берегу Уссури, иногда километр длины, и большей частью состоят из одной улицы, по которой то в одну линию, то в две, справа и слева, расположены жилые дома.

Дома имеют обыкновенно одну, редко две комнаты, в которых помещается хозяин – казак со своим семейством. Сзади дворов лежат огороды, но особых хозяйских угодий не имеется, так как казаки держат свой скот постоянно под открытым небом, а хлеб после сбора складывают в скирды на полях. Наружный вид казацких станиц далеко не привлекателен, но еще более незавидно положение их обитателей.

Казаки были переселены сюда в период 1857–1862 годов из Забайкалья, где они выбирались по жребию: волей или неволей должны были бросить свою родину и идти в новый, неведомый для них край. Только богатые, на долю которых выпадал жребий переселения, могли отделаться от этой ссылки, наняв вместо себя охотников, так как подобный наем был дозволен местными властями.

Разумеется, продавать себя в этом случае соглашались только одни бобыли, голь, которые явились нищими и в новый край.

Живут казаки очень плохо. Большая часть из них не имеет куска хлеба насущного, и каждый год с половины зимы до снятия урожая казна должна кормить большую часть населения, чтобы хоть сколько-нибудь спасти его от голода.

Обыкновенно выдают неимущим казакам по 12 килограммов муки в месяц, но так как этого пайка для многих семейств недостаточно, притом он не вдруг выдается всем голодающим, казаки подмешивают к получаемому провианту семена различных сорных трав, а иногда даже глину. Испеченный из этой смеси хлеб имеет цвет засохшей грязи и сильно жжет во рту. Главным подспорьем к этому, но далеко не у всех, служит кирпичный чай, завариваемый с солью, или так называемый бурдук, то есть ржаная мука, разболтанная в теплой воде.

Если нет ни того ни другого, казаки приготавливают из высушенных гнилушек березы и дуба особый напиток, называемый шульта, и пьют в огромном количестве вместо чая.

Рыбную и мясную пищу зимой имеют очень немногие, едва ли двадцатая часть всего населения, остальные же довольствуются шультой и бурдуком, то есть яствами, на которые нельзя без омерзения и взглянуть свежему человеку.

Бледный цвет лица, впалые щеки, выдавшиеся скулы, иногда вывороченные губы, по большей части невысокий рост и общий болезненный вид – характерные черты физиономии

этих казаков. Даже дети казаков какие-то вялые, неигривые. Ни разу я не слыхал на Уссури русской песни, которая так звучит на берегах Волги, не запоет ямщик, который нас везет.

Везде встречаешь грязь, голод, нищету, так что невольно болеет сердце при виде всего этого.

...8 декабря 1858 года был утвержден журнал Второго Сибирского комитета, в котором излагались основные правила о свободном казенно-коштном переселении крестьян в Приамурский край, причем для указанных целей ежегодно отпускалось 100 тысяч рублей. Генерал-губернатору Восточной Сибири было разрешено выдавать крестьянам-переселенцам ссуды на покупку скота, земледельческих орудий, не превышавшие 60 рублей на каждую семью.

Эта помощь имела для переселенцев огромное значение. Ведь многие, прибыв на новое место жительства, не имели инвентаря, не хватало крупного рогатого скота, лошадей, хотя прекрасные заливные луга позволяли содержать коров, овец, птицу.

26 марта 1861 года изданы правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморских областях. Всем, желающим здесь поселиться, отводились участки казенной земли во временное владение или в полную собственность. А тем, кто хотел бы жить общинами, каждая из которых должна была состоять не менее чем из 15 семейств, выделялись сплошные участки на пространстве не более 100 десятин на каждое семейство.

Кроме русских, на Дальний Восток переселялись подданные Китая и Кореи. В станице Казакевичевой решением казачьей администрации – войскового круга – корейцам под заселение был выделен хутор Свободный, что в семи километрах от станицы. Для расчистки под пашни они получили большой лесной массив. Земель здесь было тогда предостаточно.

В «Подробной ведомости» 1861 года о станицах и прочих селениях Уссурийского пешего батальона Амурского казачьего войска сообщалось:

...Численность населения станицы Казакевичевой возросла: число дворов – 28, число душ – 188, находится батальонное управление и школа для обучения казачьих детей.

1862 год: число дворов – 29, всего душ к 1 января сего года – 378 человек.

1864 год: число дворов – 58, всего число душ к 1 января сего года – 376.

Из этих справок видно, что население здесь прижилось.

...Хорошей иллюстрацией истории уссурийского казачества могут служить воспоминания Георгия Ильича Башурова.

В родной забайкальской станице казачья фамилия Башуровых была самой распространенной. Жизнь шла здесь размеренно и неспешно. Казаки несли службу, уют и порядок в доме обеспечивала супруга Ильи Абросимовича, вечерами с полатей зорко следили за событиями глазки шустрых казачат. Осенью 1856 года сняли с поля и с огорода неплохой урожай, да еще много съестного осталось в амбаре с прошлого сезона. В сарае полно скота: коровы, теленок, кони, свиньи, куры. Зиму пережили неплохо. А весной, не ожидая перемен, Илья Абросимович вновь засеял и засадил землю под новый урожай.

На сходах еще с 1854 года начали поговаривать о переселении на Амур казачьих семей. Добровольцев не было. Никому не хотелось уезжать с обжитых родовых мест. Угнетало предчувствие, что и на твою семью может выпасть жребий переселенца.

И вот этот день настал. Всех вызвали в казачье правление на большой круг. Илья Абросимович надраил сапоги, поправил форму и, щегольнув казачьей выправкой, вышел из дому, напутствуемый хозяйкой: «Ну, с богом!»

Один из приезжих чиновников рассказывал о предстоящем переселении, долго обосновывал необходимость охраны границы на Амуре, разъяснял будущим переселенцам их права. Предложил здесь же тянуть жребий. Нелегко было Илье Абросимовичу. Молодому казаку, едва успевшему обзавестись семьей, совсем не хотелось ехать в другие края. В голове мелькали мысли: откупиться, как делают богатые, но чем? Ведь тогда все нажитое тяжким праведным трудом пойдет с молотка. «Нет уж, если вытяну, – поеду», – решил про себя Илья. Рассудил: руки есть, молодость, здоровье, дети уже помощники. Да и негоже казаку бояться трудностей.

Подошла и очередь Ильи тянуть жребий. И выпало на его долю – переезжать. До дому еле дошел, ноги дрожали. Едва завидев мужа, к калитке выбежала встревоженная супруга. Но не привыкли казачки на людях показывать свою боль. Молча взяла под локоть мужа, уже догадываясь по всему его виду, что случилось что-то непоправимое. Едва переступили порог, как

Илья Абросимович объявил, что его семья и семьи братьев попали в число переселенцев.

У Ильи Абросимовича до сих пор стоит в ушах крик супруги: «Нет! Не поеду!» – и громкий, в голос, плач. Жена металась по дому, обнимала, целовала детей, приговаривая: «Да за что же такое лихо, наказание на наши бедные головушки! Что делать? Как вас довезти без болячки! Ведь только начали жить как люди!» И Илья Абросимович понял, что даже в своих причитаниях она всеми мыслями была уже в дороге. Начались расспросы: «Растолкуй мне, кто еще едет с нами, на чем, когда и как едут другие?»

Недолгие сборы. Хотелось с прежней усадьбы захватить все, что нажили за годы совместной жизни.

И вот настал этот день, последний день на родине. На реке стояли добротные плоты. На берегу было людно. Царило смятение в чувствах. То там, то тут слышались причитания, жалобы на горькую участь. Отъезжающие судили-гадали о дальнейшей жизни: «А как там? Ведь земли-то необжитые, безлюдные!» Говаривали еще, что живут там в некоторых местах дикие люди, так называли гольдов, что рыбачат они, охотничают, о хлебе и овощах ничего не знают.

Стоял Илья Абросимович у плота и размышлял, удобно ли будет плыть на нем. Опытные казаки рассказывали, что лучше переселяться на плотах, так как на них можно увезти больше домашнего скарба.

Чиновник на причале подгонял казаков. Погрузкой руководил умело. Чувствовалось, что дело это для него не новое. В его задачу входило сопровождать казачьи семьи вплоть до места поселения на реке Уссури. Вот уже погрузились на плот семьи братьев Ильи. Теперь очередь за ним. На плот, в ограждение заводится домашний скот, который решили взять с собой, – корова и лошадь, – привязывают здесь, потом загружается курятник с курами. И далее домашний скарб: сундуки, короба, емкости со съестным на несколько месяцев, постельные принадлежности, тюки с вещами, одеждой, сено для скота, дрова для костра.

Погрузившись, всей семьей вернулись к дому, чтобы попрощаться с усадьбой, родимой землицей, с друзьями, соседями, многие из которых тоже ждали своей очереди на переселение. Со слезами обошли усадьбу, присели на порожек дома по русскому обычаю, окинули прощальным взглядом родные стены, помолились. В ограде Ильи Абросимович встал у

края пахоты на колени, припал лицом к земле, поцеловал ее, родную, в последний раз. В горсть взял рассыпающуюся черную землю и бережно засыпал в кисет.

Остающиеся дома казаки и их семьи искренне переживали за отъезжающих, давали советы, делились самым дорогим – хлебом. Так уж издревле повелось в казачестве: в путь, в поход провожали всей станицей.

И вот последнее мгновение. Под крики: «Ура! Любо! Прощайте!» – отчалили от берега и поплыли. Из-за поворота реки в последний раз взглянули на родную станицу. На миг защемило сердце. Но тут же трудности пути отвлекли от мрачных мыслей. Надо было начинать новую жизнь.

Почти два месяца плыли по реке, причаливали на ночевки. В пути случалось всякое: и сильный, по нескольку суток не прекращавшийся дождь, заливающий напрочь костер на плоту, когда невозможно было приготовить горячую похлебку, уху. И непрерывные атаки гнуса: мошки и комаров. Однажды порывом ветра едва не снесло курятник с курами. Курочек, которые и в дороге, несмотря ни на какие неудобства, продолжали нестись, удалось спасти. Но корова давала молока очень мало. Ей бы, буренушке, на вольные луга, которые стеной стояли вдоль берега. В другой раз плот развернуло волной и сильным течением так, что с него полетело в воду все, что не было закреплено. Казаки, хозяйка и дети хватали, что под руку подворачивалось. Большую часть имущества все же удалось спасти. Плотогоны хорошо знали норов реки, рассчитывали заранее, в каком месте лучше свернуть, где надо держать вдоль берега, где удобно причалить. Изнуряло переселенцев палящее солнце. Во время плавания казаки должны были нести караульную службу, охраняя плот, людей и имущество от всяких неожиданностей.

Но несмотря ни на какие трудности, плот все же причалил в первых числах июля 1857 года к берегу у военного поста Усть-Уссурийского. Тут же один за другим стали прибывать другие плоты.

Еще на подходе казаки пристально всматривались в окрестные места. Одолевала тревога: «Как здесь сложится жизнь?» С реки увидели, что берег почти расчищен от леса. Уже стоят и строятся невдалеке новые дома. Повсюду работают солдаты, возводят станичные административные постройки. Слышен стук топоров, визжание пилы. Илья Абросимович сразу понял, что здесь предстоит хорошо потрудиться. К

приезжим подошел поселковый атаман Шереметьев, поприветствовал их, познакомился и распределил на ночлег. Справился, как перенесли переезд, все ли здоровы, всё ли смогли сберечь в нелегкой дороге и в чем необходимом нуждаются. Вопросов друг к другу было много. Собрав всех прибывших, объяснил, что для удобства казаков здесь будут закладываться две улицы, Верхняя и Нижняя, как и на их родине. И сначала пусть заселяют улицу Верхнюю. Шел по улице Илья Абросимович и смотрел с большим интересом, как солдаты уже достраивают казармы, станичное правление, почтово-телеграфное здание, таможню, причал. Атаман все показывал новым жильцам, рассказывал, где и какие постройки будут возводиться в дальнейшем.

Потом повел новоселов вверх по взгорью, вместе с солдатом, которому наказал взять колышков для отметки границ между усадьбами. Башурову досталось неплохое место, пока еще не расчищенное от пней и кустарника. Тут же в достатке лежал неотесанный строевой лес. Атаман указал на него – вот, мол, бери и стройся.

На выделенном участке Башуровы с помощью казаков быстро сколотили времянку – курень. В ней жили несколько месяцев, пока не поставили добротный дом. Строили его из лиственницы. Держался сруб на деревянных шкантах. Строили тогда надежно. До сих пор стоят в селе дома, построенные более 140 лет назад.

Уже почерневшие от времени, исхлестанные дождями и ветрами, они сохраняют доныне свою былую крепость. И что замечательно, в них до сих пор еще живут потомки старых семей. Домашняя обстановка в семье Башуровых, как и в других казачьих семьях, разнообразием не отличалась. На свой вкус хозяева делали крыльцо, просторные сени – холодное помещение, через которое входили в избу. А другой вход вел в холодную кладовую. Дверь из сеней в дом была толстой, и кроме того ее обшивали кожей. Мебель: столы, скамьи, табуретки – казаки мастерили сами. Вещи хранили в сундуках, зачастую обитых железом.

Изба состояла из кухни и горницы. Справа на кухне ставили русскую печь, в которой всегда что-то готовилось, в ней пекли хлеб, варили щи и похлебку, жарили, тушили мясо, кипятили чай. В почтении у казаков был «сливанец», который приготовляли из чая, сметаны и ягоды.

В красном углу на деревянной полочке стояла икона, перед ней лампадка. С полки обычно свисали кружевные занавесочки, обшитые по краям узорной тесьмой.

Старики спали на полатях печи, где сохранялось тепло в самые лютые морозы.

Грудных детей качали в люльках, подвешенных к железному крюку, закрепленному в потолке настолько прочно, что в старых домах они обращают на себя внимание до наших дней. Люльки раскачивались от легкого прикосновения материнской руки, они оказались такими удобными, что сохранялись в обиходе сельчан вплоть до 60-х годов XX века.

Белье хозяйка гладила рубелем, чуть позже появился в обиходе литой чугунный утюг.

С годами Илья Абросимович пристроил к избе горницу. В ней стояли деревянные кровати, сундуки, горки с посудой. Дочерям Анне и Ефросинье купил по сундуку, чтобы они начинали готовить себе приданое, постельное белье.

К свадьбе обязательно надо было приготовить перину, и чтобы она весила не менее пуда, и две подушки. В каждой семье хозяйка заботливо сшивала одеяло из обрезков ткани, и чем ярче были лоскуты, тем привлекательней выглядело одеяло. Простыни шились из домотканного полотна. Кровати заправлялись раз и навсегда заведенным способом. Под одеяло стелилась простынь с подзором. На подзоре был вывязан крючком ромбовидный узор с зубцами. После сна на подушки надевали наволочки с прошвой, украшенной тем же ромбовидным узором. Незамужние, но просватанные девушки вышивали на прошве имя жениха, а женщины - изображения цветов, зверей и птиц.

Стол в горнице всегда накрывался филейной скатертью с кистями. На изготовление такой скатерти, как и лоскутного одеяла, хозяйка тратила целые зимы. Шторы на окнах тоже были результатом ее творчества и делом гордости. А когда Илья Абросимович поднакопил деньжонок и купил дорогой подарок, швейную машинку «Зингер», кропотливый женский труд немного облегчился.

Каждая жительница станицы умела вязать, шить, выбивать на ткани узоры, прясть шерсть. Мастерство передавалось из поколения в поколение.

Никогда не забудется деревенским жителям аромат постели, набитой сеном. От наволочки и матрасов исходил целебный запах скошенных трав. В избе пахло летом. Обычно

на сене спали те, кто не имел пуховых или ватных одеял и перин, но и богатые часто пользовались такой набивкой для борьбы с клопами. Жаль, что ныне такой прекрасный обычай канул в Лету.

За трапезу, за обеденный стол садились по старшинству. У главы семейства всегда за столом было красное место. Старшему всегда оказывалось почтение, как хозяину и кормильцу. Сотворив молитву на хлеб и соль, начинали есть из общего чугунка. С годами появилась посуда из фаянса, купленная или вымененная у китайцев. Первая ложка всегда была за хозяином. Лишь затем брали еду остальные домочадцы.

Поначалу изба освещалась лучиной. При ней женщины вечерами готовили ужин, а потом начинали штопать, прясть, вязать. Впоследствии появились лампы на керосине, который не часто можно было купить. За ним ездили в Хабаровск.

С родины Башуровы привезли с собой ручные жернова. Знали, что без них сложно будет хозяйке перемолоть крупы. Дробили в крупу, в муку грубого помола кукурузу, гречиху и просо. В первые годы не часто, разве что к праздничному столу, появлялся в семье Башуровых сахар. Да и то потому лишь, что бережливая хозяйка старалась сохранить кусочек, чтобы дети не чувствовали себя обделенными. Выручал мед, его можно было выменять у пасечников.

В свободные зимние вечера Илья Абросимович охотно подрабатывал, столярничал, вырезал наличники на окна, мастерил табуреты, скамейки.

Дети Башуровых, как и вся многочисленная станичная ребятня, были рады открытию школы. Дети тянулись к учебе, так как знали по примеру родителей, что плохо быть неграмотными. Обучение было бесплатным. Илье Абросимовичу пришлось поднатужиться, собрать деньги на приличную одежку для детей. При этом надо было купить сыновьям коня, сбрую и амуницию, папаху, гимнастерку, сапоги, бурку.

Семья с годами крепла, появился достаток, жили безбедно. Было трудно, много сил требовала служба без выходных и праздников, работа на своем огородном участке и небольшом поле.

С первых же дней заселения пришлось Илье Абросимовичу служить ездовым. Возил почту от станка до станка, пассажиров, ехавших по «казенной надобности»,

чиновников. Вместе с другими заготавливал И.А. Башуров дрова для пароходов и на продажу.

В первые годы атаман не выводил казаков в поле на учения, выполняя распоряжение губернатора укрепить станицу, наладить ее быт. Чтобы подбодрить казаков, настроить их на службу, атаман Шереметьев часто собирал сходы, где рассказывал обо всем, что происходило в округе, знакомил с задачами, с несением пограничной службы, давал распоряжения по очередности извоза. Бывали и экстренные сборы, когда на мели застревала баржа с продовольствием, ее срочно разгружали, вывозили грузы, опасаясь набегов со стороны Китая. Ходил не раз Илья Абросимович на облаву. В сопках у контрабандистов были свои схроны и тропы, знали о них и казаки, там и устраивали засады.

В зимнее время часто приходилось заниматься отстрелом волков. Серые хищники досаждали станичникам, истребляли скот на окраине, нападали на пешеходов. Каждый казак имел при себе личное оружие – берданку, с которой не расставался ни в поездке, ни в лесу. Она переходила по наследству от отца к сыну.

Каждое лето в станицу приезжали все новые переселенцы. Через год-другой в ней были застроены две улицы. Каждый хозяин строил деревянный тротуар от дома к дому. Улицы были всегда чистыми, дворы ухоженными. Всюду чувствовался хозяйский глаз атамана Шереметьева.

И конечно, вечерами, за ужином, за чаем вспоминали о прежней жизни, о том как плыли, и теперь уже улыбку и смех вызывали все дорожные приключения. Но больше говорилось уже о новой жизни, о завтрашнем дне. Прикидывали, что надо бы приобрести, если будет хотя бы небольшая прибыль, нужно ли еще распахивать землю или лучше остановиться на освоенном участке.

Хозяйка думала о своем: хорошо бы набрать весной черемши и засолить побольше, ведь она очень помогает при цинге, да и сила в ней лесная, полезная. А уж летом деткам надо потрудиться, насобирать грибочков. Солили грибы в бочата каждый сорт по отдельности, а зимой только похрустывали груздочками да боровичками. Да и ягод бы не мешало насушить к чаю, малинки, черемухи, боярышника, яблочек, калины. Это вам и ароматный чай и вкуснейшая начинка для пирогов. Чтобы хорошо, безбедно жить, забот у казачьих семей было много. На семейных советах решали, сколько зерна

оставить на семена, сколько перемолоть на муку, чем заплатить за работу мельнику.

Вспоминает Георгий Ильич Башуров:

...Его родители и многие другие привезли из Забайкалья на новую землю семена лука и дынь. И удивлялись каждый год урожаям лука. Земля здесь очень подошла для этого сорта, шел он на продажу и давал хорошие прибыли. И для себя Башуровы связывали на зиму немало косичек луку.

Дыни тоже родились здесь сладкими и ароматными, и ухода особого не требовали. Сажает хозяюшка рассаду капусты и бросит семечко в лунку. И росла дыня рядом с капустой. А осенью радовала детвору. Сорт дыни назывался по-забайкальски «манзовка». Но спроси сейчас у любого местного, и он со вздохом вспомнит, - да, росли они еще до войны. А в войну было не до деликатесов, надо было выращивать как можно больше овощей и зерновых. Так затерялись во времени районированные без ученых селекционеров забайкальские сорта лука, дыни, арбуза в наших краях.

... Не зря прожил на этой земле казак Илья Абросимович Башуров, оставил и добрую о себе память, и своих потомков, и дело рук своих. Уже четвертое поколение славной семьи Башуровых живет нынче в Казакевичеве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мелихов Г. В.* О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40 - 80-е годы XVII вв.) // Документы опровергают. М., 1982. С. 18–70.

2. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 172.

3. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 13, 40.

4. *Барсуков И. П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Хабаровск, 1999. С. 206-207.

5. *Плешаков С. А.* Восточный альянс России как необходимое условие ее внутренней и внешней устойчивости // Проблемы устойчивого развития регионов в XXI веке. Биробиджан, 2002. С. 22–23.

6. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. Хабаровск, 1969. С. 170.

7. *Барсуков И. П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Хабаровск, 1999. С. 557–558.

8. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. Хабаровск, 1969. С. 232.

9. *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1990. 526 с.

10. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 19.

11. *Барсуков И. П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Хабаровск, 1999. С. 568.

12. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 19.

13. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 21.

14. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 24.

15. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 26.

16. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 103.

17. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 138.

18. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 26.

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Вопросы входного контроля:

Когда было присоединено Приамурье к Российской империи?

а) в царствование Алексея;

б) Петра;

в) Николая I.

Вопросы текущего контроля:

В чем заключалась главная хозяйственная проблема России на востоке во все времена и эпохи?

а) нехватка финансов;

б) фрагментарность, нецелостность экономической структуры;

в) пути сообщения, транспорт и связь.

Геополитическая необходимость присоединения Приамурья к Российской империи:

а) нехватка пашенных земель на восточных окраинах;

б) невозможность формирования экономической целостности региона без водной артерии Амура;

в) оборонная необходимость.

Вопросы выходного контроля:

Геополитическая ситуация на тихоокеанских окраинах России в эпоху Крымской войны и опиумных войн; роль Г.И. Невельского и Н.Н. Муравьева-Амурского в присоединении Приамурья.

Глава 5

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭКОНОМИКА ЦАРСКИХ ВРЕМЕН

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

...В серии «про чукчу» есть такой анекдот. Подходит чукча к Берингову проливу и кричит, обращаясь к тому берегу: «Нищие!» И поясняет: «Аляску купили, а на Чукотку денег не хватило». И жителям Камчатки, Курильских островов духовные родственники авторов подобных анекдотов приписывают острое желание быть проданными американцам или японцам. А как обстояло на самом деле с куплей-продажей и стремлением продаться?

Я хочу снова обратиться к письму вождя Сиэттла американскому президенту: «Великий Вождь в Вашингтоне пишет нам, что хочет купить нашу землю. Мы рассмотрим его предложение. Ведь мы знаем, что если не согласимся, то белые люди придут с ружьями и отнимут нашу землю. Как можно купить или продать небо, тепло земли? Нам это непонятно. Если нам не принадлежит свежесть воздуха и блеск воды, как можно купить их?» [1].

Нынче вопрос купли-продажи земли встал на повестку дня и в баталиях политиков на нашей Родине. Невозможность торговать землей, дескать, становится тормозом для динамичного развития новой, цивилизованной России, заявляют демократы. Конечно, для цивилизованного человека русский мужик такой же дикарь, как и индейский вождь Сиэттл. Но послушаем и отечественных дикарей. В 90-х годах XIX века Московское общество любителей естествознания, археологии и этнографии разослало по деревням многочисленные анкеты с вопросами по земельной собственности. Они распространялись среди крестьян сельскими учителями. Ответы продемонстрировали поразительное единодушие. Нельзя делить в частную собственность, продавать и покупать лес, воду, землю, диких зверей, птицу,

рыбу, пчел, орехи, грибы, полевые ягоды – их никто не сажал, не выращивал, они от бога и предназначены для всех людей без исключения.

Не правда ли, поразительное сходство в позициях русского мужика и индейского мужика!

А теперь посмотрим, как вели себя чукотские мужики, когда у них был свободный выбор, кому продаться. Подходили ли они к берегу пролива с призывами – купи меня!

Огромные территории на северо-востоке Азии долгое время находились в состоянии очень ненадежного русского владения. У России по-настоящему болела голова о безопасности своих азиатско-тихоокеанских окраин.

В 1779 году на Камчатке бросили якорь суда Resolution и Discovery экспедиции Джеймса Кука. И этот интерес морских держав побудил власти Российской империи снарядить большую экспедицию на Чукотку. Руководить исследованием северо-востока Азии был назначен Джозеф Биллингс, ранее плававший с Дж. Куком. Экспедиция сделала много важных для географии и этнографии наблюдений, но реальной опасности российским владениям еще не обнаружила [2].

В 1820–25 годах исследования побережья Ледовитого океана вели Ф.П. Врангель, Ф.Ф. Матюшкин и доктор Кибер; они сообщают много новых и ценных сведений, но как и их предшественники, опасностей от действия иностранных судов тоже не усматривают [3]. По-видимому, американцам было еще не до Азии, со своими собственными дикарями не успели разобраться.

Но уже в начале сороковых годов китобои начали грабить наши побережья, заходили в Петропавловск-Камчатский, разбивали караулы и разбирали на дрова батареи, обирали туземцев и били в бухтах детенышей китов [4].

1850 год. Гиляки с побережья Татарского пролива жалуются, что большие суда приходят к берегу, их команды отбирают рыбу и бесчинствуют. Местные жители просили русских офицеров взять их под защиту [5].

Отец Александр Аргентов, прослуживший в Чаунском приходе с 1843 по 1857 год, бьет тревогу об уменьшении поголовья моржей, – за 60 пар моржовых клыков американцы давали чукчам целую бочку рома [6]. И с тех пор сообщения о спаивании «носителями западной цивилизации» ни в чем не

повинных чукчей и эскимосов становятся главными во всех этнографических и чиновничьих отчетах.

В большой панике и сами чукчи. Двести лет воевавшие с русскими, отстоявшие свою независимость, добившиеся статуса союзников, а не подданных Российской империи, они имеют полную возможность подойти к берегу пролива, крикнуть... Но они не подходят, не кричат. Больше того, они поворачиваются в прямо противоположном направлении. Они просят о принятии их под высокую государеву руку.

Амвраоргин, признанный лидер чукотского народа, приезжает в 1859 году в Якутск и заключает с губернатором Ю.И. Штубендорфом договор о принятии Чукотки и ее населения в подданство Белого царя. Он доносит до русских властей сведения о катастрофическом положении чукчей и эскимосов. От 100 до 150 американских китобойных судов ежегодно истребляют морского зверя у берегов северо-восточной Азии, спаивают и обирают кочевников и оседлых жителей.

Но у Российской империи в это время возникли и свои, неразрешимые проблемы. Девятый вал европейской цивилизации докатился с востока до берегов Русской Америки. Не сомневаясь, что России не выиграть войны с морскими державами, Александр II задумался. Он мог бы вполне ответить Великому Вождю в Вашингтоне теми же словами, что и вождь краснокожих: «Мы рассмотрим Ваше предложение. Ведь мы знаем, что если не согласимся, то американцы придут с ружьями и отнимут эту землю».

И окончательное решение полуцивилизованный русский царь принял точно такое же, как и нецивилизованный индеец: «Мы продадим вам эту землю». В понедельник 18 марта 1867 года договор о продаже Русской Америки Соединенным Штатам был подписан. Стоимость сделки составила 7 млн долларов.

В 1868–1870 годах Географическое общество при поддержке правительства организует научно-административную экспедицию в Землю чукчей под руководством колымского исправника Герхардта Майделя. Познакомившись с Амвраоргином еще в Якутске, начальник экспедиции при его активном содействии совершает долгий поход по морскому побережью и внутренним районам полуострова, констатирует очень тревожную ситуацию. Аборигены приближаются к гибели. Если в 1822 году, по

сообщению доктора Кибера, чукчи только в одной Колючинской губе добыли около 50 китов, то спустя почти сорок лет они практически утратили навыки охоты на этих гигантов моря и вынуждены пользоваться только выброшенными на берег тушами. Масштабы спаивания туземцев носителями культуры с той стороны пролива вызывают тревогу за судьбу всего народа Чукотки. «Большое несчастье и нищету причиняет чукчам этот бессовестный торг, и многие погибли благодаря ему», – пишет Г. Майдель в своем отчете и ставит перед восточно-сибирским генерал-губернатором графом Н.Н. Муравьевым-Амурским вопрос о необходимости введения крейсирования побережья Северо-Восточной Азии военно-морскими силами России [7].

И вот, работая в Иркутском государственном архиве, я обнаруживаю толстую папку с документами, озаглавленную «Дело главного управления Восточной Сибири, отделение IV, стол 2-ой. По предмету посылки в Берингово и Охотское море крейсеров для наблюдения за действиями иностранных китоловов и промышленников. Начато 5 февраля 1874 г., кончено 3 апреля 1884 года. На 524 листах».

Вот сколько хлопот представляла защита дальних рубежей России от представителей «общечеловеческой цивилизации»!

В 1875 году с инспекционной целью совершил путешествие от Владивостока до побережья Ледовитого океана спутник Г. Майделя по экспедиции 1868–1870 года астроном и натуралист Карл фон Нейман [8].

У инспекции К.К. Неймана была долгая предыстория. В 1873 году Амвраоргин снова встретился с колымским исправником и напомнил о своей просьбе. Американцы, доказывал чукотский лидер, совсем обнаглели, на полуострове много их постоянных постов и магазинов, они завозят огромное количество спирта, диктуют условия обмена. Один чукча, выразивший свое несогласие с предложенными ценами, был застрелен прямо на борту шхуны. Чтобы другим неповадно было.

Генерал от кавалерии Н.П. Синельников, генерал-губернатор Восточной Сибири, препровождает рекомендации министру, тот – Его императорскому Высочеству великому князю, генерал-адмиралу. В результате 3 августа 1874 года была издана «Инструкция крейсерам у берегов Приморской области Восточной Сибири». В ней подчеркивалось, что она не

призвана чинить препятствия промыслу китов в открытом море. Но в трехмильную прибрежную полосу, тем более в бухты и заливы, иностранцам запрещалось заходить; не разрешалось им и приставать к нашим берегам. Открытым портом объявлялся лишь Петропавловск-Камчатский. Впрочем, в случае аварии терпящее бедствие судно могло подойти к суше, но не для торговли и промысла.

Целью крейсирования было заявлено «...прежде всего оказать защиту и покровительство жителям наших островов и берегов, хотя бы для этого и потребовалось отразить силу силою, по возможности избегая кровопролития». С теми, кто отказывался подчиняться, предписывалось обращаться как с морскими разбойниками, американские торговые пункты ликвидировать [9].

4 июня 1875 года клипер «Гайдамак» под командованием капитан-лейтенанта Тыртова-пятого вышел из Владивостока, чтобы препятствовать спиртовозам с того берега Берингова пролива. Американский бриг «Тимандра» продал много рому и ружей чукчам, у них забрал пушнину и моржовый клык. Чукчи в ближайших окрестностях были поголовно мертвецки пьяны. Командир «Гайдамака» заставил китобоев вернуть пушнину и клык. В следующем году к первому русскому крейсеру присоединился «Всадник». Но для тысячекилометровых просторов Северного и Тихого океанов этого было мало, слишком мало.

1878 год. Русский поручик О.А. Нордквист, участник экспедиции шведского полярника А.Э. Норденшельда: «Промышленные чукчи представляют доселе еще не испорченный, честный, смелый и добродушный народ, наибольший порок которого составляет склонность к пьянству. Если американцам будут, как до сих пор, позволять безнаказанно продолжать снабжать их водкою, то, вероятно, указанные качества чукчей скоро изменятся» [10].

Весной 1885 года капитан А.А. Ресин был командирован Приамурским генерал-губернатором бароном А.Н. Корфом на Чукотку для изучения последствий хищничества американцев. Команда русской китобойной шхуны «Сибирь», на которой добирался А.А. Ресин до Чукотки, была интернациональной – русские, китайцы, корейцы, финны. Первым помощником служил американец Линкольн, бывший владелец шхуны «София Джонсон», конфискованной русским клипером «Разбойник» в 1884 г. Он готовил новую торговую экспедицию

на пароходе Allience и заявлял почти в открытую, что для компенсации потери он будет завозить еще больше водки и теперь уже не попадется.

Трагедия туземцев, считает А.А. Ресин, и в том, что американцы сами истребляют много морского зверя, и в том, что они спаивают население, и в том, что они завозят винчестеры, благодаря которым чукчи получают возможность бить моржей в количестве, гораздо большем, чем раньше им было нужно для пропитания и изготовления байдар и чумов, – для обмена опять же на водку. Заинтересовал русского капитана необычный факт малой привлекательности спирта для туземцев беринговоморского побережья от Анадыря до Караги – туда американцы проникали намного реже и не успели еще развратить аборигенов.

Рекомендации А.А. Ресина – усилить охрану от заокеанских «друзей». Увы, сил для этого не хватало. И потому впоследствии каждый год у берегов России промышляли не менее 35 шхун и 6–7 пароходов. По самым скромным подсчетам они истребляли за год тысячу китов и 12 тысяч моржей [11].

1892 год. На Чукотке поручик А.В. Олсуфьев, адъютант командующего войсками Приамурского военного округа, все в связи с тем же беспокойством – выяснить влияние на местное население бесконтрольной торговли американских китобоев. А.В. Олсуфьев находил, что, чем ближе к Америке, тем более развращенными выглядели чукчи [12].

Тот же 1892 год. Н.В. Слюнин, врач военного транспорта «Якут», направленного для охраны от «друзей» котиковых промыслов на Командорах: «Северо-восточный угол Анадырского залива славится изобилием китов, и сюда-то главным образом устремляются американские хищники, которые, не стесняясь, распластывают кита и вытапливают его жир на берегу, вопреки международному праву» [13].

1893 год. А.Е. Дьячков, псаломщик из села Марково на Анадыре, обрусевший потомок юкагиров: «Чукчи сами рассказывают, что американцы у них закупают за спирт как пушнину, так и продукты морских промыслов, отчего они становятся беднее и беднее, потому что чукчи как береговые, так и кочевые сильно привержены к спирту и пьют без всякого воздержания». Окончательный вывод А.Е. Дьячкова – чукчи вымирают [14].

1895 год. Н.Л. Гондатти, начальник Анадырской округи: «Иные поселки совершенно исчезли, и только остовы жилищ, да ямы, бывшие погребами, указывают, что здесь когда-то жили люди. Главной причиной уменьшения сидячих (т. е. оседлых – Ю.С.) инородцев является уменьшение морского зверя, а во многих местах и совершенное исчезновение кита и моржа... [15]. Пройдет еще лет десять, и у наших берегов, вероятно, не будет ни одного хищнического судна, так как им тогда, за отсутствием китов и моржей, нечего будет делать» [16].

1899 год. В.Г. Богораз, выдающийся исследователь Северо-Востока Азии: «Если цивилизация станет приступать вплотную, то чукчи, должно быть, пойдут по пути других первобытных народов, и тогда они вымрут и исчезнут» [17].

К концу XIX века Северо-Восток Азии, по существу, утратил российскую принадлежность, считает историк Н.И. Дубинина [18].

1905 год. С.А. Бутурлин, орнитолог и мировой судья: «В Аляске в таких же естественных условиях растут и развиваются города, отчасти и за наш счет, т. к. за свой спирт американцы вывозят от нас в Аляску в немалом количестве ездовых собак и, главное, оленей и их шкур, тем иногда ставя в затруднительное положение наше, местное население» [19]. Н.Л. Гондатти в бытность начальником Чукотки много усилий приложил для пресечения ввоза спирта и вывоза оленей, но результаты, увы, были пропорциональны силам, а не попыткам.

1909 год. И.П. Толмачев, геолог, отмечает: киты почти исчезли, только у мыса Дежнева еще добывают одного-двух за год. Главная задача – перекрыть ввоз спирта и винчестеров, которые завозят сюда не менее чем по 1000 штук в год. Для этого надо основать пост на мысе Дежнева [20].

1926 год. А.И. Караев: Американцы вывозят по 4–6 тысяч моржей ежегодно, причем это меньшая часть истребленных животных, около 70% моржей погибает от пуль и не достается промысловикам. Вывозили американцы только шкуры, сало и клык, а мясо бросали разлагаться на месте разделки. По-прежнему остро стоит вопрос о завозе американского спирта. Тут следует оговориться, что в то время Советская власть на Чукотке еще не утвердилась [21].

Вот как аргументировал геополитическую необходимость строительства дорог в своих речах в Государственной думе и в Государственном совете в 1908 году Председатель совета министров России П.А. Столыпин:

– При громадности нашей территории неоспоримо важно иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой. Никакие крепости, господа, вам не заменят путей сообщения. Крепости являются точкой опоры для армии; следовательно, самое наличие крепостей требует или наличия в крае армии, или возможности ее туда перевезти. Иначе, при других обстоятельствах, что бы ни говорили, крепость в конце концов падает и становится точкой опоры для чужих войск, для чужой армии.

...В числе стратегических мотивов в особом мнении 10 членов Государственного совета было приведено еще одно соображение. Я читаю на странице 10 этого мнения, что не следует особенно напрягать государственные средства для обороны этой пустынной области, что нужно придерживаться теперешних способов ее обороны. Я спрашиваю, что значит теперешний способ обороны? Мне кажется, что мы испытали этот способ в прошлую войну и он привел нас к крайне печальным результатам. Мне кажется, что надо пользоваться минутами политической передышки, пользоваться для того, чтобы спешно укреплять государство, хотя бы и ослабленное предыдущим поражением [22].

Конечно, кроме геостратегических соображений были и экономические:

– Недавно в разговоре с одним из самых влиятельных наших администраторов на Дальнем Востоке я выслушал заключение его, что при случайности нашего судоходства по р. Шилке, зависящем от разных обстоятельств, Забайкальская область значительную часть года совершенно отрезана от Амурской, и сообщение между этими областями возможно разве лишь посредством воздушных шаров. Каким же образом мы не только заселять, каким же образом мы серьезно изучать будем эти области без наличия дорог?

...Надо провести дорогу так, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой местности,

которая могла бы быть заселена, и затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее легок и удобен [23].

Хозяйство Дальнего Востока всегда находилось в заложниках транспортной системы, – так характеризуют роль путей сообщения на Дальнем Востоке В.К. Заусаев, М.И. Леденев, С.П. Быстрицкий:

Если раньше наибольшее развитие в регионе получил Охотск как перевалочный пункт на пути грузо- и пассажиропотоков с континентальных трасс (Якутск – Охотск) к морским портам на Камчатке и в Русской Америке, то после экспедиций Г.И. Невельского дальневосточной столицей стал Николаевский военный пост, расположенный в устье Амура, что было во многих отношениях удобнее для сообщения с центральной Россией и Сибирью. С 1856 года, после того как военный пост был переименован в город Николаевск, он был объявлен центром Приморской области, охватывающей большую часть современного Дальнего Востока, здесь располагалась резиденция военного губернатора, военно-морская база. Интенсивный рост города обеспечивался крупными субсидиями из государственной казны.

После официального возвращения Приамурья России и с началом сплавов по Амуру центр экономической и политической жизни перемещается в Благовещенск и Хабаровск. В 1897 году население Благовещенска составляло 33 тысячи человек, его речной порт был крупнейшим в бассейне Амура. Здесь появились заводы, фабрики и мастерские, в окрестностях города возникли более 200 золотых приисков.

Однако в связи с расширением связей с внутренними частями Китая возросла роль Хабаровска, куда направлялись потоки товаров по Уссури и Сунгари. И потому именно сюда в 1880 году был переведен административный центр Приморской области. С пуском КВЖД (Китайско-восточной железной дороги) торговые потоки повернули на Владивосток и Читу, и только после завершения строительства Амурской железной дороги от Читы до Хабаровска и постройки моста через Амур Хабаровск приобрел роль главнейшего транспортного узла Дальнего Востока, где скрещиваются ныне сухопутные, воздушные и водные пути (именно в наше время особенно важные в связи с появлением судов класса «река-море»).

Снабжение Дальнего Востока из России морскими путями через Владивосток дало мощный импульс

промышленному развитию южного Приморья. К 1917 году Владивосток стал крупнейшим экономическим центром Дальнего Востока. От этого глубоководного незамерзающего порта до Хабаровска была проведена в 1900 году Уссурийская железная дорога – первая российская железная дорога на восточных окраинах России. Именно к этому транспортному узлу была запроектирована и КВЖД, введенная в строй в 1903 году [24].

Без транспорта и связи наш чрезвычайно удаленный от центра регион был бы обречен на экономический застой и хозяйственную деградацию. И потому без железных дорог, и еще прежде того, без водного амурского пути он не мог стать ни заселенным, ни обустроенным.

Еще и сейчас в тайге можно обнаружить остатки колесной «царской дороги», как называют этот путь местные жители: просеки в глухом лесу, многокилометровые гати из нетленных стволов лиственницы через болота и мари, размытые половодьем деревянные мосты... Как только представишь, во что обходилось строительство и насколько дорогими были перевозки по таким дорогам чуть ли не с противоположного конца континента, так сразу и понимаешь – недешево обходился России наш Дальний Восток. И о каких доходах от владения могла идти речь?

Регион варился в собственном соку. И здешние товары некуда было сбывать, и из других краев ничего не завезешь. И разве это экономические связи, когда от Рязани до Хабаровска надо было ехать на телеге? Сухопутная доставка грузов и людей из центральной России через Сибирь занимала около 300 дней. В январе 1886 года второй съезд сведущих людей в Хабаровске констатирует, что дороги в крае находятся в первобытном состоянии, перевозки гужевым транспортом обходятся чрезвычайно дорого; однако еще больше, как выясняется, влетали государственной казне в копеечку морские перевозки вокруг света.

Вообще-то доставка груза морем вокруг Африки все равно оказывалась вдвое быстрее, а через Суэцкий канал втрое быстрее, чем посуху. В 1880 году, после создания Добровольного флота, было открыто регулярное морское сообщение, и рейсы Владивосток – Одесса занимали уже не более 65 дней. Резко возросли объемы товарных перевозок, усилился поток новых переселенцев. Однако компания не получала никакой прибыли, и линия была вскоре закрыта.

Проблемы экономического развития Дальнего Востока могли быть разрешены только после устройства надежного грузо-пассажирского сообщения с центральной Россией. Именно эти надежды и возлагались на Транссибирскую железнодорожную магистраль. Однако идея «спрямления» пути в целях экономии средств, проведения дороги от Читы до Владивостока через китайскую территорию была крупнейшей стратегической ошибкой.

В 1903 году Транссиб вышел к Владивостоку, обеспечив устойчивый поток пассажиров и грузов из России и Сибири к тихоокеанскому побережью страны. И мы своими руками, затратив огромные средства, дали мощнейший импульс экономическому развитию своего южного соседа. Харбин, маленькая деревушка на пересечении Транссиба с водным путем по Сунгари, превратился в крупный город, он насчитывал 70 тысяч жителей уже в 1904 году. И это вызывало беспокойство правительства: «Относительно постройки второй колеи Китайской дороги и речи быть не может; никто серьезно не может об этом говорить уже потому, что через 75 лет Китайская дорога переходит к Китаю по арендному договору, и через 31 год Китай вправе ее выкупить и наверное выкупит. Затем, это было бы и действительным серьезным вызовом соседу, так как по статье 7 портсмутского договора мы не имеем права использовать дороги в стратегическом отношении. Таким образом, если нужна вторая колея Сибирской железной дороги, то нужен железнодорожный путь по нашему левому берегу реки Амура.

...Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны строить русские пионеры... Эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они вдвинутся в край и вдвинут туда вместе с тем и Россию.

...Вся стоимость дороги выразится в цифре от 20 до 22 миллионов рублей в год. Это, конечно, жертва громадная, и правительство ее требует от вас после разорительной войны и во времена лихолетья. Но вспомните, господа, что и другие государства, и другие страны переживали минуты, может быть, еще более тяжелые. Вспомните то патриотическое усилие, которое облегчило Франции выплатить пятимиллионную контрибуцию своей победительнице. Амурская дорога будет та контрибуция, которую русский народ выплатит своей же родине.

Я совершенно понимаю точку зрения моих противников, которые говорят, что в настоящее время надо поднять центр. Когда центр будет силен, будут сильны и окраины, но ведь лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться. И верно то, что сказал предыдущий оратор: мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые дела, мировые события, мы ответим за то, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы..., в силу его не только экономическую, но и в культурную. Мы, господа, ответим за то, что приравниваем поражение нашей армии к поражению и унижению нашей родины» [25].

Вдобавок ко всему, иллюзорность главного соображения об экономии средств в связи с сокращением длины железной дороги стала ясной еще до ввода КВЖД в эксплуатацию – в связи с вооруженными конфликтами на территории Маньчжурии пришлось резко увеличивать расходы на охрану и защиту хозяйственных русских объектов на чужой территории от нападений местного населения и подразделений китайской армии. В результате КВЖД стала самой дорогой железной дорогой в мире, стоимость ее версты оказалась больше, чем стоимость строительства версты Кругобайкальской дороги, прорубаемой в скалах [26].

А после поражения России в войне 1904–1905 гг., когда южное направление КВЖД отошло к Японии, дорога окончательно потеряла свое ключевое для империи значение. С новой силой встал вопрос о строительстве Амурской железной дороги. Эта дорога должна была стать последним звеном великой Транссибирской магистрали, пересекающей самый большой континент, Евразию, в широтном направлении по территории одной страны. И это было самое сложное звено. Впервые пришлось укладывать железнодорожное полотно в зоне вечной мерзлоты, впервые в мире был проложен тоннель под вечной мерзлотой.

Железная дорога должна строиться русскими руками, без привлечения иностранного наемного труда, настаивал и генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Более того, в зоне строительства запрещалось нахождение иностранцев, в силу стратегических и политических причин. По завершении строительства, после открытия сквозного сообщения Москва – Владивосток 5 октября 1916 года, протяженность железных дорог России на Дальнем Востоке выросла в 2,5 раза. Грузооборот увеличился в 5 раз [27].

Только после разрешения транспортного вопроса началось интенсивное хозяйственное освоение территории на Дальнем Востоке, и без огромного государственного участия ни то, ни другое не было бы возможно.

НАСЕЛЕНИЕ

Присоединение Приамурья создало огромный демографический потенциал напряжения: в старообжитой России безземелье, падение плодородия и избыток населения, а на новых территориях безлюдье и избыток не истощенных сельскохозяйственной эксплуатацией почв. Понятно, что неизбежным было формирование переселенческого потока. Он складывался из двух составляющих – инициативное добровольное переселение и государственная колонизация.

Впереди шли старообрядцы и сектанты, спасающиеся от религиозных преследований. В Приамурье противники никонианских церковных реформ нашли для себя просто идеальные условия. Необозримый земельный простор, правила, разработанные специально для привлечения крестьянского населения – освобождение на длительные сроки от податей и рекрутской повинности, отсутствие чиновной опеки и религиозных преследований. «Наряду с сектантами, старообрядцы явились пионерами в заселении и хозяйственном освоении Приамурья» [28].

У светских властей староверы пользовались наилучшей репутацией – это были трезвые, трудолюбивые, энергичные, не боящиеся трудностей крестьяне. И начальство старалось по мере сил защитить сельских тружеников от духовенства.

К концу XIX века в Амурской области выросли на пустом месте десятки сел, здесь были учтены почти десять тысяч старообрядцев. Хотя сколько их было на самом деле, не знал

никто. Они старались как можно меньше попадаться на глаза официальным лицам. «Старообрядческие общины в Приамурье представляли собой своеобразные социально-конфессиональные организации со своим особым миром не только религиозно-бытовой, но и социально-экономической жизни. Традиции крестьянской мирской общины, ее патриархальные устои, уходящие корнями в самое далекое прошлое, являлись их основой» [29]. Староверы пахали землю, выращивали хлеб, причем его хватало не только для самообеспечения, но и на поставки казне, продажу на рынке, а также для помощи вновь приезжающим сюда поселенцам-единоверцам; они выращивали лен, коноплю, гречиху, строили водяные и конные мельницы. Староверы охотничали, рыбачили, занимались пчеловодством, извозом, заготовкой дров на пароходы. В кратчайшие сроки добивались они на Дальнем Востоке полного благоденствия.

Вот какой пример приводит Ю.В. Аргудяева. На побережье Татарского пролива, в устье реки Амгу, староверы в первый же год после переселения разработали пашню и построили дома, занимаясь к тому же охотой и рыбалкой. И уже через два года их поселок достиг «завидного благополучия» [30].

И вот как выглядела в 1894 году в зеркале статистики деревня Тарбагатай Томской волости Амурской области. На 87 дворов приходилось здесь 8 000 десятин пашни, 204 лошади, 226 голов крупного рогатого скота. «Старообрядцы причину своего благополучия видели в свободной крестьянской общине, живущей по своим обычаям, без вмешательства властей... Все было подчинено единственной цели: выжить любой ценой. В свою очередь это приводило к созданию в таких общинах режима патриархально-авторитарной власти руководителей, необходимости строгой дисциплины, организованности, мобилизации всех духовных и физических сил, порождало чувство солидарности и взаимопомощи» [31].

По официальным данным, к концу XIX века численность старообрядцев и сектантов достигала на Дальнем Востоке 11%, хотя на самом деле их было гораздо больше [32].

Между светской и духовной администрацией Приамурья часто возникали конфликты – гражданские власти всячески стремились поощрять полезнейших во всех смыслах переселенцев, а епархиальное начальство считало, что это

может привести к усилению раскола. Обычно здравый смысл и патриотические соображения все же побеждали.

Но если верх брала епархия, то ревнителям старого обряда снова приходилось сниматься с места и забираться в совершенно немыслимую глушь, куда ни проехать, ни пройти, ни проплыть по воде. Староверы становились профессиональными первопроходцами в освоении самых труднодоступных уголков Дальнего Востока.

Я вспоминаю, как в 1958 году в горах Хингана мы несколько дней добирались с вьючными лошадьми от железной дороги до крохотного поселка староверов в верховьях реки Биджан – через перевалы и переправы, через топи и заросли. А обратно пытались спуститься вниз по течению на резиновой лодке, и только тем и занимались, что клеили лодку после каждого залома.

Зато уж в таких местах русские сохранили все: и уклад жизни, и национальный тип – мужики все как на подбор богатыри, заросшие до глаз, как медведи, – и непререкаемую строгость нравов. И еще много нового обрели. Стали они таежниками, никакому Дерсу Узала не уступят, белку в глаз стреляют, медведя одним выстрелом валят, пушнину капканами и ловушками добывают, изюбря из тайги за несколько верст на плечах выносят.

Вклад старообрядцев в дело освоения Дальнего Востока специалисты считают очень значительным: «Условия Приамурья, в которых пришлось обживаться старообрядцам-переселенцам, во многом оказались благоприятными для создания здесь прочных островов старой веры. Богатая природа в сочетании с энергией, трудолюбием, практичностью старообрядцев позволили им в короткий срок создать крепкие хозяйства и внести существенный вклад в земледельческое освоение края. В религиозном отношении старообрядцы также не испытывали каких-либо притеснений со стороны властей. Все это позволяет сказать, что и в социально-экономическом и в религиозном смысле Приамурье стало для старообрядцев тем реальным Беловодьем, которое они искали на протяжении всего XIX века» [33].

Кроме староверов, большой вклад в русскую колонизацию Дальнего Востока внесли сектанты, прежде всего духоборы. Как утверждают протоколы 1-го Амурского губернского съезда духовных христиан – молокан, город Благовещенск заложили духоборы [34]. Много они сделали для

создания станции Корфовская, сильные общины были у них во Владивостоке, Харбине.

Другим полюсом в процессе заселения Дальнего Востока была государственная колонизация. При всем разнообразии ее форм, главным здесь было, что в неведомые края отправлялись одиночки, люди случайные, часто – подневольные. Много среди них попадалось просто неудачников, которые неизвестно на что надеялись, может всего-навсего, если здесь мне плохо, вдруг да там будет лучше? В массовом количестве направляли на Дальний Восток освобожденных по такому случаю каторжников, убийц и грабителей. Забайкальскому казачеству, как мы видели, вообще выделялась разнарядка – собрать для переселения столько-то семей. Где-то отправляли худших, где-то «по справедливости» тянули жребий, и случалось, что если черный билет выпадал на крепкого хозяина, то он откупался от этой доли, выплачивая договоренную сумму какому-нибудь босяку, чтобы тот ехал вместо него. Восторга не было ни у кого. Не Беловодье искали – на чужбину отправлялись.

И вот какими увидел итоги правительственной колонизации Н.М. Пржевальский: «Быт казаков, за немногими исключениями, крайне незавидный... Результатом такой ужасающей нищеты являются, с одной стороны, различные болезни, а с другой – крайняя деморализация населения, самый гнусный разврат и апатия ко всякому честному труду. Действительно, небывалому человеку трудно даже поверить, до какой степени доходит разврат среди уссурийского населения. Здесь везде мужья торгуют своими женами, матери дочерьми и делают это не задумываясь, часто публично, без всякого зазрения совести» [35].

«Конечно, с первого раза кажется весьма странным: каким образом население может умирать с голоду в стране, где воды кишат рыбой, а леса полны всякого зверья?

Борьба с нуждой, голодом и различными невзгодами отражается не только на нравственной стороне, но даже и на самой физиономии уссурийских казаков...» [36].

Н.М. Пржевальский перечисляет причины, которые, по его мнению, привели к таким печальным последствиям: обязательность переселения, недостаток рабочих рук, недостаток рабочего скота, особенности климатических условий, неудачные действия администрации.

В общем, все эти соображения можно соединить примерно в следующую формулу: при таком климате нужен

такой избыток труда для достижения того же благосостояния, как и в районе, откуда приехали переселенцы, что это требует настоящих трудовых подвигов от новоселов, на что насильственно переселяемые просто не способны; не может быть у них вдохновения, трудового порыва, тем более что и трудового коллектива у них не могло образоваться, как у инициативных переселенцев-общинников; от того и капитуляция, что чувствуют – им это не под силу, потому и разложение от понимания безысходности; и в том-то и состоит неудачность действий администрации, что не учла она моральных факторов, не приняла во внимание менталитет русского народа, его общинные устои, коллективизм, взаимопомощь и соборность души.

В.К. Арсеньев утверждает, что неподготовленных людей направить на переселение – все равно, что детей завезти в тайгу и там бросить. И вообще, он проводит резкую грань между пионерной колонизацией и государственной политикой переселения: «Пионеры-колонисты быстро, без посторонней помощи, становятся на ноги, переселенцы требуют много времени, чтобы выбиться из нужды. Даже после многих лет жизни в крае они имеют более неустроенный вид, чем хозяйства пионеров-колонистов, прибывших в край позже их и по собственной инициативе. Для колонистов нет прошлого – есть только будущее, для переселенца нет будущего – есть только прошлое и настоящее» [37].

Немаловажным было и то, из теплых краев прибыли новоселы или из суровых. «Великоросс ничем не стесняется. Его ничем не устрашишь. Он поселяется где угодно, на болоте, в лесу. Это прекрасные, очень хорошие колонизаторы, которые умеют быстро приспособиться к обстоятельствам и, пожалуй, главным образом, потому, что они привыкли приспособляться у себя на родине» [38].

В земледельческих районах Дальнего Востока русские ведут свой привычный образ жизни, но в более суровых краях они становятся профессиональными охотниками, рыбаками, осваивают вместо гужевого и вьючного транспорта собачьи упряжки. Они умеют ладить с самыми различными народами, с которыми входят в соприкосновение. Там, где нужно произвести спешную работу в короткий срок, великоросс является незаменимым работником, но при условии, чтобы эта работа не имела затяжного характера и не была однообразна и монотонна; где работа длительная и методично-однообразная,

приходится отдавать предпочтение китайцу, утверждает В.К. Арсеньев.

Жители более южных краев не столь пластичны в приспособлении к непривычным условиям. Украинцы не любят леса. Они приживаются только на плодородных равнинах юга Дальнего Востока. И если их вначале поселяют на Нижнем Амуре или в других суровых краях, украинец с неимоверными страданиями перебирается на более подходящее место. Среди леса, иногда даже в девственной тайге, он строит себе мазанку из глины, а крышу кроет соломой; занимается хлебопашеством, огородничеством, скотоводством, но не охотой или рыболовством.

Если же среди переселенцев появляются молдаване, то в самых чащах леса они, как и их деды, жившие на родине, где лучина продается на вес, строят дома из всякого хлама. В основу здания ставят не крепкие столбы, а тонкие жерди, связанные по две-три и подпертые сбоку; стены складывают из хвороста, ящиков, разбитых лодок и обломков телег; все это обмазывают глиной, а крышу кроют травой. Печки в доме ставят две – на одной варят, а на другой, маленькой, разогревают, для экономии топлива. На рыбу смотрят с омерзением; когда русский заготавливает кету, молдаванин пересаживает землянику. Мечтают о садах, на все лады пробуют культивировать дикий виноград и приходят в отчаяние, если на огороде не уродятся дыни и арбузы [39].

Внимательные наблюдатели заметили и территориальные различия в качестве колонизации. Приморье оказалось слишком далеким для инициативной колонизации, во всяком случае, если крестьяне шли из Сибири, то они уже на территории Амурской области находили себе подходящие места, и идти дальше было им уже незачем. Поэтому самые крепкие общины укоренились именно здесь. В дальнейшем, после завершения строительства железной дороги и с выделением пароходов для морских перевозок на Дальний Восток, началась массовая миграция, примерно такая, как советский «оргнабор». Оргнабор же не создает коллективов, люди просто ищут лучшей доли, для них главное – устроиться, а не укорениться. Устроиться же можно было не прилагая особого труда, а пытаясь извлечь возможные выгоды из своего переселенческого статуса. И выгоды находились.

Первопоселенцы по приезде становились собственниками больших земельных наделов, но сами они

были не в состоянии их обработать, по крайней мере сразу. Тем более что многие из этих отводов были покрыты девственным лесом, а в бурно развивающемся крае нужны были и строительные материалы, и дрова – городу, селу, пароходам, армии. И некоторые переселенцы находили более выгодным продавать свой лес на корню, сдавать землю в аренду за денежную плату или из половины урожая китайцам, которых сразу много нахлынуло на амурские земли. А дальше начинали они торговать уже и пушниной, перекупаемой у аборигенов. В общем, находили возможности для выживания...

С.Д. Меркулов пишет о том, что такие примеры если и были в Приморье, то в Амурской области они не отмечались [40]. Эти отдельные случаи не приобрели масштабов социального явления. Русские всегда оставались русскими; везде по всему северу Евразии от европейского Поморья до дальневосточного Приморья мы чувствовали себя среди своих. И в этом мы опять же были не такими, как цивилизованные люди.

Председатель совета министров П.А. Столыпин пытался рассматривать проблему российской государственности на Дальнем Востоке в неразрывной взаимосвязи всех ее слагаемых: «Пути сообщения имеют значение не только стратегическое: не только на армии зиждется могущество государства; оно зиждется и на других основах. Действительно, отдаленные, суровые, ненаселенные окраины трудно защитить одними привозными солдатами. Верно, что говорил предыдущий оратор, что война это народное дело. С воодушевлением свойственно человеку защищать свои дома, свои поля, своих близких. И эти поля, эти дома дают приют, дают пропитание родной армии. Поэтому в стратегическом отношении армии важно иметь оплот в местном населении...

Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина, вместе с тем, богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее просочится чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край

этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию.

Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос шире, господа. На нашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того, чтобы обнять этот вопрос не только с технической, с стратегической точки зрения, но с более широкой, общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. Но возможно ли заселение без путей сообщения?» [41].

Масштабы переселения постоянно возрастали. После посещения Николаевска в 1855 году Н.Н. Муравьев с удивлением увидел здесь в 1858 году крупное поселение, протянувшееся на полтора километра вдоль берега и насчитывавшее только частных домов более двухсот.

По переписи 1897 года в Приамурском генерал-губернаторстве (Амурская, Забайкальская, Приморская области), образованном в 1884 году, числилось 1 040 683 человека. В Хабаровске жило 14 392 человека, в Благовещенске 32 549, во Владивостоке 28 896 жителей. На Сахалине жило 38 230 человек, из них ссыльнопоселенцев 60,3%. «Организацией ссылки на Сахалине имелось в виду сочетать задачи уголовного правосудия с государственной необходимостью заселить край, из которого по самому географическому его положению надлежало создать прочный русский оплот дальней восточной политики», – писал военный губернатор Ляпунов [42]. Как видите, экономических соображений не значилось в списках русских приоритетов на Дальнем Востоке ни в первую, ни во вторую, ни в двадцать вторую очередь. И не только на Сахалине.

За время с 1898 по 1902 год в регион переселилось свыше 60 тысяч крестьян и казаков [43].

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Начинали переселенцы с привычной по прежнему месту жительства обработки земли, затем, после многочисленных неудач, наметился отток жителей из сельских местностей.

Переселенческое движение «столыпинской волны» было прекрасно организовано. Сначала приезжали на место ходоки, знакомились с природой, землей, условиями жизни. Восторгались просторами и богатствами Дальнего Востока, поражались изобилию рыбы, зверя и птицы, грибов, ягод, орехов и прочих даров природы.

И все же после самых первых лет жизни многие новоселы возвращались обратно на родину, к безземелью и бедности. Скотину на просторах Приамурья чуть не до смерти, а то и на самом деле до смерти заедал гнус, урожай на тяжелой поднятой целине истребляли птицы. Вести привычный образ жизни на новом месте оказалось невозможно. Оставались только самые упорные, умеющие приноровиться к любым тяготам и неожиданностям.

Как выяснилось, неверной была изначальная ориентация как самих новоселов, так и организаторов.

Еще в XVIII веке в нескольких пунктах Охотского побережья, на Камчатке, а потом и на Сахалине, крестьяне пробовали сеять озимую и яровую рожь, ячмень и овес. Продолжались эти попытки, несмотря на все неудачи, вплоть до конца XIX века. О. Ираклий рассказывал А.П. Чехову, как после одного августовского мороза, побившего хлеб, главный агроном острова «поехал в Рыковское, собрал там сход и спросил важно: "Почему у вас был мороз?" Из толпы вышел самый умный и ответил: "Не могим знать, ваше превосходительство, должно милость божия изволила так распорядиться". Агроном вполне удовлетворился этим ответом, сел в тарантас и уехал с чувством выполненного долга» [44].

Пахотнопригодной земли на острове недостаточно, преобладают заболоченные грунты и горные склоны. Кроме того, климат здесь крайне неблагоприятен для земледелия, приходит к выводу писатель: «В двух северных округах ни разу не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полного вызревания овса и пшеницы, и только два года дали сумму тепла, достаточную для вызревания ячменя. Весна и начало лета бывают почти всегда холодные; в 1889 г. морозы были в июле и в августе, и дурная осенняя погода началась с 24 июля и продолжалась до конца октября. С холодом бороться можно, и акклиматизация хлебных растений на Сахалине представляла бы благодарнейшую задачу, если бы не исключительно высокая влажность, борьба с которой едва ли будет когда-либо

возможна. В период колошения, цветения и налива, и в особенности созревания, количество выпадающих на острове осадков несоразмерно велико, отчего поля дают не вполне вызревшее, водянистое, морщинистое и легковесное зерно. Или же благодаря обильным дождям хлеб пропадает, сгнивая или прорастая в снопах в поле» [45]. Средний урожай составляет едва сам-три. К тому же зерно не пригодно для посева, да еще истощается природное плодородие. И потому сахалинский хозяин, чтобы быть сытым, должен иметь не менее 4 десятин плодородной земли, ценить свой труд ни во что и ничего не платить работникам.

Такие же попытки упорно делались и в Якутии. Р.К. Маак подробно описывает местную агротехнику середины XIX века, сожалеет о том, что местные хлеборобы плохо знают методы обработки почвы, что не используют удобрения. Урожаи редко превышали сам-пять, обычно сам-два или сам-три, часто не удавалось вернуть и семян. А если учесть еще и затраты труда... Но путешественник выражает надежду, что упорный труд обеспечит возможность получения хлеба под 64-м градусом северной широты, где почва едва успевает за лето оттаять на аршин: «В высшей степени было бы желательно, чтобы правительство обратило внимание на водворение сельского хозяйства среди якутов и помогло бы им в этом важном как для них, так и для всего края деле» [46].

В конце концов пришло осознание, что хлебопашество возможно не во всех климатических зонах, что местное население занимается оленеводством (чукчи, эвены, коряки) или коневодством (буряты, якуты) не только по причине своего низкого культурного уровня.

Все же хлебопашество принесло свои плоды в южных частях региона. Но и они оказались ниже уровня ожиданий. И если изначально район формировался как чисто аграрный соответственно крестьянскому составу переселенцев, то к концу XIX века доля сельскохозяйственного населения опустилась ниже среднероссийского уровня, как оно и должно было быть по сравнительной степени пригодности наших земель для сельского хозяйства – и чернозем дальневосточный оказался не настоящим черноземом, и солнца здесь было мало, и тепла недостаточно, и зимы бесснежные и студеные, и наводнения к срокам уборки урожая... Из выделенных земель засевалось не более 10% площадей. Сельское хозяйство давало только 25% валовой продукции Дальнего Востока. В 1896 году здесь было

получено около 21 миллиона пудов хлеба и овощей. Числилось согласно учету более 3,5 миллионов голов скота, включая оленей [47]. В конечном итоге экономика региона получила вполне заслуженные оценки: «Нельзя же серьезно говорить, – настаивал в 1908 году П.А. Столыпин, – об экономическом значении края, который находится в состоянии вечной мерзлоты, где годичная температура ниже нуля» [48].

Сельское хозяйство получило наибольшее развитие в Амурской области и в Южном Приморье, где климат был более влажным и лето более жарким. Понятно, что и в этом случае пришлось учитывать особенности дальневосточной природы, изучать опыт аборигенного населения.

Привожу еще один фрагмент из книги Н.Ф. Милушовой об истории села Казакевичево.

...Казачью станицу строили, расчищая от тайги место для домов и улиц. Под пашню сначала использовали обширные луга на островах Амура, но потом пришли к неизбежному решению о переносе основных сельскохозяйственных угодий на прибрежные возвышенности: почва на островах оказалась скуднее, чем на берегу, и под затопление пойменная пашня попадала с устрашающей регулярностью. Начали казаки корчевать тайгу у подножья Хехцира. Лесные угодья сокращались по мере расширения сельскохозяйственных угодий, а также территорий, занятых поселками, городами, дорогами, линиями связи.

Казаки и местные крестьяне заготовляли в большом количестве дрова и продавали на пароходы, на которых в те годы еще почти не использовался уголь. Многие станичники вывозили зимним путем воз за возом в Хабаровск на городской рынок. В дровах занимающиеся заготовками знали толк. В тайге подбирали разные породы – кому ясень, кому березу или тополь. Пилили и кололи полешки аккуратненькие, строго определенных размеров. Как вспоминают старожилы, у каждого дома стояла не одна искусно выложенная поленница, заботливо укрытая навесом от сильных муссонных дождей.

...Казаки и крестьяне вырубали лес не только сами. Они продавали его также на корню. После того как в Амурской и Приморской областях были израсходованы пахотнопригодные площади, переселенцам стали выделять лесные участки, и новые владельцы, попавшие в тяжелые материальные условия, решали финансовые проблемы продажей своих делян лесопромышленникам. Бывало и так, что некоторые из

переселенцев составляли себе из этой временной меры источник постоянного дохода. В вырубке леса и в заготовке дров крестьяне Приморья играли меньшую роль, чем крестьяне и казаки Амурской области, отмечает С.Д. Меркулов [49].

Льготы, предоставлявшиеся переселенцам, ложились тяжелым грузом на государственный бюджет. Экономика региона приносила казне огромные убытки – в 1906 году дальневосточное хозяйство выпустило продукции на 10 миллионов рублей, а завезено было только морем товаров на 160 миллионов рублей. В начале XX века переселенцы прибывали сюда уже по 30–50 тысяч человек ежегодно. Поэтому если в 80-х – начале 90-х годов XIX века местного хлеба хватало, то уже на рубеже веков проблема продовольствия обострилась. В 1896 году пришлось завозить свыше 4 миллионов пудов зерна, а в 1910 году – 30 миллионов пудов. «Обычно заселявшиеся окраины царской империи довольно скоро превращались в районы товарного производства продовольствия. А вот Дальний Восток, как бы подтверждая это правило, стал исключением – хроническим потребителем, и не только хлеба. Завозилось все, вплоть до гвоздей», – сообщает М.И. Леденев [50].

Без применения удобрений земля быстро истощалась – если на целине получали урожай до 150 пудов с десятины (24 центнера), то на старой пашне, находившейся в эксплуатации пять лет – 50–70 пудов. Еще больше снижалась урожайность в последующие годы [51].

Вдобавок ко всему собственный хлеб не мог выдерживать конкуренции с ввозимым в регион более дешевым маньчжурским хлебом [52]. И это было экономически неизбежно – и условия для сельского хозяйства в теплых краях были гораздо более благоприятными, и стоимость труда и жизнеобеспечения человека, опять же в связи с менее суровыми климатическими условиями в Китае, была намного меньшей.

Основным потребителем хлеба было военное интендантство, за ним шли золотопромышленность, винокуренные заводы, города и притрассовые села; основным производителем было крестьянство, меньше хлеба получали казаки, и за ними – корейцы-арендаторы. Право собственности на землю иностранцам не предоставлялось.

Подчиненную роль в сельском хозяйстве Дальнего Востока играли скотоводство, огородничество, пчеловодство; русские переселенцы, в отличие от украинцев, молдаван, корейцев и китайцев, вели обычно многоотраслевое хозяйство, занимались без отрыва от хлебопашества таежными промыслами, рыбалкой, охотой, собирали дикоросы, причем не только для личного потребления, но и на продажу, зарабатывали ремеслами, извозом и почтовой гоньбой.

Представитель Русского географического общества Н. Елисеев, побывавший в 1890 году на Дальнем Востоке, писал: «Уссурийские казаки имеют достаточно угодий и живут лучше, чем самые богатые деревни... Прекрасные земледельцы и сельские хозяева, они составляют ядро русской пограничной колонизации края» [53].

Тем не менее в сельском хозяйстве региона назревали проявления социального кризиса. В крестьянской общине началось расслоение. Зажиточные старожилы-стодесятинники, пишет Ю.В. Аргудяева, имевшие достаточное количество тяглового скота и деньги для найма работников, расширяли запашку, оставляя в залежь истощенные участки; это давало им возможность улучшать севооборот, применять удобрения и сельхозмашины, получая высокие урожаи. Они не только пользовались наемным трудом, но и сдавали свои наделы в аренду новоселам – русским или украинцам, а также корейцам или китайцам с половины урожая. Обогащались они и за счет купли-продажи земли. У казны «крепкие хозяева» брали в аренду дополнительные площади и тоже сдавали их в субаренду безземельным. Занимались предпринимательской деятельностью, торговлей, скупкой пушнины у аборигенов и перепродажей их в городе.

Шло разрушение патриархального хозяйства и становление сначала мелкотоварного, а потом и капиталистического хозяйства. Параллельно наблюдалось и разорение беднейшего крестьянства. Новоселы конца XIX–начала XX века не имели уже ни ста десятин на семью, ни плодородной земли, им оставались неудобья, малоплодородные и отдаленные угодья, в основном в таежной зоне, где нужны были неизмеримо большие затраты труда для раскорчевки и распашки. По данным статистики, для обзаведения им требовались суммы в размере 645–745 рублей (в ценах 1913 года), фактически они имели в три-четыре раза меньше, а многие вообще ничего не имели. Зачастую они не

могли приступить к посеву и на второй-третий год. Беспосевные и малопосевные (до трех десятин) хозяйства составляли более половины всех новосельческих хозяйств. На пашне 70% новоселов вынуждены были прибегать к «супряге», объединяя свой малочисленный тягловый скот и совместно вспахивая по очереди личные наделы. Столыпинские реформы, направленные на разрушение общины и на поддержку крепких хозяев, способствовали дифференциации крестьянства, исходу крестьян в города, на прииски и лесозаготовки, в другие неземледельческие сферы экономики [54].

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Если во всей последующей экономике Дальнего Востока отраслями специализации промышленности были «три кита» – лес, рыба, руда, то до революции хозяйство было не просто сырьевым, его основой был только один какой-то природный ресурс. До присоединения Приамурья главную роль играла пушнина, начиная с середины XIX века – золото. Уже в 1829 году Г.А. Эрманом в северных предгорьях Джугджура в районе Охотска было отмечено наличие золота. Первая золотоносная россыпь была выявлена в 1858 году геологом Н.П. Аносовым в верховьях притоков Зеи. За десять лет со времени официального начала золотодобычи в 1865 году Приамурье стало «золотым прииском России». Вот что писал «Горный журнал» о начале золотой лихорадки после открытий 1874 года на реке Ниман: «Поиски г. Набокова, с первого приступа, обнаружили результаты блистательные. Весть о богатом открытии облетела весь наш золотопромышленный мир... Несмотря на конец осени, с ее труднопреодолимыми препятствиями в пустыне, за 750 верст от берегов Амура, все мчались или тащились в Эльдорадо, стараясь обогнать друг друга» [55]. Населенный пункт Софийск на реке Ниман в Верхнебуреинском районе Хабаровского края ведет свою летопись с 1875 года, основное предприятие здесь уже вторую сотню лет – неизменно прииск. Экспедицией К.И. Богдановича 1895–1898 гг. было установлено наличие благородного металла в Приохотье, и золотая лихорадка переметнулась сюда.

Всего до революции в регионе функционировало более 1300 приисков: бассейн Зеи, затем Селемджа, Херпучи, Керби,

Охотск, Аян и т. д. В 1910–1914 гг. Приамурье давало до 43–45% общероссийской золотодобычи. Общий доход составлял 38 млн рублей. Именно в это время Россия заняла четвертое место в мире по золоту после Южной Африки, США и Австралии [56].

В 1844 году А.Ф. Миддендорф нашел каменный уголь на реке Бурее в пределах современного Буреинского угленосного бассейна. В самые первые годы освоения территории были открыты новые угольные месторождения в наиболее удобных для разработки местах. Один из ближайших сотрудников Г.И. Невельского Н.К. Бошняк при первом же посещении Сахалина обнаружил на западном берегу выходы угольных пластов, и уже в 50-х годах XIX века уголь использовался в топках судов Тихоокеанской эскадры. В 1854 году В.А. Римский-Корсаков при плавании на шхуне «Восток» брал уголь в районе Дуэ. В 60-е годы сахалинский уголь уже экспортировался, принося большие доходы: в Шанхае он продавался вдвое дешевле английского и втрое – американского. К 80- м годам угольные месторождения эксплуатировались в заливе Посьет, в Сучанском бассейне. К концу века добывалось уже около 24 млн пудов угля. Общий доход составлял 6,8 млн рублей. Однако угледобывающая промышленность обслуживала местное производство и транспорт, и потому более способствовала развитию регионального хозяйства, чем золотодобывающая, хотя и уступала ей значительно по денежному обороту. Примерно с тех же 80-х годов ведет начало нефтедобыча на Сахалине.

Неисчерпаемыми запасами рыбы был знаменит Дальний Восток и в XIX, и в начале XX века. Однако пока не было удовлетворительных путей сообщения, от этих рыбных богатств было не слишком много пользы для экономики. Очень дорогой была доставка рыбы на Запад, вокруг света. На Востоке же продавать ее было некому – японцы ловили и сами, причем в наших водах, а отечественные рыбопромышленники арендовали на тихоокеанском побережье Дальнего Востока только 11,8% участков. Сдвиг в рыбной промышленности произошел после постройки Транссиба и устройства холодильников на пароходах, наш регион стал обеспечивать 15% общероссийского улова.

Определенную роль продолжал играть и пушной промысел, но запасы были к началу XX века сильно подорваны, добыча наиболее ценных пород, прежде всего соболя, снизилась в десятки раз по сравнению с XVII веком.

Велась добыча морской капусты, трепангов и крабов, котиков, китов. Одно только товарищество Г.Г. Кейзерлинга добывало к началу XX века до 200 китов в год. Китовый жир перерабатывался на мыло.

Лесная промышленность обеспечивала только собственные нужды региона, да и то не полностью. В 1906 году на Дальний Восток ввезли более 2 миллионов кубометров леса из Японии и США.

Получила развитие обрабатывающая промышленность – мукомольная, производство кирпича, работали маслобойни, производили продукцию для нужд региона пивоварение, винокурение. Ограждая интересы местных виноделов, царское правительство в 80-х годах наложило пошлины на ввоз спиртных напитков, однако их все равно продолжали ввозить как легально, так и нелегально.

Металлообработка существовала в небольших объемах. Механические мастерские Уссурийской железной дороги, хабаровский завод «Арсенал» и Дальневосточный судоремонтный завод насчитывали по тысяче работающих, остальные предприятия были мелкими. Действовали лесопильные, литейные, цементные, канатные, мыловаренные, кожевенные, деревообделочные предприятия. Общий объем промышленного производства Дальнего Востока составлял 0,009% общероссийского объема [57].

Главным императивом хозяйственного развития Дальнего Востока в царские времена была вовсе не экономика, а геополитические интересы империи: то, чего не достает краю, он должен получать не из чужих стран, а из Сибири и Европейской России, чтобы быть застрахованным от всяких неожиданных поворотов в международных отношениях, настаивал последний Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти [58].

И вот что было ясно и в начале XX века (впрочем, как и во все предыдущие века нашей дальневосточной истории): нельзя оценивать наши края по признаку их доходности. Н.Л. Гондатти доносил императору: «Пока они находятся в состоянии устройства, а также и в силу их особого стратегического положения, придется, без сомнения, мириться в течение многих десятков лет с превышением местных расходов над доходами» [59].

Став в 1911 году во главе управления регионом, Н.Л. Гондатти изменил направление колонизационной политики:

он сделал упор на развитие торговли, промыслов, промышленности, путей сообщения. Численность рабочих начала быстро возрастать, доля промышленной продукции тоже: в 1913 году она составила в регионе 46%, в то время как в целом по России 38%.

Последний генерал-губернатор вел твердую протекционистскую политику, потому что ему, как и любому здравомыслящему человеку, было ясно, что открытая экономика тотчас разорит наше собственное производство. При Н.Л. Гондатти было отменено порто-франко во Владивостоке, то есть беспошлинный ввоз товаров; он настойчиво добивается введения пошлин на ввозимое дешевое маньчжурское зерно, чтобы создать благоприятные условия для русских хлеборобов [60].

А вот как аргументирует необходимость жестких мер С.Д. Меркулов. С 1899 по 1910 гг. ввоз хлеба из Маньчжурии в Приамурье увеличился в 56 раз. В то же время сбор хлеба в Амурской и Приморской областях с 23 500 000 пудов в 1905 году понизился до 22 000 000 в 1910 году. «Изучение местного земледелия, ознакомление с условиями земледелия в северной Маньчжурии и анализ причин резкого увеличения ввоза в наш край хлеба из Маньчжурии не оставляют сомнения, что через десяток лет, при сохранении господствующих условий, местное русское земледелие отойдет в область незначительных экономических факторов местной жизни. В такой же пропорции увеличивается и ввоз к нам из Маньчжурии других, производимых в ней продуктов» [61].

Большую опасность видели все ответственные лица на Дальнем Востоке и в китайском проникновении в регион. В 1912 году 80% рабочих, занятых на золотодобыче, составляли китайцы. Между тем золотопромышленники, заявлявшие, что без дешевых рабочих они обойтись не могут, официально признавали, что «дешевые» китайцы три четверти намытого золота не сдают предпринимателю, а уворовывают в свою пользу.

И почему китайский труд дешевый, тоже никогда не было секретом. Китайской артели, «имеющей в своем распоряжении 360 рабочих дней в году, нужно значительно меньше на содержание своих семей, оставшихся в Китае, на удовлетворение своих собственных потребностей, чем членам русской артели, располагающим в лучшем случае на 65 рабочих дней в году меньше, чем их конкуренты. А при конкуренции

цена определяется минимумом потребностей работника. В то время как китайская артель возьмется выполнить данную работу за плату, покрывающую все расходы ее членов и их семей, члены русской артели, их семьи при той же оплате работы перемрут с голода» [62].

Вся сельская торговля была сосредоточена в руках китайцев. 85% отхожих промыслов к 1911 г. также оказались в руках китайцев и корейцев [63].

В тайге китайцами была практически монополизирована скупка пушнины у местного населения. В 1911 году пушнина стоимостью 2 миллиона рублей, минуя местные рынки, оказалась собственностью китайских фирм в Харбине. За время с 1 ноября 1912 по 15 февраля 1913 гг. только через руки одного скупщика (а их насчитывалось сотни) прошло: струи кабарги – 637, хорьков – 1783, соболей – 241, тигров – 5, рысей – 10, медведей – 21. По сведениям В.К. Арсеньева, китайцы вывозили за год не менее 100–150 тысяч соболей.

Еще большую опасность представлял ввоз китайского спирта, производство которого, все по тем же климатическим причинам, в Маньчжурии обходилось несравненно дешевле, чем на нашем Дальнем Востоке. В сферу этого контрабандного бизнеса было вовлечено 99% взрослого населения района Уссурийского казачьего войска. Шло массовое спаивание всех жителей: в Амурской области в 1912 году приходилось на одного человека 1,89 ведра водки, в Приморской области 1,24 ведра, в то время как в среднем по России 0,56 ведра [64].

Нам всегда было необходимо держать наши границы на замке. «Уссурийский край – будущий театр военных действий» – предостерегал в 1915 году В.К. Арсеньев [65].

И не только с юга угрожала нам опасность. Когда командующий войсками Приамурского военного округа П.Ф. Унтербергер в конце XIX века встретился в Японии с маршалом Ивао Оямой, он задал ему вопрос: «Зачем вам становиться на путь милитаризма? С кем вам воевать?» На что Ояма ответил: «Как вы не понимаете? Конечно, с вами» [66]. Будущее доказало искренность признаний одного из творцов военной политики страны Восходящего солнца: за один только двадцатый век мы пережили три тяжелейших войны с Японией, не считая отдельных вооруженных конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вождь Сиэттл.* Послание // Думая как гора. М., 1992. С. 70.

2. Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. Магадан, 1978. 176 с.

3. Сибирский вестник. Ч. 2, 1823. С. 121–164; Сибирский вестник. Ч. 1. 1824. С. 1–38.; Ч. 2, 1824. с. 87–126; *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. М., 1948. 455 с.

4. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. Хабаровск, 1969. С. 62.

5. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. Хабаровск, 1969. С. 62.

6. *Аргентов А.* Описание Николаевского Чаунского прихода члена-сотрудника Сибирского отдела Императорского Русского географического общества А. Аргентова // Записки Сиб. отд. Имп. Русск. геогр. общ-ва. СПб., 1857. Кн. 2.

7. *Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Гергарда Майделя //Приложение к LXXIV-му тому записок Импер. Академии Наук. СПб., 1894. №3. С. 501.

8. *Нейман К. К.* Плавание по Восточному океану // Изв. Сиб. отд. Русск. геогр. общ-ва. 1877. Т. 8. № 1–2.

9. Дело главного управления Восточной Сибири, отделение IV, стол 2-й. По предмету посылки в Берингово и Охотское море крейсеров для наблюдения за действиями иностранных китоловов и промышленников. Начато 5 февраля 1874 г., кончено 3 апреля 1884 года. На 524 листах.

10. *Нордквист О. А.* Заметки о численности и нынешнем положении чукчей, живущих по берегу Ледовитого океана // Изв. Имп. Русск. геогр. общ-ва, т. XVI, 1880. Т. 16. С. 105.

11. *Ресин А. А.* Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // Изв. Имп. Русск. геогр. общ-ва. 1888. Т. 24. Вып. 1. С. 121–198.

12. *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения.// Записки Приамурск. отд. Имп. Русск. геогр. общ-ва. СПб., 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 138-139.

13. *Слюнин Н. В.* Среди чукчей // Землеведение. 1895. Т. 4. С. 45.

14. *Дьячков Г.* Анадырский край // Записки общ-ва изучения Амурск. края. Владивосток, 1893. Т. 2. С. 53.

15. *Гондатти Н.* Поездка из с. Маркова, на Анадыре, в бухту Провидения (Берингов пролив) // Зап. Приамурск. отд. Имп. Русск. геогр. общ-ва. Хабаровск, 1898. Т. 4. Вып. 1. С. 26.

16. *Гондатти Н.* Поездка из с. Маркова, на Анадыре, в бухту Провидения (Берингов пролив) // Зап. Приамурск. отд. Имп. Русск. геогр. общ-ва. Хабаровск, 1898. Т. 4. Вып. 1. С. 33.

17. *Богораз-Тан В. Г.* Чукчи. Л., 1939. Ч. 2. С. 101.

18. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 15.

19. Отчет уполномоченного министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края мирового судьи С.А. Бутурлина. СПб., 1907. С. 55.

20. *Толмачев И. П.* По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911.

21. *Караев А. И.* Чукотско-Анадырский край (очерки местного жителя) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1926. № 4, № 5.

22. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 121, 165.

23. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 122–124.

24. *Заусаев В. К., Леденев М. И., Быстрицкий С. П.* Социально-экономическое развитие Дальнего Востока в условиях формирования рыночных отношений. Хабаровск, 1999.

25. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 127–129.

26. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков. Хабаровск, 2001.

27. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997.

28. *Лобанов В. Ф.* В поисках Беловодья. Старообрядцы в Приамурье (вторая половина XIX века) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 139.

29. *Лобанов В. Ф.* В поисках Беловодья. Старообрядцы в Приамурье (вторая половина XIX века) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 142

30. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 75.

31. *Лобанов В. Ф.* В поисках Беловодья. Старообрядцы в Приамурье (вторая половина XIX века) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 144.

32. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 6.

33. *Лобанов В. Ф.* В поисках Беловодья. Старообрядцы в Приамурье (вторая половина XIX века) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 150.

34. Протоколы 1-го Амурского губернского съезда духовных христиан-молокан. Благовещенск, 1923. 37 с.

35. *Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае в 1867–1869 гг. Владивосток, 1990. С. 58.

36. *Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае в 1867–1869 гг. Владивосток, 1990. С. 59.

37. *Арсеньев В. К.* Колонизационные перспективы Дальнего Востока // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск–Владивосток, 1927. Вып. 5. Человек. С. 33.

38. *Георгиевский А. П.* Замечания к докладу В. К. Арсеньева «Население Д.В. как колонизационный фактор» // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск–Владивосток, 1927. Вып. 5. Человек. С. 168.

39. *Арсеньев В. К.* Население Дальнего Востока как колонизационный фактор // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск–Владивосток, 1927. Вып. 5. Человек. С. 5–15.

40. *Меркулов С. Д.* «Колонизационное значение земледелия в Приамурье» С.П. Шликевича // Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911. Вып. 5 трудов Амурской экспедиции. С. 83–84.

41. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 122.

42. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 146.

43. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 32.

44. *Чехов А. П.* Остров Сахалин. М., 1984. С. 243.

45. *Чехов А. П.* Остров Сахалин. М., 1984. С. 246.

46. *Маак Р. К.* Вилюйский округ. М., 1994. С. 349.

47. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982.

48. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 120.

49. *Меркулов С. Д.* «Колонизационное значение земледелия в Приамурье» С.П. Шликевича // Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911. Вып. 5 трудов Амурской экспедиции. С. 81.

50. *Глухов С.* Что там, за горизонтом? Хабаровск, 1990. С. 9. (Книга представляет собой интервью журналиста С.А. Глухова с экономистом М.И. Леденевым).

51. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 107.

52. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков. Хабаровск, 2001. С. 153.

53. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 207.

54. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. 365 с.

55. Маршрут продолжается: к 150-летию геологических исследований в Приамурье. Хабаровск, 2000. С. 19.

56. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. 288 с.

57. Справочный материал приводится по книгам: *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. 288 с.; *Глухов С.* Что там, за горизонтом? Хабаровск, 1990. 96 с. (Книга представляет собой интервью журналиста С.А. Глухова с экономистом М. И. Леденевым); *Минакир П. А., Рензин О. М., Чичканов В. П.* Экономика Дальнего Востока. Перспективы ускорения. Хабаровск, 1986. 254 с.; *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. 56 с.

58. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 43.

59. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 65.

60. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997.

61. *Меркулов С. Д.* Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911. С. 7 – 8.

62. *Меркулов С. Д.* Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911. С. 74.

63. *Меркулов С. Д.* Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911. С. 83.

64. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 114–116.

65. *Арсеньев В. К.* Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1997. Избран. произв.: В 2 т. Т. 1. С. 630.

66. *Арсеньев В. К.* Условия нашего будущего. «Секретный доклад». Хабаровск, 1997. Избран. произв.: В 2 т. Т. 2. С. 580.

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Вопросы входного контроля:

Отношение царей к дальневосточной проблеме:

а) патриотичное;

б) прагматичное;

в) безразличное;

г) продиктованное заботой об «общечеловеческой» цивилизации.

Экономическое развитие Дальнего Востока при царях:

а) максимально эффективное при имеющихся условиях;

б) слабое, недостаточное, не выдерживающее никакой критики;

в) деформированное, с уклоном в военизированные отрасли хозяйства

Вопросы текущего контроля:

Труднопреодолимые проблемы первичного заселения Приамурья:

а) нехватка людей;

б) нехватка денежных средств;

в) нехватка транспорта;

г) опасение международных осложнений.

Необходимость милитаризации хозяйства дальневосточных рубежей империи во второй половине XIX века–начале XX века:

а) опасность со стороны Китая;

б) Японии;

в) европейских держав;

г) все это – придуманные страхи.

Спиридон Меркулов – открытые или закрытые экономические границы?

а) открытые – это решение проблемы обеспечения продовольствием и рабочей силой;

б) закрытые – это решение проблемы русского денежного, промышленного, человеческого и военного присутствия России в регионе;

в) нужны регулируемые таможенные барьеры; пошлины должны быть близкими к запретительным.

Вопросы выходного контроля:

Первая производительная сила и ее воспроизводство: заселение Дальнего Востока.

Возрастающая необходимость военного присутствия России на дальневосточных рубежах и вытекающие из этого экономические задачи (вторая половина XIX века–начало XX века).

П.А. Столыпин и вопрос Амурской железной дороги.

Развитие производительных сил региона в царские времена.

Трудности поддержания российского хозяйства на Дальнем Востоке, убыточность региона, неконкурентоспособность на своей территории всей собственной продукции, даже леса и угля (вторая половина XIX века–начало XX века).

Глава 6

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

ЖИЛА БЫ СТРАНА РОДНАЯ...

Принципиальная основа советской экономической политики на Дальнем Востоке оставалась традиционно патриотической, как это было и в царские времена. Целью было все то же хозяйственное обеспечение геополитических интересов державы. И для этого требовалось все то же самое, как и раньше, как это и было на протяжении тысячелетия – мобилизация населения на подготовку к войне.

И снова и снова возникает вопрос, а нельзя ли было хоть немного ослабить напряжение? В поисках ответа приходится возвращаться к первоистокам нашего на редкость нестандартного общественного устройства. Почему возникло крепостное право? И можно ли было внедрить в России такие же политические и экономические «свободы», как у общечеловеков?

Нет, нельзя. Организационная деятельность Сталина, Петра Великого и Ивана Грозного мотивировалась неослабевающей внешней опасностью. И вот какие объяснения вынужденности всеобщей мобилизации можно найти в исторических трудах Георгия Владимировича Вернадского, русского гражданина Америки, сына нашего естествоиспытателя В.И. Вернадского.

«Действия Петра Великого в значительной степени объясняются простой материальной необходимостью: если бы Русь не стала на уровень европейской техники, она попала бы в европейское рабство, сделалась бы европейской колонией. Для защиты русской самостоятельности необходимо было овладение европейской техникой. Петр это понял и на овладение этой техникой устремил все свои силы и силы всего народа. Но последователи Петровы при этом перегнули палку в другую сторону: стали воспринимать европейскую культуру не ради защиты русской самостоятельности и самобытности, а

ради самой этой европейской культуры. В этом Петровы последователи нарушили завет, который предание приписывает именно Петру: "Европа нужна нам на сто лет, а там мы можем к ней повернуться задом"» [1].

При Петре, пишет Г.В. Вернадский, «все сословия были поставлены на служебную ногу. Все должны были служить государству, начиная с самого царя. Фабриканты и купцы несли финансовую службу государству. Крестьяне содержали дворян и фабрикантов и вместе с тем были податной основой государства» [2].

Нетрудно заметить почти дословное совпадение этой цитаты с высказыванием И.Л. Солоневича об организационных принципах Ивана Грозного и его предшественников по династии Рюриковичей.

Ту же политику вел и Сталин. Крестьяне были закрепощены за колхозами – организацией идеальной с точки зрения обеспечения хлебом государства, города, промышленности и армии. Это была основа пирамиды, на которой базировалось все, и потому надо было особенно непоколебимо обеспечить надежность и эффективность именно этого ключевого звена всей хозяйственной системы страны. Что и было сделано.

«...В насильственной коллективизации деревни не было ничего личного, сталинского, – признавали и противники советского строя. – Изменение характера промышленного производства, появление новых отраслей, рост расходов на оборону требовали средств в несравненно больших размерах, чем раньше, которые только и можно было выкачивать из деревни при помощи колхозной системы» [3].

Мелкие колхозы сталинских времен были все той же вековой крестьянской общиной. И вообще, как писал перед второй Мировой войной испанский философ Х. Ортега-и-Гасет, Россия под тонкой пленкой марксистских идей оставалась страной с традиционным укладом жизни: «Если бы марксизм победил в России, где нет никакой индустрии, это было бы величайшим парадоксом, который только может случиться с марксизмом. Но этого парадокса нет, потому что нет победы. Россия настолько же марксистская, насколько германцы Священной Римской империи были римлянами» [4].

Если раньше взыскивал подати староста, то теперь это стал делать председатель. Если раньше за недоимки сводили со двора последнюю корову, то и теперь выгребали все под метлу.

двора последнюю корову, то и теперь выгребали все под метлу. Если раньше у крестьянина не было права на свободный выход из общины, то и теперь колхозникам не выдавали паспортов, а без них нельзя было устроиться на работу в городе. И круговая порука была одна и та же, за подати несла ответственность община в целом, колхоз в целом, так что за недоработки Ивана избыток тягот падал на плечи Степана, Петра и Макара... Разница была лишь одна – то, что отбирали у мужика, в советские времена использовалось на созидание государственной машины, раньше же оно шло на обеспечение роскоши и излишеств барина. Впрочем, это касалось лишь тех роковых полутора веков (1762–1917), в течение которых дворянин был освобожден от крепостного принуждения, а крестьянин нет. Ни до 1762 года, ни после 1917 года этого не было. Социальной несправедливости во времена Сталина было примерно столько же, сколько и при Иване IV, отчего и стал Грозный кумиром во времена индустриализации, хотя в дореволюционной историографии он служил, начиная с Н.М. Карамзина, образцом жестокости и чуть ли не психической ненормальности. Таким же, кстати, как и Сталин, начиная с хрущевской «оттепели». А в советскую эпоху эталоном патриотизма стал и Петр I, восприятие которого сталинской и царской интеллигенцией было намного более согласным, чем восприятие Ивана Грозного, – только славянофилы отвергали неоднозначную фигуру реформатора русской жизни, называя его Антихристом.

КОЛХОЗЫ

Обратимся к записям Н.Ф. Милушовой об истории колхоза, организованного в селе Казакевичево.

В 1928 году образовалась артель «Смычка», в нее вошли партийные, всего восемь семей, в основном бывшие партизаны, вернувшиеся к своим домам после гражданской войны. В своем первом общем хозяйстве артель имела одну лошадь, одну жатку, одну молотилку, плуги. В основном занимались сельским хозяйством. Сеяли пшеницу, овес, косили сено. Кроме общественной, коллективной собственности, каждая семья отдельно держала домашний скот, занималась огородничеством.

...Вспоминает Николай Павлович Соснин, потомственный забайкальский казак из рода первопоселенцев Казакевичево.

Вернувшись после гражданской войны в село, партизан Павел Михеев возглавил артель. Но за свое участие в войне на стороне белых был арестован в годы репрессий, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Первый год был очень трудным, бедность делала почти невозможным то, что у богатых решалось с легкостью. Выстояла артель только благодаря сплоченности и взаимопомощи. Получив неплохие доходы от первого урожая, крестьяне смогли засыпать семена и разделить по паям оставшуюся продукцию.

Односельчане бдительно следили за артельщиками. Не все верили в перспективность коллективного ведения хозяйства, кое-кто предрекал гибель начинающемуся колхозному движению. И каково же было удивление, когда артельщики смогли успешно засеять поля на Уссурийском острове! Лето 1929 года было урожайным. Крестьяне получили немалый доход. На вырученные деньги артель купила жнейку, плуги.

Николай Соснин пятнадцатилетним мальчонкой устраивался к артельщикам работать на уборке урожая. И когда по решению сельчан артель была реорганизована в колхоз «Красный пограничник», он не раздумывая вступил в него. Вновь вступавшие пополняли общественный сельскохозяйственный инвентарь, сдавали свои плуги, бороны, жнейки. В колхоз принимали поначалу с испытательным сроком, чтобы лучше узнать человека.

Собранные летом лук и огурцы шли сразу на продажу. Картофель закладывали в бурты – ямы, закрытые слоем земли и соломы. И лишь над трубами воздушной вентиляции в морозные ночи клубился пар. Бурты, как и склады, охранялись, не раз сторожил их и Николай Соснин.

Колхоз набирал силу, распахивал новые земли. Чтобы поменьше зависеть от капризов ненадежной дальневосточной погоды, колхозники решили организовать животноводческую бригаду. Построили коровник, свинарник. Коневодство возникло одновременно с возникновением колхоза. Каждый колхозник имел право взять лошадь для личных нужд: вспахать огород, вывезти из леса дрова или сено с левого берега.

С годами каждый колхозник обзавелся скотиной в своем домашнем хозяйстве. Хороший приварок к столу давала рыба, особенно кета. В неурожайный год можно было жить с рыбалки. Пользовались дарами тайги, в иные годы в каждой семье сушили десятки вязок грибов, солили грузди, маслята. Собирали дикоросы – черемшу, малину, клюкву, голубицу.

С осени в склады засыпали на семена рожь, пшеницу, гречиху. На мельнице мололи свою муку. Конфискованная у Костина мельница была теперь колхозной, как и кузница.

Тридцатые годы в селе были интересными и насыщенными. Зарождалась новая колхозная жизнь. С появлением тракторов и автомобилей колхоз отправлял в район на обучение будущих казакевичевских шоферов и механизаторов, и получали наши студенты колхозную стипендию.

Сельчане вступали в колхоз или занимались отхожим промыслом, кустарничали, плотничали. Здешние умельцы мастерили столы, стулья, табуреты, колыбели для новорожденных и многое другое. Шорники шили сбрую для лошадей, которых держали в колхозе немало. Веселый перестук раздавался в кузнице, где правили сохи, плуги, молотилки, ковали подковы. Мельница, уже с новыми хозяевами, молола, как прежде, зерно. Урожаи были хотя и небольшими, но все же радовали душу.

Колхоз стал распахивать и засевать земли больше, чем было до того. Поля «Красного пограничника» простирались вплоть до нынешнего поселка Бычиха. Они доходили до Быкова ручья. На них сеяли пшеницу, рожь, гречиху, просо. Жившие неподалеку корейцы выращивали рис и обменивали в нашем селе на другие продукты. Вступали в колхоз редко, жили своей общиной.

В нашем «Красном пограничнике» было много огородов, они располагались в самом селе. Выращивали много овощей: лук, морковь, свеклу, брюкву. Картофельные поля находились на хуторе Свободном, в семи верстах от Казакевичево. Много выращивали табака, и каждый колхозник имел в его урожае свою долю.

Развивалось и животноводство. Открыли коровник и телятник сначала на десять голов скота. С годами стадо увеличивалось. Больше стало и лошадей. В начале колхозного строительства они были незаменимы, на них ездили верхом, пахали и сеяли, возили грузы. В хозяйстве выращивали и

племенных лошадей. Местные мальчишки летом с удовольствием работали пастухами. Потомки казаков смолоду приобретали сноровку в обращении с конем, навыки верховой езды и джигитовки.

Какую-то долю от собранного урожая сдавали в район. Денежной оплаты за труд в те годы не было. С колхозниками рассчитывались по трудодням зерновыми и овощами. Каждому колхознику ставили палочку в ведомости, к концу месяца палочки подсчитывались. На трудодни в иные годы по решению правления выдавались не только сельхозпродукты, могли дать и кое-что из живности, телочку или бычка. Поэтому колхозники трудились исправно.

Действовала школа, в ней работал хороший коллектив педагогов, который помогал жителям села в ликвидации безграмотности. В старом, но добротном и уютном доме казака Нижегородникова, немного переоборудовав комнаты в большой зал, устроили избу-читальню, прародительницу клуба и библиотеки. На столах, как вспоминают бабушки, лежали немногочисленные, но дорогие в то время газеты и журналы. Двадцать-тридцать подаренных районом книг по развитию сельского хозяйства и внедрению передового опыта, по нескольку томиков Тургенева, Пушкина, Лермонтова, Толстого и других классиков передавались из рук в руки, практически не попадая на библиотечные полки.

Здесь, в избе-читальне, люди могли узнать о жизни в старые и новые времена. Газеты и журналы не только читали, но и обсуждали ту или иную статью из них, особенно по передовому опыту. Руководил избой-читальней комсомолец Василий Швейн. Грамотный молодой человек накрепко связал свою судьбу с нашим селом. Здесь он проводил полюбившиеся всем сельчанам громкие читки газет, книг. Зимними вечерами сельчане особенно охотно заходили сюда на огонек. Ставили здесь и театральные постановки.

В 1935 году на общем собрании колхозников решено было организовать, кроме сельскохозяйственных бригад, еще и две рыболовецкие, и колхоз переименовать, назвать его именем Дзержинского. С этих пор колхоз стал процветать и выполнять свои планы. Возросли заработки у сельчан.

Рыбалкой наши земляки занимались с давних времен, еще их деды перенимали эту сложную науку у местных гольдов. Колхоз имел лодки, сети, невода, вентеря и всякую другую принадлежность. Рыбных запасов в реке было более чем

достаточно. И начали наши колхозники черпать рыбу во всех протоках и на тонях. Построили для хранения и сортировки улова склад и ледник. Из района спускали план по рыбосдаче. Были годы, когда эти планы перевыполнялись. В цене была калуга, красная рыба, минога, карась, амур, щука, сазан. Хорошо ловилась касатка, а сомы иной раз достигали сказочной длины.

Работала почта, телеграф. Корреспонденция шла изо всех уголков Советского Союза – в селе стояли воинские части, охраняющие пограничные рубежи, продолжая тем самым дело, начатое здесь первыми русскими поселенцами. И служили в них воины из различных республик СССР.

Старинные традиции казачества продолжали уже советские воины-пограничники. В Казакевичево была учреждена застава, стояла небольшая бригада малых катеров, которые летом приходили на помощь всем пограничным заставам Казакевичевского пограничного отряда.

Для дополнительного обеспечения воинов отряда продовольствием было выделено несколько гектаров земли на хуторе Свободном. Там постоянно жили до десятка семей, которые вели подсобное хозяйство. Распахивали и засаживали огороды, держали пасеку, пекарню.

В селе открыли небольшую участковую больницу. В ней было несколько коек в терапевтическом отделении и несколько – для гинекологических больных и детей. Больница была неплохо оборудована по тем временам и укомплектована прекрасным штатом врачей. Рожали сельчанки уже не по домам, и принимали у них роды не бабки-повитухи. Проводились прививки от оспы и дифтерии. Больница была снабжена нужными медикаментами. Врачи следили за санитарным состоянием учреждений и улиц села.

В селе была построена пекарня. Дразнящий аромат свежеиспеченного хлеба стоял с раннего утра над домами. Выпекали по нескольку сот булок пшеничного и ржаного хлеба и продавали его через магазин.

Так жили люди в нашем селе до войны. В эти годы редко кто уезжал, бросал работу в колхозе. Сюда, наоборот, приезжали семьи на постоянное жительство из других краев...

А вот что пишут о коллективизации на далеком севере люди, познакомившиеся с ней не понаслышке.

Л.М. Баскин, преемник первого директора Корфского оленесовхоза, рассказывает о том, как создавалось это

хозяйство. Васильев, по профессии лесовод, приехал организовывать первый на Камчатке совхоз в 1931 году. Он ездил по кочевьям в сопровождении двух каюров и солдата-пограничника и объявлял, что табун отныне принадлежит государству, а пастухи становятся рабочими совхоза и будут получать зарплату [5].

Примерно по тому же сценарию проводилась коллективизация и на Чукотке. Конечно, она была бы проведена невзирая ни на какие препятствия, но трудностей оказалось гораздо меньше, чем можно было ожидать. Причины – коллективизм, укоренившийся в душе северян на протяжении всей их этнической истории: «В распределении продукции было много уравниловки, широко развит принцип взаимной выручки. Это и другие остатки общественного владения и соответствующие им народные обычаи были использованы как могучие средства для перехода народностей Чукотки к социализму» [6].

ВОПРЕКИ ВСЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ЗАКОНАМ

На Аляске, составляющей 16% всей территории США, проживает 0,14% населения. На канадском Севере, занимающем 79% территории страны, живет лишь 350 тысяч человек, то есть менее 1,5% всех канадцев. Производство на канадском или американском Севере не развивается, не по карману оно буржуинам. Увы, удорожающие факторы! И особых изменений не предвидится.

Почему же у нас не так? Во-первых, мы – цивилизация Севера. Во-вторых, есть обстоятельства геополитические. У нас везде – граница. И на Чукотке, и на Камчатке, и особенно на более южных территориях Дальнего Востока. И ее надо защищать. Что-то не слышно об угрозах территориальной целостности Канады или США, никто не заявляет претензии на какую-либо часть их территории. А у нас картографические агрессии – обычное дело, все хотят отхватить от России какой-нибудь кусок. А может, и вправду отдать, не жалко, земли у нас много? Отдал же Шеварднадзе нефтеносный и богатый рыбой беринговоморский шельф американцам! Ну а где сейчас Шеварднадзе, какой ему убыток от такой доброты за счет русского народа?

Не было спокойствия на Дальнем Востоке после революции. Поднимались на наших рубежах новые опасности. Японский империализм, колонизируя в Юго-Восточной Азии одну страну за другой, не оставлял своих экспансионистских планов и относительно России. Тем более что он имел все основания рассчитывать на успех на северном направлении. Разгром русского флота в проливе Цусима в 1905 году и победа над русской армией на сопках Маньчжурии обнадеживали нашего самого сильного и самого агрессивного дальневосточного соседа. Марионеточное государство Маньчжоу-Го, оккупированный японцами Южный Сахалин и гряда Курильских островов создавали вражеский пояс, обложивший по всему фронту Советскую Россию, еще не окрепшую после гражданской войны и разрухи. И опасности оказались вовсе не преувеличенными, это доказали и провокации японских войск на реке Халхин-Гол и на озере Хасан, и в особенности авиационный рейд подданных микадо на Пирл-Харбор, за полчаса уничтоживший весь тихоокеанский флот США.

Японского вторжения ждали по всему периметру наших границ на Дальнем Востоке. В нашем регионе было сосредоточено 30% сухопутных сил страны. Я помню, как удивлялся я в геологических маршрутах на Камчатке, встречая на морских берегах линии ДОТов и ДЗОТов, окопов и блиндажей. И мог ли тысячелетний наш исторический опыт не подсказать нам, что мы должны заблаговременно готовиться ко всяким политическим неожиданностям и создавать надежное хозяйственное обеспечение для победы в будущих войнах, а еще лучше – для предотвращения любых посягательств на нашу свободу и независимость.

Вот и поднимались на дальневосточных территориях военные заводы, строились дороги, возводились укрепрайоны...

НЭП И ПЯТИЛЕТКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Восстановление хозяйства после гражданской войны требовало чрезвычайных усилий. При безоговорочно сильной государственной власти, при укреплении границ и твердой ориентации на созидание государственного сектора экономики решено было прибегнуть к использованию частной инициативы и иностранного капитала.

Государство сдало в аренду частнику более четырехсот золотых приисков. Четверть промышленности края держалась на частном секторе, в то время как в среднем по стране частник владел лишь четырьмя процентами. Возникали, как грибы, смешанные предприятия, к примеру, «Акционерное общество по эксплуатации морских, рыбных и звериных промыслов». На Дальнем Востоке был создан Концессионный комитет. Он заключил десятки концессионных соглашений с английскими, американскими, японскими компаниями, прежде всего в добывающей промышленности, которая нуждалась в серьезных финансовых инъекциях. Каждый седьмой рубль вложений поступал в хозяйство от внешней торговли, красная рыба и деловой лес, обернувшись валютой, позволяли покрывать треть потребления в регионе за счет импорта.

В общем, для кооператора, арендатора, инициативного предпринимателя период с 1923 по 1928 год, то есть до начала первой пятилетки, был воистину «золотым веком». В то же самое время ни о какой рыночной саморегуляции хозяйства, тем более о невмешательстве государства в экономические процессы, не могло быть и речи. Руководил возрождением экономики Дальревком. Крайне ограниченные бюджетные средств концентрировались в ключевых отраслях: в лесной, рыбной и горнодобывающей промышленности. И всего за четыре года экономический потенциал был полностью восстановлен. К 1928 году промышленность превзошла уровень 1913 года, в том числе в 3,2 раза увеличилась добыча угля, на 19% вывозка древесины, на 48% грузооборот на транспорте. Регион имел в то время активный баланс внешней торговли, получая 93% валюты от экспорта рыбы и леса. Конечно, высокая доля импорта в потреблении, создающая угрозу экономической независимости, беспокоила советские власти.

Иностранные концессии допускались, согласно постановлению X съезда РКП(б), только в те отрасли, где они могли способствовать поднятию уровня наших собственных производительных сил. Курс был сразу взят на последующее вытеснение иностранцев из дальневосточного хозяйства, о чем сами концессионеры знали заранее, они были предупреждены.

...В 1923 году широкие в то время круги иностранных предпринимателей и дипломатов были взбудоражены слухами о нефти, которая на Камчатке самотеком выходит из-под земли. Запахло новым Ираном или Азербайджаном. Дальгеолком получает запрос от британского консула во Владивостоке.

Ответить на запрос Дальгеолком поручает А.Н. Криштофовичу, знаменитому геологу, палеоботанику, будущему академику. Ответ гласил, что и на Камчатке не исключено открытие месторождений углеводородного сырья, примерно таких же, как и на Сахалине. Дальгеолком послал в нефтеперспективный район Восточной Камчатки экспедицию под руководством П.И. Полевого, к ней впоследствии присоединился геологический отряд Б.М. Штемпеля, снаряженный на средства торгового дома братьев Люри из Владивостока, которые дополнительно командировали в те же места и японского профессора Г. Кобаяши. Нефть там так и не нашли, но во всяком случае иностранная и частная инициатива была использована в целях повышения ресурсного потенциала советского Дальнего Востока.

В своих геологических экспедициях на Камчатке я насмотрелся на результаты деятельности АКО – советско-японского Акционерного Камчатского Общества, наслышался от старожилов о событиях в те далекие времена. Японцы строили у нас засолочные пункты и рыбоконсервные заводы, и на обоих побережьях Камчатки, на западном и восточном, возникла почти сотня РКЗ. Согласно договорам, иностранные консультанты должны были научить наше пришлое население, обычно и моря-то раньше в глаза на видывавшее, ловить рыбу, обрабатывать и хранить ее. Много осталось с тех пор воспоминаний на географических картах – Японская рыбалка, Японские камни, много сохранилось в обиходе рыболовецких терминов – исабунка, кавасачка, так назывались малотоннажные суда.

Пока не было своих кадров, все работы выполняли японцы, но были приняты экстраординарные меры по привлечению собственной рабочей силы. Как рассказывали старожилы, цены были установлены в сфере деятельности АКО в десять раз меньше, чем в других районах страны. И сахар, говорят, закупали только мешками, рубашки не стирали, – чуть запачкается, ее выбрасывали и покупали новую. И задача была решена в предельно короткие сроки. Была создана рыбодобывающая и рыбообрабатывающая промышленность там, где ее никогда не было, но было очень много рыбы, и где была пустующая территория, не заселенная русскими, что было крайне опасно в геостратегическом отношении. И иностранцев вежливо попросили удалиться. Так на деле была реализована программа приоритетного развития восточных районов.

В первой пятилетке происходило становление новых для Дальнего Востока отраслей промышленности – машиностроения, передельной металлургии. Объем промышленного производства по плану должен был быть увеличен в 4 раза, новых средств предусматривалось вложить почти столько же, сколько к этому времени составляла стоимость всех накопленных фондов. Формировался новый мощный центр цветной металлургии. Начато освоение золотых россыпей Колымы и Чукотки. В ноябре 1931 г. был создан Государственный комитет по промышленному и дорожному строительству в районе верхней Колымы (Дальстрой), первым начальником был назначен Э.П. Берзин. Основным контингентом на Колыме были заключенные, репрессированные, сосланные, раскулаченные. Это была самая дешевая и самая мобильная рабсила по освоению необжитых территорий, хотя бесплатной ее назвать все же было никак нельзя. Стоимость рабочей силы – это затраты на поддержание жизни. То есть затраты все равно были, хотя и значительно меньшие, чем нужно было бы потратить на работников вольного найма.

Интересно, что и это решение проблемы трудового потенциала было для России вполне традиционным. Сибирь всегда была местом ссылки и каторги. Охотск, первый русский порт на Тихом океане, формировался в основном за счет ссыльных, за XIX век в целом в Сибирь и на Дальний Восток переселено было 1 800 тысяч человек, из которых 726,3 тысячи, или 40,47%, были ссыльными; до 70-х годов XIX века на долю ссыльных приходилось 67% мигрантов. И лишь к концу века, когда возрос поток в Сибирь добровольных мигрантов, этапированные составили 26% [7]. И Сахалин был каторжным островом, и *во глубине сибирских руд* трудился отнюдь не вольнонаемный персонал. И Амурская железная дорога сооружена в значительной степени руками арестантов. Так что освоение суровых наших окраин, куда привлечь людей было трудно, во многом приходилось основывать на принуждении.

В 1928 году был создан первый государственный нефтяной трест, и в первой пятилетке добыча нефти возросла в 10 раз. В конце первой пятилетки заложен Комсомольск, новый, третий после Хабаровска и Владивостока индустриальный центр. По стратегическому замыслу он создавался подальше от границы. Впервые возникла в нашем регионе и получила бурное развитие оборонная

промышленность – военное судостроение, в том числе, или даже прежде всего, строительство подводных лодок, самолетостроение; некоторые поселки и даже города строились вообще только ради военных заводов.

В царское время крупные судостроительные заводы создавались в основном на Западе. А как можно было усилить флот в тихоокеанском бассейне при неизбежных осложнениях? Опыт Цусимы, когда практически вся военно-морская мощь Российской империи была уничтожена при попытке переброски эскадры из атлантического бассейна в Тихий океан, требовал заложения мощной кораблестроительной базы на Дальнем Востоке. Ведь если бы даже был взят курс на перевозку с запада по железной дороге готовых судов, разрезанных на секции согласно допустимым габаритам, то все равно необходимо было создавать хотя бы сборочно-достроечные судоверфи на месте.

И летом 1931 года на Амуре у устья реки Силинки нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов, стоя на мостике монитора, сказал инспектору морских сил Красной Армии Р.А. Муклевичу: «Вот ты хочешь расширять "Дальзавод" во Владивостоке, а это под боком у Японии. Стройте завод здесь...» Это вполне вписывалось в начальную установку – не выше Малмыжа (слишком близко к границе) и не ниже Пермского (слишком далеко от баз снабжения). Отвергнута была и стройплощадка у Нижнетамбовского – она располагалась на правом берегу, откуда, в случае чего, можно было ждать нападения. С левого же берега нам никто не угрожал и угрожать не мог.

Окончательно определила площадку под строительство военного судостроительного завода правительственная комиссия во главе с Я.Б. Гамарником. Решение было принято 9 апреля 1932 года прямо на месте – в селе Пермском.

10 мая 1932 года сюда прибыли 900 комсомольцев на пароходах «Колумб» и «Коминтерн» и барже «Клара Цеткин». Они приступили к подготовке территории под промышленные объекты, начали строить землянки и шалаши из подручных материалов, жердей, веток и глины, возводить столовую, пекарню, почту, больницу, баню. Жили поначалу и в палатках, и в подвалах, и на чердаках, а в жилых помещениях спали на трехъярусных койках. От скученности, антисанитарии и плохого питания в первую зиму многие заболели цынгой.

Военно-строительные батальоны прибыли пешим маршрутом по льду Амура в конце января 1933 года.

Чтобы не тратить лишние силы на вырубке деревьев и последующей тяжелейшей раскорчевке пней, ребята подрубали корни у лиственок, потом один из них с веревкой вскарабкивался на самую вершину, и бригада валила дерево по команде: «Раз-два, взяли!» Некоторые верхолазы из соображений повышения производительности труда даже слезать с дерева при валке отказывались, так и приземлялись верхом на кроне. За очень короткий срок удалось расчистить большие площади тайги под корпуса верфи и под жилые кварталы.

Первые годы город состоял целиком из бараков. Стены строили, или засыпая между двумя рядами досок опилки, или из сырого необожженного кирпича, даже из болотных кочек, обмазанных раствором. И только осенью 1934 года был построен первый поселок одноэтажных и двухэтажных бараков, рубленных из бруса, по какой причине он и был назван Брусчаткой. Сделать его раньше было невозможно: не было пилорамы, как не было еще много чего другого, позарез необходимого. Как большое достижение отмечалось, что температура в бараках редко опускалась ниже нуля.

Для доставки леса с правого берега Амура на левый зимой прорубили во льду канал, и бревна по нему доставляли прямо к штабелям только что пущенного лесозавода. Бетонирование фундаментов под производственные корпуса вели «вножную»: вибраторов тогда еще не было, и бетонный раствор утаптывали ногами, а затем уплотняли деревянными трамбовками. Специалистов: гидротехников, бетонщиков, арматурщиков – готовили прямо на месте из числа землекопов.

За 36 месяцев, почти без техники, работая только кирками, лопатами и тачками, в глухой тайге комсомольцы выстроили первоклассный завод-гигант. 1 июля 1936 года была пущена в эксплуатацию первая очередь судостроительных мощностей. Автором проекта завода был технический руководитель талантливый русский инженер В.П. Костенко, получивший богатейший личный опыт как отрицательный, при участии в цусимском сражении, так и положительный, во время сотрудничества с выдающимся теоретиком А.Н. Крыловым, морским министром при царе и академиком при советской власти, проектировавшим еще первые русские линкоры. Самое принципиальное решение замысла В.П.

Костенко заключалось в отказе от сооружения судна на стапелях, как это было заведено во всем мире, начиная по крайней мере, с Колумба. В этом случае в условиях Амура с его немыслимыми перепадами уровня воды пришлось бы сооружать стапели полукилометровой длины, что никак не гарантировало безопасности спуска на воду. Да и работа под открытым небом в экстремальных климатических условиях Дальнего Востока не позволила бы выполнить все нормы технологии судостроения. Строить суда было решено, впервые в мировой практике, в крытых наливных доках-эллингах. Окончательно утвердил этот проект сам И.В. Сталин.

25 июня 1938 года после заливки дока первое почти полностью готовое судно всплыло на воду. Неизбежность скорой войны была очевидной всем в мире. Советский Союз встречал ее не с голыми руками.

Широкомасштабное промышленное производство нуждалось в транспортном обеспечении, и потому резко было интенсифицировано дорожное строительство, начаты работы по прокладке первого, довоенного БАМа – Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, которую планировалось довести до Якутска в северном направлении и до Совгавани в восточном направлении. Сооружена автомобильная трасса АЯМ – Амуро-Якутская магистраль, продолженная дальше на Колыму – к Магадану через Оймякон, Сусуман, Оротукан. Начато освоение Севморпути.

Во второй пятилетке регион получил новый мощный импульс индустриального развития. Из всех выделенных Дальнему Востоку средств 70% было вложено в тяжелую промышленность. Построена «Амурсталь» – крупный металлургический завод в Комсомольске. За две первые пятилетки объемы производства выросли в угольной и нефтяной промышленности в 5 раз, в машиностроении в 2 раза, в цветной металлургии в 6 раз. Теперь именно тяжелая индустрия определяла облик региональной экономики. К 1937 году она производила более 50% всего объема промышленной продукции.

В третьей пятилетке предусматривалось, кроме индустрии и транспорта, модернизировать материальную базу сельского хозяйства, развивать легкую и пищевую промышленность.

К 1940 году в десятки раз был увеличен потенциал многих краев и областей по сравнению с 1913 годом. Темпы

развития Дальнего Востока были опережающими по сравнению со страной в целом.

Если до начала первой пятилетки субсидии Дальнему Востоку составляли всего 0,5% от общесоюзного объема, то далее внимание к нашему региону постоянно возрастало: первая сталинская пятилетка – 4,8%, вторая – 5,8%; за три с половиной года третьей пятилетки субсидии составили 7,5%. На душу дальневосточника приходилось капиталовложений втрое больше, чем на среднестатистического советского человека. После войны наблюдался некоторый спад, в связи с первоочередной необходимостью восстановления разрушенных западных районов, но начиная с пятилетки 1955–1958 годов в государственные планы постоянно закладываются более высокие, чем по стране, темпы развития региона, что и помогло создать на советском Дальнем Востоке значительный экономический потенциал [8].

Таким образом, использовав в первые годы после гражданской власти частную инициативу в построении мелкотоварного производства, в кустарной, легкой и добывающей промышленности, в торговле, снабжении и сфере услуг, Советский Союз приступил на Востоке России к ускоренному созданию тяжелой индустрии, оборонной промышленности и инфраструктуры методами государственного строительства, или, как их назвали впоследствии, командно-административными методами. Вызов эпохи не оставлял возможностей для иного выбора.

Двух пятилеток суровый огонь
Нам не забыть никогда.
Уже начинают сносить дома,
Построенные в те года, –
Прямолинейные, как приказ,
Суровые, как черствый хлеб [9].

Страна строилась, причем строилась форсированными, ударными темпами, потому что было ясно, что в противном случае нам не выстоять, что Россия будет уничтожена. За 1921–1927 годы в СССР объем промышленного производства увеличивался ежегодно на 44%. И это было первое экономическое «чудо» XX века, не превзойденное в дальнейшем никем. В США при Франклине Рузвельте в 1933–1937 году ежегодное увеличение производства составляло 14%, Западная Германия при Людвиге Эрхарде в 1947–1954 годах

давала 23%. Китай конца XX века дает ежегодный прирост промышленности 12–18,5% [10].

«Довольно долго в западном мире считалось, что критерий прогрессивности страны – ее темп промышленного развития, – пишет А.П. Паршев. – Но экономика СССР добилась таких темпов, которые до сих пор в западных учебниках экономики приводятся как рекордные. Несколько превышали наши только показатели небольших азиатских стран, которые "накачивались" всем западным миром, и то в течение короткого времени. Этот рост советской экономики в 30–50-е годы – неопровержимый факт, признанный всем миром, и странно, что у нас он не признается» [11].

За годы первой пятилетки промышленный потенциал страны был удвоен. К концу тридцатых годов вступили в строй 6 тысяч предприятий. В 1937 году новые производства дали уже свыше 80% всей промышленной продукции.

Если в 1928 году Советский Союз уступал США по производству электроэнергии в 25 раз, то к 1940 году – лишь вчетверо, по чугуну и стали – в десять-двенадцать раз, а стал втрое; остальные промышленные страны были оставлены далеко позади: советское производство электроэнергии составляло в 1928 году 31% по отношению к его производству в Англии, к 1940 году стало составлять 121%, по чугуну – в 1928 году 49% (1940 г. – 179%), сталь 49% (139%); соотношения с Францией – электроэнергия 34% (245%), чугун 33% (405%), сталь 45% (415%); с Германией – электроэнергия 29% (132%), чугун 24% (95%), сталь 29% (108%).

К началу сороковых годов СССР вышел по производству промышленной продукции на первое место в Европе и на второе место в мире. Был создан экономический, научный, производственный и нравственный потенциал, который дал возможность нашей стране победить в войне самого сильного врага.

Само собой разумеется, что и цивилизованные страны в это время не стояли на месте, просто Советский Союз развивался многократно быстрее. Механизмы нашей плановой экономики работали в предвоенный период в 13,7 раза эффективнее механизмов рыночной экономики США и в 7,8 раза эффективнее рыночной экономики Англии. Равно как и в сравнении с царской Россией наше развитие получило в советские времена резкое ускорение. Иначе было нельзя, во всем чувствовалось явное приближение беспощадной войны, в

которой России снова придется вести битву за существование, причем снова – практически против всего мира. «Рост тяжелой промышленности осуществлялся невиданными доселе в истории темпами... СССР стал одной из трех-четырех стран, способных производить любой вид промышленной продукции, доступной в данное время человечеству. Беспощадный экзамен устроила советской промышленности война. И она его выдержала. Если в первую мировую войну России противостояли от 1/3 до 1/2 войск центральных держав, но она не смогла добиться решительного успеха, то во вторую мировую войну против СССР было брошено 2/3 – 3/4 вооруженных сил Германии и ее сателлитов, однако фашизм был разбит» [12].

К этому можно лишь добавить, что «новый курс» Ф.Д. Рузвельта по выводу американского общества из тяжелейшего кризиса был принят самым популярным президентом США XX века под впечатлением устойчивого роста советской экономики и базировался на повышении роли государственного регулирования [13].

Забота о хозяйственном развитии Дальнего Востока была унаследована советской властью от власти царской. Та же преемственность государственного строительства в регионе прослеживалась и в переселенческой политике.

Плотность населения здесь оставалась крайне низкой. К 1917 году у нас проживало немногим более 1,1 миллиона человек, в среднем 0,2 человека на квадратный километр. За годы довоенных пятилеток население Дальнего Востока выросло почти в три раза по сравнению с дореволюционным.

Постановление партии и правительства (1930 г.) дало мощный толчок развитию экономики в предвоенный период, что признается и последней предперестроечной Программой развития дальневосточной экономики [14]. И определило всю структуру и весь неповторимый облик нашего хозяйства.

И до самого конца советской власти одной из важнейших целей наращивания экономического потенциала Дальнего Востока провозглашалось обеспечение безопасности восточных рубежей СССР [15]. Более того, в документах высших инстанций в порядке прямого цитирования повторяется целепостановка постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК ВЦИК СССР 1930 года: «Одной из важнейших задач является создание экономической базы вооруженных сил страны» [16]. И далее: «В настоящее время в зоне Тихого океана усиливается концентрация экономических и политических сил. В этих

условиях повышение экономического потенциала Дальнего Востока является непременным фактором усиления экономического и политического влияния СССР в Тихом океане...» [17].

На рубежах страны создавалось и укреплялось военизированное региональное хозяйство казачьего типа, перед которым ставилась задача достижения хотя бы минимального самообеспечения продовольствием и предметами первой необходимости, а вовсе не экономической конкуренции с другими производящими регионами своей же державы, и уж тем более с заграницей. Представьте себе ситуацию: перед Запорожской Сечью поставлена задача – обеспечить эффективность хозяйствования как в Голландии! Вспомните только картину «Запорожцы пишут ответ турецкому султану» и вообразите казака за конторкой, подбивающего сальдо-бульдо! Или пришло из Москвы ценное указание, чтобы на Дону, где гулящая вольница живет как у черта на рогах, в тесном соприкосновении с дикой ордой, хлеб был дешевле канадского! За державу страдали русские люди и несли всяческие тяготы на передовой линии тысячелетней битвы за жизнь и независимость Родины, а вовсе не за доходы и прибыли. Во все века главным принципом нашей экономики была простая формула: «А нам нужна всего одна Победа, одна на всех, мы за ценой не постоим!»

И если бы хоть однажды от приграничных регионов власти потребовали самоокупаемости, то Россия не то чтобы не смогла укрепиться и расшириться, она бы вообще не возникла, а так бы и осталась Государством Московским в границах столичной, Тульской да Тверской областей, да и в этих-то рамках не уцелела бы, а была бы благополучно и незаметно поглощена кем угодно, кому не лень – Польшей, Швецией, тевтонами или турками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 234.

2. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 245.

3. *Попов В. П.* Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация)// Отечественные архивы. 1992. №2. С. 20–31.

4. *Сергей Кара-Мурза.* Интеллигенция на пепелище родной страны // Наш современник. 1997. № 1. С. 228.

5. *Баскин Л. М.* Сегодня – кочевка. М., 1974. 205 с.

6. История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 113.

7. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 133.

8. Справочные данные этого раздела приведены по книгам: *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. 288 с.; *Глухов С.* Что там, за горизонтом? Хабаровск, 1990. 96 с. (Книга представляет собой интервью журналиста С.А. Глухова с экономистом М. И. Леденевым); *Минакир П. А., Рензин О. М., Чичканов В. П.* Экономика Дальнего Востока. Перспективы ускорения. Хабаровск, 1986. 254 с.; *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. 56 с.

9. *Коган П. Д.* Девушка плакала... // Стихи. Воспоминания о поэте. Письма. М., 1966. С. 63.

10. *Гундаров И. А.* Столичный мэр обречен стать «левым» или проиграть // Зеленый мир. 1999. № 24–25.

11. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка? М., 2001. С. 257.

12. *Дмитренко В. П.* История России. XX век. М., 1998. С. 332–333.

13. *Коптюг В. А.* С позиции устойчивого развития // Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С.221.

14. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. 70 с.

15. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. С. 10.

16. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил

Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. С. 10.

17. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. С. 11.

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Вопросы входного контроля:

Отношение секретарей к дальневосточной проблеме:

а) патриотичное;

б) прагматичное;

в) безразличное;

г) продиктованное заботой об «общечеловеческой» цивилизации.

Экономическое развитие Дальнего Востока при секретарях:

а) максимально эффективное при имеющихся условиях;

б) слабое, недостаточное, не выдерживающее никакой критики;

в) деформированное, с уклоном в военизированные отрасли хозяйства.

Вопросы текущего контроля:

Унаследованность советской властью царских экономических и геополитических проблем. Еще раз возвращаемся к тем же двум вопросам Спиридона Меркулова:

Необходимость милитаризации хозяйства дальневосточных рубежей СССР в первой половине XX века:

а) опасность со стороны Китая;

б) Японии;

в) европейских держав;

г) все это – придуманные страхи.

Открытые или закрытые экономические границы?

а) открытые – это решение проблемы обеспечения продовольствием и рабочей силой;

б) закрытые – это решение проблемы русского денежного, промышленного, человеческого и военного присутствия России в регионе;

в) нужны регулируемые таможенные барьеры; пошлины должны быть близкими к запретительным.

Специфика тех же вопросов в период перед Второй мировой войной сравнительно с периодом перед Первой мировой войной. Соответственно в ряду нашего развития «Российская империя – СССР – РФ»: когда произошел разрыв патриотической традиции, на переходе от Империи к СССР или на переходе от СССР к РФ?

Вопросы выходного контроля:

НЭП и пятилетки на Дальнем Востоке, соотношение государственных и рыночных рычагов в развитии региональной экономики довоенного времени.

Коллективизация и индустриализация, создание новых баз тяжелой индустрии и оборонной промышленности в регионе.

Глава 7

ВОЙНА. ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФРОНТА

«Все для фронта, все для победы», – таким был краткий и предельно понятный лозунг экономики, хозяйства, всей жизни советских людей в период с 1941 по 1945 год. А понятным он был еще и потому, что в таком режиме жила вся Россия все тысячелетие существования своей государственности. Если жизнь русского народа вечно была под вопросом, то для того, чтобы этот вопрос снять, требовалось и вечное предельное напряжение, перенапряжение сил и возможностей человеческих и в ратном труде, и в труде по тыловому обеспечению фронта. Труд был героическим, труд был подвижническим, в условиях недоедания и нехватки любых элементарных жизненных благ, без которых и представить человека невозможно.

ВДАЛИ ОТ ЛИНИИ ФРОНТА

Вот несколько сценок из русского быта той эпохи, записанных Н.Ф. Милушовой со слов старожилов села Казакевичево, участников той великой битвы. Привожу отрывок из ее книги.

В тылу, куда ни глянь, повсюду работали женщины.

Дарья Григорьевна Азарова. В годы войны она, привлекательная девушка, работала в колхозе села Невельского. Шла куда пошлют. Сажала овощи, босиком – не для закалки, а от бедности – жала рожь и домой возвращалась с израненными стерней, кровоточащими ногами. Обмыв их чистой водой, спешно принималась за домашние дела, чтобы успеть на многочисленные вечерки. Современной молодежи и не понять, как можно в песне, в единодушном слиянии хора излить, облегчить и излечить душу, а с ней и тело. В сумерках

подступающей ночи протяжная, печальная мелодия сменялась задорной частушкой.

Нелегко давался девчатам тяжелый и для мужика труд на сенокосе. «Кто не косил, тот не испробовал сполна деревенской жизни», – говорит Дарья Григорьевна. Сенокос начинается в самой середине лета, в июле, когда стоит невыносимая жара, когда истекающее потом тело поедом ест неотвязный овод, жжет как огнем мошкара. Когда кажется, что нет конца полю и что боль в спине не даст сделать уже ни единого взмаха, и вдруг откуда ни возьмись открывается второе дыхание. И вспомнится, что от этого вот, твоего сегодняшнего труда зависит, переживет ли скот тяжелую зимнюю пору. К вечеру горели ладони от натертых мозолей.

Но еще тяжелее были лесозаготовки. При этих воспоминаниях Дарья Григорьевна глубоко вздыхает и вытирает уголком платочка набежавшую на ресницы слезу. Мама тогда говорила: «Девоньки, родные, выдержите ли, не знаю, но надо работать, надо». Уж более мужского труда для женщин не могло бы выдумать и районное начальство.

С первыми заморозками в правление колхоза приходила разнарядка на лесопункты поселков Матай, Полетное, Бичевая. И мама сновала по дому и собирала дочерей, приговаривая, чтобы трудились не хуже других, заботились друг о друге, никому не давали в обиду. До самой весны валили лес бригады со всех окрестных сел, и повсюду слышались крики: «Берегись!» – запросто могло и убить падающей лесиной.

Дарье с напарницей, такой же юной, как и она сама, поручили пилить бревна. И пила в их руках казалось такой длинной и неудобной! Но скоро взгляды изменились, пила стала удобной и послушной. На всех выдавали нормы выработки. Конечно, сильно уставала Дарья от постоянного напряжения, ныла поясница, болели руки. Иногда казалось, что уже и не разогнется. От стылой земли мерзли ноги.

На перекурах все спешили к костру. Казалось, что ноги откажут и не сможет она дойти до барака. Вечерами растирала обмороженные ступни. К тому же не хватало продуктов, особенно хлеба. Подъедали каждую крошку.

И как это можно было выдержать? Ведь каждое бревно, прежде чем распилить, надо было приподнять, перевернуть. Но преодолела все: и жгучий мороз, и обжигающий ветер, и полуголодные дни – и выполняла свою норму. Заготовленный лес, шпалы, доски и другой пиломатериал шел полностью на

военные нужды. И кто знает, может, не раз при наведении мостов боец-понтонёр Григорий Петрович Азаров брал в руки шпалы и доски, заготовленные его будущей невестой в далекой и родной дальневосточной тайге.

Зинаида Алексеевна Голубева. Она была с детства жилистой, потому что рано познала тяжелый труд на полях и сенокосах. В первые годы войны подала Зина заявление на учебу, когда набирали молодежь на военные заводы.

На оборонном заводе работали сотни девчонок, они вытачивали, начиняли бомбы и мины взрывчаткой. Отсюда, с Дальнего Востока, шли эшелоны с боеприпасами на все фронты великой войны. «Работали, как солдаты», – вспоминает Зинаида Алексеевна. С раннего утра подъем, построение, завтрак, наряды на работу. В цеха водили строем, так же как и на учебу и в столовую. Кормили очень плохо. И все как дара божия ждали посылку из дома с заветным куском домашнего сала. Знали, что не лишнее, необходимое высылали родные, отрывали от своего и без того скромного пайка.

Счет бомб и мин, сделанных Зиной, шел на тысячи. От плохого питания, утомительной работы заболели глаза. На какое-то время она потеряла зрение почти полностью. Такое случалось. Зину перевели на усиленное питание. С благодарностью вспоминает она, как помогали подруги, делились куском хлеба, а сами недоедали, голодали. А ведь смена тянулась по восемь-десять часов, приходилось ворочать нелегкие снаряды. Поправившись, Зина вновь встала в строй, на конвейер.

С трепетом ждали новостей с фронта, жадно внимая всем вестям про войну, про работу в тылу. Бывали и дерзкие по тем временам нарушения режима. Когда дневалила, а ночью чистила картошку, то потихоньку от командира, сговорившись с подругами, жарили ее, добыв к ней селедочки на закуску. Эта маленькое удовольствие грозило дисциплинарным наказанием.

Работала Зинаида в этом цехе до самого конца войны. В один из обычных дней неожиданно, хотя и знали все, что война скоро кончится, в цех вбежала женщина и кричит: «Женщины, девчата, война кончилась. Мы победили! Не надо больше мин!» Сколько радости было! Тут же остановили станки, и завод прекратил работу впервые за долгие годы. Сирена гудит, и все плачут. Но это были слезы радости. Вечером по всему Эльбану шло гулянье.

На следующий день Зинаиде и другим рабочим вновь пришлось встать за станки. Все понимали, что здесь будет новая война, и боеприпасы понадобятся уже совсем близко от дома. В августе 1945-го пришлось работать на строительстве оборонительных сооружений. «Одному богу известно, – говорит Зинаида Алексеевна, – сколько нам довелось перекидать земли и в дождь, и под палящим солнцем».

Война с японцами была быстротечной. После нее Зинаида продолжила работать на заводе. Лишь в 1947 году она вернулась домой повзрослевшей женщиной, за плечами которой был неимоверно тяжелый труд во имя победы над врагом. И великая наша Победа была и ее победой.

Марина Васильевна Крепак. В военные годы на полях Приморья колосился богатый урожай зерновых. Во время уборки милиционер на посту следил, чтобы не было хищений. А когда видел, что руки уже не держат серпы, командовал: «Серпы в воду, косите косами!» Работали до глубокой ночи, при свете фар и костров.

Познакомилась Марина Васильевна и с сенокосом. Когда метали стога, а на эту работу ставили в обычные годы самых сильных, самых жилистых мужиков, поднимали девушки по многу центнеров сена. К вечеру опухали руки, дрожали ноги, безжалостно ныла спина. А дома оставались дети, которых надо было бы вовремя накормить, да и свой огород ждал внимания хозяйки.

В весеннюю страду выходили на поля целыми семьями. Тех, кто отказывался от работы, привлекали к ответственности как врагов народа. А осенью убранный хлеб почти весь отправляли в заготконтору в район, на трудодни же выдавали буквально по краюшке на человека, чтобы не умереть с голоду.

Но самая тяжелая доля выпадала женщинам на лесозаготовке. Колхозам спускали план, и когда заканчивалась уборка, все трудоспособное население отправляли в лес, с пилами и топорами, с узелками провизии. Жили в бараках. На деляну шли с песней, а к вечеру мозг сверлили одна мысль: «Скорее бы добраться до нар, обсушиться, поесть что бог послал и поспать».

Приходили в обледеневших валенках и брюках, которые прямо колом стояли. А однажды после дождя ударил сильный мороз. Обувь вымокла, ноги примерзли к валенкам. Еле дошла до барака. Ноги сводило судорогой, от боли хотелось кричать.

Пока оттаивала их и отогревала, не отступал страх, что отморозила насовсем. Но обошлось.

Женщины валили огромные лесины, обрубали сучья, которые жгли в кострах, распиливали стволы и стаскивали их в штабеля на просеке. И поднимали при этом тяжеленные сырые бревна. За весь труд платили в колхозе трудоднями, к ним получала Марина Васильевна детские пособия, а самих детей за время войны видела очень редко, они знали, что мама на работе.

Заведовала фермой. Ветхие, промерзшие сараи. Тяжело было смотреть на исхудавших коров и телят, давила сердце тревога, – а выживут ли они? Кормов не хватало, падёж был очень большой. У полуживой животины и взгляд был каким-то застывшим. Часто приносила она из своего пайка корочку хлеба, снопок сена из дома, чтобы хоть чуточку поддержать животное. И бывало, что, повоевав за корма с начальством, горько плакала от беспомощности. Из района привезли телят, а кормить их оказалось нечем. К военным невзгодам добавлялись погодные. Сильное наводнение затопило пойменные луга. Кормов собрали мало. Пришлось Марине Васильевне раздавать телят по домам, односельчане кормили молодняк из своих скромных запасов.

В конце войны, по ранению, вернулся с фронта муж. Ушли с ним работать на пасеку. Здесь она и узнала, что кончилась война. Задыхаясь от радости, обежала Марина Васильевна почти всех односельчан, стучала ночью в окна и собирала людей в клуб. На митинге было столько радости, что все лишения позади, а сколько слез пролили те, в чьи дома родные уже не вернутся!

Мария Кузьминична Будильник. Приехала на Дальний Восток в 1940 году по комсомольской путевке. Вышла замуж и стала работать бухгалтером-кассиром в большом радиоцентре у поселка Черная речка. А муж ушел на действительную военную службу. Вся деятельность центра относилась к разряду секретных. В бункерах под землей посменно несли вахту телефонистки. Духота, вентиляции не было. Иногда женщины теряли сознание. В связи с вечной нехваткой кадров на долю Марии досталось обслуживание четырех участков. В 1941 году перед самой войной появляется у нее дочурка Зина, которую приходилось оставлять в яслях и бежать на работу, надеясь, что с ней будет все в порядке.

В Хабаровске Мария получала деньги, хлебные карточки, продовольствие со складов. Автобус тогда до радиоцентра не ходил, и до города надо было добираться пешком или на попутных машинах.

Однажды в студеный, лютый февраль послали Марию в управление за деньгами и карточками. Туда она доехала на машине, а на обратном пути шофер ее не дождался. Что делать, ночевать с драгоценным и долгожданным грузом или в сорокаградусный мороз идти пешком? Поднялась метель, снег залеплял лицо. Но она знала, что должна дойти, ведь дома ее ждет малютка, а на радиоцентре люди не получат хлеба: карточки – это жизнь.

Ноги увязали в сугробах по колено. Но едва остановившись, она чувствовала, как веки смыкает сон. Мария знала, что нельзя поддаться слабости. Так хотелось присесть, отдохнуть, но это означало вмерзнуть в сугроб и никогда уже не увидеть дочку. А двигаться–значит жить. Когда руки переставали чувствовать тяжесть сумки, она понимала, что это подбирается неотвратимый конец. Заставляла себя встрепенуться и идти, идти дальше во мгле ночи и метели, и для подкрепления решимости она представляла себе лица самых нуждающихся подруг, в семьях которых нет уже и крошки хлеба. И отступала слабость, исчезал страх.

Наконец, Мария увидела антенны. Едва передвигая ноги, добрела она до дома начальника станции Петриченко и упала через порог. Все были поражены, никому и в голову не приходило, что можно было дойти в такую погоду. Но она дошла и доставила без потерь все документы и деньги. До собственного дома ее вели под руки, ноги отказали. А там ждала соседка, она присмотрела за квартирой, и на столе стоял не успевший остыть ужин, а в кроватке мирно спала дочь.

Тепло вспоминает Мария Кузьминична о сплоченном коллективе радиоцентра, о том, как люди от всей души заботились друг о друге. Вспоминает, что такие победы над собой ч над обстоятельствами ей приходилось одерживать потом еще не раз.

Постоянно ждала от мужа писем, в которых он писал, чтобы берегла малютку, берегла себя. Не одну пару валенок протерла Мария на дороге до Хабаровска и обратно. И за всю войну лишь одна запись стояла в ее трудовой книжке – принята на работу 12 мая 1941 года, уволена 16 июля 1946 года.

Мария не знала, что во время войны она была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Елена Александровна Сухарева. Елена работала в Хабаровске на табачной фабрике, которая эвакуировалась из блокадного Ленинграда.

Все планы и задания Елена выполняла. Долгое время занималась самым пыльным делом : рубила табак. Противогазов не хватало. Невозможно было укрыть лицо от ядовитой пыли, которая пропитывала, казалось, все тело, разъедала глаза. Першило в горле, часто душил кашель, воспалялись глаза. Многие девушки не могли выстоять на конвейере и двух-трех часов, угорали, теряли сознание, их выносили на свежий воздух. Зато здесь давали соевое молоко, 600 грамм хлеба и еще 200 грамм сахара. Лишь в конце войны фабрика перешла на выпуск папирос. На папиросном конвейере работать было намного легче. Он был полностью механизирован.

В 1944 году вместе с братом завербовалась на Сахалин. На рыбозаводе в Пильво солила рыбу. Весной собирала в окрестных лесах папоротник, осенью – грибы. Здесь и встретила долгожданную победу. Радости было много, да и слез тоже. Тыловые подвиги Елены Александровны отмечены медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Елена Ивановна Бадина. Жила в селе Октябрьском, где с давних лет добывали золото. В войну тамошний колхоз в основном выращивал зерновые. Сев проводили с помощью сеялок, а вот убирать приходилось вручную. Техники не хватало.

Серп требует осторожного обращения, можно пораниться от любого неловкого движения. Борьба шла за каждый колосок. Жницы ловко срезали пучки стеблей, укладывали в сноп, перевязывали его и ставили в суслон. К вечеру спина становилась уже такой согбенной, что и не разогнешь, зато хорошо был виден позади весь результат дневного труда. И едва хватало сил взобраться на телегу, чтобы ехать домой. И все же к ночи вся молодежь стекалась в клуб – повеселиться и отвлечься от забот и хлопот. И по поселку звучали протяжные казачьи песни.

В 1943 году стране срочно понадобилась нефть на Дальнем Востоке. Елена пошла на буровую, не прислушавшись

к маминым сетованиям, мол, и тайга глухая, и здоровьем ты не вышла, и буровые свечи тяжелы, и сил у тебя нет. Ответила: «Мама, ведь есть девушки намного слабее меня». И уехала.

Обучали девушек прямо в деле, непосредственно на добыче. А потом и последних мужчин забрали, и все полностью доверили женскому коллективу, да старый мастер при них. По старинной традиции умывались первой своей нефтью, плясали от радости. И полилась она, родимая, в район на перерабатывающий завод и дальше на фронт. Нефть связала их с фронтом черной тягучей жилой.

Работа была нелегкой. Плохие дороги, можно сказать, бездорожье. На колдобинах и промоинах зачастую застревал транспорт с грузом, в основном, буровыми трубами. Приходилось перетаскивать на себе эти штабеля металла. Летом донимал гнус. По вечерам снимали с себя множество клещей, а о прививках не было и речи.

Работала Елена Ивановна младшим помощником мастера. Устанавливала трубы в свечу, крепила их. А для этого требовалась и сила и сноровка. После смены спешила поскорее снять пропитавшуюся мазутом и нефтью робу, тяжеленные кирзовые сапоги и тут же валилась на нары, чтобы выпрямить спину и вытянуть ноги. А назавтра – снова на смену. И так изо дня в день.

Хлеба не видели месяцами. Но тяжелее всего была работа в зимнее время, когда ладони примерзали к металлу и сильно стыли руки и ноги, вечно мокрые от промывочной воды. Но что же поделаешь, погрелись и – снова на вышку к свечам. Да мечтали о приходе весны. А уйти с работы считалось во время войны дезертирством и подлежало соответствующему наказанию. Помнится все: и слезы от усталости, от бессилия, от холода, иной раз приходилось спасать обмороженные руки и ноги. И еще страшнее, чем работа, были дикие звери. Но к утру страхи и горести забывались, и все снова спешили на вышку.

Но однажды все кончилось: и колючие зимы, и непроезжие дороги, и неподъемные буровые свечи. Пришла Победа.

Раиса Петровна Манжуло. Предвоенное и тяжелое голодное время войны пережила Раиса в родном Бугуруслане. Услышала от подруг, что набирают на курсы кочегаров в трест «Восток-Нефть». По завершении обучения была направлена в кочегарку, работавшую на дизельном топливе. В войну работали в четыре смены. Питались очень скудно. До-

полнительно к пайку получали за вредность килограмм хлеба и литр молока. В это время Раиса Петровна вступила в партию и стала профоргом.

А с фронта эшелонами привозили в котельную на стирку солдатские шинели, фуфайки, ватные брюки. Тяжело было брать их в руки, от них пахло смертью, и по швам гнездились вечные спутники войны, вши. Многие из вещей побывали с хозяином в боях. При виде засохшей, побуревшей крови, оторванного рукава или дыры на уровне груди сразу одолевали невеселые мысли, слезы наворачивались на глаза. Женщины все тщательно пропаривали и иногда, оставаясь после смены, аккуратно чинили дыры.

Работали без аварий, слаженным, крепким коллективом. За этот труд Раису Петровну в 1943 году наградили теплой фуфайкой, которая в годы войны была настоящей роскошью. А в следующем году наградили уже шерстяным отрезом, и она сшила себе красивое платье. После смены вязали вместе с мамой носки и варежки, собирали их в посылку и отправляли на фронт. В домашнем хозяйстве держали кур.

Здесь, в Бугуруслане, стояла летная часть. Как всякая девушка Рая мечтала о хорошем парне, с которым можно было бы разделить и радость и горе. Влюбилась она в высокого, стройного летчика с пышной шевелюрой. А с фронта, как всем девушкам тыла, ей шли письма по заочному знакомству. Переписывалась она с незнакомым солдатом. Ему, Ване, дал адрес Раи ее брат, с которым он воевал. Не писать она не могла, боялась расстроить бойца. И все пять лет он писал ей удивительные письма – здесь были строки не только о боевых действиях, но и о своих чувствах, о благодарности девушке, которая скрашивает ему тяжелую военную жизнь. И, конечно, не раз он объяснялся ей в любви. Но ее сердце принадлежало уже другому. И об этом Рая сообщать Ивану, конечно, не стала.

Неожиданно Дмитрия оставляют в Бугуруслане в должности коменданта города. Лишь с открытием второго фронта Раю и Дмитрия разлучила война. А после победы летчик Дмитрий Иванович Манжуло спешит к своей невесте, в надежде, что боец Иван не опередит его. И едва они зарегистрировали свой брак, как на работу к ней явился демобилизованный Иван. Конечно, был он очень сильно огорчен, но обиды на Раю у него не было. Благодарен был солдат девушке за ее письма, такие желанные и долгожданные, они на фронте согревали его душу, лелеяли в сердце

прекрасную мечту о любимой, которой у него еще не было. Погоревал по-мужски, затем простился и вернулся на родину.

Елена Андреевна Шалаева. Елена Ковальчук родилась в селе Невельском. Переехала в Казакевичево и тут устроилась на работу к пограничникам, в овощехранилище. В 1938 году вышла замуж за местного жителя Андрея Дмитриевича Шалаева. Уж больно по душе пришелся ей этот юноша. В 1939 году появилась на свет дочь Людмила.

22 июня 1941 года Лена была дома и по радио услышала голос диктора Левитана: «Началась Великая Отечественная война. Родина в опасности!» Сердце сдавило от предчувствия непоправимой беды. А тут еще совсем недавно разрешилась сыном, несказанно порадовав своего мужа. Что будет? Ведь Андрея заберут на фронт. Он так и сказал: «Надо, мать, я должен защищать Родину и тебя, любимая, с детьми». А в военкомат уже несли наши сельчане свои заявления с просьбой отправить их на фронт.

В этот день они отправились втроем – Андрей Шалаев, Богородов, Ткачев – и были зачислены в одно отделение. Вместе попали на фронт, вместе и приняли боевое крещение. Служили в пехоте. Попали в окружение. Отстреливаясь, отошли к заброшенному дому и спрятались в подвале. Здесь при сорокаградусном морозе просидели всю ночь. Только на следующий день, полузамерзших, их нашли наши солдаты. Все трое попали в госпиталь с сильными обморожениями конечностей. Двоим сразу же отрезали пальцы ног. Но Андрей не согласился на ампутацию и был списан из армии.

Около года пролежал в госпитале. Вернулся в Хабаровск и боится ехать домой. Мрачные мысли одолели его: «Да нужен ли я жене и детям, такая обуза с гниющими ногами...» К Елене Андреевне на работу приехал офицер из военкомата и спрашивает ее: «Лена, вы возьмете своего мужа?» «А как же, обязательно», – ответила она и заплакала от страшного предчувствия. Металась в догадках и успокаивала себя, – был бы живой, хоть раненый, контуженный, без рук, без ног, но он же мой, родной. – «Не испугаетесь?» – «Нет», – ответила она и побежала домой собираться в город за мужем.

В военкомате увидела его, и сердце остановилось. Сидит Андрей, худенький, выболевший. Окинула взглядом – вроде все на месте. Но лишь посмотрела на ноги, сразу поняла, что с ними какая-то беда. Обут был муж в бурочки, сшитые вручную из ватника.

Кинулась к нему, со слезами, конечно, не сдержалась. А он с вопросом: «Как дети? Возьмешь меня?» Своим поцелуем дала понять, что он ей так же дорог, как и раньше, как всегда. Как изменился его взгляд! Слова любимой рассеяли его тревожные мысли. Приехали домой, дочь Людочка кинулась на шею: «Папа вернулся!» А сын Толя пробурчал: «Мой папа воюет!» Ведь он не знал отца, появился на свет перед самым его уходом в армию.

Ноги еще долгое время болели, и Елене Андреевне приходилось еще больше зарабатывать, чтобы хватило и на лечение.

Шли годы, здоровье постепенно шло на поправку, Андрей стал работать в колхозе. Помогал ветеринару лечить коров, лошадей. Стал печником, к нему шли все, кому надо было поправить старую печку или при строительстве дома сложить новую. Андрей был мастером своего дела.

Когда почувствовал, что ноги стали надежнее, поступил в рыболовецкую бригаду, долгое время бороздил реки, выполняя планы по заготовке рыбы. И в этом деле тоже стал мастером. Знал, как и где надо поставить сеть, в какой тоне лучше ловить осеннюю кету. Какие-то навыки он получил по наследству от своего деда и других старых рыбаков.

А Елена Андреевна всю свою жизнь проработала в полеводстве и на огородах родного колхоза, в овощехранилище воинской части, на разделке и засолке рыбы. К любому делу она относилась добросовестно и ответственно.

Ирина Васильевна Шуткина (Бацанова). О войне, как и все сельчане, услышала по радио. Тогда почти в каждом доме висела черная тарелка радио. Почти взрослая, Ирина серьезно восприняла ужасающую новость. С первых дней село стало провожать на фронт мужчин, одного за другим. И за первый же год их, здоровых, почти не осталось. Идешь по улице, а во дворах одни старики да женщины с детьми. В это время в Ильинке в МТС объявили набор на курсы трактористов. С утра с Машей Ипатовой пошли они в правление и попросили направить и их тоже.

После шестимесячной учебы они уже сами, как заправские специалисты, привели трактора в свой колхоз. Пахали умело, так как знали каждую выемку и каждый взгорок на своих полях и огородах. В Свободном пахали под пшеницу и огороды, в Грязном Криуне – под гречиху, в Муине распахивали под картошку.

Весной и осенью девушки не уходили с поля от рассвета до заката. Их трактора, а Ирина и Мария работали на «Универсале» и ХТЗ, стали словно ручными, не доставляли особых хлопот, не ломались. Зимой на них возили удобрения на поля, и сено через реку по ледовой дороге. Работы трактористки не боялись, свои машины любили. И так все пять военных лет.

За свою нелегкую работу Ирина ежегодно после жатвы получала несколько килограмм третьесортной пшеницы, в которой было больше семян сорняков. Но и этой горстке все ее семейство было очень радо. Ее мама Евдокия Мироновна тут же шла к соседям Азаровым и на их жерновах молола зерно. И к Рождеству пекла такие вкусные оладьи! Сестры и братья получали много радости от редкостного этого лакомства. Они гордились Ириной.

Заслуги Ирины Васильевны не остались незамеченными, Родина наградила ее медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Ефросинья Поликарповна Чернова. Работала прачкой на местной заставе. Четверых детей надо было кормить. А чем топить печку в долгие зимы? Сама возила мама дрова из лесу на саночках, сама пилила и колола. Так как их семья не состояла в колхозе, то им не дали надела земли, а от налогов не освободили. Приходилось выкручиваться. Маленькую зарплату надо было растянуть и на пропитание, и на выплату налогов деньгами, так как натурального продукта не было. На клочке огорода она старалась вырастить хотя бы зелень, чтобы у детей были витамины.

Стирала очень много, белье привозили с Уссурийской заставы. Зимой в прачечной было холодно. На ноги ей выдали валенки без калош. А на полу повсюду сырость, вода, валенки намокали, ноги стыли и замерзали. После стирки белье штопала. Однажды начальник заставы увидел, что она еле поднимается в гору, ноги не слушаются и исхудала вся. Выделил несколько килограмм муки и овсяной крупы. Вот счастья-то было! «Сварю кашу, дети радуются, а у меня на сердце тяжело, ведь не надолго хватит, чем же дальше кормить?» Давали иногда остатки пищи из солдатской столовой. А летом заставляли всех идти на отработку налогов. Давали положенные сотки картошки, кукурузы. Но здесь уже вовсю помогали дочери. Иной раз сама уходила в прачечную, а девчонки шли работать на поля.

Старшей было четырнадцать лет. В войну направляли на учебу в ФЗО несколько девчонок, в их число попала и ее Ксения. Училась на помощника машиниста, по окончании работала в Бикине на паровозе. Возили на поездах грузы разные: лес, боеприпасы, продовольствие, военную технику. Паровозы поновее и покрепче стали отправлять на фронт.

Хлебнула горя пятнадцатилетняя Ксения! Ей пришлось, как настоящему кочегару, мужчин практически не было, бросать уголь в топку. За одну поездку надо было перекидать лопатой двенадцать тонн. Наплачешься. А помощи ждать неоткуда. Кочерга для паровозных топок чугунная, тяжелая, еле удерживаешь в руках, да не всегда и удержишь, иногда от усталости выпадала она из девичьих рук. А нагнешься к огню чуть поближе, вспыхивает шапка. Не раз загоралась на кочегаре и телогрейка, тлела вата от искр. Да еще топку по приезде надо было очистить от золы.

После ездки вид был страшный: вся в саже, одежда обгоревшая, клочками с фуфайки висит вата, руки черные от золы и угля, на ладонях кровяные мозоли. Не раз писала маме, – убегу, не выдержу. Но та в письмах строжайшим образом наказывала: «Терпи, дочь, война, не одна ты так работаешь. Нам тоже не сладко». А прислать что-нибудь поесть у мамы тоже не было.

С поездки вернешься, только прикорнула на нарах, забылась тяжелым сном, как уже: «Чернова, в поездку!» А до отправления надо привести в порядок котел и тендер, куда тут же загружают уголь. Все-таки неокрепшее девичье тело не выдержало таких перегрузок. Помогло письмо, что мама лежит в тяжелом состоянии в больнице, а дома под присмотром соседей остались сестренки и они нуждаются в помощи. Ксения долго не колебалась, в чем была, в том и поехала домой. Знала, конечно, что за такой «подвиг» ее накажут. Время-то военное. В колхозе ее лишь только увидели, так и решили, раз мать в больнице, то она должна отработать штраф в колхозе – три месяца бесплатно. Только тогда ей выдали паспорт.

Кем только в войну ни работала Ксения: и счетоводом в колхозе, и в кочегарке воинской части, вела делопроизводство в школе и из года в год выходила летом на колхозные поля. Жала рожь, овес. Не раз ранила серпом и без того болевшие руки.

Долгожданную победу встретила на работе. Все бегали по селу и кричали: «Ура, война кончилась. Конец фашистам! Все к клубу!» Народ собрался на митинг, радовался и плакал. Труд

Ксении и Ефросиньи Поликарповны Черновых тоже обеспечил нашу Победу, одну на всех.

...Колхоз продолжал существовать, даже во время войны работали радио, телеграф и телефон. На вершине самой высокой сопки стояла небольшая часть по спецсвязи. И там, среди глухой тайги и дикого зверья, в заповеднике комаров и оводов, служили девушки. Раз или два в неделю они спускались в село за продуктами. И в свободное от дежурства время спешили на огонек. В клубе молодежь собиралась на вечеринки и танцы, на концерты самодеятельности и постановки пьес. Здесь играла гармонь, пели песни, исполняли частушки. Работала изба-читальня, школа. Правда, когда не хватало учителей да во время сильных морозов, занятия в ней не надолго прерывались. Школьники сами заготавливали дрова для школы. Старались наловить побольше рыбы, она была серьезной добавкой к скудному военному питанию. Ловили круглый год и всеми способами : сетями, вентерями, удочками.

За первый год войны колхоз, лишенный практически всех трудоспособных мужчин, не снизил урожайности ни на один килограмм. А ведь было и много сторонних работ по необходимости военного времени. Никому и в голову не приходило отказываться, отлынивать. Все чувствовали себя как солдаты в бою. Понимали, что живут на переднем крае, на границе. А там, за условной линией, строились и усиливались укрепрайоны и блокпосты. Наши односельчане знали, что японцы в любую минуту могут напасть. Поэтому в свободное от работы время помогали пограничникам, были бдительны, сами следили за границей. Вместе с ними заготавливали овощи, доставляли дрова с лесных делян, стирали им белье. Каждый житель был частым гостем на заставе и знал все проблемы и задачи пограничников.

Во время войны исправно работала сельская больница, в ней вели прием несколько врачей. Кроме обычных болезней мирного времени, много забот доставляли особые заболевания: голодное истощение, чесотка, вшивость.

А самым радостным событием было, конечно, появление новорожденных, в основном тех, чьи отцы недавно ушли на фронт. И как ни тяжело было женщинам поднимать, растить малышей, но они, несгибаемые русские матери, старались любой ценой сохранить свое будущее, свою надежду и радость.

И фронтовики, зная, что супруга вот-вот родит, писали теплые, наполненные заботой письма:

«Лена, милая, дорогая, береги наших детей Людочку и Толика». Андрей Шалаев.

«Милая Евдокия, прошу, умоляю, вырасти сына во что бы то ни стало и как бы трудно ни было. Вы у меня одни, самые дорогие». Павел Жебо.

Такие письма получали наши женщины. Но многие не дождались мужей. Буквально вслед за письмом, в котором Павел Жебо просил, чтобы жена берегла сына Валерия, домой пришла похоронка. А затем черная весть не обошла и семью Павла Стана, Ефима Савченко, Ивана Яцыка... Стон и плач разносились по селу. Как жить, где найти силы? И все же жили, и находили силы, потому что нет на свете силы, которая пересилила бы русскую силу. В этом правда нашей Родины.

Вот так она и выглядела в реальности, мобилизационная экономика времен войны.

СОЗИДАНИЕ ПРОДОЛЖАЛОСЬ И В САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В первые же месяцы войны немцы захватили территорию, на которой располагалось 70% промышленного потенциала СССР. К концу 1941 года советское промышленное производство уменьшилось в 2,1 раза: прокат черных металлов в 3,1 раза, производство подшипников в 21 раз, прокат цветных металлов в 430 раз. И как неизбежное последствие – производство советского вооружения снизилось в несколько раз.

С июля по декабрь на новое, безопасное место вдали от линии фронта было передислоцировано 2593 предприятия. Сразу после выгрузки из вагонов станки устанавливали на фундаменты, и они начинали работать, а потом вокруг них возводились стены цехов. И в декабре падение производства прекратилось, с марта 1942 года начался его быстрый рост. В том же году Советский Союз превзошел Германию по производству танков в 4 раза, самолетов – в 2 раза, артиллерийских орудий и стрелкового вооружения – в 3 раза. К тому же это было оружие, превосходящее по своим боевым характеристикам немецкое, вспомним только танк Т–34, самолет–штурмовик Ил–2 и знаменитую «Катюшу».

Причиной было превосходство сталинской «командно-административной», как ее назвали впоследствии, системы управления перед всеми прочими системами государственного управления. И суть ее состояла в том, что она связала воедино живое творчество, вдохновенный, подвижнический труд народа и железную исполнительскую дисциплину аппарата. Вот какой пример приводит профессор Ю.В. Качановский, кавалер боевых орденов, закончивший войну командиром батареи 76–мм пушек, сопровождавшей пехоту в ее непосредственных боевых порядках.

Сталин вызвал в Кремль Н.К. Байбакова, высокопоставленного деятеля Совмина:

– Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. Имейте в виду, если это случится, то будет очень плохо для вас. Поэтому я вас предупреждаю, что если вы оставите хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем. Но если вы уничтожите промыслы, а немец не придет и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

Надо было напрячь всю волю, все аналитические способности и всю интуицию, чтобы правильно решить поставленную задачу. И она была решена – нефтепромыслы были взорваны перед самым захватом этой территории вермахтом [1].

В самые тяжелые годы войны, когда основные индустриальные и аграрные районы страны оказались оккупированными, вся тяжесть тылового обеспечения фронта легла на Урал, Сибирь и Дальний Восток. Наш регион обеспечивал большую часть уловов рыбы, около 3/4 морских грузоперевозок Советского Союза. Сюда шел значительный поток американских поставок по лендлизу, действовали воздушные мосты по перегону американских боевых самолетов. Много в наших самых труднодоступных уголках и сейчас осталось американской железной сетки, брошенной прямо на землю – на песок, на вязкий грунт, на расчищенные от пней и сучьев лесные деляны, это были комплекты для оперативного обустройства взлетно-посадочной полосы полевых аэродромов. Отсюда летали и сами американцы бомбить японские позиции на Шумшу и Парамушире.

Много крупных оборонных предприятий, прежде всего Комсомольска-на-Амуре, работали в предельно напряженном

режиме, выпуская самолеты, корабли, подводные лодки, боеприпасы для действующей армии. В тайге добывали золото, и несмотря на все трудности военного времени, не только не снизили, а даже увеличили добычу драгоценного металла. В 1942 году началась добыча золота на Индигирке, а спустя два года здесь пришлось уже создавать Индигирское золотопромышленное управление. В самом конце войны было открыто крупное Хинганское месторождение олова.

На оборонных предприятиях и раньше, даже по мирному расписанию, не хватало квалифицированных кадров, а в военное время большая часть мужчин была мобилизована на фронт, и со специалистами, равно как и с подсобными рабочими, положение стало совсем катастрофическим. Конечно, ключевые фигуры на производстве, без которых выпуск военной продукции был бы невозможен, получили «бронь», как тогда говорили, они были оставлены на заводах. В основном же работали женщины и подростки, все давалось ценой величайшего морального и физического перенапряжения.

К станкам встали мальчишки, выпускники или даже еще ученики ремесленных училищ. Им не хватало роста, чтобы дотянуться до суппорта, и для них пришлось делать специальные деревянные подмостки, чтобы обеспечить им возможность нормально работать. Несовершеннолетние таскали на себе кислородные баллоны, листовую сталь и профильный металл, что по нормам мирного времени не поручают даже взрослым. Да и на станочной работе приходилось за смену обрабатывать по 250–300 тяжеленных чугунных снарядных болванок, шершавых, сдирающих кожу с рук. На пальцы для защиты приходилось натягивать детские соски, бинтовать руки. Но полуголодные подростки выполняли взрослые нормы на 150–180%, а в отдельные дни перекрывали и двойную норму. «Сутками порой не выходя из цеха, мечтая лишь о полном разгроме ненавистного врага, мы и не помышляли о каких-то наградах, считая свой труд обычным в военных условиях», – писал в 1986 году Н. Маликов, ветеран труда завода имени Ленинского комсомола, бывший бригадир ударной фронтовой бригады [2]. Работали в недостроенных цехах, где зимой гулял ветер, в одежке на рыбьем меху, а валенки сплошь и рядом были одни на целую бригаду и носили их по очереди.

Согласно приказу восьмичасовой рабочий день был увеличен по нормам военного времени на три часа для всех, кроме кормящих матерей. Были отменены всякие отпуска, работа в выходные дни стала обычным явлением. Но и этот сверхдлинный рабочий день трудящиеся часто продлевали по собственной инициативе еще на три-четыре часа. Из цехов не уходили до тех пор, пока не выполнялось сменное задание. Недоедали, недосыпали, часто ночевали прямо у станков. Для работающих сверхурочно выдавалось по особому списку прямо у корпуса судна по пять штук пирожков.

Беда была и в том, что многие заводы, поставлявшие в мирное время комплектующие детали и инструменты, остались на оккупированной территории. Пришлось налаживать собственное производство, создавать целые цеха, не предусмотренные первоначальным проектом, и это при том, что даже для штатной продукции не хватало механизмов, арматуры, материалов, да чего и говорить – всего не хватало! В январе 1943 года механический цех Амурского судостроительного завода выдал первую продукцию. С августа 1941 года предприятие стало получать задания по изготовлению боеприпасов и военной техники, в частности, корпусов для фугасных авиационных бомб, опорных плит для минометов, броневых щитов. Выпускали и другие изделия, совсем не соответствующие профилю завода, например, тракторные запчасти, цепи для комбайнов. Ведь и многие заводы, выпускающие мирную продукцию, тоже были выведены из строя.

Вот одна только из многих экономическая история военного времени. История одной детали. Гребные валы в виде грубо обработанных заготовок лежали под руинами завода «Баррикада» в Сталинграде. Моряки Волжской флотилии вытащили их из-под обломков и переправили через Казань на «Уралмаш», где для обработки этих валов термические печи были специально удлинены на 12 метров. И только после этого они были перевезены в Комсомольск для окончательной доводки и сборки.

И технический прогресс на заводе не замер, а получил еще больший импульс. Именно тогда в судостроении стала широко применяться электросварка, разрабатывались методы сварки меди и никеля, бронзы и чугуна. Для закалки броневых щитов по технологии требовалось использовать растительное масло. Инженер М.М. Андрейшин, подобрав нужный

температурный режим, добился хорошего результата, закаливая щиты в воде. Была опасность за нарушение инструкции попасть под суд по законам военного времени, но испытания на полигоне показали полную непробиваемость щитов. Зато целая цистерна растительного масла была выдана рабочим завода по карточкам. Вот это был результат!

В 1944 году судостроительному заводу имени Ленинского комсомола поручили в кратчайшие сроки построить два железнодорожных парома, каждый из которых способен был принимать на борт полный железнодорожный состав; уже планировалась новая военная кампания против Японии, для которой требовалось перебрасывать войска и технику и маневрировать резервами. 31 июля 1945 года первый паром был принят государственной приемной комиссией. 8 августа советские войска начали наступление на японскую армию по всему Дальневосточному фронту. Паром перебросил с левого берега Амура на правый около 400 паровозов и свыше 3 000 вагонов с грузами, а также основную массу десантных войск для Южного Сахалина и Курильских островов [3].

К концу войны завод имени Ленинского комсомола превратился из сборочной верфи в комплексное судостроительное предприятие с самым высоким на Дальнем Востоке производственно-техническим потенциалом.

Вопреки всем трудностям успевали строить и дороги. Достраивали восточное крыло БАМа – дорогу от Комсомольска до Советской Гавани через Кузнецовский перевал на хребте Сихотэ-Алинь. А вот рельсы с уже построенного первого, довоенного БАМа были сняты, вывезены на запад и использованы для строительства рокадной дороги по левому берегу Волги к Сталинграду – для транспортного обеспечения будущего наступления в великой Сталинградской битве.

Проложены были железнодорожные пути от станции Известковой на Транссибе до Ургала на БАМе, нефтепровод Сахалин – Комсомольск, построены много новых предприятий, в том числе завод «Амурсталь».

В годы войны Дальний Восток не имел приоритетов в распределении капиталовложений. И потому темпы промышленного роста здесь оказались ниже, чем в целом по стране – 9% в год, при 12,3% в среднем по Советскому Союзу. На территории нынешнего Хабаровского края выпуск промышленной продукции увеличился за годы войны на 43%, а оборонной продукции в 3,5 раза.

И уже после Победы, в разгар «холодной войны», пришлось нашей оборонной промышленности выполнять заказы стратегического характера. Для освоения Северного морского пути требовались транспортные суда ледокольного типа. Их поставляли голландские фирмы, но под давлением правящих кругов США и НАТО они отказались продолжать поставки. Тогда и поручили заводу имени Ленинского комсомола построить ледоколы. С этого заказа и ведет начало серия судов типа «Капитан Бондаренко» водоизмещением 14 200 тонн и длиной по ватерлинии 133 метра [4].

...И вот мои личные впечатления от бесед с бойцами трудового фронта. Едем недавно в поезде с друзьями на таежный промысел – собирать бруснику. Попутчиком оказался крепкий суровый дед. Разговорились. Деды – они же все мудрые. И словоохотливые. Понимают, что их жизненный опыт необходим младшему поколению и надо успеть его передать, не в могилу же с собой его уносить!

Зашла речь о военных временах. Не воевал дед на фронте. Как уникального специалиста, посадили его «на бронь». Знатоки леса были нужны фронту не на передовой линии – в лесу. Один из немногих, из очень немногих, умел дед находить в чащобе еловые кряжи, такие стволы, в которых минимум на три метра от комля нет ни единого сучка и к тому же слоистость древесины идеально прямая. Такие кряжи распластывали топором и клиньями на бруски, из которых далее вырезали, вытачивали винты для легкомоторной боевой авиации. Найденные бревна поштучно, срочно вывозили на ближайший склад и далее со всеми предосторожностями, чуть ли не с почетом препровождали на соответствующие заводы. В трескучие морозы шли по таежным трущобам без остановок, ни на минуту не глушили тракторные моторы, иначе не заведешь потом перемерзший двигатель, а это – невыполнение приказа, со всеми полагающимися карами по законам военного времени. Но главное было не в страхе перед наказанием: на фронте гибли люди, авиация несла тяжелые потери.

И вот незадача – посреди глухого урмана полетел подшипник. Рассыпался от износа в закритических условиях эксплуатации. Что делать? Вокруг – на десятки верст ни души, тем более о металле, о станках и мастерской не может быть и речи. Зато дерева под рукой – на выбор, на любой вкус, цвет и запах. А голь-то на выдумки хитра. И сделал дед деревянный подшипник для трактора! И довез свой красный штучный

товар до места назначения. И потом не раз выручал его в иных, самых разнообразных, но всегда нелегких, всегда критических ситуациях нехитрый этот прием, для которого всего-то и нужно, что мужицкая смекалка.

А в поезде я чуть было не расстался с дедом, не выяснив главного. И лишь когда он стоял, уже одетый, в проходе вагона, я успел спросить все же: «А зачем винты-то делали деревянные? Что, металла, что ли, не было, алюминия, легких сплавов?» – А хуже они были, металлические, – ответил знаток леса. Чуть прострелит лопасть пулей, так она сразу и обламывается, и хоть самый краешек отлетит, все равно центровка нарушается, пропеллер бьет, ось изгибается и заклинивает, – и все, конец самолету, и еще один мальчишка не вернулся из боя! А еловая, в ней только дырочка остается, и бывает, садится самолет на свою посадочную полосу, а пропеллер, – как будто короеды поизгрызли, а не обломился! Да если даже и обломится половинка, елка высушенная, она же такая легкая, звонкая, не зря же на скрипки идет, потеря веса нечувствительна, винт вразнос не молотит. Вот так-то, дерево, оно все равно надежнее металла! Тайга всегда выручит...

Уж это точно, хотя правильнее сказать, – не в тайге дело, это таежники наши крепче железа. И надежность их пропорциональна суровости нашей тайги. И гвозди бы делать из этих людей, – не было б в свете крепче гвоздей!

Потому и победили.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Качановский Ю. В.* Диктатура Сталина: уроки и выводы: Учеб. пособие. Хабаровск, 2002. 163 с.

2. *Маликов Н.* Мы этой памяти верны // Амурский характер. Хабаровск, 1986. С. 147.

3. Амурский характер. Хабаровск, 1986. С. 130–132.

4. Амурский характер. Хабаровск, 1986. С. 19–20.

Вопросы входного контроля:

Развитие экономики во время войны:

а) спад;

б) сохранение потенциала;

в) рост.

Вопросы текущего контроля:

Какие факторы обеспечили рост экономики во время войны, в условиях абсолютных нехваток и потери хозяйством основного трудового потенциала:

а) каторжный труд из-под палки;

б) улучшение организации производства и повышение технического уровня;

в) трудовой энтузиазм, подвиги советских людей в тылу.

Вопросы выходного контроля:

Трудовой подвиг советского народа в глубоком тылу во время войны.

Рост производства на Дальнем Востоке в условиях военного времени.

Глава 8

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

С точки зрения рыночной экономики все, что делалось в годы советской власти на Дальнем Востоке, представляется каким-то сплошным театром абсурда.

За последние тридцать доперестроечных лет в расчете на каждого дальневосточника выделялось вдвое больше капиталовложений, чем в среднем по стране. И чем больше вкладывалось, тем больше расходы превышали доходы. За последнюю четверть века перед перестройкой эти ножницы составляли ежегодно от полутора до четырех миллиардов рублей. Во избежание недооценки уточню: советский «деревянный» рубль по наполнению национальным продуктом, согласно заключению экспертов Международного валютного фонда, превосходил американский доллар на 30% [1]. То есть в экономику Дальнего Востока вкладывались колоссальные средства, о которых наше нынешнее хозяйство не может и мечтать. И тем не менее, темпы развития региона все больше и больше отставали от темпов развития всей советской экономики. Доля региона в общесоюзном производстве неуклонно сокращалась.

В общем-то, наши «удорожающие факторы», делающие производство на Востоке России неустранимо убыточным, были властям известны и учитывались при долгосрочном планировании.

Последняя доперестроечная стратегическая Программа на 1986–2005 гг. провозглашала такие принципы организации хозяйства на Дальнем Востоке: «Все хозяйственные решения, принимаемые в ближайшей или долгосрочной перспективе в Дальневосточном экономическом районе, должны исходить из требования всемерной экономии затрат живого труда за счет повышения доли затрат овеществленного труда, проведения

трудосберегающей политики на всех участках регионального хозяйства» [2]. То есть передовые технологии, применение которых обещает экономический эффект, должны не разрабатываться, а использоваться на Дальнем Востоке, потому что если мы будем их здесь разрабатывать, то затраты на разработку съедят все ожидаемые выгоды. А в более теплых краях их разработка обойдется дешевле. И сложные машины, наукоемкая продукция также должны создаваться там, где теплее, а применяться там, где холоднее, то есть у нас. Исключение – под этот принцип не подпадают отрасли оборонной промышленности Дальнего Востока, и потому Су-27, «Черная акула», атомные подводные крейсеры и крылатые ракеты морского базирования должны и далее производиться в Комсомольске, Уссурийске и Владивостоке. Мало ли что, вдруг дальневосточный фронт будет отрезан от европейских баз снабжения?

Конечно, следует стремиться к повышению эффективности и рентабельности и в нашем производстве, но необходимо провести четкую грань: в каком случае на первый план должны выдвигаться геополитические, а в каком случае – экономические критерии? Если развитие должно происходить только под лозунгами экономики, то мы должны распрощаться со своими геополитическими интересами в регионе, если наоборот, и наше хозяйство будет поставлено на службу государственной мощи, то нечего и надеяться на то, что «экономика должна быть экономной»... Черта лысого будет она экономной! Затратной, расточительной, неэффективной, это да, семь верст до небес, только не рентабельной. И третьего не дано.

Дело было еще и в том, что главным императивом эпохи стало соревнование между миром социализма и миром капитализма. Кто кого? И ориентиры были выбраны ошибочные. Если требовалось устоять под напором капитализма, это одно, если перегнать его в повышении уровня благосостояния, – совсем другое. И только для первого варианта пригодна мобилизационная экономика, только в этом у нас был тысячелетний опыт, только этому соответствовал наш укоренившийся в генах национальный менталитет, и только это могли нам обеспечить суровые условия нашей скудной природы.

Соревноваться с капитализмом («общечеловеческой цивилизацией») в производительно-потребительном развитии

мы никак не могли. Мы разорились бы раньше, чем обеспечили бы своих сограждан колбасой, мерседесами, виллами и стереосистемами на американском или среднеевропейском уровне. Ни природа наша не выдержала бы колбасных перегрузок, ни менталитет не смог бы заставить нас так перенапрягаться во имя сытости, как напрягались мы во имя независимости Родины, ни исторического опыта у нас не было во вселенской конкуренции друг с другом, потому что мы привыкли к взаимопомощи. «Человек человеку – конкурент!» – не наш лозунг.

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь... Увы, мы не смогли провести четкого разделения, за каким зайцем надо гнаться. И когда Никита с самой высокой трибуны провозгласил: «Наши цели определены, задачи поставлены. За работу, товарищи!» – он, если говорить очень мягко, был не прав.

Иван Грозный имел бы право на такие слова, Петр Великий и Иосиф Сталин... Но они слов не произносили. Они делали, делали сами и заставляли делать других. Жестоко, недемократично, несимпатично. Но время не оставляло возможности для выбора.

Мы встали не в ту позицию, и все у нас пошло вразнобой. Оттого и застой, стагнация, деградация...

Где тонко, там и рвется. Меньше всего подходил для потребительского развития наш Дальний Восток. И неизбежно, что все перекосы, парадоксы и недоразумения у нас проявлялись в самом карикатурном виде. «Застой с районным коэффициентом», – так охарактеризовал предперестроечную эпоху на Дальнем Востоке М.И. Леденев.

Мы имели бы шанс только в том случае, если бы производили то, чего нет больше нигде, или что невозможно делать больше нигде на земном шаре, – то есть только там, где мы были ограждены от конкуренции. Самые жирные в мире моржи и самые пушистые соболя – у нас. Потому что у нас холоднее всего на свете. Самое выгодное в мире положение у нас, на полпути между двумя центрами экономического развития – Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Самые нетронутые природные ресурсы, самые экологически чистые продукты, самые целебные травы и грязи...

В чем еще мы были вне конкуренции? Это надо было изучать, и постановка вопроса была понята правильно.

Природно-ресурсные исследования были поставлены в Советском Союзе на чрезвычайно большую высоту.

Я помню, как завидовали нам зарубежные геологи. У них каждая фирма прятала в сейфы результаты собственных дорогостоящих исследований, ограждала от экономического шпионажа и продавала только за большие деньги, а конкурирующим фирмам вообще не продавала ни под каким видом. Мы же могли пользоваться материалами по всему Союзу и проводить самые широкомасштабные обобщения. И потому информация о наших природных ресурсах долго еще будет базироваться на советских материалах.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ

Итак, что лежало в основании нашего экономического развития?

Полезные ископаемые. Уникальное пограничное положение Тихоокеанского подвижного пояса определяет и его аномальную рудную продуктивность по сравнению и с океаническими, и с континентальными структурами. Профилирующими для него являются месторождения олова, вольфрама, золота, серебра, меди, молибдена, полиметаллов, запасы которых в нашем секторе пояса исключительно высоки. Месторождения якутских алмазов, корякской платины также являются одними из самых богатых на планете. В нашем регионе добывается 99,7% алмазов России, 80% олова, 72,2% золота, 14% вольфрама, 10% свинца и цинка [3].

Только здесь, в западном сегменте Тихоокеанского подвижного пояса, имеются окраинные моря, отгороженные от открытого океанического бассейна линейными грядами островов – островными дугами. И опять-таки, в пределах дна дальневосточных морей сформировались богатейшие месторождения нефти и газа – на охотоморском присахалинском («Дальневосточный Кувейт») и прикамчатском шельфе, на шельфе Берингова моря – как прямое продолжение нефтегазоносных структур Анадырской и Хатырской впадин. Перспективность япономорского шельфа также не вызывает сомнений у специалистов. Общие прогнозные запасы углеводородного сырья на Дальнем Востоке оцениваются в 20 млрд тонн [4] или в 30 млрд тонн [5]. Практически все области

Дальнего Востока обладают своими собственными запасами энергетического сырья, достаточными для местных нужд.

Много здесь и угольных месторождений – более 13 миллиардов тонн разведанных, подсчитанных и принятых на баланс запасов; в 15 раз выше – прогнозные запасы. Причем половину из них можно добывать самым дешевым способом – открытым.

Особенностью региона является комплексность руд: до 20 компонентов можно добывать из оловянных руд Солнечного района. Похожая картина и в других районах. В углях Сахалина высок процент германия, редкого и ценного металла, без которого невозможна современная электроника. Много копий было поломано по поводу необходимости повышения эффективности за счет извлечения большего числа компонентов из этих руд. Кляли на чем свет стоит ведомственную разобщенность, экономическую незаинтересованность предприятий в конечном результате своей хозяйственной деятельности... Но ведь все это комплексное извлечение требует дополнительных трудозатрат, а так как труд у нас убыточный, то и повышение комплексности извлечения приведет лишь к повышению убыточности производства, и уж никак не к возрастанию прибыльности. Забывается главное – само хозяйство Дальнего Востока создавалось как обеспечивающее оборонные нужды, и неизбежные при этом убытки и терпелись, и покрывались только ради этого.

Лес. На Дальнем Востоке представлен весь спектр растительных ландшафтов от полярных пустынь, тундры, лесотундры и тайги (хвойных лесов) до хвойно-широколиственных лесов («уссурийская тайга»), лесостепи в южных районах Амурской и Еврейской области и «снежных субтропиков» Южного Сахалина и Южных Курил.

Лесистость Дальнего Востока одна из самых высоких на планете. Например, в Хабаровском крае она составляет 66,4%, в то время как по России в целом – 45%, а по планете 25–27%.

Огромные просторы, освещаемые солнцем, соответственно обеспечивают и накопление огромной биомассы. Несоответствие климата широтному положению местности свидетельствует лишь о вторичном перераспределении солнечной энергии морскими течениями и ветрами. Изначально же вся падающая энергия аккумулируется

поверхностью биосферы. Основная биомасса планеты концентрируется в лесах.

Площадь лесов на Дальнем Востоке 273,7 млн га, запасы древесины 20,4 млрд кубометров – около 27% общесоюзных запасов. И с учетом постоянного воспроизводства биомассы можно снимать урожай древесины (в экономике это называется расчетной лесосекой) 101 млн кубометров в год. В лучшие годы объем лесозаготовок не превышал 40% расчетной лесосеки [6]. И даже несмотря на чрезмерные рубки вблизи от населенных мест, несмотря на катастрофические пожары, лесистость Дальнего Востока практически не снижалась. Причиной тому – могучие природные силы самовосстановления леса. Правда, понижался класс лесов – на 1 млн гектаров уменьшилась площадь лесов с твердыми породами лиственных деревьев (ясень, дуб, каменная береза), на 1 млн площадь кедровников, на 2 млн лиственничников, но зато больше стало березняков, осинников, ельников и пихтарников, многие из которых ранее считались «сорным лесом», не дающим хорошего выхода деловой древесины. Однако при переориентации промышленности от использования досок и бруса на использование плитных материалов (древесностружечных, древесноволокнистых) и фанеры они становятся даже более предпочтительными для промышленности [7].

Тем не менее, если учитывать не только сиюминутные выгоды, все оборачивается экологической деградацией. По мнению Ф.Н. Рянского, вторичные антропогенные ландшафты хуже перерабатывают косное вещество и солнечную энергию, менее устойчивы к неблагоприятным естественным и искусственным воздействиям.

На месте северных таежных лесов последовательно образуются лесотундра и тундра, вместо средне- и южнотаежных лесов – чаще всего березняки, на месте широколиственных лесов – дубняки, лесостепь и степь (так называемые амурские прерии). На завершающем этапе появляется вполне устойчивая песчаная или каменистая пустыня. Все эти псевдоестественные новообразования активно развиваются в пределах Дальнего Востока [8].

Искусственное лесовосстановление решает лишь экономические, но не экологические задачи. На месте богатых и разнообразных биоценозов появляются лесные плантации по выращиванию древесины, это уже не лес, а огороды ценных монокультур. Поэтому международные организации «зеленых»

призывают отказаться от практики замены первозданного леса высокорентабельными плантациями [9].

Экономисты советского периода искали пути к повышению технического уровня и к снижению убыточности лесной отрасли, «реформаторы» доказывали, что командно-административные методы самого антиэкономичного в мире хозяйства не позволяли этого добиться. И ни тем, ни другим почему-то не пришло в голову, что в наших суровых климатических условиях прибыльное лесное хозяйство неосуществимо при любом общественном строе. Прирост древесины на единицу площади за единицу времени у нас недостаточен, он в несколько раз меньше, чем в натовских странах. В том и вся проблема.

Наши леса просто невероятно богаты ягодами, орехами, грибами. Урожайность брусники достигает 20 центнеров с гектара, не менее обильна голубица. Среднегодовой сбор той и другой составлял в регионе в доперестроечное время по 4–5 тысяч тонн. Всего тайга давала около 14 тысяч тонн ягоды; грибов заготовлялось государственными организациями около 1 тысячи тонн, население, конечно, собирало и грибов, и ягод значительно больше [10].

Как доказывает А.Г. Измоденов, дальневосточный лес может приносить во много раз большую пользу, если вместо сплошных рубок ради древесины брать у него другие продукты (пушнина, орехи, мед, лимонник, виноград, актинидия, брусника, голубица, элеутерококк, березовый сок, папоротник, грибы, корни аралии). При этом сохраняется исходный лес, а прибыль возрастает в 7,8 раза и может еще увеличиться, если освоить и другую продукцию, одних только видов которой среди царства растений насчитывается в дальневосточной тайге 1750. Более того, прибыль от такого нетрадиционного лесопользования в будущем может только возрастать, так как чем дальше, тем больше экологически чистая продукция будет пользоваться неудовлетворенным спросом. Главное же не в экономике. Продукт леса имеет первозданное качество, он филогенетически чист; организм человека на протяжении всей эволюции строил себя именно из этих природных материалов. Мы еще не успели приспособиться даже к самым безукоризненным сельхозпродуктам, и уж совсем чужеродной, трудно усваиваемой, в лучшем случае неполезной, а в худшем – просто вредной надо признать всю пищу, выращенную по современным интенсивным технологиям с использованием

химических удобрений и пестицидов. Не может быть ничего полезнее для человека, чем натуральный лесной продукт [11].

А насколько целебны наши травы, наши грязи! Как можно сравнивать грязи Мертвого моря с сапропелями озера Чукчагир? – поражается целитель А.К. Пехтерев, излечивающий своими настоями и отварами любые болезни и имеющий большой процент исцеления раковых больных. Побывал я с мальчишками на этом сказочном озере. Замкнутая котловина, оберегаемая горами со всех сторон от ветров, несущих ядовитые испарения. Ни единого поселка в бассейнах всех рек и ручьев, впадающих в это самое большое озеро Хабаровского края, очень богатого на озера. Никакого производства в ближайших сотнях километров. Кругом – необозримый зеленый рай. Лоси пасутся прямо у тебя на глазах, лебеди не торопясь отплывают чуть подальше от твоей лодки. И грязи, грязи, грязи! Только ступи в воду на обманчивое черное дно – сразу проваливаешься в мягкий ил где по колено, где по грудь, а где и с руками уйдешь в нежную ласкающую тину.

Почему мы в отличие от нынешней молодежи выросли здоровыми? – ставит риторический вопрос доктор медицинских наук В.Н. Завгородько, уроженец таежного поселка Литовко. Потому что возились по уши в грязи, и она от нас комьями так и отлетала. Вот и кожных болезней у нас отродясь не бывало. У какого животного самая здоровая кожа? У поросенка. Почему? Потому что его как магнитом к грязи тянет. Природа не дура, вредными инстинктами она никого не наделит.

Одно только Чукчагирское месторождение целебных грязей – целое состояние. И оно было нашим общим, народным достоянием, а кому оно достанется сейчас?

Животный мир. Богатство первичной биомассы позволяет прокормиться на наших просторах и большому количеству самых разнообразных животных.

В советские времена у нас было сосредоточено полтора миллиона домашних оленей – почти две трети всего поголовья СССР и немногим меньше половины мирового поголовья [12].

Диких оленей на Дальнем Востоке насчитывается 260 тысяч особей, более половины всей численности, имеющейся в стране. Лосей учтено около 150 тысяч. Этих гигантов в тайге раньше было столько, что в одном только районе озера Эворон в 1910 году их добыли 2500 штук. Чрезмерный промысел в

начале века привел к снижению численности, но в годы Советской власти, благодаря принятым охранным мерам численность лосей была восстановлена. Еще более безжалостно преследовался изюбрь, в основном ради пантов, но к 50–60 годам и его численность была почти восстановлена, нынче изюбрей на Дальнем Востоке около 35 тысяч особей. Кабана насчитывается 20–25 тысяч голов [13].

Самый многочисленный вид копытных на Дальнем Востоке – косуля. В 1883 году только в Амурской области было добыто 150 тысяч косуль. Нынче ее учтено по Дальнему Востоку всего около 110 тысяч голов. Поголовье кабарги примерно такое же. Численность уток, гусей, рябчиков и других промысловых птиц все еще очень высока.

В доперестроечные времена регион давал стране 38% его охотничьей пушнины [14]. Главным объектом охоты, за которым, собственно, и шли «встречь солнца» русские первопроходцы, был соболь. Уже к середине XVII века из Якутска в Москву доставлялось свыше 100 тысяч драгоценных шкурок. Чрезмерный промысел привел почти к полному исчезновению этого зверька, и к началу XX века заготовки сократились до 3–4 тысяч штук. В 1935 году был объявлен пятилетний запрет на его промысел, и численность соболя, ареал его обитания постепенно восстановились. В начале 80-х годов объем добычи возрос до 78,5 тысяч шкурок.

В 20–30 годы были акклиматизированы на Дальнем Востоке ондатра, норка, они хорошо прижились, их численность достигла 2 миллионов особей для ондатры и 50–60 тысяч для норки, добыча составила соответственно 550 и 20 тысяч шкурок в год. Очень много у нас белки (добыча от полумиллиона до двух миллионов шкурок в год), горностая, колонка, песца (добыча 20–30 тысяч в год), лисицы, зайца, выдры, енотовидной собаки и других пушных зверей [15].

Численность бурого медведя составляла в середине 80-х годов 30–35 тысяч голов, сколько осталось сейчас неизвестно. Тигров в 1996-м году осталось на российской территории Дальнего Востока 250, леопардов 25–30 особей.

На Дальнем Востоке, с его обилием больших и малых рек и с огромными площадями богатых первичной органикой морей, сосредоточено запасов рыбы и морепродуктов общей массой 26 млн тонн, возможна добыча до 5 млн тонн продукции [16]. Здесь добывается свыше 60% рыбы и морепродуктов России – около 4 миллионов тонн, это больше,

чем добывает вся рыбная промышленность США. При этом наиболее ценные продукты моря – лососевые, осетровые рыбы, кальмары, крабы, морская капуста – практически нигде в стране, кроме Дальнего Востока, не добываются.

За послевоенные пятилетки, по мере возрастания объемов вылова, уменьшалась доля ценных пищевых видов рыбы: если в начале 60-х годов 95% составляли сельдь, камбала, морской окунь, угольная, треска, палтус, а доля минтая достигала едва несколько процентов, и поначалу он вообще не считался пригодной в пищу рыбой, то к середине 60-х на минтая пришлась уже треть добычи, а к 70-му – две трети; за оставшейся в океане рыбой пришлось отправлять экспедиции во все более и более далекие районы Мирового океана.

И снова те же проблемы – ставится задача повышения эффективности рыбной отрасли, но возможно ли это вообще в наших условиях? Еще в 60-х годах, когда я жил на Камчатке, меня удивляло, как может камчатский Океанрыбфлот сравниваться с владивостокским? Да одни камчатские надбавки пустят ко дну всю промышленность полуострова в соревновании с приморской! Может ли себестоимость продукции камчатского траулера быть такой же, как и у приморского траулера, если рыбачат оба у Гаваев или у берегов Перу? А если сравнивать нашу промышленность с японской? Да там же труд и жизнеобеспечение работников в несколько раз дешевле, если учесть наши удорожающие факторы. Вот и получалось, что чисто экономические оценки в условиях Дальнего Востока бессмысленны. Только если учитывать оборонную роль нашего региона, а также фактор целостности и самодостаточности хозяйственного организма страны...

В послевоенные годы было произведено техническое перевооружение рыболовного флота, советские рыбаки впервые вышли в открытый океан, добыча рыбы на Дальнем Востоке стала резко возрастать. В 1950 году она составила 4,8 миллиона центнеров, в 1958 году 8,2 миллиона, в 1965 году 19,8 миллионов. В строй действующих вошли современные рыбоприемные и рыбоперерабатывающие плавучие базы, сейнеры и траулеры с большим сроком автономного плавания. И пока не были введены 200-мильные прибрежные экономические зоны, наши суда ловили рыбу по всей акватории Тихого океана – и в Бристольском заливе, и у Гаваев, и у берегов Перу. Роль рыбного хозяйства Дальнего Востока в

общесоюзном производстве пошла вверх – от 28% в 1958 году до 34,4% в 1965 году.

К началу 1960-х годов непосредственная военная угроза и всему Советскому Союзу в целом, и Дальнему Востоку в частности, ушла в прошлое. Жестокий урок Великой Отечественной пошел впрок, сумела наша Родина обезопасить себя настолько, что никто нам уже не угрожал напрямую, только Америка исподволь копила силы да вела широкомасштабную деятельность по разложению советского народа изнутри.

Роль нашего региона как форпоста России на Дальнем Востоке хотя и перестала теперь быть заглавной, но все же осталась в числе ведущих; на авансцену вышел дальневосточный природно-ресурсный потенциал, уже к тому времени достаточно изученный, хотя и в обзорном, предварительном плане.

Настоятельно необходимым стало более детальное исследование, инвентаризация природных богатств, доведение степени изученности до уровня рекомендаций по сдаче природного объекта в эксплуатацию добывающей промышленности.

Я помню, какая гигантская работа развернулась по сплошному геологическому картированию всей территории Советского Союза – сначала в масштабе 1:500 000, потом в масштабе 1:200 000.

И все же этой работе предшествовала топографическая съемка с применением аэрофотоматериалов. К 1954 году вся территория страны была положена на карты масштаба 1:100 000. Карты, как я знаю по своему богатому экспедиционному опыту, отличаются высочайшим качеством, на них любые детали местности прекрасно распознаются, ориентироваться по ним – одно удовольствие, и заблудиться в лесу, в горах или в тундре, если в твоем распоряжении есть такие карты, можно только при очень большом желании.

После создания топографической основы можно было переходить к детальному изучению территориального распределения природных богатств – полезных ископаемых, лесных, водных и земельных ресурсов. Данные специализированных съемок позволили составить научно обоснованные прогнозы, приведшие в конечном счете к открытию крупнейших месторождений и целых рудных узлов и районов.

На Дальнем Востоке была создана крупнейшая оловорудная база СССР с горнообогатительными комбинатами Хинганолово и Солнечный в Хабаровском крае, Хрустальненский в Приморском крае, Депутатский в Якутии и Иультинский на Чукотке.

Алмазодобывающая и обрабатывающая промышленность возникла с открытием кимберлитовых трубок в заполярной Якутии – «Зарница» в 1954 году, «Мир» – в 1955-м; в 1957 году был заложен город Мирный и страна получила первые караты алмазов. Далее, с открытием новых трубок – «Айхал» и «Удачная» – производство значительно расширилось.

Три кита, три отрасли специализации нашей экономики, определяющие облик Дальнего Востока – это лесная промышленность, рыбная, а также горная, точнее, добыча руды цветных металлов. Заготовка древесины на душу населения у нас в 4 раза превышала среднесоюзный показатель, добыча сырья для цветной металлургии в 5 раз, добыча рыбы и морепродуктов в 15 раз.

Но были и другие отрасли промышленности, кроме отраслей специализации; доля машиностроения в валовой продукции региона составляла 23%. Прежде всего это была продукция военного назначения, среди которой наиболее известны самолеты Су-27, атомные подводные лодки, многоцелевые вертолеты «Черная акула» и крылатые ракеты морского базирования.

В Приморье наиболее значимыми индустриальными отраслями были судоремонт, производство цемента. В Хабаровском крае, где машиностроение было основным в экономике, оборонная промышленность производила до 50% всей продукции машиностроения – подводные лодки, военные самолеты, боеприпасы, суда. Кроме того, здесь была развита нефтепереработка, черная металлургия (завод «Амурсталь»), фармацевтическая промышленность; гражданское машиностроение представляли «Амурлитмаш» в Комсомольске, «Дальэнергомаш» и «Дальдизель» в Хабаровске, «Дальсельмаш» в Биробиджане (в те времена Еврейская автономная область входила в состав Хабаровского края). Предполагалось значительное дальнейшее развитие машиностроения, были заложены десятки новых заводов. Однако с началом перестройки все было заморожено. Край оказался заложником госзаказа.

Амурская область традиционно была житницей Дальнего Востока. Обеспеченность пашней здесь в несколько раз больше, чем в прочих краях и областях Дальнего Востока : здесь и наиболее плодородные почвы, значительно более теплый климат.

Энергетика в регионе работала в основном на угле или на привозном мазуте. Кроме этих станций (ТЭЦ), были построены Зейская, Колымская и Вилюйская ГЭС, Билибинская АЭС на Чукотке, Паужетская и Мутновская геотермальные теплоэлектростанции на Камчатке. Планировалось строительство АЭС в Хабаровском крае, заложена Бурейская ГЭС.

За период 1980–1988 годы экономический рост составил: Якутия 152,4%, Магаданская область 145,3%, Амурская область 144,2%, Хабаровский край 139,1%, Камчатская область 136,0%, Приморский край 135,15%. Регион интенсивно строился, доля строительства в региональной хозяйственной структуре была в 1,5 раза выше среднесоюзного показателя. При этом все края и области региона, если использовать соотношение произведенного и потребленного национального дохода, оставались экономически неэффективными, государственные дотации на одного человека составляли за 1988 год по Якутии, Амурской и Сахалинской областям более тысячи рублей, по Хабаровскому краю около 500 рублей, в других областях меньше.

Сельское хозяйство в регионе создавалось с целью снизить зависимость от завоза, особенно – от северного завоза. Потому и уделялось большое внимание даже такому экзотическому и малопродуктивному виду животноводства, как оленеводство. Признавалось, что оно в значительной степени снимает напряженность с транспортного звена, обеспечивает хотя бы относительную самодостаточность территории, тем более что территории севера большую часть года остаются практически отрезанными от «материка».

На каждого дальневосточника завозилось по 30 килограммов овощей и фруктов. Однако возможности сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке были невелики. Сельхозугодья составляют только 1,5% площади Дальнего Востока. На душу населения приходится по 1,32 га, в то время как в целом по СССР 2,8 га. Да и земли у нас худшего качества, и климат тоже не благоприятствует. 92% нашей пашни размещается на юге: Приморье, Амурская область,

Еврейская область, юг Хабаровского края. С 1966 по 1982 год в сельское хозяйство Дальнего Востока было вложено 12 миллиардов рублей [17].

Производство продукции было планово-убыточным, борьба велась только со сверхплановыми убытками, но и она редко оказывалась успешной. Так, в 1985 году в совхозе «Тигильский» на Камчатке себестоимость мяса крупного рогатого скота была превышена в 4,1 раза против плановой, мяса птицы в 5 раз [18]. И пример этот типичен для дальневосточного сельского хозяйства. Понятно, что цена реализации была несравненно ниже себестоимости – феномен немыслимый для рыночной экономики.

В сталинские времена большое внимание уделялось личному подворью горожан, впоследствии разрушенному Н.С. Хрущевым. Например, в 1946 году руководство судостроительного завода имени Ленинского комсомола выделило четверть миллиона рублей ссуды своим рабочим на приобретение скота. Эта помощь была как нельзя более кстати, и в городе Комсомольске стало на семьсот коров больше. Весомый приварок к государственному снабжению!

Вокруг крупных городов создавались «овощные пояса». Интенсивно развивалось производство риса на юге Приморья, это единственный район на востоке СССР, где мог выращиваться рис. В животноводстве предпочтение отдавалось индустриальному сельхозпроизводству – крупным свинокомплексам, птицефабрикам, откормочным комплексам крупного рогатого скота.

Корма оставались самым узким местом животноводства. Проблему могла бы решить соя, она содержит до 50% белка и может произрастать на Дальнем Востоке. Собирали ее у нас до полумиллиона тонн, это составляло 80% общесоюзного урожая сои. Однако и в этом наши возможности были и остаются очень ограниченными, потому что урожайность этой ценнейшей кормовой культуры достигает у нас всего 6–8 ц/га, в то время как в США 18–20 ц/га.

Особенно большие трудности возникали с заготовкой кормов для молочного животноводства на севере. В качестве примера передовых технологий в научно-методической литературе приводилось использование озер для выращивания травы – воду из них спускали, и на осушенном дне появлялись очень продуктивные луга. Однако новинка эта имеет уже более чем полуторавековую историю. Еще Р.К. Маак детально

описывал, как якуты-животноводы решили прокопать канал и спустить в Вилюй большое озеро Нюрба (200 кв. км) с целью увеличения площади сенокосов и полей. «Предприятие это, увенчавшееся успехом, может считаться одним из самых грандиозных в своем роде в Сибири» [19]. Однако через несколько лет хороших травостоев дно бывшего озера превратилось в пустынную равнину с редкой чахлой растительностью. Такой же была судьба и всех прочих спущенных озер. Пожертвовав рыбой ради травы, рационализаторы XIX века остались и без рыбы, и без травы. Они уже и рады были бы вернуть все к исходному положению, да где уж там....

Такова же, заметим, и судьба всех прочих сельскохозяйственных успехов во всей земледельческой цивилизации – достижение временной выгоды ценой будущей долгой, больше – вечной! – деградации. Такова же судьба и иных бесчисленных ухищрений любой, прежде всего, индустриальной и постиндустриальной, высокотехнологичной цивилизации. Увы, но всеобщий закон сохранения не оставляет никаких надежд на получение безвредной выгоды: если получена прибыль, то за счет каких и чьих убытков?

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ

Какие бы проблемы ни возникали в хозяйственном освоении Дальнего Востока, общим знаменателем всех трудностей всегда была нехватка рабочей силы. И дело было не только в том, что наш регион среди всех прочих частей Российской империи и Советского Союза был вовлечен в производственную обойму в последнюю очередь. Он оставался и самым малопривлекательным для переселенца. И потому миграция и текучесть кадров в связи со слабой приживаемостью населения всегда оставались головной болью для любого дальневосточного руководителя.

Повышение внимания к привлечению населения обеспечивало обычно и возрастание темпов экономического развития. В 30-е годы, после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК ВЦИК СССР о создании на Дальнем Востоке экономической базы для армии и флота, последовал ряд мер по реализации этой программы. Комсомольский призыв,

хетагуровское движение, оргнабор и различные льготы для компенсации климатических, бытовых и психологических (оторванность от привычной среды, издержки, связанные с переездом) неудобств сделали свое дело. Были созданы совершенно новые для нашего региона производства, освоены новые районы. Построен город Комсомольск-на-Амуре, начала давать металл золотая Колыма. Туда, куда привлечь население оказывалось самым затруднительным, но где необходимо было в кратчайшие сроки решить производственные задачи, завозили подневольную рабочую силу – сосланных, репрессированных, заключенных, условно осужденных, условно освобожденных.

В 60-е годы последовала новая волна миграции, и это было уже на моей памяти. После выездной сессии Президиума Академии Наук СССР было принято решение о создании Дальневосточного научного центра АН СССР, организованы были академические учреждения во всех краях и областях; в это время возник и Институт вулканологии, где я работал со дня его основания. Резко расширились и усилились отраслевые научно-исследовательские институты, конструкторские бюро и изыскательские организации природно-ресурсного цикла. Трудовой потенциал Дальнего Востока был значительно укреплен за счет привлечения кадров самой высокой квалификации. Наибольший вклад был внесен миграцией в прирост населения в последнее доперестроечное десятилетие. К 1985 году здесь жило уже 7,5 миллиона человек – в пять раз больше, чем в 1926 году.

Принцип равной оплаты за равный труд здесь был фактически заменен другим – принципом равной оплаты за равные личные затраты, куда входят, кроме той отдачи, которую трудящийся отдает на своем рабочем месте, и все бытовые нехватки и потери, на преодоление которых также требуются затраты физической и психической энергии: тут и холод на улице, в цеху и дома (и потому в питании человека должно содержаться на 400–500 калорий в день больше, чем в центральной России, жиров и белков в рационе должно быть так же намного больше; одежда и обувь нужны тут более теплые, на что требуются дополнительные денежные затраты), тут и неудобства от тесноты и скученности в жилище, тут и нервное напряжение от укусов мошки, комаров, от повышенной атмосферной влажности, мороси, тут и мучения информационного и эмоционального голода, вызванные

нехваткой культурных развлечений в связи с отсутствием театров, концертных залов, библиотек, по причине невозможности общения с родными и близкими, оставшимися в районе выезда... Все это предопределяет необходимость и повышенных затрат на поправку здоровья. И все вместе взятые увеличения затрат составляют 150–300% [20]. Гораздо большими здесь были транспортные расходы не только при переездах, но и при регулярных поездках по служебным надобностям. Транспортные расходы населения здесь были да, наверное, и есть до сих пор, в пять раз больше, чем в среднем по РСФСР [21].

Льготы переселенцам включали в первую очередь выплату подъемных – суммы денег на проезд семьи и провоз багажа, всего домашнего имущества, на первичные расходы при обживании на месте.

На провоз домашнего имущества для меня, выпускника геолого-разведочного факультета Московского нефтяного института, государство потратилось не сильно. Когда я садился на самолет, улетавший на неведомую Камчатку, о которой я знал только то, что медведи там толпами бродят по всему полуострову, а другое меня и не слишком интересовало – я сдал в багаж узел с вещами, из которого торчали валенки, и все. Даже доплаты за лишний вес не понадобилось. Не знал я и не хотел знать ни своей будущей должности, ни зарплаты, ни жилищных условий. Перевалы, переправы, переходы по штормовому морю, тайга и тундра, скалы и пропасти, строение земных недр, которое я должен установить, полезные ископаемые, которые я должен найти – вот чем была забита моя голова. А как именно я там жить буду? Да уж не помру, наверно. Живут же люди, а я чем хуже? И таких, как я, только в Институт вулканологии приехало за один год сорок человек. Конечно, мы и были самым социально активным населением, составляли самый продуктивный трудовой потенциал.

Кроме подъемных, обеспечивалась оплата проезда в отпуск в любую точку Советского Союза один раз в три года для всех членов семьи. И потому никто отпуск ежегодно и не брал, копили его, чтобы на третий год уехать на «материк» на целых полгода. Я, геолог, летом никак не мог пропустить экспедиционный сезон. На Камчатке он заканчивается в сентябре. И вот мы склонились над картой страны: где у нас в октябре тепло? Нашли такое место – в Средней Азии! И я пишу заявление в бухгалтерию: «Хотим поехать в Фергану!»

«В Фергану так в Фергану, – пожал плечами главбух, – у тебя там что, родня, что ли? Не очень ты, вроде, на узбека похож...» Родни там ни у меня, ни у жены не было, но ведь везде же наши, советские люди! И мы поехали в Ферганскую долину. Сошли с поезда в Андижане и пошли по улицам с вопросом, – не сдадите ли комнату на пару месяцев? «Сдадим», – услышали мы наконец в одном доме. Типичная узбекская картина – дувал, то есть глинобитный забор, высоченный, как крепостная стена, сад во дворе, на чисто выметенной земле возле дома кишмя кишат девять детишек, да наших еще двое. Жара как в пустыне Сахара, по городу бегут арыки, рынок завален арбузами, виноград дешевле картошки, в чайхане шашлык, хурма и бастурма; очень милая родительская пара наших гостеприимных хозяев, отец Насыр, офицер-артиллерист Великой Отечественной, на парадном мундире целый иконостас боевых наград, мать Саломат, неработающая воспитательница собственных детей, да и какая там еще работа с этим выводком! И жили мы все вместе несколько месяцев как одна дружная семья. Не было межнациональных проблем в те счастливые времена на национальных окраинах страны, не было и неразрешимых экономических проблем на северах.

Среди других денежных льгот главным был районный коэффициент – от 1,2 до 2,0 к московскому окладу, в зависимости от климатических условий. Выплачивались еще и «колесные» – за разъездной образ жизни, «радиоактивные» – за работу на месторождениях с повышенным фоном радиации, за прочие неудобства. Чтобы уменьшить текучесть кадров, каждый год работнику давали десятипроцентную надбавку к зарплате, и если у тебя, как говорили камчадалы, «сто на сто», то есть десять надбавок, то принять решение о возвращении в родные места было непросто. «Не хочу думать о деньгах, – такую психологическую разгадку услышал я от одной своей подруги, сотрудницы Института вулканологии, маршрутной напарницы, – тут я захотела что-то купить, пошла и купила, а в Москве долго считать пришлось бы, хватит или не хватит».

Экономисты так расшифровывали смысл ежегодных надбавок – эти регулярные доплаты должны рассматриваться не только как льготы, способствующие закреплению кадров, но и как регулярные премии за личный трудовой вклад, возрастающий по мере роста опыта [22].

Льготы были и жилищные – за тобой сохранялась квартира по месту выезда, поэтому уезжая в «не столь

отдаленные», ты не сжигал за собой мосты, и если на новом месте не понравилось, ты мог через три года, по истечении срока договора, вернуться назад. Обеспечивалась прописка и право приобретения жилья в теплых краях, хоть в Сочи, хоть в Риге, хоть в Кишиневе, и многие северяне воспользовались этой льготой, в результате чего после перестройки оказались в ловушке, – на новом месте жительства их называют оккупантами, русскими свиньями, терроризируют, принуждают распродавать по дешевке все накопленное и бежать в Россию.

Огромную роль играли моральные стимулы: энтузиазм, гражданский долг, престижность работы на ударных комсомольских стройках. На БАМ только в первый год после начала работ пришло 150 тысяч заявлений с просьбой принять на работу. Десятки тысяч людей приезжали и сами, без вызова.

Вот как распределился контингент новоселов по мотивации решения: мотивы общественно-патриотические (чувство долга, желание принести пользу Родине) – 22,8% строителей; мотивы личного самоутверждения (романтика, интерес к новому, желание проверить себя) – 43,4%; мотивы материальные (заработать деньги, купить машину, обеспечить семью) – 53% [23]. И все же это не относится к проблеме формирования постоянного населения Дальнего Востока. Лишь 5% строителей имели намерение остаться жить в этих районах по завершении строительства [24].

Те, кто не собирался жить на Дальнем Востоке, были нетребовательны ни к социально-бытовым, ни даже к природно-климатическим условиям. Какой уж там комфорт – перебьемся, перетерпим как-нибудь и с нужной суммой денег вернемся домой, где уже и будем обустраиваться надолго, чтобы жить по-человечески. Чтобы не слишком врастать корнями в чужую землю, они свои три-пять лет, как было обозначено в договоре, сидели на чемоданах, не обзаводились малотранспортабельными вещами длительного пользования (мебель, холодильник, стиральная машина, телевизор и пр.). Деньги копили на те приобретения, которые собирались сделать по возвращении на место прежнего проживания.

А вот для тех, кто собирался остаться, необходима была пригодная для полноценной жизни база. Ведь даже если молодежь и ехала сюда по комсомольскому призыву, по зову души, то через год-два у энтузиастов появлялись семьи, рождались дети, возникала настоятельная потребность в

отдельной квартире, в детских садах и яслях. А далее необходимыми становились прочие слагаемые социальной инфраструктуры – спортивные сооружения, объекты просвещения, науки, культуры, сферы услуг. Это и показал опыт строительства стройки века – Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Формировались здесь и настоящие образцовые высококультурные центры, как, например, поселок Улькан, построенный комсомольско-молодежным коллективом СМП (строительно-монтажного поезда) «Юность Сибири». Для трех тысяч строителей, средний возраст которых не достигал и 29 лет, было построено много благоустроенных молодежных общежитий, полным ходом шло строительство для молодоженов жилья с центральным водоснабжением и отоплением, работали клуб, кинотеатр, детский сад, поликлиника с родильным отделением, школа, спортивный комплекс «Ульканские Лужники» – баскетбольно-волейбольная площадка с деревянным настилом, трибунами и летним душем, плавательный бассейн, стрелковый тир, хоккейная площадка; сооружена здесь была и взлетно-посадочная площадка для малой авиации. Соответственно и текучесть кадров уменьшилась в 1977 году по сравнению с 1975 годом в три раза [25].

Однако такое было далеко не везде. И хотя признавалось единогласно, что обеспеченность жильем должна быть на Дальнем Востоке лучшей, чем в других регионах, наблюдалось отставание – у нас приходилось по 12 кв. м на человека, тогда как в среднем по РСФСР – 13 кв. м. Повышенной оказалась по сравнению со среднесоюзной и доля деревянных строений, домов барачного типа. Конечно, интенсивно строились клубы, кинотеатры, учреждения здравоохранения и образования. Объем бытовых услуг вырос на Дальнем Востоке за период с 1970-го по 1982-й год в два раза, а в сельской местности – в три раза. И все же этот рост отставал от потребности экономического и социального развития региона, что автоматически отражалось на показателях текучести кадров, эффективности производства и прочих экономических показателях.

Тем не менее усилия по привлечению населения на Дальний Восток не пропадали даром. За период 1961–1977 гг. оно увеличилось более чем на треть, причем этот процесс происходил за счет миграции населения из других районов

страны. Значимость этого явления трудно переоценить, потому что таким образом действительно возрастал экономический потенциал региона, его оборонная мощь [26].

Широкое распространение получил и такой подход, как формирование рабочих коллективов на месте выезда. Тридцать краев и областей СССР приняли в этом активное участие. Так возникли МолдавстройБАМ в Алонке, Укрстрой в Ургале. На этих мощных предприятиях и организованность была выше, и подбор специалистов гораздо лучше; там на месте выезда сразу формировались партийная и комсомольская ячейки, профсоюзные комитеты, высокой была сознательность, а также степень личной и коллективной ответственности.

Эти коллективы высылали на место передовые отряды, которые возводили сначала поселки со всей положенной инфраструктурой – жильем, объектами соцкультбыта, дорогами и коммуникациями, а потом начиналось производственное строительство. Так было в Нерюнгри, угольной столице Дальнего Востока, и потому проблемы трудообеспечения ощущались там меньше, вопросы закрепляемости населения стояли не так остро.

И все же такая форма трудообеспечения годилась скорее не для создания постоянного населения, а для строительства производственного потенциала Дальнего Востока. Показатели стабильности населения оставались низкими – в нашем регионе доля личных домов, построенных за счет индивидуальных средств населения, составляла всего 2%, что было в четыре раза меньше, чем в среднем по РСФСР.

В общем, в регионе повторилась ситуация начала XX века, когда при строительстве Амурской железной дороги тоже возникли было надежды на привлечение сюда постоянного населения, когда тоже принимались разнообразные меры и выделялись значительные средства, чтобы стимулировать закрепление строителей в районе дороги. Однако все было тщетно. Оставались немногие. Проблема выходила далеко за пределы любых не только экономических или административных решений, она оказалась, как говорят математики, инвариантной даже относительно смены общественно-политического строя. И глубина ее порождала сомнение в ее разрешимости вообще.

Ведущими в регионе в советские, равно как и в царские времена, были «мужские отрасли» – флот, рыбодобыча, судоремонт, лесоповал и лесопереработка, шахтная и карьерная

добыча руды... Эту однобокость надо было преодолевать, требовалось создавать «женские отрасли» – сферу услуг, легкую промышленность, имея в виду, что это еще больше усугубит убыточность региональной экономики. Увы, но и при царях, так же как и при секретарях, руководители грустно констатировали нехватку женщин, что создавало неизбежные перекосы в социальном и экономическом развитии: в конце XIX века доля женщин составляла в Амурской области 43,2%, в Приморской области 31,7%, на Сахалине – 27,1% [27]. И хотя генерал-губернаторы не выдвигали, подобно Валентине Хетагуровой, лозунга: «Комсомолки – на Дальний Восток!», – все же и им пришлось принимать меры, повышая ставки на переселение женщин.

При строительстве БАМа очень скоро пришлось взять курс на подготовку специалистов на месте, так как приезжие обычно по истечении предусмотренных договором сроков уезжали обратно. Но и это, как скоро выяснилось, – палка о двух концах. На «стройку века» приезжало много романтически и патриотически настроенной молодежи. Ехали по велению души. А специальности у них не было. Да и среди тех, кто приехал сюда «за длинным рублем», тоже было много таких, которые мало зарабатывали «на материке» из-за своей низкой рабочей квалификации. Всех приходилось обучать строительным и дорожным специальностям. Так, в Главбамстрое в 1975 году было подготовлено 318 рабочих, а в 1978 году – уже 4579 [28].

Но такая забота о повышении квалификации кадров приводила к парадоксальному результату – не Запад стал кузницей кадров для Востока, а наоборот. Специалисты, подготовленные в наших краях, уезжали назад на свою малую родину, потому что с полученной специальностью они могли уже устроиться на месте выезда гораздо лучше, чем до отъезда, а в нашем регионе они так и не получали приемлемых условий. Обеспеченность жильем, детскими дошкольными учреждениями здесь оставалась ниже, чем в центральной России, еще хуже дело было со сферой услуг, образованием и культурой. И вот романтически настроенная холостая молодежь, получив специальность и уверенность в себе, обзаведясь семьей и детьми и помаявшись в общежитиях, коммуналках и на частных квартирах, в конце концов уезжала обратно, к родителям [29]. А жилищный фактор среди прочих факторов повышения приживаемости стоял на первом месте –

46–52% [30]. Обозначилась и другая проблема – переманивание кадров с других дальневосточных предприятий. В зоне БАМа, например, в Амурске, 80% вновь прибывших рабочих приехали из других районов Дальнего Востока [31].

Годовые расходы тепла на отопление у нас выше по сравнению с Москвой: в Нижнеангарске в 1,8 раза, в Муе и Тынде – в 2,1 раза [32]. Стоимость обустройства одного человека в зоне БАМа в 2–2,5 раза выше, чем в европейской части страны [33].

И так как стоимость живого труда оказалась здесь аномально высокой, был взят курс на снижение затрат живого труда. Другими словами, рост производственного потенциала должен был продолжаться в ущерб трудовому потенциалу. И это в последние предперестроечные годы, когда интересы экономики возобладали, понизило шансы на окончательное и вечное закрепление Дальнего Востока за Россией. Похоже, он вам не очень и нужен, если жить там вы, русские, не собираетесь, говорят нам соседи из перенаселенных стран.

ТРАНСПОРТ

Дальний Восток России занимает площадь большую, чем все европейские страны, вместе взятые. И отдаленность его от главных экономических центров страны – почти глобальная, мало что не космическая.

И потому транспорт у нас – самое важное звено экономики, но оно же оказалось и самым слабым. Уже на I съезде Советов Дальневосточного края председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник настаивал, что первоочередное развитие в нашем регионе должен получить именно транспорт.

Обеспеченность путями сообщения у нас даже в последние доперестроечные годы в 5–6 раз уступала общесоюзному уровню. К тому же 3/4 дорог функционировало на юге региона. Оторванность от метрополии увеличивала нагрузку на межрегиональные перевозки. Очаговый характер размещения хозяйства повышал значимость внутрирегиональных грузоперевозок.

Огромную важность приобрела для нас «дорога жизни» – Транссибирская магистраль. Прервется эта нить – и замрет жизнь на всем Дальнем Востоке. Кроме собственной продукции, шел по ней также широкий поток контейнерного транзита.

Доставка из Иокогамы в Лондон производилась обычно за 20–40 суток, при предоставлении поезду «зеленой улицы» – за 16 суток. Значительная часть грузов из Японии на Запад перевозилась по сибирскому мосту. Транссиб был самой грузонапряженной линией не только в СССР, но и в мире.

Неизбежным было принятие решения о подстраховке, о дублировании этой жизнеобеспечивающей артерии. Мало ли что? Авария, катастрофа, природные катаклизмы, диверсия... Да и слишком уж в опасной близости от государственной границы проходит эта магистраль, в некоторых местах на расстоянии пулеметной очереди. Конечно, мы хотим жить в дружбе со своими соседями, и они с нами тоже, но, как говорят арабы, на Аллаха надейся, а своего верблюда все же привязывай... И в военном деле есть такое понятие – рокада. Это дорога, по которой можно осуществлять маневр живой силой и техникой вдоль линии фронта.

Да и строительство оборонных заводов в Комсомольске не случайно было начато в пустынной местности, хотя и вдали от производственных и базовых жизнеобеспечивающих центров, зато на расстоянии полтысячи километров от границы. Сейчас Комсомольск дает 62% промышленной продукции Хабаровского края, это город машиностроителей и металлургов, энергетиков и строителей, пищевиков и швейников, здесь есть многоотраслевое пригородное сельское хозяйство (мощный свинокомплекс, молочный комплекс, крупная бройлерная птицефабрика, тепличный комбинат), добывающие и обрабатывающие производства, тяжелая индустрия и высокие технологии «прорывного» уровня; кроме всего прочего, это и крупный культурный центр, здесь действуют два института, пять техникумов, 9 ПТУ, 49 общеобразовательных школ и 15 школ рабочей молодежи.

В 1974 году было принято решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о строительстве БАМа. Это была грандиозная и чрезвычайно тяжелая стройка. Трасса должна была пройти по вечной мерзлоте, через сейсмоопасные зоны, пересечь семь горных хребтов; требовалось пробить в горах тоннели – Северомуйский протяженностью 15 км и Байкальский, 7 км. Путь пересекали Лена и Амур, через них надо было строить мосты, а всего через водные преграды надо было соорудить 2300 мостов. Магистраль была построена за десять лет. Какие были при этом достигнуты результаты? Разгрузка Транссиба,

некоторое сокращение расстояния перевозок, освоение территории.

В зоне хозяйственного влияния БАМа есть уголь самых ценных марок : коксующийся, пригодный для доменного производства – это прежде всего Нерюнгринское месторождение, незамедлительно введенное в эксплуатацию (японские капиталы, техника и оборудование, в порядке оплаты – 104 миллиона тонн коксующихся углей), это целый Алдано-Чульманский угольный бассейн; это Буреинский угольный бассейн, прежде всего Ургальское месторождение. Не случайно связующие ветки между БАМом и Транссибом (Бам – Тында – Беркакит и Известковая – Чегдомын) были проведены к этим богатейшим ресурсным районам в первую очередь.

Есть здесь и железо, и это делает возможным создание на Дальнем Востоке мощной металлургической базы первого передела – основы всего дальнейшего индустриального производства. Это Южно-Алданский, Чаро-Токкинский и Зее-Селемджинский железорудные районы, в которых много и богатых руд, не требующих предварительного обогащения. Есть здесь поблизости и марганец, и магнезиты, бруситы – то есть практически все сырье, необходимое для доменного производства.

Есть в зоне БАМа очень перспективные месторождения и других полезных ископаемых, среди них уже разрабатываемые месторождения олова, слюды-флогопита, агроруд – фосфоритов и апатитов. Новая магистраль дала возможность также расширить зону доступных для освоения лесных массивов (примерно 1,5 миллиарда кубометров древесины).

Очень гармоничными, в замысле, должны были стать взаимоотношения между БАМом и Транссибом. Освоенная зона вдоль давно существующей железной дороги предназначалась на роль тыловой базы, снабженческой и ремонтной, обеспечивающей строительство новой дороги, а также промышленной и сельскохозяйственной основы при будущем освоении всей зоны БАМа, так как это более южная, более благоприятная для жизни территория, где любое производство менее убыточно, и потому создавать, допустим, совхозы на БАМе стоило лишь для производства малотранспортабельной, скоропортящейся сельхозпродукции – молочные продукты, свежие овощи. Так и предусматривалось экономическими программами. Говоря о более суровых условиях БАМа, а следовательно, и о большей стоимости труда

в этой зоне, ведущий экономист Дальнего Востока В.П. Чичканов писал: «Наличие этих обстоятельств накладывает известные ограничения на всю практику хозяйственного освоения зоны БАМ. Они ведут к ориентации на создание здесь менее трудоемких производств, на размещение обслуживающих предприятий в сопредельных южных районах, к ограничению перерабатывающих производств» [34].

Тот же принцип был положен и в организацию внутрирегиональной структуры хозяйства в целом – южная зона Дальнего Востока должна стать сельскохозяйственной и индустриальной базой для своих же северов, куда будут завозиться с юга товары, производить которые на месте менее рентабельно, чем завозить [35]. «Для более полного извлечения эффекта от эксплуатации природных богатств района необходимо рационально строить внутрирайонные экономические связи по принципу "пирамиды структуры", основание которой лежит на юге, а вершина на севере, наиболее разветвленная и сложная хозяйственная структура расселения на юге и наименее плотная сеть расселения – на севере» [36].

Понятно, что транспорт необходим, чтобы не утратить целостность хозяйственного организма при наших гигантских просторах. Но сухопутный чрезвычайно дорог, и, как мы уже проходили, каждая тысяча километров перевозки удорожает продукт на одну треть. А таких тысяч у нас много, очень много.

Водный транспорт дешевле, и даже в наших условиях он на 20–25% экономнее железнодорожного. И пути от европейских портов России к восточным берегам Азии есть, но очень уж длинными получаются эти пути. Раньше из Петербурга или Одессы приходилось плыть в Охотск или на Камчатку почти вокруг света, огибая мыс Доброй Надежды. Со вступлением в строй Суэцкого канала расстояние заметно сократилось, но все равно оно оставалось в несколько раз большим, чем напрямую, – по сибирскому тракту до Иркутска, далее до Аяна через Якутск. И все же стоимость перевозки при морском варианте была несравненно меньшей. Тем не менее и она оставалась просто неподъемной. И когда суда Добровольного флота возили переселенцев из Одессы во Владивосток, все это предприятие оказалось настолько убыточным, что морской переселенческий маршрут пришлось в конце концов закрыть.

Гораздо короче, особенно до нашего Северо-Востока, был и остается морской путь из Европы вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Однако здесь путешественника, не говоря уже о грузоперевозчике, поджидали невероятные трудности – морозы, тяжелые плотные льды, отсутствие портов, баз снабжения и бухт отстоя на случай опасности. Тем не менее раз за разом, попытка за попыткой, неудача за неудачей, полярные мореплаватели преодолевали все трудности. Сначала достижением – величайшим достижением! – был сквозной проход судна от западных незамерзающих морей до восточных, затем тот же проход за один летний сезон...

И все же эти достижения были географическими, не экономическими, хотя они и подготавливали хозяйственное освоение Севера. Для нужд экономики Северный морской путь заработал только при советской власти, особенно после войны. Проводка судов потребовала применения ледоколов огромной единичной мощности. И вот когда в строй вошли ледоколы «Сибирь» и «Леонид Брежнев» с атомными силовыми установками мощностью 75 тысяч лошадиных сил, на СМП открылось сквозное регулярное движение независимо от времени года. Для таких ледоколов никакое препятствие не было непреодолимым, и даже Северный полюс был покорен уже не с воздуха, и не по льду, а по воде сквозь ледовые поля.

Понятно, что завоз грузов кораблями при такой ледокольной проводке был разорительно дорогим, но все получает должную оценку только в сравнении. Если прикинуть, во что обойдется завоз до Тикси по Транссибу и Лене, или до Певека железной дорогой до Владивостока и далее, после перевалки, опять же морем, опять же сквозь льды, вокруг мыса Дежнева, все равно получится, что по СМП дешевле.

На северах труден не только провоз груза морем, но и все погрузо-разгрузочные работы, складирование и хранение. Здесь остро не хватает и производственных береговых мощностей по переработке грузопотоков. И поэтому большую значимость получило применение лихтеровозов, не нуждающихся в причальных стенках и мощных подъемных кранах, – эти огромные корабли перевозят на борту десятки лихтеров, барж грузоподъемностью до 500 тонн каждая, которые своим ходом доставляют груз к необорудованным причалам; ролкеров с горизонтальной схемой обработки грузов, контейнеровозов. Конечно, и строительство портов не

перестало быть необходимостью. Общая программа завоза на Север необходимых товаров и вывоза его готовой промышленной продукции и сырьевых грузов – существовала и функционировала, обеспечивая стабильность и развитие хозяйственной жизни на Севере.

Ледовая обстановка сильно осложняет производственные процессы не только у берегов Ледовитого океана. Незамерзающие порты у нас есть только на юге Дальнего Востока. Даже в Николаевск-на-Амуре, на Шантары и север Сахалина надо спешить завезти грузы в короткий летний сезон, а уж об Охотском побережье, Чукотке и Корякии и говорить нечего. Тем не менее северный завоз, абсолютно нерентабельный, совершенно непригодный для перевода на рыночные рельсы, существовал и делал свое дело. Потребительские товары поступали в эти далекие холодные края регулярно и в больших объемах; с яблоками, тушенкой, гречкой и ширпотребом в магазинах Анадыря ситуация была гораздо более благополучной, чем в Хабаровске. Уголь, нефтепродукты, строительные материалы, машины и оборудование шли в самые труднодоступные уголки Востока России могучим потоком. И обратный вывоз местной продукции тоже был достаточно надежным, хотя случались, конечно, и сбои.

Морские перевозки, как дальние экспортно-импортные, так и более близкие внутрирегиональные и межрегиональные, постоянно возрастали в объемах, причем рост этот был более быстрым, чем в других транспортных отраслях. За 1960–1980 годы грузооборот морского транспорта вырос в 5,2 раза, железнодорожного – в 3,7 раза, речного – в 3,1 раза, автомобильного – в 2,6 раза. На Дальний Восток, кроме того, приходилась почти четверть всех морских пассажироперевозок СССР.

При наших безбрежных и бездорожных просторах не только морские, но и речные перевозки обречены формировать облик наших городов и поселков. Давно замечено, что все мировые промышленные и аграрные центры концентрируются вблизи от узлов водных путей, по берегам морей и судоходных рек. Не только Амурский бассейн послужил базой освоения региона (вспомним хотя бы знаменитые амурские сплавы!), не только артерии Ленского, Колымского, Индигирского, Анадырского бассейнов становились основными путями, связывающими очаги хозяйственного строительства, –

бесчисленные «малые», по сибирским масштабам, реки открывали ворота в мир, делали далекие чужие края близкими и своими.

Тем не менее оставались у нас и районы, куда только самолетом можно долететь. И единственная альтернатива авиаперевозкам, безумно дорогим вообще, а в наших условиях в особенности, – транспортировка грузов по зимникам, вариант тоже не дешевый. Правда, бывают ситуации, когда переброска груза по воздуху оказывается наиболее дешевой, например, при доставке самолетом АН-124 в Якутию из Владивостока суперсамосвала весом 150 тонн, но такие случаи редки.

Авиация обеспечивала в основном пассажироперевозки – до 5,5 миллионов человек в год. Особенно заметно это было в дальневосточных аэропортах весной, когда отпускники улетали домой к родне или на курорты Запада, и осенью, особенно к началу учебного года, когда основная масса возвращалась домой. У стоек регистрации, в зале ожидания, в камере хранения багажа, в буфетах и туалетах, везде народу было – не протиснешься, достать билет на нужную дату было мечтой, не всегда осуществимой.

Да и начальство старалось поменьше оголять производство летом, в пору сплошного курортно-отпускного ажиотажа:

– Иванов, – спрашивает директор, – ты теплую водку любишь?

– Нет, – недоуменно отвечает подчиненный.

– Потных женщин любишь?

– Нет, – протестует допрашиваемый.

– Ну, значит, поедешь в отпуск зимой!

Но ничто не помогало, и бурный поток авиапассажиров, несмотря на естественную антипатию к теплой водке и потным женщинам, перехлестывал все препятствия и ограничения. Жизнь бурлила и клокотала на нашем Дальнем Востоке. Особенно заметным это становится, если сравнивать недавнее прошлое с нынешним кладбищенским порядком в аэропортах. Лети когда хочешь и куда хочешь. Все проблемы пассажирских авиаперевозок «невидимая рука рынка» решила окончательно и бесповоротно.

Наиболее слабым звеном в транспортной сфере были автомобильные перевозки как грузовые, так и пассажирские. Здесь проблемы существовали и с дорогами, и с автопарком, не говоря уже о сервисе и сопутствующих предприятиях.

Обеспеченность дорогами с твердым покрытием в регионе в 5,5–6 раз уступала средним по РСФСР показателям. Нормативы, по которым эти дороги строились, давно стали устаревшими, не отвечали повысившимся требованиям к интенсивности движения и к нагрузке на полотно. И это вело к перерасходу топлива (иногда на 70–150%), к повышению аварийности и к преждевременному износу техники.

Большинство эксплуатируемых машин были рассчитаны на грузы в 2–5 тонн. Не хватало как большегрузных автомобилей, так и микрогрузовиков. Слишком велик был средний срок эксплуатации машин, что тоже вело и к перерасходу топлива, и к повышению затрат на закупку запчастей и ремонт. Остро ощущалась нехватка автобусов и легковых автомобилей, специальной техники, машин в северном исполнении... Лишь в семидесятые-восьмидесятые годы начались массовые поставки, прежде всего на Север, а затем и в другие области Дальнего Востока тяжелой техники – КрАЗов, МАЗов, КАМАЗов, на вскрышные и карьерные работы – гигантских БелАЗов.

От общих темпов экономического и транспортного развития отставала организация взаимодействия отдельных видов транспортных потоков в местах их пересечения – перевалки, перегрузы, складирование, хранение. Конечно, были достижения и в этой сфере. Особое значение в связи с большой длиной как морских, так и речных путей приобрел новый класс судов «река-море», позволяющий без перевалок доставлять массовые грузы из глубины континента в Японию, Китай, Корею, Гонконг, Сингапур. И все же самыми узкими местами транспортного конвейера были именно терминалы – железнодорожные, морские, речные. При приросте грузооборота флота на 7–8% в год общая длина причальных стенок возрастала только на 2,5% в год. А именно для Дальнего Востока решение межотраслевых проблем было особенно важно, так как здесь транспортные схемы доставки какого-либо груза зачастую включали по 4–5 перевалок.

Но это были все же трудности роста, неизбежные, вообще-то говоря, в регионе с такими огромными размерами и таким низким уровнем освоенности, как Дальний Восток.

Сейчас острота этих проблем снизилась пропорционально падению объемов производства и соответственно грузоперевозок [37].

ПРОИЗВОДИТЬ ИЛИ ЗАВОЗИТЬ?

Что перевозится нашим транспортом? Топливо, в первую очередь нефть и уголь, многие другие продукты или ресурсы, которые можно было бы добывать или производить на местах. Есть такой термин в экономике – импортозамещающие производства. Если под импортом понимать ввоз в регион, не обязательно из-за границы, а пусть и из других регионов страны, то постановка такова – насколько следует развивать импортозамещение и какова должна быть доля ввозимого продукта? Что развивать, на что выделять деньги – на производство или на транспорт?

Прежде всего, надо помнить, что собственная продукция, произведенная на месте из собственных природных ресурсов, обойдется дороже, чем привезенная издалека, даже с учетом всех транспортных расходов. В этом ведь и состоит суть идеи международного, глобального разделения труда и всепланетной кооперации производства.

Меня всегда поражали выводы «объективно мыслящих» экономистов. Зачем, говорили они добывать олово на Дальнем Востоке? Дешевле завезти его из-за рубежа. Зачем разрабатывать местные угольные месторождения? Гораздо экономнее пользоваться привозным углем. То же самое и относительно нефти, то же касательно сельхозпродукции и ширпотреба, не говоря уже о продуктах высоких технологий и тяжелой индустрии.

Но давайте тогда доводить эти выводы до логического конца. Любое производство в России, и особенно на Дальнем Востоке, убыточно. Ничего нельзя развивать в нашей стране, и даже сохранять ранее построенное нерационально. Но для кого это нерационально? Для «общечеловеков». Это с их точки зрения содержать в России 150 миллионов человек нецелесообразно, экономически невыгодно. То есть они уже сейчас мыслят себя хозяевами России и определяют судьбу русских людей, их детей и внуков.

Если же нам самим решать свои вопросы жизни и судьбы, то мы должны оценить в первую очередь экономику, их экономику. И если наше существование противоречит принципам, положенным в основание построенной их учеными экономики, то тем хуже для их экономики.

Нам решать, как нам жить, а не подтверждать своей жизнью истинность их теоретических построений.

Да, с точки зрения возможного (а может, уже реального?) хозяина мира мы не имеем права на существование. Но тогда нам и надо видеть главную опасность в подчинении этому хозяину. И основная наша деятельность должна быть направлена на обеспечение независимости от этого хозяина. В чем и заключался главный вектор нашего социального и хозяйственного развития на протяжении целого тысячелетия. К нему и надо вернуться, а правильнее будет сказать, от него не следует отказываться.

И тогда самой важной характеристикой дальневосточного хозяйства будет его полезность для обеспечения целостности и жизнеспособности страны и ее народа. И тогда станет несомненным, что жизнеспособность отдельных частей и органов единого государственного организма для этого необходима. Отмирающие органы приведут к смерти и весь организм. А потому нам надо сохранять и укреплять живую ткань нашего социума, нашего производства и жизнеобеспечения. И потому надо развивать собственное, хотя и убыточное с *их* точки зрения сельскохозяйственное производство на северах, добывать наше нерентабельное олово, разрабатывать наши убыточные угольные и нефтяные месторождения, организовывать и укреплять высмеиваемые и дискредитируемые *их* корифеями военные совхозы и заводские подсобные хозяйства...

Экономика – наука, увы, недальновидная и ущербная. Один лишь пример. Наше олово было страшно убыточным, и в пору самой истеричной советско-китайской дружбы наши комбинаты на северах были практически заморожены. Гораздо дешевле, несравненно дешевле оказалось завозить этот стратегический металл из братского Китая. И вдруг события на Даманском, настоящая война, хотя и не широкомасштабная, но все же... КНР уже не друг № 1, а чуть ли не враг № 1. И мы остались на мели. Хорошо хоть в нашей Киргизии остался надежный источник олова на весь Советский Союз. Сейчас нет уже и *нашей* Киргизии. И снова во весь рост встала оловянная проблема. Тем не менее и в те годы звучали «трезвые» голоса, выдвигались объективные экономические аргументы – зачем вкладывать деньги в освоение Депутатского месторождения в Заполярье, когда очевидно, что и строительство комбината, и производство олова на нем будет гораздо более убыточным, чем

на Солнечном комбинате под Комсомольском [38]. Нам ни в коем случае нельзя принимать во внимание только экономические критерии при планировании нашего хозяйства. Снявши голову, по волосам не плачут. Если уж мы сами такие нерентабельные, то пусть и наше производство будет похоже на нас, как собака на хозяина.

Во все времена было очевидно, что экспортная ориентация нашего сырьевого сектора неизбежно заведет нас в тупик. Вот какой краткий, но емкий анализ этого вопроса был проведен еще в 1982 году: «Темпы роста цен на сырьевые товары заметно отстают от темпов роста цен на готовую продукцию (за исключением цен на энергетическое сырье). Поэтому при сохранении сырьевого характера дальневосточного экспорта его эффективность в перспективе будет падать, в том числе по сравнению со среднесоюзной. В то же время с развитием советской экономики собственные нужды региона в сырье будут непрерывно возрастать, и ценность каждой единицы сырья будет увеличиваться. В этих условиях усиленный экспорт приведет к сравнительно быстрому исчерпанию лучших с экономической точки зрения ресурсов сырья и к необходимости вовлекать в народнохозяйственный оборот относительно худшие ресурсы, что повлечет за собой снижение производительности общественного труда и эффективности общественного производства» [39].

То есть, если попроще – можно, конечно, снять сливки для закордонных мистеров, а себе оставить сыворотку из-под простокваши, и тем и жить много-много лет, но вот стоит ли это делать?

УПРАВЛЕНИЕ

Главный управленческий принцип стран рыночной демократии – государство не должно вмешиваться в экономические процессы. «Невидимая рука рынка» сама отрегулирует всю хозяйственную структуру, производство и потребление, спрос и предложение.

Наше же хозяйство в советские времена было плановым. Мобилизационная экономика и не может быть иной. Никакой «невидимой руки»! Рука может только обогащать алчных и наглых за счет работящих и добросовестных. А тут надо в

условиях мобилизации чувствовать локоть друга и не терзаться подозрениями, что в то время, как ты тянешь из себя жилы во имя Родины, кто-то рядом хапает, обворовывая и тебя, и твоих друзей, и всю страну.

Чтобы работала «невидимая рука», нужны соответствующие свойства национального менталитета – корыстолюбие, предпочтение личных шкурных интересов, а у нас не было такого в национальном характере никогда, следовательно, и надежды на регулирующую роль рынка оставались беспочвенными. Эти рыночные методы в нерыночной среде способны только деформировать и извращать социальную гармонию.

А раз не было управления с помощью экономических рычагов – значит, должно было существовать прямое управление общественными и экономическими процессами. Я был свидетелем, как наш губернатор В.И. Ишаев призывал московских финансовых воротил из самых высоких коридоров власти вернуть ему казначейство, при котором каждая копейка, распределенная в Москве, доходила до самой глухой деревни. Теперь же государственные средства распределяются через коммерческие банки, которые прокручивают их сначала, как хотят, причем к рукам прилипает львиная доля, а потом выдают субсидии денежными суррогатами.

Прямое управление означает, что людьми управляет человек. Конечно, и при денежно-экономическом управлении суть остается той же самой: при помощи финансовых рычагов людьми управляет человек, – тот, в руках которого деньги. И вся эта финансовая бутафория только маскирует реальную ситуацию.

Самый понятный эталон прямого управления – армейская система иерархии, субординации, формулировки приказов, их исполнения и проверки. «Дан приказ – ему на запад, ей в другую сторону...», – и безо всяких разговоров! Приказы не обсуждаются. В мирное время в СССР армейское управление социальными и хозяйственными процессами осуществлялось через аппарат КПСС. Советы играли роль скорее представительных органов, чем управленческих, а если и исполняли функции управления, то более низкого, подчиненного уровня.

Эта структурная сущность партии окончательно стала прозрачно ясной в эпоху преобразований. В Хабаровске был особый, очень важный вуз – высшая партийная школа. «Что

делать с ВПШ?» – возник вопрос после законодательного запрета КПСС. Вопрос был отнюдь не простым. КПСС была совсем не нужна новым властям, но мало-помалу выяснилось, что и «реформаторы» не могут обойтись без тех функций, которые несла партия, что и подготовка исполнителей, носителей этих функций необходима при «демократии» ничуть не меньше, чем при «тоталитаризме». ВПШ возродилась под новым именем – ДВАГС, то есть Дальневосточная академия государственной службы.

И все же что-то изменилось. «Что именно?» – спрашивал я у тех, кто лично знал и мог сравнивать напрямую, что было и что стало. «Изменился уровень», – категорически заключали ветераны. Бывшие и нынешние – как небо и земля. Советских управленцев отличал гораздо более высокий уровень компетентности и ответственности. Их готовили, и они сами готовились служить Родине. Они творчески и со знанием дела исполняли приказы по обустройству региона. Нынешние – корыстолюбивые полузнайки и халтурщики. Впрочем, это не касается заочников, работающих в местных органах власти и приезжающих в Хабаровск на повышение квалификации. Старая закваска еще не выдохлась.

М.И. Леденев, познакомившийся и с крестьянским, и с управленческим трудом, и с научным анализом, настаивает – нет никаких оснований думать, что государственный служащий менее энергичен и предприимчив, чем частник. Правда, нынешние чиновники уже не те: они вынуждены брать взятки и воровать, так как никто сейчас не уверен в своем будущем и в будущем своих детей. Раньше же воровать не было необходимости, и честные люди имели возможность честно работать.

Приведу один из примеров советского управленческого прошлого, известных мне лично. Мой знакомый – командир пулеметного взвода 100-й воздушно-десантной дивизии РВГК (резерва Верховного главнокомандования), младший лейтенант Анатолий Игнатьевич Тришечкин прошел всю войну и встретил Победу в Австрии. Вот строки из его боевой характеристики, с сохранением орфографии первоисточника: «Пользуется среди офицеров и личного состава авторитетом, общителен, тактически грамотный, физически здоров, в походах вынослив. Во время подготовки личного состава клал все силы на подготовку личного состава по изучению опытов Отечественной войны, борьбы с немецко-фашистскими

захватчиками. В должности командира пулеметной роты справляется хорошо.

За время боевых действий с 20 марта по 30 апреля 45 г. показал хорошие образцы управления взводом на поле боя. В бою за г. Фюссельдорф 8 апреля 1945 года со своим взводом ворвался в город и завязал уличные бои. Противник неоднократно пытался отбросить наши подразделения назад, но был отброшен взводом мл. лейтенанта Тришечкина Анатолия Игнатьевича.

В должности командира пулеметного взвода соответствует.

Командир пульроты гвардии ст. л-т Раков. Согласен: командир 2-го стрелкового батальона гвардии капитан Бурмистров. Заключение командира полка: достоин зачисления в кадры Красной Армии и продвижения по должности. Командир 357 гвардейского Ордена Суворова 3-ей степени стрелкового полка гвардии майор Ефремов»

На выцветшей фотографии тех времен: сидят на траве двенадцать человек в полевой форме – это *весь* состав пулеметной роты, оставшийся в живых после вчерашнего боя. Для непосвященных – справка: нормальный состав роты больше ста человек.

Вот таких, как мл. лейтенант А.И. Тришечкин, и продвигали дальше по службе. После демобилизации и обучения в хабаровской ВПШ он был направлен на укрепление слабого звена в Корякский автономный округ, несколько лет был комиссаром крупнейшего на Камчатке Анапкинского рыбокомбината, и после того как зарекомендовал себя на райкомовском уровне не хуже, чем в пульроте, его продвинули выше, поставили первым секретарем Корякского окружного комитета КПСС, или, говоря попросту, начальником Корякии. В его руках сосредотачивались все нити управления, без его дозволения не происходило практически ничего на подведомственной территории.

Тоталитаризм? Безусловно. А попробуйте представить себе корабль с демократической формой управления! Да потонут в первый же шторм все поклонники либерализма, оказавшиеся на борту, а если уж случайно выживут, то сразу же потребуют введения жесткого единовластия, безоговорочного тоталитаризма. Или представьте такое: командир взвода мл. лейтенант А.И. Тришечкин ставит на голосование вопрос – идем в атаку или в окопах отсидимся? Наш, русский и

советский, государственный корабль прошел сквозь такие бури и ураганы за тысячелетие плаваний, что необходимость прямого управления поняли все от капитана и боцмана до самого младшего матроса и самого несмышленого юнги. И пулеметный взвод нашей мобилизационной экономики был всегда готов хоть грудью на амбразуру, хоть насмерть в обороне.

Ну никак не могла выпасть экономика из сферы единоуправляемой советской государственной системы! И давайте рассмотрим теперь, насколько в действительности была эта система негибкой, нерациональной и *полупроводниковой*: я начальник, ты – дурак?

Послушаем В.А. Корчмита, в те же времена в той же Корякии работавшего в той же системе на районном уровне.

Существовала строгая управленческая практика: до вынесения вопроса на обсуждение пленума окружкома КПСС велась тщательная подготовка, не менее чем за 3–5 месяцев разрабатывались вопросники, создавались рабочие группы, которые выезжали на места, в поселки, бригады, встречались со специалистами, рабочими, колхозниками, пастухами и ветеринарами, интеллигенцией, и потом разрабатывали предложения и вносили их на рассмотрение. Обратная связь была, все сигналы с мест рассматривались и учитывались при принятии решений.

И как пояснил мне бывший первый секретарь окружкома КПСС, по этим же принципам работали и более высокие звенья управления: ЦК выносил вопрос в обкомы, собирал от своих низовых подразделений сведения, мнения, рекомендации по обсуждаемым проблемам, все эти соображения учитывались перед вынесением их на обсуждение в ЦК, но после принятия постановления принятые решения обретали силу закона и подлежали безоговорочному исполнению, как знаменитый приказ № 227 времен войны – «Ни шагу назад!»

Или вот самый базовый управленческий уровень – оленеводческое звено: «Звеньевой И.В. Энылхут считает, что его личный пример – уже половина успеха. А другая – это полное взаимопонимание и взаимовыручка. ... Все варианты решения того или иного вопроса обсуждаются коллективно. Также коллегиально тут проводят и анализ выполненных работ. Словом, все делается как в хорошей, работящей, дружной семье. Впрочем, почему "как"? Ведь звено – это и есть одна сплоченная семья, состоящая из скромных на слова, но очень надежных в деле людей» [40].

И так было везде: «Автору не приходилось встречать специалистов-оленеводов, преследующих чисто меркантильные цели, – все они были патриотами своего дела, своей профессии, а некоторых можно было отнести в разряду "фанатов тундры"... С высоты прожитых лет автор все больше приходит к убеждению, что только такие "фанаты тундры", обладающие профессионализмом и большой ответственностью, обеспечили достижение значительных успехов и высоких производственных показателей в работе оленеводческих совхозов» [41].

Конечно, и отрицательных примеров было более чем достаточно.

Во всех конторах совхозов и колхозов проходу не было от многочисленных инструкторов и проверяющих, чаще всего учителей, журналистов и культработников по профессии. По всем вопросам сельхозпроизводства они давали указания, как доить коров, как в мерзлую землю сажать картофель, как убирать сено и заготавливать сочные корма, как и куда распределять прибыль и фонд материального поощрения. И все делалось в категоричной форме, по принципу – это мнение райкома или окружкома... [42].

Было такое? Было, да еще как, еще в каких масштабах! И что же в результате?

«Сложился некоторый управленческий парадокс. С одной стороны, во времена административно-командной системы все руководители, и автор в том числе, постоянно выражали протест против мелочной опеки и пресса со стороны партийных и советских органов и всевозможных проверяющих... Но, с другой стороны, эта же опека была как бы сдерживающей силой, как бы страхующим кругом, за пределы которого ни один из руководителей не смел и шагу шагнуть, т. к. все боялись потерять партбилет, должность, зарплату. Автору не один раз приходилось на себе испытывать влияние этих методов управления.

Но как бы то ни было, это была система самонастраивающаяся и самострахующаяся, где все участники должны были работать как слаженный часовой механизм. И вот в один момент весь этот слаженный механизм был разрушен. Причем разбалансировка произошла мгновенно – это и либерализация цен, и приватизация, проведенная кавалерийскими методами – хватай, тащи все, что плохо лежит» [43].

О том же и хабаровский губернатор В.И. Ишаев: «Если раньше простой человек мог пойти в профсоюз и пожаловаться на действия своего директора или начальника цеха, если раньше нерадивого директора, который не заботится о своих подчиненных, могли отстранить от должности, то после приватизационной реформы люди оказались практически беззащитными, не способными опротестовать действия "новых хозяев жизни", более того, им пришлось сталкиваться с откровенным цинизмом начальства» [44].

И далее, про персонал приватизированных предприятий: «Мы почти ничем не могли помочь попавшим в западню рабочим, федеральное руководство не оставило нам никаких рычагов влияния на происходящее. Трудовые коллективы бастовали, писали письма, а многочисленные проблемы тут же легли на плечи краевого руководства... Экономический ущерб, который был нанесен Хабаровскому краю в результате этих непродуманных действий, невозможно подсчитать даже сегодня.

...При этом Москва всегда резко отвергала все наши просьбы передать контрольные пакеты акций в управление краевой администрации. Противились этому, и по вполне объяснимым причинам, директора предприятий. В самом деле, сегодня они никому не подчиняются и только иногда удовлетворяют меркантильные запросы каких-то московских чиновников и многочисленных хозяев. А краевая администрация, обладай она контрольным пакетом, могла бы активно вмешиваться в действия директоров, изменять политику на производстве и даже увольнять тех, кто больше думает о своей выгоде, чем о деле» [45].

Государство все больше и больше передает частнику рычаги управления страной. Вот что Виктор Иванович пишет про премьера В.С. Черномырдина: «Я никогда не соглашался с политикой Виктора Степановича, направленной на то, чтобы распродать и разделить еще работающие российские предприятия. Мне кажется, что это тупиковый путь, который может привести страну если не к краху, то к глубокому кризису, поскольку все последние годы мы только и делаем, что делим и продаем, но не создаем ничего нового. Черномырдин несет ответственность и за разгон наиболее важных, базовых министерств: оборонной промышленности, лесной промышленности, рыбной промышленности... Сегодня эти (когда-то крупнейшие) министерства преобразованы в

малозначащие и ничего не решающие департаменты, а все наши валютоемкие отрасли разворовываются...» [46].

Первым среди всех звеньев, необходимых для возрождения оленеводства, В.А. Корчмит называет государственную систему управления и государственную поддержку оленеводства как основной отрасли, обеспечивающей жизненный уровень, культуру, быт и даже выживание и самосохранение коренных малочисленных народов Севера – коряков, эвенов, ительменов, чукчей и других [47].

Это жизненно необходимо, потому что есть чрезвычайно много компонентов хозяйствования, которые частнику просто недоступны. Среди них опытный специалист в управлении оленеводством перечисляет: авиаохрана табунов, отстрел волков с помощью авиации, пожарная охрана, социальная поддержка кочевых семей, оплата проезда в отпуск и на лечение, научное обеспечение оленеводства, ветеринария (борьба с копыткой и оводом), племенная работа (обмен производителями в рамках всей страны), подготовка кадров, проведение слетов для обмена опытом, дотации на транспорт и ГСМ, на завоз кормов, строительство маршрутных домиков, коралей, приобретение оружия, радио- и электростанций, оборудования для переработки мяса, техники (вездеходы, вертолеты), жилкомхоз и соцкультбыт [48].

Характерные черты советской системы управления особенно ярко высвечиваются в сопоставлении. В Корякии теперь функционируют крестьянские (фермерские) хозяйства. Вот два из них – «Айнын» и «Кояна».

Чего же они добились, уйдя из совхоза, за годы своего существования? Свободы от отчетности и контроля – и только. Избавившись от административно-управленческого аппарата совхоза, они вынуждены были сами создавать свой аппарат, но на примитивном уровне.

Н.М. Хечгин, глава хозяйства «Айнын», в прошлом прекрасный оленевод, оказался не готовым к административно-хозяйственной деятельности, а его заместитель – и того хуже. Вдобавок, они постоянно находятся в селе Манилы со своими семьями – вопиющая безответственность перед собственным коллективом, чего раньше им никто бы не позволил. Нет планирования работ, не проводится подсчет оленей, пастухи-пайщики не знают, сколько они должны получить за свой труд и каковы дивиденды от пая. Не видят они ни результатов своего

труда, ни перспектив на будущее. И как естественное следствие начинается переход оленеводов-пастухов в совхозные звенья.

Такое же положение дел и в хозяйстве «Кояна». Исключительно плохо снабжаются работники тундры продуктами питания, нет у них радио, газет, нет оружия для борьбы с хищниками. На глазах у пастухов медведи безнаказанно терзают телят. С октября начинается пиршество волков. Оформление разрешения на оружие и его покупка в полной мере лежат на совести глав хозяйств. Они в селах, и не трогают их ни медведи, ни волки. И что же получается? Нет прироста поголовья, хозяйство поедает само себя, и при таком ведении дел неизбежно наступит крах. О зооветеринарной и племенной работе и говорить нечего.

А вот какова картина в пятом звене совхоза «Манильский». Это целая деревня в тундре, с домиками, юртами и баней. Трудно сейчас всем, но в звене высок моральный дух людей и от коллективизма, и от того, что крепко укоренилось в людях недавнее прошлое. Там три умелые хозяйки. У них все организовано, прибрано... А в крестьянском хозяйстве всего одна хозяйка, и будь она хоть семижильная, ей просто не под силу успеть за всеми, особенно в период заготовок на зиму...

Японцы, побывавшие в хозяйстве «Кояна» и в совхозном звене, были удивлены тем, что в «развалившемся» совхозе их угостили полным набором тундрового сервиса, а в «процветающих» фермерских хозяйствах – только мясом.

Наилучшая ситуация в оленеводстве Корякии – в очень хорошо мне знакомом совхозе «Корфский». А причина проста: директор совхоза В.И. Тен заявил: «Называйте как хотите (сейчас это ГУП ОПС, то есть государственное унитарное предприятие оленеводческо-промысловый совхоз), но пока я здесь, все останется как было». В результате такой жесткой, диктаторской управленческой политики хозяйство не было растащено по частным табунам, удалось и сохранить максимум поголовья, и понести наименьшие потери в социальной сфере, численности населения и в его здоровье [49].

А в общем, ничего нового в таком повороте дел нет. После того как в 1887 году конгресс США принял закон Дауэса о разделе индейских общинных земель, и каждый краснокожий стал владельцем собственного участка, урожайность упала на треть, доходы резко сократились. Взаимопомощь, чувство локтя, нестяжательство, глубоко укоренившиеся в натуре

индейцев, не удалось заменить стремлением к личной выгоде [50].

И для коряков, и чукчей, равно как и для нас, русских, управление, основанное на принципе «бесплатный только сыр в мышеловке», неприемлемо категорически.

Чем более материалистическим становилось мировосприятие народа в последние предперестроечные годы, тем более трудноразрешимой становилась проблема закрепления кадров и формирования на Дальнем Востоке постоянного населения. Да иначе и быть не могло. Ведь с точки зрения чистой экономики проблема просто бессмысленна. При таких как у нас удорожающих факторах любое производство здесь не только убыточно, – оно в России везде убыточно, если подходить к анализу ситуации с позиции мировых стандартов, – хуже всего то, что оно более убыточно, чем в любом другом районе страны. Наращивая производство, наращиваем убытки – ну нет ли большего абсурда для экономики? Зачем тогда разрабатывать планы хозяйственного и социального развития Дальнего Востока? Стоит ли игра свеч? Не лучше ли осваивать ресурсы нашего региона вахтовым методом, как это делается на морских нефтедобывающих платформах, на промыслах тюменского севера?

Но давайте вернемся к постановкам. Зачем понадобился России Дальний Восток? Русские, ведя все тысячелетие своего государственного существования активную оборону от агрессивных соседей, окружающих нас со всех сторон, выдвигали защитные рубежи до тех пор, пока не дошли до естественных границ, на которых мы защищены природными препятствиями.

Свою прифронтовую линию Россия всегда сберегала с помощью казачьих поселений. Здесь жили люди, в обязанности которых входило при полной боевой готовности обеспечивать себя и обустраивать территорию. И такое казачество было и на нашем юге – это Забайкальское, Амурское, Уссурийское войско, и на севере, – стоит лишь почитать географические описания, как сразу с удивлением открываешь для себя факт существования казачьих формирований в Якутии, на Чукотке и на Камчатке.

Возможно, к этой идее в нынешней экономически неразрешимой ситуации и стоит вернуться. Тем более, что метрополия, Москва, традиционно не рассматривала казачьи защитные линии как самоокупаемые и уж тем более как

прибыльные. В смутную пору государственных опасностей она снабжала хлебом, порохом и сукнами и донских казаков, и терских, и яицких, и даурских, и уссурийских...

Вот и сейчас надо вернуться к тому же принципу. Конечно, не переодевать всех жителей Дальнего Востока в шаровары с лампасами, и не вооружать их острыми шашками и пиками, – нет, пусть защитники дальневосточных рубежей будут вооружены танками Т-72, ракетами СС-20 и самолетами Су-27, и воинские соединения пусть останутся под общим командованием Москвы, просто к предназначению нашего региона надо относиться не экономически, а геополитически, и хозяйственные проблемы надо решать здесь не внешними, а внутренними методами. Например, военный совхоз должен оцениваться не по критериям конкурентоспособности его продукции на мировом рынке, а с точки зрения пригодности для самообеспечения части необходимыми продуктами. И к идее подсобных хозяйств промышленных предприятий стоит вернуться. И Дальний Восток в целом надо оценивать не по его соответствию мировым требованиям, а насколько он удовлетворяет потребностям и историческим целям России.

...Семьдесят лет советской власти были последним периодом четырехсотлетней эпохи созидания на Востоке России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. С. 21.

2. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. С.13.

3. *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. С.18.

4. Нефтегазоносность Дальнего Востока и Китая / *Буряк В. А., Лошак Н. П., Салин Ю. С., Гилев В. И., Нигай Е. В.*//Проблемы нефтегазоносности Приморского края. Владивосток, 1996. С. 4–5.

5. *Галичанин Е. Н.* Основные положения Президентской федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1998. № 1. С. 35.

6. *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. С. 87.

7. *Шейнгауз А. С.* С заботой о лесе: Беседы о лесном хозяйстве Дальнего Востока. Хабаровск, 1987. С. 124.

8. Эти выводы я привожу по тексту главы *Рянского Ф. Н.*, подготовленному для нашей совместной книги: *Косыгин Ю. А., Миков Е. Г., Рянский Ф. Н., Салин Ю. С.* Гармония и устойчивость в региональном развитии. Публикация книги не состоялась.

9. Программа устойчивого землепользования и рационального распределения земель в бассейне реки Уссури и сопредельных территориях (Северо-Восточный Китай и российский Дальний Восток). 1996. С. 68. Издано, по-видимому, в Вермонте, США, во всяком случае, упомянуто, что там изданы карты, а насчет места издания книги нет никаких указаний.

10. *Сухомиров Г. И.* Что может дать наша тайга. Хабаровск, 1986. С. 205.

11. *Измоденов А. Г.* К лесному сельскому хозяйству // Дальний Восток. 1998, № 9.

12. *Задорин В. И.* Северное оленеводство. Магадан, 1979; *Караев А. И.* Чукотско-Анадырский край (очерки местного жителя) //Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1926. № 4, № 5; *Коган М.* Оленеводство за границей // Советский Север. 1930. № 6; *Сухомиров Г. И.* Что может дать наша тайга. Хабаровск, 1986. С. 173.

13. *Сухомиров Г. И.* Что может дать наша тайга. Хабаровск, 1986. 224 с.; Он же. Ресурсы охотничьих животных //Природопользование российского Дальнего Востока и Северо-Восточная Азия. Хабаровск, 1997. С. 118.

14. *Сухомиров Г. И.* Что может дать наша тайга. Хабаровск, 1986. 224 с.

15. *Сухомиров Г. И.* Что может дать наша тайга. Хабаровск, 1986. С. 56; Он же. Ресурсы охотничьих животных // Природопользование российского Дальнего Востока и Северо-Восточная Азия. Хабаровск, 1997. С. 62–70.

16. *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. С.108.

17. *Глухов С.* Что там, за горизонтом? Хабаровск, 1990. 96 с. (Книга представляет собой интервью журналиста С.А. Глухова с экономистом М. И. Леденевым); *Минакир П. А., Рензин О. М., Чичканов В. П.* Экономика Дальнего Востока. Перспективы ускорения. Хабаровск, 1986. 254 с.; *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. 56 с.

18. Корчмит В. А. Когда буксует хозрасчет // Корякия: любовь и боль моя. Петропавловск-Камчатский, 2001. С.18

19. *Маак Р. К.* Вилюйский округ. М., 1994. С. 57.

20. *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные пресбразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. С. 13.

21. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. С. 29.

22. Некоторые проблемы движения рабочей силы в условиях хозяйственного освоения зоны БАМа /*М. И. Леденев, С. П. Быстрицкий, М. Г. Лавриненко, В. Г. Белоусов* // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч. 2. С. 115.

23. *Дьяченко В. Н.* К вопросу об оценке эффективности формирования рабочей силы на строительстве БАМа // Проблемы хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали. М., 1981. С. 22.

24. *Дьяченко В. Н.* К вопросу об оценке эффективности формирования рабочей силы на строительстве БАМа // Проблемы хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали. М., 1981. же. 31.

25. *Фролов А. П.* О некоторых проблемах формирования стабильных трудовых коллективов в условиях строительства БАМ // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч. 2. С. 29.

26. Некоторые проблемы движения рабочей силы в условиях хозяйственного освоения зоны БАМа /*М. И. Леденев, С. П. Быстрицкий, М. Г. Лавриненко, В. Г. Белоусов* // Человек

на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск , 1979. Ч. 2. С. 102.

27. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2001. С. 98.

28. *Чичканов В. П.* Проблемы социального развития восточной зоны БАМ // Хозяйственное освоение зоны БАМа: территориально-производственные сочетания восточного участка. Владивосток, 1983. С. 26.

29. *Леденев М. И., Логинов И. Е., Сентерев В. А.* Проблемы формирования и использования трудовых ресурсов г. Комсомольска-на-Амуре // Проблемы хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали. М., 1981. С. 58–71; *Леденев М. И.* Формирование и использование трудовых ресурсов Комсомольского ТПК. // Хозяйственное освоение зоны БАМа: территориально-производственные сочетания восточного участка. Владивосток, 1983. С. 34.

30. *Белоусов В. В.* Проблемы формирования социальной инфраструктуры в зоне БАМа // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч.1. С. 50.

31. *Белоусов В. В.* Проблемы формирования социальной инфраструктуры в зоне БАМа // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч. 1. С. 55.

32. *Кошелев А. В., Пекер Я. Д.* К развитию централизованного теплоснабжения автономных поселков в условиях БАМа // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч. 1. С. 84.

33. *Дмитриев В. И.* Современное состояние и перспективные направления организации бытового обслуживания в зоне БАМа // Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Благовещенск, 1979. Ч. 1. С. 59.

34. *Чичканов В. П.* Проблемы социального развития восточной зоны БАМ // Хозяйственное освоение зоны БАМа: территориально-производственные сочетания восточного участка. Владивосток, 1983. С. 18.

35. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. С. 64.

36. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. С. 54.

37. Справочные данные этого раздела приведены по книгам: *Глухов С.* Что там, за горизонтом? Хабаровск, 1990. 96 с. (Книга представляет собой интервью журналиста С.А. Глухова с экономистом М. И. Леденевым); *Минакир П. А., Рензин О. М., Чичканов В. П.* Экономика Дальнего Востока. Перспективы ускорения. Хабаровск, 1986. 254 с.; *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. 56 с.; *Заусаев В. К., Леденев М. И., Быстрицкий С. П.* Социально-экономическое развитие Дальнего Востока в условиях формирования рыночных отношений. Хабаровск, 1999. С. 209.

38. *Мусатов И. А.* Перспективы развития Солнечного горно-обогатительного комбината // Хозяйственное освоение зоны БАМа: территориально-производственные сочетания восточного участка. Владивосток, 1983. С.74.

39. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. С. 53–54.

40. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 109.

41. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 105.

42. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 115.

43. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 325 .

44. *Ишаев В. И.* Особый район России. Хабаровск, 1998. С. 112.

45. *Ишаев В. И.* Особый район России. Хабаровск, 1998. С. 113–114.

46. *Ишаев В. И.* Особый район России. Хабаровск, 1998. С. 163–164.

47. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 188.

48. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 381–382.

49. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 316–317, 374.

50. *Ди Браун.* Схороните мое сердце у Вундед-Ни. Хабаровск, 1988. С. 273.

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Вопросы входного контроля:

Эффективной ли была советская экономика?

а) конечно, нет;

б) да;

в) при системном подходе, если оценивать в целом – да; если же оценивать отдельные отрасли и предприятия – нет.

Вопросы текущего контроля:

Государственное регулирование экономики – основная причина рекордных темпов роста советской экономики в 20 – 50-е гг.

Снижение темпов роста в 60 – 80-е гг. и его причины:

а) принципиальная порочность всей советской хозяйственной системы;

б) отсутствие вдохновляющей и мобилизующей идеи;

в) излишнее огосударствление всех сфер жизни, прежде всего жилищной и бытовой.

Методы оценки эффективности советской экономики:

а) по эффективности отдельных отраслей и предприятий;

б) по технологическому уровню советской продукции;

в) по темпам роста жизненного уровня с учетом социальных гарантий;

г) по общему экономическому, оборонному, культурному и научному потенциалу.

Вопросы выходного контроля:

Оценка эффективности советской экономики: методы, результаты.

План и рынок: оптимальное соотношение.

Общие экономические результаты советского периода.

Глава 9

ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

АРГУМЕНТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Советская экономика, продемонстрировав как в нэповский, так и в колхозно-индустриальный период свои невиданные ранее в мире возможности, начиная с семидесятых годов затормозила развитие. От пятилетки к пятилетке темпы роста уменьшались, кривая подъема выполаживалась, и было ясно, что при сохранении тенденции она в конце концов перегнется через горизонталь, начнется сокращение производства.

Этим замедлением аргументировали смену общественно-политического курса «прорабы перестройки». Другим сильно действующим доводом был более низкий, чем на Западе, жизненный уровень советского народа. Сейчас, по прошествии целой эпохи, можно разобраться, в чем здесь состояло различие между словами и делами.

Итак, слова: необходимо к социалистическому механизму подключить ускоритель развития в виде личного материального интереса, обеспечить для конкуренции реальную возможность воздействия на хозяйственное развитие, дать экономическую свободу предприятиям, освободив их от связывающего по рукам и ногам государственного контроля. Это выдавалось за совершенствование социалистических методов хозяйствования. Поверить было нетрудно, так как в памяти еще хранился пример НЭПа, в самом деле спасшего страну от разрухи, а также совсем свежий эталон послемаоистского Китая, как раз в этот период демонстрировавшего миру практическую эффективность лозунга Дэн Сяо-пина: «Неважно, черная кошка или белая, лишь бы она мышей ловила». Или не столь образно – не имеет большого значения, капиталистические

или социалистические методы, лишь бы они работали на пользу экономике, на пользу стране.

Дела были иными, но поначалу об истинных намерениях перестройщиков практически никто не догадывался, а потом, когда страна была поставлена перед свершившимся фактом, было уже поздно. Социально-политический курс горбачевско-ельцинской команды нельзя было назвать даже реставрацией капитализма, потому что настоящего, всеохватного капитализма и до революции в крестьянской России с ее общинно-социалистическим устройством не было. Капитализм в деревне принялся было строить П.А. Столыпин, чем и породил взрыв невиданной мощи, потрясший до основания весь мир.

«Реформаторам» пришлось начинать строительство капитализма с нулевого цикла, с расчистки площадки под фундамент. В СССР не было частного капитала и не было класса, заинтересованного в смене строя. Все это приходилось создавать заново, чтобы иметь надежную базу социальной поддержки реформ, причем создавать спешно, пока народ не понял, что происходит. Пример мгновенного накопления многомиллиардных капиталов дала Америка времен сухого закона. Именно этот закон породил неискоренимую, бессмертную мафию, с тридцатых годов сделавшую первый шаг к финансовому завоеванию мира. Так что М.С. Горбачев, начавший «борьбу с алкоголизмом», первооткрывателем не был. Далее последовало предоставление экономической свободы директорам предприятий; для провоцирования и облегчения воровства были созданы при заводах и фабриках кооперативы, заработал мощный канал по прямой перекачке государственных средств в карманы «экономически активного населения». Так были созданы главные элементы новой социальной системы – капиталы и капиталисты.

Процесс пошел, но его все же понадобилось интенсифицировать. Либерализация цен превратила в пыль все трудовые накопления огромной массы населения, сказочно обогатив ничтожное меньшинство, приватизация отдала в частные руки не только деньги – субстанцию, увы, искусственную и ненадежную! – но и совершенно реальные ценности: природные ресурсы, промышленные предприятия, транспорт и средства связи.

Главный аргумент, что частная инициатива оживит экономику и ускорит наше развитие, оказался не просто

ложным, он изначально был лживым. Ни в какой сфере хозяйства, кроме торговли и услуг, ускорения не произошло. А там, где некоторое подобие улучшения наблюдалось, причины коренились в избавлении новых хозяев от старого бремени, в отказе от финансирования соцкультбыта и инфраструктуры, от капиталовложений в перспективное развитие.

И стало ясно, что Китай выбрал для себя совершенно иную модель общественного развития. В КНР не было разоблачения культа Мао и дискредитации его идей, не было отказа от руководящей роли компартии, государство сохранило за собой командные высоты в экономике и политике. Рычаги государственного управления в этот период даже укрепились. В.А. Коптюг в 1996 году приводил такие цифры: 60% составляет государственная собственность, 20% коллективная, 7% частная и 13% – собственность китайских предприятий с участием иностранного капитала [1]. Кстати сказать, во всем этом китайская линия конца XX века повторяла советскую линию НЭПа двадцатых годов. И ведь очень похожим был и «новый курс» Ф.Д. Рузвельта по преодолению обвального американского кризиса конца 20-х годов: он состоял не в ослаблении, а в усилении роли государства!

Вдумчивые экономисты заметили, что негативные последствия линии М.С. Горбачева выявились задолго до очевидного краха всей экономики. Владимир Александрович Корчмит, прошедший путь от главного экономиста и директора оленесовхоза до первого (по экономике) вице-губернатора Корякского автономного округа, пишет, что в XII пятилетке (1986–1990 гг.), которая была объявлена пятилеткой ускорения и перестройки, все объемы и показатели производства поползли вниз: «Хотя общественно-политический строй страны характеризовался как социалистический, в экономику стали внедряться новые, несвойственные социализму формы организации производства и его управления» [2].

По прошествии значительного времени стало окончательно ясно, что были выбраны самые противопоказанные России методы хозяйствования и принципы общественного устройства, но как к ним относиться нынче – как к трагической ошибке или как к осознанному курсу на уничтожение России?

Как излагает М.И. Леденев экономическую линию «прорабов перестройки», стратегия реформ должна базироваться на трех китах: *либерализация* (цены),

стабилизация (контроль над инфляцией, государственными расходами; жесткая денежная политика), *приватизация* (ликвидация государственной собственности на предприятия и государственного контроля над экономикой). И даже в тех случаях, когда собственность оставалась формально государственной, предприятия зачастую передавались в «доверительное управление» некоторым лицам, которые, конечно, обращались с ними практически так же, как если бы эти предприятия были в их частной собственности.

Сейчас появляется все больше публикаций о том, что линия М.С. Горбачева и его преемников была уж очень не похожа на ошибку. Слишком уж систематически во всех судьбоносных ситуациях из всех возможных альтернатив выбиралась наихудшая. Самые последние по времени доказательства – введение частной собственности на землю и расчленение последних еще живых державообразующих структур – энергетики, транспорта и связи.

Профессор И.Я. Фроянов, исследовавший все перипетии нашей новейшей истории, доказывает документально, что процессом, запущенным при М.С. Горбачеве, управляли из-за океана [3]. Депутат Государственной думы двух созывов, председатель подкомитета по военно-промышленному комплексу Комитета по промышленности, строительству, транспорту и энергетике, лидер Движения политического центризма, профессор, доктор физико-математических наук С.С. Сулакшин публично обвиняет власти в государственной измене, совершенной с явным пониманием смысла и значимости своего деяния [4].

Теперь уже и наши американские «друзья» заявляют об этом предельно откровенно, даже цинично откровенно. Б. Клинтон, выступление на совещании начальников штабов, май 1997 года: «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказывала правильность взятого курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока... Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы». «Трудно тут что-нибудь добавить», – комментирует И.Я. Фроянов. Разве что вспомнить, как российский президент однажды возгласил тост «за совместную российско-американскую революцию» [5]. Р. Никсон, президент США в 1969–1973 годах: «Гораздо выгоднее вложить доллар в пропаганду, чем десять долларов в создание новых видов

вооружения» [6]. Дж. Бейкер, государственный секретарь США: «Мы истратили триллионы долларов за последние сорок лет, чтобы одержать победу в "холодной войне" против СССР. В итоге с великим народом сделано то, о чем мечтали его враги. Главное – нашлись предатели» [7].

И главнейших из них называет поименно А.А. Зиновьев, самый знаменитый, пожалуй, среди всех диссидентов, автор десятков антисоветских книг, опубликованных на Западе, человек, внесший самый весомый вклад в дискредитацию советского строя: «Есть у меня чувство вины и готовность принять наказание. Но при условии наказания людей, совершивших куда более тяжкие преступления. Таких как Солженицын, Сахаров, Горбачев, Ельцин. Беспрецедентные в истории предатели!» Такова оценка, публикуемая самым официальным из всех средств массовой информации страны – журналом «Российская Федерация сегодня», органом Федерального собрания, нашей высшей законодательной власти [8].

Катастрофа в российской экономике и произошла в точности так, как было запланировано заокеанскими творцами «перестройки». Конечно, ее проявления в различных регионах оказались разными.

Если Россия – самая суровая страна мира, а Дальний Восток – самый суровый регион России, то все беды от рыночных нововведений у нас и должны выражаться в самой высокой степени. Именно так оно и получилось.

Объемы производства в Хабаровском крае и Корякском автономном округе сократились к 1997-му году в четыре раза по сравнению с 1990-м (при общем спаде по стране немногим более чем вдвое), а в Еврейской автономной области – в семь раз [9]. Близкие экономические показатели и у других дальневосточных субъектов Федерации.

Загадкой остается относительное благополучие Якутии, уровень производства здесь в 1997 году составил 74,2% по сравнению с 1990 годом. Причина, я думаю, и здесь географическая. Единственная среди всех дальневосточных субъектов Федерации, Якутия закрыта от открытого рынка, она нигде не выходит к границе страны, и подавить ее импортом труднее, транспортные барьеры тут играют и некоторую защитную роль. Кроме того, уникальные природные богатства республики (алмазы, золото, нефть и газ) в пересчете на одного жителя намного более весомы, чем в прочих субъектах. Сыграл

свою роль и малый объем обрабатывающих производств в Якутии, понесших везде на Дальнем Востоке во время перехода к рыночной экономике наибольшие потери. Наконец, не следует сбрасывать со счетов и субъективный фактор; по крайней мере, от якутских студентов в Хабаровске мне приходилось слышать много добрых слов в адрес президента М.Е. Николаева.

А вот какую оценку ставит «реформам» член-корреспондент РАН по отделению экономики, хабаровский губернатор В.И. Ишаев, самый опытный и самый авторитетный из дальневосточных региональных руководителей: «Приходится констатировать, что результатом десятилетия рыночных преобразований является существенное ухудшение геостратегических позиций России на Тихом океане. Конечно, сами по себе рыночные методы не при чем. Причина в том, что эти методы были навязаны экономике, которая не только не стала еще рыночной, но *по существу не может функционировать как элемент национального хозяйства по рыночным критериям распределения ресурсов и ценообразования* (курсив мой – Ю.С.)» [10].

В.И. Ишаев убежден – нет проблемы Дальнего Востока, есть проблема России на Дальнем Востоке! [11]. Но у Москвы другая позиция.

«Севера нам не нужны», – заявил Е.Т. Гайдар в бытность российским премьером. Но, по оценкам «реформаторов», нам вообще, как выяснялось раз за разом, не нужно то, не нужно это, обременительна одна сфера жизнедеятельности, разорительна другая... Некоторые страны обходятся вообще без академий, заявил Егор Тимурович в ответ на чрезмерные, по его мнению, запросы фундаментальной науки. На что один мой коллега отреагировал вполне однозначно, хотя и достаточно «дипломатично», – но некоторые страны обходятся вообще без Гайдаров!

Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы так излагает суть наших главных проблем: резкое снижение уровня финансирования из центра, прежде всего госзаказа на оборонную продукцию, низкая конкурентоспособность товаров местного производства, усугубляемая опережающим ростом энергетических и транспортных тарифов, стремительное изменение соотношений цен в российской экономике не в пользу продукции,

производимой в регионе, многократное уменьшение уровня централизованных инвестиций, слабое развитие инфраструктуры [12].

И потому за последние пять лет (написано в 1996 году) продукция рыбопромышленного комплекса сократилась в два раза, а лесного – более чем в три раза.

Ввод в эксплуатацию жилья и объектов соцкультбыта сократился в среднем по региону более чем в два раза, при этом в ЕАО более чем в три раза, на Камчатке в пять раз, в Корякии в семь раз, на Чукотке в двадцать раз [13].

Но ведь главная причина всех наших нынешних региональных бед в том, что сейчас к Дальнему Востоку предъявляют совсем иные требования, чем были предусмотрены при его хозяйственном освоении! Дальний Восток – форпост России на тихоокеанских рубежах. И смысл его существования совсем не экономический. Вспомните, даже наш главный литературно-художественный журнал, нынешний «Дальний Восток», раньше назывался «На рубеже»! Ну кто будет требовать самоокупаемости, а то и прибылей, например, от Кронштадта или от Севастополя?

Да, производство у нас неконкурентоспособно, но оно и в принципе не может быть конкурентоспособным, на нем тяжелым грузом висит и дороговизна рабочей силы даже по сравнению с Центральной Россией (увы, надбавки!), и непропорционально высокие затраты на отопление и строительство, опять-таки даже в сравнении с Россией. Даже если учесть одни только энергетические затраты на единицу продукции, то и они сами по себе на Дальнем Востоке почти в три раза выше, чем в европейской части России [14].

Ну и что? Дальневосточная промышленность создавалась не по экономическим соображениям, а по политическим, даже – геополитическим. Почему же сейчас она оценивается с позиции экономики? Разве те цели, во имя которых обустраивался Дальний Восток, изменились? Наоборот. Они вышли на первый план, стали еще важнее, чем раньше, стали жизненно важными для страны. Если и раньше были опасности на нашем театре военных и предвоенных действий, то сейчас эти опасности стали просто смертельными! Так почему же в то время как мы решаем проблемы всей России, эта самая вся Россия мало того, что не помогает, она еще и мораль нам читает, работать, мол, не умеете? И москвичу

непонятно, почему бастуют шахтеры Приморья или учителя Хабаровского края.

Всем царям от Николая I до Николая II, всем секретарям от Ленина и Сталина до Брежнева и Черненко было ясно, что на Востоке России можно только желать снижения убытков, но не слишком на это надеяться. В 1930 году в советской государственной программе развития региона единственной целью вообще провозглашалось создание экономической базы для армии и флота, далее эта цель стала хотя и не единственной, но осталась все же главной [15].

И даже если вынести за скобки оборонную и геополитическую роль Дальнего Востока, даже если брать отдельно экономический аспект, все равно оценки нашей хозяйственной ситуации должны быть иными, чем для прочих регионов. Да, регион не самодостаточен, но он обустраивался, чтобы поддержать самодостаточность единого хозяйственного организма страны. Чего не хватало России, и чем мог помочь наш регион в решении общероссийских экономических проблем? Стране нужно было золото, серебро, олово, вольфрам, рыба, лес, всего этого не было вовсе или было, но не в тех количествах, в других областях, и нам говорили, – вот это вы предоставьте, а насчет остального не беспокойтесь, мы вас обеспечим! Мы и не беспокоились, и с запада шли к нам станки, машины, металл, хлеб, мясо, удобрения, нефть и уголь, продукция легкой и химической промышленности, да и много чего еще. Регион имел не просто сырьевую специфику, а очень узкую сырьевую специфику.

«Отказ государства от компенсации объективных удорожаний затрат на энергетику, транспорт, заработную плату, инфраструктурное обустройство территории автоматически превратил продукцию дальневосточных производителей в неконкурентоспособную на внутреннем рынке России и стран СНГ. При этом официальной статистикой не учитывается тот факт, что многие предприятия, в силу катастрофического роста тарифов на энергию и транспортные услуги в 1992–1994 гг., не смогли выйти из кризиса позже, когда эти тарифы стали регулироваться государством. Воистину, "поезд ушел"... Ориентированные не на решение общественных и государственных стратегических задач, а на максимизацию отраслевой прибыли, транспортные тарифы по существу превратились в запретительный барьер для отраслей специализации. Экономика Дальнего Востока

оказалась отрезанной от внутреннего рынка России и стран СНГ» [16].

Железнодорожные тарифы выросли настолько, что пробный завоз партии рыбопродукции с Камчатки на запад России через Панамский канал оказался дешевле, чем морем до Владивостока и далее по Транссибу.

«Удушающие налоги» у нас и в самом деле удушающие, или – самые удушающие. А иначе как поддерживать коммунальное хозяйство, собес, культуру, медицину и образование? Они же нам гораздо дороже обходятся, чем в теплых краях поближе к Уралу и тем более за Уралом. А объем капиталовложений в строительство сократился втрое за годы реформ, это в среднем, а по отдельным областям от двух до шести раз. Расходы больше, а доходы меньше, как выкрутиться? Да никак не выкрутишься. Нос вытащишь, хвост воткнешь...

Стоит лишь сложить воедино все факторы, отличающие нас от нашего же Запада (суровость климата, неосвоенность территории, перекосы в экономической структуре, дороговизна социальной сферы и рабочей силы, чрезмерные транспортные и энергетические расходы), результат сразу же будет плачевным: на одну и ту же сумму затрат (на 1 млн рублей) у нас производилось меньше, чем в среднем по стране, сборного железобетона в 1,6 раза, стеновых материалов в 1,7 раза, металлоконструкций в 4,5 раза. «Особенно отстает Дальний Восток по производству и использованию наиболее прогрессивных строительных материалов – стальных и алюминиевых конструкций, изделий из полимеров и др.» [17].

Еще бы он не отставал! Если труд у нас более дорогой, чем у конкурентов, то при нерегулируемых рыночных отношениях мы будем по всей трудоемкой продукции непрерывно отставать и деградировать вплоть до полного одичания. И стоит ли принимать решения, требовать и настаивать, анализировать и недоумевать, почему же все у нас так ухудшается и ухудшается, – «невидимая рука рынка» об этом позаботилась заранее.

Города Амурск, Комсомольск, Эльбан строились вообще только ради военных заводов, и если оборонный заказ перестал финансироваться, то одно это уже означает смертный приговор всем названным промышленным центрам.

Какая же судьба ожидает наши богатейшие ресурсы? Об этом беспокоится академик А.А. Трофимук, самый знаменитый наш нефтяник. Недавно он отказался принять из рук

господина президента орден «За заслуги перед Отечеством», поставив в вину Б.Н. Ельцину развал экономики страны.

Одним из пунктов обвинения нашего патриарха-нефтяника против нынешних правителей стала судьба месторождений сахалинского шельфа. Здесь доля иностранных инвесторов в расходах 23%, а в доходах 90% [18].

Кроме истощения наших недр, мы будем иметь еще и загрязнение водной среды (ибо никакая морская нефтедобыча невозможна без потерь и утечек), влекущее за собой уничтожение рыбы и других биологических ресурсов. Огромный ущерб потерпели наши воды и от сброса иностранными компаниями бурового раствора общим объемом порядка 30 000 тонн в Охотское море за время поисково-разведочных работ [19]. Иностранные же инвесторы будут иметь лишь прибыль.

По проекту «Сахалин-2», сообщает журнал «Экология и бизнес» (2001, №4), России будет принадлежать 6% добываемой нефти. Никто и нигде в мире так дешево свои недра не продает. Соглашение о разделе продукции регламентируется законами штата Нью-Йорк, споры рассматриваются в Стокгольме. Компании-учредители консорциума «Сахалин энерджи» зарегистрированы на Каймановых и Бермудских островах. И первичные документы наши иностранные партнеры отказались предоставить даже Счетной палате России.

Согласно договору, российская сторона будет получать свою долю углеводородов после достижения рентабельности в 17,5%. Первый этап проекта, добыча нефти с платформы «Моликпак», объявлен нерентабельным. Второй этап проекта, продажа сжиженного природного газа, пока под большим вопросом. За добытую в 2001 году нефть Сахалин получил 83 миллиона рублей, что составляет 1,8% бюджета области. На острове сохраняется задолженность по зарплате, стремительно растут цены на тепло, электричество, коммунальные услуги, товары первой необходимости. Две трети населения области заняты проблемой выживания, более половины находится ниже официального уровня бедности. Обычной практикой стали систематические веерные отключения света, тысячи людей зимуют в неотапливаемых «благоустроенных» квартирах.

В то же время американские специалисты получают на Сахалине по 25 тысяч долларов в месяц, что больше зарплаты американского президента [20].

Все нефтяные проекты, а также российские и зарубежные подрядчики нефтяных компаний, осваивающих шельф Сахалина, освобождены от налогов, отчего Сахалинская область потеряла уже 5 млрд долларов [21]. «Правительство вынуждено признать, что утратило всякую надежду на получение прибыли от действующих проектов по соглашению о разделе продукции», – сообщает В. Санько [22].

О присвоении баронами ренты в размере 8–10 млрд долларов в год я уже упоминал. На Аляске, экономику которой официально именуют рентной, нефтяные фирмы обеспечивают 80–85% бюджета штата. Ежегодные депозитные проценты от хранящегося в казначействе нефтяного фонда составляют по 1200–1500 долларов на каждого жителя [23]. На Сахалине же каждому ветерану начислено по 250 рублей, с которых еще и взыщут налоги [24].

Стоимость запасов нефти и газа, переданных по соглашению о разделе продукции (СРП) на Сахалине, около 80 млрд долларов (при нашем федеральном бюджете около 40 млрд долларов), а Тимано-Печорское месторождение, тоже переводимое на СРП, американцы оценивают в 4 триллиона долларов [25].

Ничуть не лучшая участь выпала на долю наших уникальных месторождений золота. Познакомьтесь с рефератом Юли Жаренцевой, первокурсницы Института культуры:

«На севере, проезжая 600 км от Магадана, есть небольшой и дружелюбный поселок под названием Омсукчан. Еще недавно это был процветающий, перспективный поселок, который собирались переименовать в городок, так как жило там более 10 000 населения. В настоящее время это серый, невзрачный, затухающий поселок. Какие же причины повлекли за собой такие последствия? Все очень просто – закрыли производство, и люди, у которых была возможность, поскорее поторопились уехать. Те, которые остались – это обреченные люди, ведь им некуда деваться, некуда ехать.

Еще в недавнем прошлом, когда я была ребенком, строились новая школа, новый стадион, новые дома. Работал завод, люди были дружными, оптимистичными, открытыми и веселыми. Там добывают золото. Вернее, добывали, потому что

в настоящее время этот неисчерпаемый источник золота находится, к великому сожалению, в руках ненасытных американцев. А жителей нашего поселка используют как неуставающую рабочую силу.

На Кубаке теперь образовалась "Омолонская золотодобывающая компания". Там слитками добывают золото. Омсукчанцы на сегодняшний день считают это злосчастное место самым престижным местом работы. Люди трудятся там, не покладая рук. Американцы выжимают из них все, что можно. Платят от 3 до 5 тысяч русскими рублями. Для них это гроши, для нас это много. Мне интересно, какой бы американец согласился работать так, за такую нищенскую плату? Конечно же никакой, ведь они не дураки. А что же получается, что русские люди – это дураки? Конечно, американцы считают нас дураками, ведь только дураки могут растранжиривать так такие неисчерпаемые источники природных ресурсов.

Насколько мне известно, люди там работают так: месяц работают, неделю-две отдыхают. А некоторые работают несколько месяцев, а приезжают отдыхать на одну-две недели. Работа там очень трудная, подтверждение тому то, что половина мужского населения, работающего на Кубаке, резко подорвали свое здоровье, осунулись и постарели. Был один случай – мужчина повесился. Не выдержал. Ему нужно было кормить семью, но работы в поселке не было, он с трудом устроился на Кубаку, но долго не выдержал, свести счеты с жизнью казалось для него единственным решением проблемы. Половина учителей по английскому языку ушли работать на Кубаку переводчиками. Детям в школе посокращали часы английского.

Положение поселка плачевное. Зато американцы уже давным-давно окупили ту мизерную плату за свою покупку. Я видела фотографии, мне их показывал знакомый, который работал на Кубаке. На этой фотографии изображен какой-то цех, где на полтора метра в высоту и метров наверное девять в ширину наставлены бруски чистого золота. Мне кажется, что это так много, что можно всю нашу страну вывести из кризиса. Неужели наше правительство убеждено, что, распродавая богатства нашей страны, оно выведет страну из этого состояния и поднимет экономику? На мой взгляд – это абсурд. Почему мы питаемся импортными товарами, которые просто-напросто засоряют наш организм? Неужели мы сами не можем прокормить себя? Почему на наши прилавки поступают

отбросы импортного производства? Да потому, что им это выгодно. Конечно же наша страна стоит в ряду "козлов отпущения", ведь сами мы ничего не можем производить. Так думают импортные производители, они наживаются на чужом несчастье.

А ведь Россия сама может обеспечить себя всем необходимым. Я согласна с тем, что для нормального развития экономики просто необходима внешняя торговля. Но ведь нужно импортировать такие товары, которые мы сами не можем производить. А продавать то, чего у нас много».

Если бы такая девочка оказалась во главе правительства, то наши богатства служили бы на пользу нашей Родине, а не иных стран.

Для справки – в 1997 году месторождение Кубака дало 8% общероссийской золотодобычи [26]. Добыча на участках здесь прекращалась компанией после того, как были выбраны гнезда с содержанием более 40–50 граммов металла на тонну руды, то есть в десять раз больше, чем принято во всем мире. При этом налогов на прибыль наши заокеанские друзья не платили, доказывая, что ведут работу себе в убыток. Экономили они не только на отчислениях в бюджет России и Магаданской области, но и на выплатах русским сотрудникам: зарплата специалиста высшей квалификации на подземных работах в условиях Крайнего Севера достигала максимум 500 долларов. Вдобавок ко всему, истощив гнезда с ураганными содержаниями, американцы потеряли интерес к продолжению работ, и теперь ищут, кому бы сбыть свою собственность в нашей стране.

За первый квартал 2003 года Омолонская золоторудная компания поставила на аффинажный завод 1 412 кг золота против 2 856 кг в первом квартале 2002 года. Нынче, сообщает Джеймс Салливан, генеральный директор Омсукчанской горно-геологической компании, ведется активная разведка месторождения «Купол», близкого по своим характеристикам к Кубаке. Предполагаемый объем добычи здесь может составить 15 тонн золота и 150 тонн серебра в год [27].

Возможная доходность России от леса не меньше, чем у Арабских Эмиратов от нефти, утверждает руководитель Рослесхоза В.А. Шубин [28]. Тем не менее после проведенной приватизации мы и в этой отрасли едва сводим концы с концами. «Преступный лесной бизнес напрямую угрожает национальной безопасности», – утверждает А. Алексеев [29].

Во многих районах Приморского края дуба и ясеня уже почти не осталось, в некоторых – всего на два-три года, максимум на пять лет. По оценкам специалистов, из Приморья уходит около половины бюджета края. Доходы от нелегально проданной древесины оседают за границей или в карманах представителей криминального бизнеса, не принося никакой пользы краю. Это ведет к безработице и к массовому обнищанию населения. Вырубка лесов влечет за собой изменение гидрорежима в крае. Приморье становится зоной рискованного земледелия. Паводки становятся все разрушительнее. Мы рискуем получить не только сплошные болота, но и безжизненную пустыню, как в северо-восточных провинциях Китая.

«В приграничных регионах люди с упорством маньяков поджигают леса. Зачем? Варварская логика: получить право на вырубку в горельниках намного проще и дешевле, нежели в лесах негорелых» [30].

Все бьют тревогу, только некоторые официальные деятели выражают оптимизм: «И наконец, в последнем десятилетии двадцатого века мы наблюдаем возвращение на позиции "правильного лесного хозяйства"...» [31]. Ну это, как говорится, с какой стороны посмотреть. Правда, если с закрытыми глазами...

«Только слепой не видит, какой беспредел творится на лесных делянах. Подделка сертификатов, незаконные порубки, банальное воровство – это сегодня реалии таежных районов», – пишет И. Андреев [32].

А вот пасторальное описание современного жизненного уклада одного из самых экономически активных лесопромышленных центров – Дальнереченска: «Под сенью ночи он оживает: распахиваются ворота многочисленных лесных складов, начинают работать краны, подъемники, и даже та лесная техника, которая днем казалась навек усопшей. Вся эта стальная армада знает свое дело, и, порой до самого рассвета, неустанно выгружает бесконечный поток подвозимого с лесосек свеженького леса. За полночь темп воровской жизни ускоряется настолько, что на дорогах образуются пробки, стоит только на несколько минут закрыть железнодорожный переезд, дабы открыть дорогу забитому бревнами поезду» [33].

В 1999 году через таможни юга Дальнего Востока было провезено в Китай вдвое больше древесины дуба и ясеня, чем выдано разрешений на рубку [34].

И вот вам научные лесопромышленные обобщения: «Рыночные преобразования и, как следствие, либерализация цен привели к значительному удорожанию основных факторов производства. С учетом железнодорожных тарифов это сделало дальневосточную рыбную и лесную продукцию неконкурентоспособной на западных рынках России. К этому добавилась низкая платежеспособность традиционных партнеров в странах СНГ. Снижение уровня жизни и общий экономический спад сократили региональный спрос». Зарегистрированные официальной статистикой объемы лесозаготовок в Хабаровском крае сократились с 1991 по 1999 гг. с 11,9 до 4,5 млн кубометров [35].

Если в советские времена четверть древесины шла в отходы на деляне, и это считалось показателем варварского уровня лесодобычи, то теперь пропадает на месте, захламляя тайгу, 35–40% исходного сырья [36]. «Лесной комплекс края в использовании лесных ресурсов вернулся в ту стадию, которая ликвидирована даже в бывших колониальных странах Юго-Восточной Азии и Центральной Африки» [37].

На бесконтрольном вывозе за рубеж выловленной в наших водах морской рыбы страна теряет в одном только тихоокеанском бассейне не менее миллиарда долларов каждый год.

Именно такой видит ситуацию главный природоохранный прокурор России: «Незаконную производственную деятельность по добыче различных видов морепродуктов в исключительной экономической зоне России в основном осуществляют Япония, США, Польша и Южная Корея. Растет число контрабандных сделок между членами российских и иностранных судовых команд непосредственно в районах промысла. Значительный ущерб государству причиняют российские промысловики, продавая морепродукты непосредственно иностранным приемщикам без уплаты таможенных пошлин и налогов. По некоторым экспертным оценкам, подобным образом за границу уходит за наличную валюту около 80% продукции, причем на 60–70% ниже реальной оптовой цены. Хищническое разграбление биоресурсов в исключительной экономической зоне России привело к тому, что цена на морепродукты за последние три года упала в Японии в 3 раза, а в Южной Корее – в 2 раза» [38].

К браконьерству международному добавляется браконьерство простонародное, внутреннее, потому что как

выжить человеку, если экономика рухнула, предприятия стоят и заработков нет? Общий итог – браконьерство в России превышает официальный улов более чем в 10 раз [39]. И разве могут сохраниться рыбные запасы при таком беспощадном истреблении? Ежегодная научная сессия Магаданского отделения ТИНРО констатировала в 2001 году резкое сокращение запасов охотоморского минтая, но особое внимание привлекла информация, касающаяся запасов лосося, которым десять лет назад можно было закормить всю Колыму. Теперь уже никто не сомневается в том, что они иссякают. Как показали результаты многолетних исследований ученых ТИНРО, последние приемлемые показатели подхода рыбы датируются началом 90-х годов, после этого уже в 95-м эти цифры сократились почти в четыре раза, и тенденция эта сохраняется по сей день. Если еще пять лет назад специалисты института смело давали разрешение на вылов 12 тыс. т лосося, то на 2001 год максимальный объем улова не должен превышать и 2 тыс. [40].

То же и в Хабаровском крае: «В настоящее время осетровым и лососевым как виду грозит уничтожение» [41]. Сравнение результатов 1991 и 1999 гг. свидетельствует о том, что добыча морепродуктов в Хабаровском крае сократилась, опять-таки по официальным данным, с 370 до 179 тыс. т [42].

Обеспечивать своими невосполнимыми ресурсами всю «общечеловеческую» цивилизацию – для России безнадежный путь, ведущий в тупик. К счастью, не только нас беспокоит тенденция исчезновения экономических границ и объединения человечества во всеобщий базар. Антиглобалисты, набирающие все большую силу, не на бедном Юге появились. «Открытое экономическое пространство» будет для всех тягчайшей катастрофой!

Да и внутри самой цитадели Запада есть довольно близкие нам эталоны. Аляска – самый суровый штат США, и она давно стала «самым социалистическим штатом Америки», где роль государственного регулирования наиболее высока. Но ведь Россия – это и есть мировая Аляска, и потому по самому своему географическому положению должна быть самым социалистическим государством планеты! Но так как у нас все географические проблемы выражены намного острее, чем в «самом суровом» штате, то Россия и должна стать Аляской в квадрате. Тем не менее: «В настоящее время (1998 г.) доля государства в валовом внутреннем продукте России составляет

37,5%, что лишь немногим больше, чем в США, считающейся самой частнособственнической (35,4%). В Западной Европе эта доля в целом 43%, в том числе в Австрии 56%, Нидерландах, Дании, Финляндии 60%, в Швеции 67%. Наши реформаторы считают, что ее надо снизить не менее чем до 25%» [43]. Комментарии, как говорят в таких случаях, излишни.

Где же выход? Он прост. И не нужно быть первооткрывателем, чтобы его найти. Наш великий экономист Д.И. Менделеев говорил: «На словах фритредерство, на деле протекционизм». Фритредерство – от английского free trade – свободная торговля. И это, как выясняется, *нормальная* политика любого нормального правительства. О свободном рынке можно только говорить, но ни один здравомыслящий политик не будет распространять этой свободы за те пределы, за которыми рынок начинает разорять собственное хозяйство. У нас, в силу нашей географической специфики, торговый беспредел должен быть заключен в значительно более узкие рамки, чем в других странах. Вступление России в ВТО при сложившемся положении для нас – последний гвоздь в крышку гроба!

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТРАНСПОРТ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Наша экономика как дореволюционная российская, так и советская представляла собой целостный взаимосвязанный единый комплекс. И если бы государство перестало регулировать цены на перевозки, то связи между отдельными подсистемами могли бы нарушиться из-за дороговизны транспорта. Это понимали и принимали все руководители страны вплоть до начала «перестройки». При обсуждении проекта строительства Транссибирской магистрали председатель Совета министров Российской империи С.Ю. Витте выдвинул принцип: «Дорога не для коммерции, а для России». Реализация этого принципа обеспечивалась субсидиями правительства на поддержание единого тарифа на всем протяжении от Урала до Владивостока, что уравнивало экономические условия Востока России с европейскими районами страны [44]. Если в России за транспорт брать столько, сколько он стоит, говорил С.Ю. Витте, и не дотировать его за счет государства, то с Россией можно распрощаться, она

распадется на отдельные княжества, потому что никто не выдержит таких транспортных расходов [45].

От многих интеллигентов, никогда не соприкасавшихся ни с каким производством, но внимательно следящих за всеми обзорно-аналитическими публикациями «наших» СМИ, мне часто приходилось слышать о том, что детали производили на Дальнем Востоке, везли их на запад страны, а потом в собранном виде все снова возвращалось к нам. Сколько лишних затрат!

Да, с точки зрения копеечной экономики это и в самом деле головотяпство. Часто заграница действительно оказывается ближе, и все необходимое она нам может предоставить по более низкой цене при более высоком качестве. Но жизненно необходимые связи в нашем хозяйственном организме при этом разрушатся. Например, если раньше, при головотяпстве и идиотизме, лишь немногим больше 10% дальневосточной продукции вывозилось на внешний рынок, а остальное обменивалось на внутреннем рынке, то теперь наоборот, 10% идет на внутрироссийский рынок, остальное – в страны АТР.

Но ведь хозяйственный организм Дальнего Востока становится при этом нежизнеспособным! Случись что, мы же окажемся беспомощными, мы ничего ни изготовить не сумеем, ни даже готовое отремонтировать не сможем! А ведь наши нынешние главные экономические партнеры – это и есть страны, предъявляющие территориальные претензии к России! Да и дело не только в этом. Даже если бы они и признавали все существующие на данный момент границы, нам все же следует быть более дальновидными – наши необъятные просторы пустеют на глазах, а рядышком, рукой подать, демографический взрыв вскорости разнесет вдребезги всю геополитическую структуру.

Так что транспорт нам нужен, тарифы должно поддерживать государство, интенсифицировать мы должны внутрироссийский товарообмен, а «интеграция в мировое сообщество» для нас плохо кончится. Доинтегрируемся до нуля. И так уже, слушая оптимистические заявления властей о начале стабилизации российской экономики, русский мужик тяжело вздыхает: «Пришел нашему хозяйству полный стабилизец!»

И энергетические тарифы тоже должно поддерживать государство. Если наше производство будет платить за

электричество по мировым ценам, оно тотчас разорится. И население вымерзнет.

Увы, но дело движется именно к этому. С введением «свободных» рыночных отношений резко понизился технологический уровень нашей лесной промышленности – если раньше на Дальнем Востоке производилась фанера, древесно-волокнистые и стружечные плиты, работали целлюлозно-бумажные комбинаты, то теперь...

Объем капиталовложений в лесную отрасль за 1990–1995 годы сократился в пять раз [46]. И продукция наиболее глубокой переработки леса понесла наибольшие потери. Производство пиломатериалов уменьшилось в Хабаровском крае к 2000 г. по сравнению с 1990 г. в 7,5 раз, ДВП в 13,4 раза, ДСП в 41,6 раза, шпал в 17 раз. Свернуто производство фанеры и целлюлозы [47].

И сколько угодно можно сотрясать воздух грозными указами и постановлениями, расписывать самые продуманные, прочувствованные и аргументированные проекты, бумагу зря расходовать, все равно деградация дальневосточной лесной промышленности в условиях открытого рынка неизбежна. Причем эта деградация будет идти более быстрыми темпами сравнительно с общим одичанием российского лесного хозяйства, и можно сразу же согласиться с этим, чуть только вспомнить про наши «удорожающие факторы», связанные с нашими природными условиями. Только кругляк! Так, в Хабаровском крае в 1999 году было переработано 12,5% заготовленной древесины против 38,0% в 1985 году [48]. К 2000 г. уровень переработки составил уже 9,5% [49].

И наша бедная легкая промышленность, она же обречена на полное уничтожение, где же ей тягаться с китайским ширпотребом!

А ведь она играла благородную роль обеспечения женской занятости в поголовно мужском регионе пионерного освоения. Куда нынче деваться девушкам, если они не согласны становиться «танцовщицами» в Японии и Южной Корее или белыми рабынями в азербайджанских комках?

И рыбная наша промышленность перестает производить любую продукцию. Только свежевыловленная рыба! Да и та здесь же в районе лова перепродается контрабандным образом на заграничные суда. Ржавеют корабли, изнашивается и ветшает береговая база, и скоро любые рыбопродукты мы вынуждены будем импортировать. Увы, снова «невидимая

рука» из-за границы лезет в наш карман... А если присовокупить к этому результаты деятельности наших дорогих, самых дорогих, россиян – активных строителей капитализма?

«Так, к примеру, – пишет В.И. Ишаев, – стремительно прошла приватизация Базы океанического рыболовства. Казалось бы, все что угодно могло развалиться, но такое предприятие, как БОР, – никогда, ведь все для работы есть: у порога море с рыбой, у пирса суда, есть специалисты, есть неизменный спрос на продукцию. Но приватизация по-воровски разрушила все. Суда стояли без горючего, люди сидели на берегу в ожидании хоть какой-нибудь зарплаты...

Точно по такому же сценарию развивались события и на других крупных предприятиях: целлюлозно-картонном комбинате в Амурске, предприятии "Амурсталь". Там руководители по-своему истолковали закон о приватизации, очень вольно его объясняли трудовым коллективам, а потом откровенно стали поправлять личное благосостояние, нисколько не заботясь о людях.

...Дело дошло до того, что под сокрушительную волну приватизации попали и оборонные стратегические предприятия. К примеру, сегодня государство владеет лишь двадцатью процентами акций Амурского судостроительного завода, предприятия, выпускающего атомные подводные ракетоносцы!» [50]. Впрочем, это, похоже, не противоречит нынешней доктрине государственной безопасности: предприятие НИИГрафит, разрабатывавшее уникальные летательные аппараты, нейтрализующие американскую противоракетную оборону, было акционировано, при этом 60% акций оказалось в руках американца, бывшего советника А.Б. Чубайса по его работе в Госкомимуществе [51].

Весь мир наблюдал по телевидению за конвульсиями замерзающего Приморья в зимы 2000 и 2001 года. Но ведь и тут все было ясно заранее – за пять лет дефицит энергетических углей в регионе возрос в 4,5 раза [52].

Социохозяйственный потенциал на Дальнем Востоке деградирует и примитивизируется, природопользование становится все более и более истощительным, извлечение запасов полезных ископаемых в 3–5 раз превышает их прирост, обеспечиваемый геолого-поисковыми и разведочными работами, пожары одного сезона уничтожают древесины больше, чем ее восстанавливается за 15 лет [53].

Жители Амурска могли бы радоваться – целлюлозно-картонный комбинат, самый злостный загрязнитель окружающей среды, остановил свою антиэкологическую деятельность! Как и почти все прочие предприятия. А где же работать населению, где зарабатывать на жизнь? И кто будет обеспечивать жилкомхоз и прочую социосферу?

Не закупает Министерство обороны «Черную акулу», лучший в мире боевой вертолет, и Су-27, самый совершенный истребитель. Выправляется, наконец, крен сверхвоенизированной дальневосточной экономики! А куда приложить усилия высококлассных технических специалистов, как трудоустроить многочисленные кадры? На это у военного ведомства нет средств. Но ведь это – не проблема дальневосточников! Зачем же перекладывать чужие трудности на наши плечи?

И перепрофилировать оборонные предприятий на выпуск гражданской продукции вряд ли получится. Даже не отягощенные иными проблемами предприятия тяжелой индустрии сами по себе у нас убыточны, а если их еще и переделывать, во сколько же раз возрастут расходы, а с ними и убыточность?

Очень выразительно пишет об этом В.И. Ишаев. Когда высший хозяйственный руководитель из Москвы Е.Т. Гайдар, объезжая с инспекторскими целями регионы, приехал к нам, хабаровский губернатор завез его в Комсомольск.

Там генеральный директор завода атомных подводных лодок Павел Сергеевич Белый устроил Е.Т. Гайдару настоящий экономический допрос с пристрастием, как ему в нынешних условиях выпускать гражданскую продукцию.

Не почувствовавший подвоха Е.Т. Гайдар ответил: «Очень просто. Берите деньги у заказчика и стройте». На что получил вполне резонный ответ: «Если у заказчика есть деньги, то он купит готовый сухогруз, а не станет его где-то заказывать и ждать окончания постройки пять лет». Вице-премьер понял, что все не так просто. «Тогда возьмите кредит в банке и стройте», – посоветовал он. П.С. Белый продолжал наступать: «В банке кредит выдают под двести пятьдесят процентов. Это значит, что я останусь без штанов, а сухогруз будет стоить столько, как будто корпус у него из чистого золота...»

И Е.Т. Гайдар, сообщает В.И. Ишаев, не нашелся, что ответить... [54].

Наименьшие потери сравнительно с другими отраслями понесло транспортно-дорожное строительство, хотя отрасль в целом резко сократила объем перевозок, например, за 1991–1997 гг. по г. Хабаровску было зарегистрировано падение в 5,1 раза [55]. Да иначе и быть не может при сокращении производства – возить стало почти нечего. Тем не менее строительство дорог продолжалось.

Федеральной программой на 1996–2005 гг. предусматривалась реконструкция мостового перехода через Амур у Хабаровска, завершение сооружения автодороги Чита – Хабаровск, строительство автодороги Якутск – Кюбюме (Колыма) и многих других. Эти проекты в значительной мере реализованы. Кроме того, в Хабаровском крае заканчивается постройка крайне необходимой как для местной экономики, так и по стратегическим соображениям дороги Лидога – Ванино, продолжаются работы на трассе Хабаровск – Находка, ведется нитка газопровода, обеспечивающего поставки сахалинского газа через Комсомольск к Хабаровску. В Федеральной программе выражена обеспокоенность относительно проекта свободной экономической зоны «Туманган»: «Необходимо учесть, что проектируемая СЭЗ «Туманган» может оказаться невыгодной для России, так как прямой железнодорожный путь через Китай отвлечет с Транссиба транзитные контейнеры, перевозка которых дает до 25% валютных поступлений МПС» [56].

Не только столичные ведомства получают прибыли от выгодного географического положения Хабаровска. Обслуживание транзитных грузопотоков из Юго-Восточной Азии в Европу приносит неплохие дивиденды и хозяйству нашего региона, позволяют и нам решать какие-то проблемы, по крайней мере, транспортного строительства.

И воздушное наше пространство, в котором пересекаются Транссибирский (Европа – Япония) и Транстихоокеанский (Америка – Азия) потоки, позволяют нам зарабатывать на обслуживании восьми важнейших международных авиатрасс, на которых работают двадцать крупных авиакомпаний мира [57].

Энергетической политикой предусмотрены освоение нефтегазовых месторождений Сахалина и Якутии, строительство крупных угольных разрезов (Ургальский, Ерковецкий, Лучегорский), освоение мелких местных месторождений, ввод на полную мощность Бурейской ГЭС.

Хорошие слова говорятся о развитии техноэкополиса КАС (Комсомольск – Амурск – Солнечный), реконструкции завода «Амурсталь», строительстве Удоканского горно-металлургического предприятия в Читинской области.

Конечно, всё это благие пожелания, гораздо менее реалистичные, чем трижды осмеянные советские пятилетние планы. Но особенно забавно звучат словесные композиции: «Стимулирование иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока предполагает прежде всего создание в регионе инвестиционного климата, не менее привлекательного, чем в соседних с регионом странах АТР» [58].

Для этого всего-навсего необходимо взять на себя компенсацию за наш климат, не в финансовом, а в географическом смысле, то есть за морозы и вечную мерзлоту, а также за наши гигантские расстояния и дороговизну рабочей силы (но тогда никакие прибыли от иностранного участия не компенсируют нам наших дополнительных расходов!); кроме того, потребуется создать в регионе иной морально-психологический климат, потому что крутая братва, составившая ныне наш класс капиталистов, привыкла к тому, что деньги и криминал – понятия неразделимые, иначе бы не было на постсоветском пространстве и намека на предпринимательскую деятельность. «Здесь в последние 2 – 3 года невозможно стало работать: обман, коррупция, неплатежи, необязательность, преступность партнеров. Главный смысл они видят не в том, чтобы дать, а только взять. ...Для нормального бизнеса в России сегодня нет условий», – сетует иностранный бизнесмен [59]. Но неужели цивилизованному коммерсанту не пришла в голову простая мысль, из какой же среды у нас взялись бы в нереально короткие для честного обогащения сроки миллионеры и миллиардеры, как не из преступников?

В 1988 году за счет внутреннего производства мы удовлетворяли потребности населения в продуктах животноводства на 45–50%. Но если даже в южной части региона наши затраты на единицу продукции были в 2–2,5 раза выше, чем в среднем по стране [60], то с началом реформ рынок отрегулировал производственный процесс вполне закономерно и неотвратимо – производство мяса снизилось в 1994 году в 3 раза по сравнению с 1990 годом, молока – в 4 раза [61]. Та же картина и по другим сельскохозяйственным

продуктам. Ну как может конкурировать русский огурец с китайским, которого на всех рынках Приамурья было (настоящий завал) по 80 копеек за килограмм!

Зарастают бурьяном наши пахотные угодья – золотые земли, если вспомнить, во что они обошлись! Посевные площади за шесть лет сократились на треть.

А сколько было растрачено эмоций в адрес колхозов как главных виновников неэффективности сельского хозяйства! Поделили все на доли и акции, и... все в твоих руках, все зависит от твоей работоспособности, предприимчивости, смелости! Много нашлось смелых и предприимчивых, в том числе и моих знакомых, геологов, да и прочие энтузиасты из города взялись за единоличное сельское хозяйство. Обожглись на этом порыве все; так и не появился у нас «средний» класс крепких хозяев. «Считалось, что "фермер накормит страну – долой колхозы и совхозы". На деле все оказалось с точностью до наоборот, по крайней мере в оленеводстве» [62]. Увы, не только в оленеводстве. Нынче фермеры производят всего 2% от общего объема сельхозпродукции [63].

Вопреки всеобщим ожиданиям, даже урожайность на частных фермах оказалась меньшей, чем в хозяйствах других форм собственности. Урожайность зерновых в Российской Федерации в целом составляла 16,5 ц/га в 1997 году, в 1998 – 9,4; 1999 – 11,7; 2000 – 14,4. В крестьянских (фермерских) хозяйствах за те же годы 13,4; 7,5; 9,6; 11,9. Урожайность картофеля во всех категориях хозяйств, годы те же: 111,0 ц/га; 96,2; 96,3; 103,6. В крестьянских (фермерских) хозяйствах: 89,4; 81,6; 88,7; 89,8 [64].

Оленеводство же нынче всякое (и колхозное, и частное) стремительно уничтожается. Потому что пришла в тундру гораздо более жестокая, чем была у нас раньше, рыночная цивилизация. Пришла в Россию свобода деловых, очень деловых, абсолютно бесчеловечных отношений. Свобода торговать, воровать, свобода убивать людей и уничтожать народы.

И вот уже из десяти тысяч семисот голов оленепоголовья советских времен осталось в Паланском совхозе Корякского автономного округа к 1995 году три тысячи голов, а к 97-му, увы, всего тысяча пятьсот. К нам в ДВАГС (Дальневосточная академия государственной службы) постоянно приезжают на занятия студенты из всех мест Дальнего Востока, сообщают самые свежие, к тому же и самые достоверные, официальные

новости – ведь многие заочники работают в местных органах власти. И если бы хоть эта цифра, полторы тысячи оленей, была последней! К 99-му году осталось на территории бывшего совхоза только восемьсот голов. Всего. Это значительно ниже критической массы. Значит, и эти восемьсот скоро исчезнут. Не лучше ситуация и в других хозяйствах.

Вот печальная статистика по Провиденскому району Чукотского автономного округа: 1990 год – двадцать одна тысяча триста семь оленей, 1994 – девять тысяч семьдесят один, 1998 – три тысячи одиннадцать.

«Не так давно, в годы "застоя", – пишет А. Фесик, – стадо домашних оленей Магаданской области вместе с Чукоткой насчитывало полмиллиона голов. Сегодня никто, в том числе и зам. губернатора области по сельскому хозяйству Вячеслав Москвичев, не может даже приблизительно сказать, сколько же осталось оленей в магаданской тундре и лесотундре. Статистика определила все стадо области в 24 тыс. голов, из них 7 тыс. – личные олени» [65].

В 1999 г. поголовье оленей в Корякском автономном округе составило 21% от уровня 1985 г., производство мяса – 6% от уровня 1985 г. [66].

Что делать бывшим оленеводам без оленей? Только бутылки собирать в поселковых помойках. И мрут коряки как мухи, рассказывают мне друзья, приезжающие в гости с севера Камчатки. И вот уже из всех героев моей книги «Иная цивилизация», с которыми я общался вплоть до девяностого года, нынче, к двухтысячному, не осталось в живых и половины.

Да разве мрут только коряки? Подружился я с симпатичным студентом Хабаровского пединститута Колей Хукочаром, эвенком с Нижней Тунгуски. Поговорили о житье-бытье. При советской власти было у семьи Хукочаров сто оленей, несмотря на все запреты частной собственности. Нынче, когда никто никому ничего не запрещает, у семьи – двадцать оленей. Но я-то знаю, что этого катастрофически недостаточно для самого нищенского прозябания. Как же вы живете, спрашиваю. «А мы не живем, мы вымираем», – ответил Коля. С 1992 года на тысячу человек уменьшилась численность эвенков в Красноярском крае. Для народа с начальной численностью три тысячи пятьсот человек это даже не геноцид, это где-то на грани массового расстрела.

О том, как живут оленеводы без оленей, рассказывает первый вице-губернатор Корякского автономного округа В.А. Корчмит. Привожу фрагмент его выступления на Всероссийской конференции по социальной политике государства (Москва, 14 апреля 1997 года):

– На 1 января 1997 года население округа составляет всего 32 тыс. человек, хотя в 1990 году у нас проживало 42 тыс. человек, то есть за 7 лет население сократилось более чем на 10 тыс. человек. Вы спросите: «Почему?» А я вам отвечу: «В основном по причине смерти». Да, смерть идет по Корякскому автономному округу... Корякский автономный округ фактически вымирает, и это касается всех живущих на его территории, особенно жителей местной, коренной национальности – коряков, эвенов, чукчей, ительменов... Округ стоит на грани голодной смерти, населению из-за отсутствия зарплаты не на что покупать продукты. В школах, детских садах дети недоедают. Имеются случаи голодных обмороков. Еще более угрожающая обстановка сложилась в так называемых неполных семьях и семьях, где родители месяцами не получают зарплаты. Дети из таких семей попрошайничают или роются в пищевых отходах на помойках вместе с собаками. В результате одного ребенка из семьи коряков собаки загрызли до смерти. Обстановка в социальной сфере напряжена до предела [67].

И если в других отраслях сельского хозяйства ситуация лучше, то не намного.

Мой друг Василий Ветров, первый, он же последний, фермер Олюторского района Камчатки, рассказывает.

...Поначалу, при возникновении собственного хозяйства, настроение было оптимистическое, успехи вдохновляли, – его семья обеспечивала картошкой половину райцентра. Технику, принадлежавшую ликвидированному колхозу, новоявленные фермеры получили за так, горючее и электроэнергия стоили в пять–десять раз дешевле, чем где бы то ни было в мире. Конечно, скудная северная земля требовала постоянного внесения удобрений. Но и тут все было – лучше не придумаешь. В доперестроечные времена в селе функционировала большая молочно-товарная ферма на 1200 голов скота, она существовала за счет значительных государственных дотаций и снабжала молоком и творогом, сметаной и прочими деликатесами пограничную часть, детские сады и больницы, в магазинах и столовых никогда не было недостатка в дешевой

свежей продукции. Закрыта она была сразу в начале девяностых, молоко оказалось дешевле завозить из Японии. Но навоза вокруг коровников, тотчас разобранных односельчанами на дрова и на стройматериалы, было, казалось, неисчерпаемые запасы. Однако в конце концов они были-таки исчерпаны, а голый черный камчатский песок, тем более пропитанный морскими солями, сразу отказался давать урожаи. К тому же подошло время износа техники, она потребовала ремонта, поисков и закупки запчастей, под тракторами приходилось лежать дольше, чем сидеть за рычагами, повысились цены на горючее и энергию, правда, еще не до уровня мировых, но сельхозпроизводство уже и при таком уровне цен стало убыточным, и с последним фермером севера Камчатки произошло то же, что и с предпоследним. Он разорился. Ферма перестала существовать. И нет теперь фермера В.А. Ветрова, а пенсионер В.А. Ветров есть, и государству придется кормить его, тогда как раньше кормильцем был он. А детские сады, больницы и погранзастава, по-видимому, и картошку тоже вскоре станут ввозить из Японии. А может, из Бразилии.

Наконец, существует же и такое понятие как продовольственная безопасность. Предельно-критическим значением в мировой практике, создающим опасную зависимость страны, считается тридцатипроцентный уровень импорта в продуктах питания [68], у нас же в 1996 году импорт составил 65% в снабжении продовольствием [69].

Ну хорошо, будет кормить нас Япония, но ведь окончательно разорив наше собственное сельское хозяйство, она может и условия поставить – острова или продовольствие! Не отдадите Южные Курилы, вымрете с голоду!

Болезненный аспект взаимосвязи между экологией и экономикой, решающий для всей страны, но особенно острый для Дальнего Востока – импортная чума. Провинциальная наша специфика всегда заботила все *наши* власти во все века и при любом режиме.

«Искушение чужим хлебом» – так выразительно озаглавлена статья депутата Государственной думы (1911 год) от Дальнего Востока Спиридона Меркулова [70].

Смысл его беспокойства понятен: огромные дотации при открытых границах, при неограниченном ввозе китайских товаров и отсутствии ограничений на использование китайской рабочей силы означают прямые переводы русских казенных денег за рубеж.

А разве к началу XXI века что-то изменилось? Дотации Дальнему Востоку и сейчас огромны, и при наводнении рынка ножками Буша, при половодье фальшивого алкоголя, контролируемого усатыми «друзьями русского народа», при избытке китайского ширпотреба и овощей, при множестве китайских рабочих на нашей земле (хотя среди собственных рабочих свирепствует безработица) дотации Дальнему Востоку – это дотации Америке, Китаю и Кавказу. А русские заводы и фабрики, фермы и сельскохозяйственные комплексы будут стоять, и трудящиеся в поисках пропитания будут истреблять природу.

Стоит лишь взглянуть на любую витрину – в глазах рябит от ярких заграничных упаковок! Мало того, что это поддержка чужого производителя, это еще и уничтожение собственных сограждан недоброкачественной, вредной для здоровья продукцией. Ведь везут к нам худшие товары, не находящие спроса, залежавшиеся, а то и прямо запрещенные к продаже в «цивилизованных» странах. По данным Госторгинспекции, около половины импортных продуктов питания опасны для здоровья [71].

Значительная, если не большая, часть молочных продуктов в Хабаровском крае изготовляется, после уничтожения собственного дойного стада, из привозного новозеландского сухого молока. Похоже, там его изымают из стратегических запасов времен холодной войны. А дальше из этого исходного продукта на Комсомольском молокозаводе делают уже вполне отечественное масло, равно как и сметану, и цельное молоко, и кисломолочные продукты. Ну как же в этом разобраться неискушенному потребителю!

Как же справиться с импортной чумой? Нужны протекционистские меры, нужна защита собственного производителя. И – никакого равноправия между своими и чужими, настаивает Спиридон Меркулов:

«Закрытие ввоза маньчжурского зерна в край и замена промышленного китайского труда здесь русским уже в настоящее время потребовали бы на 14 миллионов пудов хлеба больше, чем его производит пока местное крестьянство. Повышение местного земледелия на такую сумму создаст у населения края новые покупные средства и потребности. Они вызовут, со своей стороны, развитие местной промышленности. Развитие последней увеличит количество рук, занятых в ней, а стало быть, и потребителей сельскохозяйственных продуктов.

Это опять потребует расширения сельского хозяйства. И так далее, одно звено в хозяйственной жизни края будет скрепляться с другим и вызывать третье.

Само собою разумеется, закрытие ввоза маньчжурского хлеба должно произойти не сразу... Для этого достаточно обложить пошлиной ввозимые в край продукты сельского хозяйства из Маньчжурии до размера, который повысит их цену до возможности местному сельскому хозяйству успешно с ними конкурировать» [72].

А если продолжать политику «открытых дверей», продолжает автор статьи, то «дело сведется к снабжению края хлебом из Западной Сибири или Маньчжурии, китайцами-рабочими для промышленной обработки богатств края из Китая и денежными средствами из Европейской России». А что будут делать здесь русские земледельцы, ремесленники и рабочие? Ничего. Они окажутся в Приамурье лишними людьми и будут вынуждены уехать. А ведь «...природа не терпит пустоты», – предостерегает Спиридон Меркулов, особенно когда рядом расположены страны с огромным избытком населения.

Мыслящий дальневосточный хозяйственник аргументирует свою позицию примером Германии: «До 1887 г. Германия была крупным потребителем русского хлеба. С 1887 г., желая поддержать собственное производство хлеба, она облагает заграничной пошлиной, которую доводит до 47 к. за пуд ржи и пшеницы и до 1 р. 27 к. за пуд крупы, пшена и муки. Благодаря вызванному этим повышению цен на хлеб, земледелие становится выгодным и делает в своем развитии быстрый скачок вперед. Оно начинает привлекать к себе все больше и больше энергию и капиталы населения. Быстро повышается интенсивность земледелия. Результаты: в то время как до 1887 г. десятина не давала более 70 пудов, в 1908 году она стала давать до 150 пудов. Германский хлеб, которого не хватало для потребностей рынка и который не мог конкурировать с привозным хлебом, появляется уже в последние годы в Финляндии, Либаве, Ревеле, Риге, Архангельске» [73].

Ну до чего же все просто, мудро и актуально в словах, сказанных сто лет тому назад! Огромная опасность – искушение чужим хлебом! Все в этой емкой формуле остается истиной в последней инстанции и до наших дней. Ведь ту же протекционистскую политику ведут и наши соседи,

добившиеся наибольших успехов в экономике – Китай, Южная Корея; там на прилавках редко увидишь заграничную продукцию, к тому же и стоимость ее гораздо выше, так как ввоз готовых товаров облагается значительной пошлиной.

На недавнем заседании губернаторской Ассоциации краев и областей Дальнего Востока и Забайкалья глава администрации Амурской области призывал: «Освободите нашего производителя от подавления импортом, и мы обеспечим регион растительным маслом и многими прочими сельскохозяйственными продуктами!» То же говорил и руководитель Бурятии о снабжении мясом, другие высокопоставленные наши местные деятели, которых после этого мне просто не захотелось называть чиновниками. Я видел – это настоящие руководители, которые душой болеют за доверенное им дело и за доверившихся им людей.

А наш В.И. Ишаев? Обращаясь к первому вице-премьеру, он растолковывал ему: «Ведь если своей жене не выделять дотации, она может и другого спонсора себе найти!»

Вы думаете, заместитель председателя совета министров что-нибудь понял? Да он со всеми прочими московскими воротилами, начальниками отделов Минфина и Минэкономики, даже не услышал. «Работать не умеете! – обличал он голосом автоответчика. – Все должны быть поставлены в равное положение, и рынок сам покажет, кто сумел реализовать себя в новых экономических условиях, а кто оказался нежизнеспособным!»

Это Дальний Восток-то в равные условия? Да он никогда не был и не мог быть экономически самостоятельным и самоокупаемым. Во все времена он жил только на дотации. В начале XX века дотации Дальнему Востоку, за вычетом расходов на русско-японскую войну, Квантунскую область, Китайскую восточную железную дорогу и на нужды армии, составляли по 50 миллионов рублей в год в твердой валюте, это были царские рубли, по наполнению реальным продуктом во много раз более весомые, чем нынешние доллары или фунты! Всего Приамурье за все время существования вплоть до 1910 года принесло казне дефицита в 850 миллионов рублей [74].

«Без казенных денег, при создавшихся здесь условиях, русскому населению делать здесь нечего» [75].

И при советской власти государственная поддержка Дальнему Востоку не уменьшилась. Страной правили деятели с государственным умом!

Никому и в голову не приходило приравнивать производство на Дальнем Востоке к производству в центре или в промышленных узлах Урала и Сибири. Огромная удаленность от базы снабжения, разбросанность самих предприятий по региону, превышающему своими размерами всю Европу, зависимость от поставок со стороны, слабо развитая инфраструктура, гораздо более высокая стоимость жизни на нашем Дальнем Востоке и соответственно более высокая зарплата за ту же работу (вспомним наши «коэффициенты»!) – все это обрекало наше производство на вечную неконкурентоспособность.

И потому государственная поддержка собственному дальневосточному производству будет всегда означать поддержку и населению, и природе Дальнего Востока!

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ

Идея, положенная в качестве базовой в формирование ВТО (Всемирного торгового объединения), с точки зрения интересов целого – замысел очевидно бесспорный. Для планеты, для человечества действительно целесообразно, чтобы производство размещалось в наиболее оптимальных местах земного шара, где издержки будут минимальными, экономическая эффективность максимальной. Но в России с этой точки зрения вообще никакое производство не будет целесообразным, так как оно, по нашим суровым условиям, будет неискоренимо убыточным. И если на нашей территории не должно быть производства, то во имя чего предусматривать потребление? И окончательный, логически неопровержимый вывод – ни производителей, ни потребителей здесь быть не должно. А как этого результата, оптимального с точки зрения целого, добиться? Атомную бомбу, что ли, сбросить на *эту страну?* Не гуманно вроде бы, и не всеми будет понято...

Да нет же, с точки зрения современных социальных технологий вопрос решается гораздо проще, убедительнее и экономнее. Чего там еще на бомбу тратиться! Надо занести в социальный организм народа, уготованного к устранению с лица земли, вирус саморазрушения, и тогда все будет делаться действительно как бы само собой. Для этого вполне достаточно сделать экономику, корыстные устремления («Бесплатный

только сыр в мышеловке...») единственным основанием социологии и социальной психологии.

Да если бы эти соображения касались только России! С точки зрения целого, нецелесообразно размещать ни производство, ни потребление ни в Африке, ни в Латинской Америке, ни на большей части Азии, по другим, правда, соображениям, чем в России, – по историческим, социально-культурным (менталитет не тот, не производительно-потребительный, не рыночный), инфраструктурно-экономическим, образовательно-технологическим, по многим другим, но все же и там все будет невыгодно. А где же тогда выгодно? На территории проживания «золотого миллиарда», и только! То есть, с точки зрения интересов целого, пять миллиардов лишнего, экономически нерентабельного, населения надо как-то выбраковать. А целое равнозначно «общечеловеческой», натовской цивилизации. Или, другими словами, целое есть шестая часть населения планеты. Вот так-то, коллеги...

Новейшие эти социальные технологии были с успехом опробованы на нашем Дальнем Востоке. Демографический кризис и деградация трудового потенциала не сами собой обозначились вдруг в нашем регионе.

И теперь нам приходится голову ломать, как решить нашу нынешнюю демографическую проблему? Как удержать отток населения? Чтобы народ ехал сюда, а не отсюда, надо, согласно понятиям рынка, чтобы жизнь здесь была привлекательней хотя бы в чисто денежном выражении. Раньше, в нерыночные времена, так оно и было, и население на Дальнем Востоке росло опережающими темпами сравнительно с Центральной Россией. Нынче все наоборот.

В декабре 1995 года среднедушевой доход в Москве составлял в текущих ценах 3 млн рублей в месяц, а в Приморье – 760 тыс. рублей [76]. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума у нас самая высокая в стране, она колеблется в регионе по разным краям и областям от 32,6% до 57,4% при среднероссийском показателе 22,0% [77].

И это логичное выражение продуманной региональной политики наших властей. «По этим расчетам на всей территории Дальневосточного экономического района должно проживать не более 1 млн человек, т. е. население должно уменьшиться почти в 8 раз. Действия центральных органов власти наталкивают на мысль, что кое у кого из сильных мира

сего эта идея находит поддержку. Вспомним, к примеру, недавние высказывания бывших руководителей государства В. Махарадзе и Е. Гайдара. Но самое главное доказательство – равнодушное отношение властей к тому, что Дальний Восток за три года потерял 6% своего населения.

После этого совсем не бредовой кажется иногда муссируемая в прессе идея о продаже или сдаче в аренду Дальнего Востока, как когда-то Аляски, и необходимости проведения границ России по Байкалу или Уралу» [78]. Об этом пишет наш хабаровский депутат Государственной думы, доктор экономических наук Е.Н. Галичанин. Евгений Николаевич, видимо, имел в виду американскую статью Let·s buy Siberia («Давайте купим Сибирь», март 1994) [79].

Но и 6% человеческих потерь – еще не вечер. К 2000 году эти потери составили уже 11%, при 2% в целом по стране, свидетельствует В.И. Ишаев [80].

При этом деформируется трудовой потенциал, уезжают на Запад наиболее квалифицированные специалисты, самые энергичные работники в цветущем возрасте, которые имеют основания надеяться, что они сумеют устроить свою жизнь в Европе не хуже, чем в нашем захолустье. А среди тех, кто остался, многие живут здесь вовсе не потому, что это им нравится. В Охотском районе, например, из пока еще живущего населения 1/3 нацелена на выезд, еще 1/3 остается только потому, что нет средств на выезд, 2/3 молодежи обязательно уедут из района, численность технической интеллигенции с высшим образованием исчисляется единицами [81].

Далее я буду излагать, хотя и не в прямом цитировании, а в пересказе, результаты исследований Михаила Ивановича Леденева, нашего крупнейшего специалиста в области оплаты труда и мотивации трудовой деятельности, самого близкого моего коллеги и единомышленника в последние постперестроечные годы. И пусть в тексте сохранится обращение от первого лица, то есть в данном случае «я» – это М.И. Леденев.

... Если рыночная экономика не годится всему миру, то тем более не подходит она России. Русский человек – не рыночник. В России от века господствовал идеал христианского труда, труда не на себя, не для собственной выгоды, а труда ради ближнего, для общества, для Родины.

Несколько десятилетий я занимался исследованиями мотивации труда и пришел к таким выводам: материальные

стимулы не составляют в России всепоглощающей доли. Русскому мало рубля. Основное для нас – моральные стимулы, удовлетворение от сознания своей полезности, творческая увлеченность, престижность общественного положения, создаваемого трудовыми достижениями. И это прочно вошло в так называемый менталитет русского народа.

Я утверждаю, что при сложившейся в нынешней России практике трудовой мотивации, когда добросовестный производительный труд потерял всякую цену и всякий престиж и не дает никакого морального удовлетворения, никакие самые совершенные и безупречные экономические модели не принесут стране ничего, кроме вреда. Каждому человеку, особенно молодому, ясно, что улучшения своего материального положения можно достигнуть любыми средствами, кроме производительного общественно полезного труда. Нынче нельзя *заработать*, можно наворовать, наторговать, наспекулировать, сделать деньги из воздуха, из чего угодно, кроме труда.

И простая эта истина вошла даже в практику словоупотребления современного русского языка. Как называют нынче шикарные машины, богатые особняки? «Крутые» Тойоты, крутые виллы...

Богатый – значит вор. Не допускается в нынешнем великом и могучем, правдивом и свободном русском языке возможности мгновенного честного обогащения. Да и только ли в нашем?

Теперь ни для кого не секрет, что в нашей стране победила, как уверял Станислав Говорухин, Великая криминальная революция. Фрэнк Чиллуфано, руководитель группы по изучению феномена российской организованной преступности Центра стратегических и международных исследований, пишет: «США необходимо понять, что Россия не находится и не находилась на пути реформ. Она следовала прямым путем к экономической катастрофе, к использованию и узурпации криминальными элементами государственных структур» [82].

Существующие стимулы бьют по рукам, развращают трудящегося и разрушают производство, которое просто не может стать конкурентоспособным, развивающимся и совершенствующимся. Когда будет окончательно растрачен накопленный при социализме трудовой потенциал, начнется катастрофическая деградация всей экономической системы.

Так что рынок труда станет основным виновником самораспада российского общества.

Да, Россия сегодня дошла до нищеты, и все же главная беда не в этом. Жить можно при любых условиях, была бы перспектива. А перспективы нет, потому что другой экономики, кроме нынешней, как ответственно заявляет господин президент, не будет.

Не будет больше труда на благо Родины, а кто из русских готов работать для выгоды хозяина? Да к тому же «чубайсизация» государственной собственности привела к тому, что хозяин этот еще и не свой. Как будут себя чувствовать трудящиеся «Связьинвеста», работая на Дж. Сороса? Или рабочие «Уралмаша», купленного аспирантом Кахи Бендукидзе за одну сорокатысячную действительной стоимости гигантского завода? Или хабаровчане, которых безработица вынудила идти к работодателю Новрузу Мамедову?

А ученые? Можно представить творческое горение первооткрывателя крупнейшего в мире золоторудного месторождения В.А. Буряка, если бы он знал, что его бессонные ночи вдохновенного поиска – всего-навсего ради прибылей мистера М.П. Бейтса?

Неужели не видите связей этого положения на рынке труда с массовой фрустрацией населения, с уровнем самоубийств, в двенадцать раз превышающим крайние допустимые пределы? А разве только самоубийствами оборачивается моральная неудовлетворенность? Сколько инфарктов, озлобления, выплеснутого наружу, сколько немотивированной рациональными причинами преступности, разводов, повышения уровня «естественной» смертности?

Все деньги мира не возродят Россию, если не будет восстановлена трудовая мотивация. Что самое страшное в нынешней разрухе и тотальной деградации? Не падение жизненного уровня, не уничтожение хозяйства, науки и культуры. Восстановить можно все, на то и даны человеку руки и голова. Все материальное было несравненно катастрофичней, когда закончилась Великая война. Но все было выстроено снова со сказочной быстротой. Потому что стремлениями человеческими управляли могучие стимулы – забота о Родине, согражданах, о себе и своей семье.

Труд – вот самое главное звено во всей цепи причин и следствий, только труд создает богатство народов и государств, и разрушение трудовой мотивации в мгновение ока может

превратить в развалины любую богатейшую и могущественнейшую страну.

Не монетаристские и инвестиционные проекты надо разрабатывать, не внешнеэкономические связи налаживать, и не «конструктивного собственника» искать, неважно, на стороне или в собственном коллективе, – необходимо реанимировать трудовые стимулы. Иначе жизнерадостные заявления властей о наметившихся тенденциях роста будут у нас во веки веков связываться лишь с малейшими (и ненадежными!) колебаниями конъюнктуры на нефтяном рынке.

О каком оживлении экономики может идти речь в деградирующем обществе? Конечной целью любого производства является воспроизводство человека, а воспроизводство человека, в свою очередь, есть основное условие экономического развития.

И вот каковы наши «достижения» в этой сфере:

– За 1990–1997 гг. рождаемость в городе Хабаровске упала в 1,9 раза, а смертность возросла на 25%.

– Подавляющее число родившихся детей ожидает сиротство.

– Исчезает из обихода слово «работать», его заменило слово «крутиться».

– Растет социальная деградация населения; «социальное дно», состоящее из нищих, бомжей, алкоголиков, наркоманов, проституток, беспризорных детей, уже практически потерявших надежду вернуться к нормальной жизни, возросло за десять лет с 2–3% до 10% .

– Семья, в которой оба родителя работают и имеют среднюю зарплату, не способна содержать одного студента, если она не поставила себя на грань крайней нищеты.

– При общем увеличении приема студентов в вузы сократился в 2–3 раза прием на большинство инженерных специальностей. Далее последует неизбежное сокращение научной базы, профессорско-преподавательского состава, аспирантуры... На большинстве предприятий резко сократилась или вовсе прекратилась работа по подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров.

– Имеет место массовый переход технических специалистов высокой квалификации из производительного сектора в торговый и в сферу услуг на должности охранников, сторожей, грузчиков и экспедиторов. Стремительно снижает

свой кадровый потенциал машиностроение города Хабаровска, а это означает невостребованность квалифицированного и интеллектуального труда, прекращение подготовки специалистов в училищах, техникумах и вузах; в конечном счете падает общий уровень культуры города. Не следует забывать, что «человеческий капитал» – товар первичный, все остальные – производные.

– В связи с деградацией общего интеллектуально-технического уровня усугубляется, наряду с проблемой трудоустройства, также проблема трудообеспечения: с одной стороны, работать негде, с другой стороны работать некому; масса неквалифицированных или деквалифицировавшихся трудящихся не может заполнить вакантные места специалистов.

– Доля лиц трудоспособного возраста, не занятых в экономике, в Хабаровском крае составила 20,5%, а в г. Хабаровске – 24,8%.

– Безработица у нас, как и везде в мире, оборачивается возрастанием масштаба проявлений антисоциального поведения. Но раньше или позже большие группы нетрудоустроенных трудоспособных людей поймут, что делилась и расхищалась не «ничейная» и даже не государственная, а общенародная собственность, и это повлияет на общий идеологический, политический и морально-психологический настрой, и если сейчас этот настрой проявляется в форме воинствующего индивидуализма или подавленности (суициды, алкоголизм, наркомания, бродяжничество и т. п.), то завтра он может вызвать мощное общественное антирыночное движение.

И если завтра на нас обрушится золотой дождь, он не поможет решить ни одну из наших экономических и социальных проблем, а только ухудшит ситуацию.

Ну никак не идет у нас жажда наживы в качестве двигателя общественного развития! И результат от всех попыток ее насильственного вживления в русскую душу лишь один – ни у кого нет нынче морального удовлетворения. У ограбленных вполне понятно. Но и у грабителей тоже. И потому в этой категории социума – наибольшее количество самоубийств, психических расстройств; больше всего подвержены российские нувориши алкоголизму, наркомании, чаще других обращаются они к астрологам, прорицателям и прочим шарлатанам, делают самые щедрые пожертвования в

церковную кассу. Чует кошка, чье сало съела. И не совсем безнадежно обращаться и к новым русским со словами правды, добра и социальной справедливости.

Ясно, что здоровый организм русского народа отторгает чужеродную ткань цивилизации зла и рыночной конкуренции! Вот в чем истинная причина нынешнего распада и разрухи. Никогда мы не станем «цивилизованной», в понимании Запада, нацией. И нам остается одно из двух – либо вымереть, либо возродить свою народную культуру.

И возрождение вполне возможно. Общинность, соборность, коллективизм, нестяжательство, антипотребительство русского народа не были утрачены за семьдесят лет советской власти. Уничтожение этих неотъемлемых черт русского характера началось только в последние десять лет «перестройки» и «реформ». А что такое десять лет? Для истории это не срок.

Не все еще потеряно, но чтобы вытянуть страну из разрухи, надо потянуть цепь за самое главное звено.

И звено это – труд.

В подкрепление этого вывода М.И. Леденева стоит привести аргументацию В.А. Коптюга, которого Михаил Иванович чрезвычайно уважал и к которому относился с большой симпатией. Доходы граждан в современном обществе должны быть дифференцированы, но это должны быть трудовые доходы: «Различие в доходах должно отражать только различие в трудовом и интеллектуальном вкладе людей в достижение целей, определенных обществом. Все остальное – неправедные доходы, обкрадывание общества со всеми вытекающими из этого последствиями» [83]. Вот так и только так должна выглядеть трудовая мотивация общественно полезной деятельности.

Далее я приведу текст нашего совместного с М.И. Леденевым доклада, представленного на Международный симпозиум «Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре».

Возможны два варианта в построении взаимоотношений между внутренним и внешним миром: приспособление природы к себе (Запад) и приспособление себя к природе (Восток). И соответственно два диаметрально противоположных варианта генерального направления человеческой деятельности.

В первом из них труд – это затрата усилий по преодолению внешнего сопротивления, это деятельность человека по превращению продукта природы в пригодную для непосредственного потребления вещь, в товар. Конечно, не только приложение рук человеческих должно при этом учитываться. Есть несколько уровней возвышения над предметно-орудийной деятельностью. Первый – разработка методики для последующего ее практического применения, еще выше – теория, на базе которой можно строить методы, и, наконец, философия, обобщающая и направляющая теоретические изыскания.

Во втором варианте труд – это затрата усилий по преодолению внутреннего сопротивления, по искоренению своей лени, изнеженности, слабости и неприспособленности, это стремление к достижению гармонии, лада и согласия с природой первозданной, прекрасной и вечной, в которой ты готов жить, не изменяя ее и не испытывая внутреннего дискомфорта ни от одного из ее проявлений – холода или нехватки пищи, сырости или палящего зноя, комаров или ураганов.

И люди вокруг, как часть моего окружения, часть моего внешнего мира, тоже должны либо подстраиваться под мои ожидания, либо, наоборот, я буду стараться изменить себя, чтобы оказаться соответствующим чьим-то мечтам и идеалам.

«Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу», – таков первый вариант, вариант власти, насилия, навязывания другому своей воли. А другой, – если у тебя была мечта об идеале, я постараюсь стать таким, каким ты представляла свой идеал. Это вариант любви, самопожертвования, самопреодоления.

И собственность тоже предстает в двух вариантах: то, над чем моя власть безгранична, что я могу использовать, выбросить, уничтожить, подарить или продать (Запад), или же это то, чему я с радостью отдам все свои силы, талант, труд, саму жизнь (Восток). Первый вариант – моя вещь, моя рабыня, моя машина, моя земля как предмет купли-продажи. Второй – моя любимая, моя семья, моя Родина, моя земля, и – кто с мечом или с долларом придет на мою землю, тот от меча и погибнет... Или, как сказал недавно атаман Кубанского казачьего войска, кто захочет купить нашу землю, тот найдет в ней могилу.

Наше, русское отношение к фундаментальным категориям философии и жизни гораздо ближе к восточному, чем к западному. Ведь скифы же мы, азиаты мы, с раскосыми и жадными очами...

А.Н. Энгельгардт, московский профессор, он же смоленский помещик, автор знаменитых «Писем из деревни»: это мой конь, потому что он наш, нашего двора. И потому – это моя земля, потому что она наша, это земля *моей* Родины. Если бы не было у нас такого отношения к собственности, то не смогла бы Россия распространиться на одну шестую часть земной суши.

Виктор Александрович Нигей подростком по четырнадцать часов в день клепал шляпки для гвоздей. По каким цивилизованным критериям можно оценить эффективность его труда? Его это были гвозди? И сильно он забогател от этого сверхчеловеческого перенапряжения? Нет, не его были гвозди, они были казенные, государственные, это были гвозди Родины. А вот Родина была его. И не много прибавилось у него в кармане, но ведь нам и нужна была вовсе не выгода, – нам нужна одна Победа, одна на всех, мы за ценой не постоим... Не постояли. Выстояли. Победили. И для каждого это была его победа, его собственная.

...Иван Малякин, камчатский капитан МРС (малого рыболовного сейнера) по приходе в Петропавловск звонит в Большой театр: «Оставьте мне билет в первом ряду на завтрашний спектакль». И все газеты Камчатки пишут об этом экстравагантном поступке. Можно оценить эффективность рыбацкого труда по объективным критериям. В деньгах то есть. Но это уравняло бы Героев труда Ивана Малякина, Артема Мгеладзе с нынешними уголовными авторитетами, способными не только выкупить билет в первом ряду, но и оплатить визит на свою виллу Большого театра со всеми его прима-балеринами, оркестрантами и администраторами. Думается, это все же разные вещи. И трудовой стимул не тот (если можно назвать трудом деятельность олигархов), и общественный резонанс иной.

Дело моей личной чести, моей гражданской гордости, моего человеческого достоинства – работать для Родины, для народа. Стараться, чтобы прибавлялась собственность моей страны, моя собственность. «В своем общежитье, на нашем пути, наши грузим дрова...» А будет ли русский мужик с таким

же энтузиазмом работать на хозяина, на Мамедова, Бендукидзе, Абрамовича?

О том же и А.Н. Энгельгардт: за деньги, по-немецки, как объяснили ему крестьяне, мужики на вашу усадьбу работать не пойдут, а вы их попросите по-человечески, они из чести всё и сделают. По-русски, по-соседски, в порядке взаимопомощи, всем миром, с азартом и с песней. Ну разве за деньги кто-нибудь станет работать с песней?

В семидесятые годы, когда на глазах у всего мира разворачивалась принципиальнейшая эпопея битв между советской хоккейной сборной, не знавшей поражений, и заокеанскими профессионалами, Ги Лафлер, великий канадский хоккеист, сказал: «Ваших парней невозможно победить, настолько они любят свою Родину».

Ключевое слово в этой философской проблеме труда и собственности одно – соборность души. Если моя душа охватывает мою любимую, семью, народ, Родину, то я и воспринимаю как мое, неотъемлемое, собственное все то, что нужно моей любимой, моей семье, моему народу, моей Родине, и потому и трудиться я буду на всех, охватываемых моей душой, как на самого себя. И за эту собственность я пойду грудью на пулемет.

И не возникнет в таком случае никакого противоречия между личным и общественным. Если это мое общество, если я его люблю, и оно меня тоже, то общественное будет для меня одновременно и личным. Если же это общество чужое для меня, рыночное, мафиозное, то, конечно, общественное будет для меня не моим, а чужим, чуждым, враждебным, и работать на такое общество значит работать на дядю.

И вся мотивация человеческой деятельности будет проистекать из сформулированных подобным образом философских категорий труда и собственности.

Далее я снова перехожу к изложению своих личных соображений. Конечно, и они получены на основе обсуждений с Михаилом Ивановичем; и к самому глубокому постижению экономики, от основания, от трудов Адама Смита, привлекал меня М.И. Леденев. И экземпляр главной книги А. Смита, которым я пользуюсь, получен по наследству от своего старшего товарища и наставника.

1998-2002: ОЖИВЛЕНИЕ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

В самое последнее время власти говорят, что наметилась тенденция роста экономики. Благодаря принятым радикальным рыночным мерам наше производство начало понемногу возрастать. Но что-то уж очень не похоже это на истину... Почему же тогда жить человеку становится все хуже и хуже? Сколько я ни спрашивал, никто не заметил официально объявленных тенденций к улучшению. Кроме разве что новых русских, тех, кто торгует и ворует.

Вот какие цифры приводятся по Хабаровскому краю, ставшему в 2002 году победителем Всероссийского конкурса финансового оздоровления экономики России «Золотой рубль»: за 1998 год рост производства здесь составил 4%, 1999 – 9%, 2000 – 15%, 2001 – 8%.

Действительно ли это так? Встречаю доброго знакомого В.А. Адаменко, токаря Хабаровского судостроительного завода. Спрашиваю, работает ли завод? До того в течение многих лет он был в основном источником металлолома для предприимчивых людей.

– Да, – неуверенно кивает головой Валерий Алексеевич, потом останавливается и задумчиво поправляется:

– Что значит работает? Дышит...

В 2002 году был подписан контракт на поставку иностранному заказчику (читай: потенциальному противнику на дальневосточном театре военных действий) трех десантных катеров на воздушной подушке. Заказ был выполнен.

Снова крутятся станки на «Дальдизеле», и это нашло отражение в официальных документах. За 2001 год изготовлено 47 двигателей, за 2002 – 59 [84]. Выясняю у работников завода, что же они изготовили в самом деле. Ну, говорит Н.В. Гриценко, виртуоз-станочник, неутомимый выдумщик, рационализатор и изобретатель по прозвищу Коля Самоделкин, новых дизелей не делали, но вот старые двигатели, советского производства, присылают к нам на капремонт отовсюду, даже из-за границы, с Украины. В самом деле, кому сподручнее разобраться, что там подлежит замене, когда это ты сам, своими руками когда-то вытачивал эти детали, на них до сих пор твое личное клеймо стоит. Вот эти восстановленные двигатели и попали в отчет.

Прибыль доходных предприятий составила в 2001 году по Хабаровскому краю 16,2 млрд руб. Основная доля прибыли в

промышленности (75,5%) получена Комсомольским-на-Амуре производственным объединением за выполнение экспортного контракта (поставки Су-27). Общая сумма экспорта машиностроения 1,2 млрд долл.

Экспорт леса составил 124,1% к объему прошлого года, при этом экспорт пиломатериалов снизился на 1,6%. Из-за снижения объемов вылова прибыль рыбной отрасли снизилась в два раза, убытки возросли в 4 раза. Причина – введение аукционной продажи квот на вылов водных биоресурсов. Жилищно-коммунальные услуги подорожали в 1,46 раза.

Если же свести концы с концами, сопоставить прибыль доходных предприятий и убытки убыточных предприятий, то в итоге убытки предприятий края возросли за 2001 год на 38,4%. Рост цен на железнодорожные перевозки превышал рост цен на промышленную продукцию в 1,9 раза, на электроэнергию – более чем в 2,5 раза, на теплоэнергию – более чем в 1,5 раза.

Сумма убытков в сельском хозяйстве края составила 11 млн руб., это на 2 млн больше, чем в прошлом году. На селе созданы 8 государственных унитарных предприятий, то есть снова совхозы вместо разрекламированных ферм, которые по краю засевают всего 3 тыс. га из 103,1 тыс. га. Число же ферм сократилось на 45 хозяйств за год, и за 2002 год их стало еще на 14 хозяйств меньше.

Откуда же взялись деньги на покрытие убытков? «Поступившее в край бюджетное финансирование превышает сумму средств, перечисленных в Федерацию, в 1,66 раза» [85].

В 2002 году наметившиеся тенденции сохранялись. Рост цен на грузоперевозки опережал рост цен на промышленную продукцию на 15%, на электроэнергию – на 32%, на теплоэнергию – на 27%. От реформирования организаций министерства путей сообщения администрация края ожидает негативных последствий. И это несмотря на оптимистические заявления команды А.Б. Чубайса и Г.О. Грефа о благотворном влиянии на экономику готовящейся приватизации железных дорог.

Увеличено производство стали и проката, 80% продукции экспортируется в страны АТР. Что ж, тут мы имеем дело с классическим примером, когда развитые страны стремятся перевести грязные производства в колонии.

«Ежегодное превышение погашения запасов россыпного золота привело к их истощению, что сказалось на

обеспеченности предприятий рентабельными запасами» [86]. «Полученный в 2002 году прирост запасов золота от геологоразведочных работ только на 67,7% обеспечивает их погашение» [87].

Более половины суммы убытка в лесной области приходится на деревообработку, нередко это связывается уже с нехваткой сырья. Загрузка современных линий лесопиления составляет 40%.

Производство этилового спирта возросло за год на 8%, пива на 11%. В эти отрасли и идет все возрастающий поток инвестиций. Кроме того, завоз водки из других регионов вырос за 2002 год на 58%, а в сравнении с 2000 годом водки завезено в Хабаровский край в три раза больше. Неужели не ясна связь этих экономических достижений с разрушением человеческого потенциала?

Что ж, это вполне созвучно и общероссийским тенденциям. Вот как возрастало в последние годы производство пива в РФ: 1997 г. – 261 млн дал., 1998 г. – 335 млн дал., 1999 г. – 446 млн дал., 2000 г. – 549 млн дал. Водка, млн дал., те же годы: 82 – 87 – 134 – 122. Папиросы и сигареты, млрд шт.: 176 – 210 – 283 – 341 [88]. Дает эта прогрессирующая сфера свой взнос в общие тенденции развития экономики? Дает, да еще какой!

Объем производства товарной пищевой рыбной продукции снизился в Хабаровском крае по сравнению с 2001 годом на 25,9%. Из-за введения аукционной продажи квот на вылов рыбы прибыль крупных предприятий сократилась в 2,8 раза, убытки возросли в 3,6 раза. Соответственно ухудшилась финансовая обстановка на предприятиях.

В легкой промышленности растет затоваривание складов (давайте вспомним, что именно в этом обвиняли социалистический способ производства!) – увы, рост издержек в связи с повышением тарифов снижает конкурентоспособность местных товаров.

Цены на услуги ЖКХ выросли за 2002 год на 45%, на медицинские – на 43%, на услуги связи на 41%. «Бюджет не в состоянии перекрывать разрыв между ростом тарифов и платежеспособностью населения...» [89].

Теперь о ситуации в сельском хозяйстве Хабаровского края: «Практически половина используемых в настоящее время тракторно-транспортных средств выработала технический ресурс. В последние годы не проводится известкование и

фосфоритование почв, подкормка пастбищ и сенокосов, внесение органических удобрений.

Преобладающее число сельскохозяйственных предприятий, находясь в сложном финансовом положении, не могут обеспечить своим работникам необходимый уровень оплаты труда. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства является одной из самых низких среди отраслей экономики края, и та выдается в большей части предприятий несвоевременно» [90]. «Износ по животноводческим помещениям составляет 70%, критическое положение сложилось с обеспечением инженерной инфраструктурой и жильем» [91].

И здесь тоже полная корреляция с общероссийскими показателями. Официальная статистика насчитывала в РФ следующее количество тракторов: 1997 г. – 915 тыс. шт., 1998 г. – 856 тыс. шт., 1999 г. – 862 тыс. шт., 2000 г. – 817 тыс. шт. [92]. Если же сравнивать с более давними временами, то в СССР производилось по 1000 тракторов *в день*, тогда как сейчас по 500 тракторов *в месяц*. О каком же восполнении выбывающей техники может идти речь?

Поставка минеральных удобрений в российские хозяйства всех форм собственности, в тысячах тонн действующего вещества: 1997 г. – 1587, 1998 г. – 1083, 1999 г. – 1216, 2000 г. – 1318. Органические удобрения, годы те же: 86,1 млн т, – 72,1 млн, – 69,1 млн т, – 66,0 млн. т. [93].

Попробуем провести более широкие сравнения.

«В 1994 году вынос питательных веществ из почвы урожаем и сорняками в 3 раза превысил их поступление с минеральными и органическими удобрениями. Применение удобрений стало убыточным...» [94]. Внесение минеральных удобрений в целом по стране снизилось к 1996 году в 8 раз, органических – в 4 раза [95]. Вот как выглядит картина по отдельным регионам России. В Воронежской области, где черноземы были такими жирными, что хоть на хлеб намазывай, почвы деградируют. Внесение органических удобрений за 9 лет реформ уменьшилось здесь в 2,5 раза, минеральных – в 9 раз. Не проводятся мелиоративные работы.

Томская область: органические удобрения – внесение уменьшилось в 9 раз, минеральные в 16 раз (90–97 гг.) [96]. Новосибирская область: органические удобрения в 8 раз, минеральные в 17 раз (90–94 гг.) [97]. Приморье: минеральные удобрения в 18 раз (85–95 гг.) [98]. Магаданская область:

органические удобрения в 85 раз (92–96 гг.) [99]. В Амурской области почвы на площади в 10 тысяч гектаров находятся в состоянии экологического кризиса [100]. «В самых лучших черноземовидных почвах ежегодное снижение содержания гумуса составляет 11–30%... С реорганизацией колхозов и совхозов в хозяйствах наблюдается истощительное землепользование почв, нарушение севооборотов, не вносится достаточное количество удобрений, увеличиваются площади, где удобрения не использовались 5 и более лет, не проводится известкование кислых почв, посевы зарастают сорняками, значительные площади брошены и не обрабатываются» [101]. В Еврейской автономной области практически прекращены лесомелиоративные работы, земля из категории пашни переходит в лесные угодья. В 1995 году ни один гектар не рекультивирован [102]. Ежегодно овраги уменьшают в России площадь пашни на 0,8–1,0%, борьба с эрозией почв лесомелиоративными методами сегодня фактически прекращена. Программа «Плодородие» выполняется по разным статьям на 0,8–39,5%. За один только 1996 год площадь пашни сократилась на 1,2 млн гектаров. Площадь оленьих пастбищ уменьшилась на 70 млн га из 280 млн [103].

«После стремительного пикирования вниз в первой половине и вялого сокращения производства во второй половине 90-х годов лесной комплекс края, – пишут ведущие экономисты Хабаровска, – в 1999–2000 гг. показал хорошие темпы роста. Но этот рост основан на экстенсивных факторах, на увеличении и без того большого разрыва между заготовкой и переработкой древесины, на ускоряющемся истощении лесосырьевой базы» [104].

Теперь о капитале в нашем регионе. За 1991–2001 годы объемы инвестиций в основной капитал снизились по Дальневосточному региону почти на 80% [105].

Да и тот капитал, что есть, в основном проедается: в Хабаровском крае 88% его идет на пополнение оборотных средств, лишь 7,5% – на приобретение оборудования и 3% – на освоение новых технологий [106]. Понятно, что у других дальневосточных субъектов Федерации положение не лучше, чем у признанного российского лидера по финансовому оздоровлению хозяйства. И на что обрекает наше хозяйство такая денежная политика? Когда экономика едва успевает штопать дыры, о какой перспективе может идти речь? Отставание технического уровня будет со временем все

возрастать и возрастать, и соответственно конкурентоспособность предприятий будет снижаться и снижаться.

И снова все тот же вопрос: откуда рост при таких «достижениях»? «Поступившее в край бюджетное финансирование превышает сумму средств, перечисленных в Федерацию, в 2 раза» [107]. «Потенциал роста реализовывался при использовании неустойчивых факторов, связанных с благоприятной внутренней и внешнеэкономической конъюнктурой, в том числе с высоким уровнем цен на сырьевые ресурсы и энергоносители, процессами импортозамещения, сдерживанием издержек производства, исполнением обязательств федерального бюджета перед краем» [108].

Ну и раз «потенциал роста реализовывался при использовании неустойчивых факторов», то ни у кого и не возникает доверия к экономическим перспективам регионального хозяйства. Удельный вес долгосрочных кредитов в общем объеме кредитных вложений составляет в Хабаровском крае всего 4,9% [109]. Население же вообще предпочитает хранить свои накопления, у кого они есть, в кубышке. И это напрямую подпадает под действие постулата Адама Смита: богатство народов только тогда будет стабильно возрастать, когда бедняк станет вкладывать свои медные пятаки в развитие производства.

Таково положение в Хабаровском крае. А как дела у наших соседей?

В Амурской области, надежной житнице Дальнего Востока на протяжении всей его российской истории, рост производства в сельском хозяйстве за 2002 год сравнительно с прошлым годом составил 13%. Однако не радуют эти успехи дальновидных руководителей... «Рекордный урожай прошлого года многие хозяйства поставил на грань разорения, поскольку цены на зерно снизились в два раза» [110].

Сельское хозяйство выстояло в этом очень благополучном по климатическим условиям году только благодаря дотациям. «Тарифы на электроэнергию просто неподъемны..., село сегодня – карточный домик, который может рухнуть в один момент». Так считает глава одного из самых крепких хозяйств области Владимир Георгиевич Ус [111].

Развитие сельского хозяйства Амурской области, темпы его роста оказались в 2002 году одними из самых высоких не только на Дальнем Востоке, но и в России. И главной причиной

тому – региональная и государственная поддержка. Но уверенности в завтрашнем дне ни у кого нет и не предвидится. За 2001 и 2002 годы тарифы на электроэнергию возросли почти в три раза [112].

В кризисном положении оказался на Дальнем Востоке главный капитал – человеческий.

«Средняя зарплата у магаданцев, например, в прошлом году составила 8,2 тыс. руб., т. е. обеспечивала всего 2,5 прожиточного минимума, а минимальная – около 4 тыс. руб. Заставить людей платить за реформу ЖКХ – значит, оставить их без средств к существованию», – считает мэр Магадана Н.Б. Карпенко. И он же о реформе энергетики: «Думаю, что вся реформа от безысходности, сегодня 70% мощностей изношены. У государства денег на замену нет. Делается расчет на то, что частный капитал привлечет сюда деньги. Мое мнение – реформа приведет к повышению тарифов» [113].

«Поколение детей будет вдвое меньше поколения родителей... Продолжится процесс старения. ... В результате доля нетрудоспособных на 1000 лиц трудоспособного возраста в 2005 г. составит 507, в 2010 г. – 536, в 2015 г. – 627» [114].

В.И. Ишаев подводит окончательный итог демографического процесса: к началу 2002 года Дальний Восток потерял по сравнению с 1991 годом 1 млн 227 тыс. человек или 12% постоянного населения [115].

Ну а из тех, кто остается на нашей земле, поколение Next не получает трудового воспитания. Они хотят красиво жить, но не работать. «За эти 10 лет ребята просто отвыкли от станка, им лучше стоять у прилавка. И рабочие профессии для промышленного производства стали непрестижными» [116]. Кто же тогда будет поднимать экономику?

Подробный анализ демографической ситуации делает в журнале «Дальневосточный капитал» Евгений Галушко [117].

Рождаемость в регионе снизилась с 13,7 новорожденных на 1000 населения в 1991 году до 9,3 ребенка в 2000 году. И по смертности мы впереди всей России: за 1991–2000 гг. она увеличилась на 47,7%, против 35,1% по стране. Дальний Восток – бесспорный лидер по младенческой смертности: 183 умерших до 1 года на 10 000 родившихся при общероссийском уровне 147 умерших. На Чукотке же достижения вообще рекордные – 422 умерших.

Суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных женщиной с 15 по 49 год жизни) составлял в 2001

году по ряду территорий региона от 0,960 до 1,214, хотя даже для простого воспроизводства населения нужно по 2,15 ребенка на женщину.

Русские «танцовщицы» после работы в Китае, Японии и Южной Корее (из выезжающих за границу на временные заработки 78% – женщины) теряют здоровье, отодвигают сроки деторождения, ограничивают число рождаемых детей. 19% молодых семей в крае не желают иметь детей вообще. В регионе зарегистрировано 799 разводов на тысячу браков в 2000 году против 498 в 1990 г.

Какая тут связь с экономикой?

Если мужчина собирается содержать семью, в которой только что родился ребенок и мама не может работать, то ему надо, чтобы только выжить, 9,12 тыс. руб. в месяц «чистыми», 18,24 тыс., чтобы дети могли хорошо питаться, выросли здоровыми, и чтобы ему с женой не ходить в советских обносках и иной раз съездить в отпуск хотя бы в Приморье. Увы! Реально большинство молодых в Еврейской области получают по 4–5 тыс. рублей.

«В системе госслужбы за десятилетие такая структура, созданная коммунистами и сегодня объективно признаваемая одной из лучших, порушена» [118].

«Дальневосточная оборонка, прославившаяся своим самым высокообразованным рабочим классом, сегодня на грани дисквалификации и технического отставания кадров. Например, средний возраст станочников на владивостокском заводе "Дальприбор" составляет 58 лет. Это значит, что через два-три года даже тем ребятам, которые захотят получить эту профессию, не смогут обеспечить производственную практику из-за отсутствия наставников» [119]. То же самое на других заводах. Износ трудового потенциала составляет 48–60%. Отчетливо обозначился острый дефицит квалифицированных кадров. «Общество сориентировало молодых на иные ценности, где даже не рубль является мерилом успеха» [120].

«Субъективная оценка качества трудовых ресурсов однозначна – оно снижается» [121].

«При любых инвестициях в развитие этого региона серьезный экономический результат не может быть получен, если население будет рассматривать свое пребывание здесь как временное... Весь ход развития России доказывает, и последние годы не опровергают этого, что именно интеллектуальная самореализация есть главное условие песни

в душе русского человека. Будут на месте жительства деньги, но песни не будет – просто спиваются люди. Или живут в других местах, а за деньгами приезжают сюда. Доказано» [122].

Конечно, и руководство страны не могло не заметить всех этих вопиющих несоответствий реального положения дел своим прежним предначертаниям. И потому было вынуждено внести поправки в стратегическую программу развития Дальнего Востока. 19 марта 2002 года было принято постановление Правительства РФ № 169 «О федеральной целевой программе "Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года"»

Этот документ констатировал:

Госзаказ на оборонную промышленность снизился с 60,4% в 1992 г. до 5% в 2000 г. Начиная с 1993 г., энергосистемы работают в условиях постоянного чрезвычайного режима, вызванного хроническим недостатком топлива и финансов. Износ оборудования в электроэнергетике региона составил 40%, в теплоэнергетике – 55%. В 90-е годы существенно снизилась пропускная способность железных дорог при ухудшении технического состояния, увеличении износа и значительного старения подвижного состава. На воздушном транспорте степень физического износа летного парка достигла 80%, к тому же он морально устарел. В горнодобывающей промышленности отмечено старение оборудования, резкое сокращение объемов геологоразведочных работ в условиях смены механизмов недропользования [123].

На экономических перспективах северных территорий московские власти вообще поставили точку, что следует из такого красноречивого императива постановления: «Не препятствовать миграции с северных территорий» [124]. Это первое за последние несколько лет официальное подтверждение гайдаровской линии «Севера нам не нужны». Что ж, если они не нужны нам, то пригодятся американцам. «При губернаторе Р.А. Абрамовиче готовится "бархатный" захват Чукотки», – предупреждают авторы «Дальневосточного капитала» [125]. Нарушается святая святых русской политики за все время существования нашего Дальнего Востока: о приоритете геополитических интересов перед всеми прочими.

А наиболее дальновидные главы дальневосточных субъектов Федерации никогда не упускали этого из внимания: «*Программа развития Дальнего Востока и Забайкалья, в целом экономическая политика России в этом регионе – это*

не экономическая политика для региона, это стратегия России на Тихом океане, это важнейший элемент глобальной стратегии России в первой четверти нового века (курсив В.И. Ишаева. – Ю.С.) Только с этой точки зрения можно рассматривать проблему, только такая позиция является государственной позицией, перспективной позицией, правильной позицией» [126].

Член-корреспондент РАН В.И. Ишаев, выступая в Анкоридже, объяснил американцам, почему в программу развития Дальнего Востока пришлось вносить по ходу дела исправления. Ельцинская дальневосточная программа, принятая в 1996 году, была выполнена на 10% (для сравнения наш губернатор приводит выполнение сталинской программы 1930 года – 130%, и брежневской 1967 года – 80%), и конечно, она должна была подвергнуться переработке.

Однако на достижение программных целей в предстоящие 9 лет (2002–2010 гг.) в соответствии с постановлением Правительства должно быть направлено за счет всех источников финансирования практически столько же средств, сколько фактически составили инвестиции в экономику Дальнего Востока и Забайкалья за 1996–2000 гг. в соответствии с прежней «неудавшейся программой» [127].

При сохранении социально-политического курса Москвы верить в экономические перспективы Дальнего Востока могут лишь самые неисправимые мечтатели.

И все же экономический подъем в последние годы неоспорим. Парадокс, да и только...

Ведь никаких глубоких причин этому не находится. Разве изменилась мотивация труда или центр признал необходимость выделения Дальнему Востоку дотаций хотя бы в прежнем, советском объеме, в то время как для восстановления разрушенной инфраструктуры их теперь требуется гораздо больше? Разве закрыты высокими таможенными барьерами наши внешнеэкономические границы, и наши производители защищены от разорительной конкуренции с иностранными фирмами, работающими в несравненно более благоприятных условиях? Снижены транспортные и энергетические тарифы, угнетающие нашу региональную экономику?

Нет, нет и нет. А следовательно, нынешние результаты могли быть достигнуты только за счет прошлого и за счет будущего. Расхищается все то, что было накоплено за многие

годы созидания, и все то, что должно было бы быть сохранено на будущее.

Налицо ускорение растраты запасов – природных и социальных, понижение ресурсного и трудового потенциала, налицо подрыв воспроизводственных возможностей хозяйства.

Вот как, например, характеризуют перспективы лесного комплекса Хабаровского края собранные под одной обложкой практически все краевые специалисты по лесу (шрифтовые выделения в приводимой цитате принадлежат цитируемым авторам): «В ходе экономического кризиса и экономической реформы *хищничество возросло, с ресурсов стали буквально "сниматься сливки"*» [128]. «Если тенденция не будет переломлена, то вместо подъема лесозаготовительной отрасли лет через 5–10 начнется ее устойчивый спад, а через 20–30 лет – полный коллапс» [129].

То же происходит и в горнодобывающей промышленности региона. Снявши сливки с богатейших жил, решили бросить американцы уникальное месторождение Кубака. Там осталось еще очень много золота, но как его теперь найти под завалами и отвалами, как вести проходку в толще пород, нарушенной хищническими выработками?

То же и с нефтью, газом, другими полезными ископаемыми. То же и с рыбой, прочими биоресурсами. А ведь лес, рыба, руда – это и есть те три кита, на которых стоит региональная экономика! То же и с почвами: как можно расходовать, не восполняя, продуктивность пашни; разве можно назвать это хозяйствованием? Что же тогда такое хищничество?

И нынешние доходы от продажи Су-27, от торговли безопасностью Родины – это свет угасшей звезды, это расходование прежних советских инвестиций, и все равно это не надолго. Для поддержания опережающего технологического уровня нужны не только НИИ и КБ, нужна могучая и непоколебимая фундаментальная наука, а это – проблема, решаемая только в масштабе всей страны. Ну а тут не лучше, чем в Хабаровском крае с лесом. По данным Президента Российского совета ректоров академика В.А. Садовничего, десятки тысяч классных специалистов уехали на Запад, не имея возможности в собственной стране плодотворно вести научные изыскания. Россию покинули около 89% математиков и 50% физиков-теоретиков высшей квалификации. Принимают их на Западе с распростертыми объятиями, поскольку они

являются носителями многолетних усилий и достижений советской науки. Утечка мозгов за один только 1992 год оценивается в сумму, близкую к 20 млрд долларов, а за 1993–1994 годах – около 30 млрд долларов [130].

И потому наши боевые самолеты скоро устареют, новые же поколения высокотехнологичной продукции потребуют таких капиталовложений в производство, науку и образование, что всё сразу станет нерентабельным.

Нет, не видно никакого просвета в конце тоннеля, одна только тьма! Да и та была бы еще беспросветнее, не случись повышения цен на нефть, единственную опору нынешней российской экономики. Ну, а когда американцы поставят под свой полный контроль все энергоресурсы мира и установят выгодные для себя низкие цены? Что ждет тогда нашу страну?

Впрочем, даже если благотворные изменения в нашем хозяйстве и действительно происходят, то они вполне вписываются в планы, составленные для России американским Центральным разведывательным управлением. Согласно предписаниям ЦРУ, после катастрофического обвала экономики нам дозволен медленный рост [131], гарантирующий Америке, что на прежний уровень сверхдержавы мы уже никогда не поднимемся, вести самостоятельную политику будем не в состоянии, и в качестве российского протектората Америки, послушной банановой республики, будем покорно влачить свое жалкое существование, не представляя для «общечеловеков» опасности; с другой стороны, опускать Россию ниже некоторого предела им тоже не с руки, а то как бы себе дороже не оказалось: вдруг еще раз будет доказана правота пушкинского предостережения относительно русского бунта, бессмысленного и беспощадного? Бунта хотя и в бывшей, но пока еще ядерной сверхдержаве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Коптюг В. А.* Шоковые открытия за Китайской стеной. // Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 318.

2. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 122.

3. *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну. М., 2001. 528 с.

4. *Сулакшин С. С.* Измена. М., 1998. 99 с.

5. *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну. М., 2001. С. 513.

6. *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Глобальная империя Зла. М., 2001. С. 168

7. Подборка материалов из хабаровской газеты «Криминальные вести» 1996. Январь-февраль. С. 32.

8. *Зиновьев А. А.* Требуется историческое новаторство в изобретении системы управления Россией // РФ сегодня. 1999. № 15. С. 52.

9. *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. С. 21.

10. *Ишаев В. И.* Концепция развития Дальнего Востока России (научный доклад на президиуме РАН). Хабаровск, 2001.С. 8-9.

11. *Ишаев В. И.* Концепция развития Дальнего Востока России (научный доклад на президиуме РАН). Хабаровск, 2001. С. 23.

12. Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы (краткое изложение). Хабаровск, 1996. С. 8–9.

13. Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы (краткое изложение). Хабаровск, 1996. Табл. 5.

14. *Крюков В. Г. и др.* Принципы рационального природопользования (на примере Хабаровского края). Хабаровск, 2000. С. 19.

15. *Ишаев В. И.* Концепция развития Дальнего Востока России (научный доклад на президиуме РАН). Хабаровск, 2001. С. 5.

16. *Ишаев В. И.* Концепция развития Дальнего Востока России (научный доклад на президиуме РАН). Хабаровск, 2001. С. 6–8.

17. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. С. 59.

18. *Поздняков А. В.* Стратегия российских реформ. Томск, 1998. С. 161.

19. *Саматов А. Д.* Истина где-то рядом // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 53.

20. *Санько В.* Придет инвестор, он нас научит // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 157.

21. *Салехов И.* Странности судьбы, или сказка на ночь // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 144.

22. Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 157.

23. *Агранат Г. А.* География – экономика – общество // Изв. АН. Сер. геогр. 2001. № 6. С. 11.

24. *Василенко В.* Фонд поколений: на хороших и плохих рассчитайсь! // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5.

25. *Болдырев Ю.* Мифотворчество по-российски. (заместитель председателя Счетной палаты РФ Юрий Болдырев предлагает «преодолеть глобальный обман») // Век, 2001. № 3 (419).

26. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1997 году. М., 1998. 608 с.

27. Bema Gold начала разведку // Дальневосточный капитал. 2003. № 3. С. 30.

28. *Лев Черепанов.* Почему горит лес? // Зеленый мир. 1999. № 12. С. 8.

29. *Алексеев А.* Порубили все дубы на гробы// Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 23.

30. *Романенко А.* Воровать лес – себе дороже // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 20.

31. *Поминов В. Ф.* К читателям // Леса и лесное хозяйство Хабаровского края. Хабаровск, 2000. С. 7.

32. *Андреев И.* Лесной переполох // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 102.

33. *Стецкая Г.* Я бы к пахану пошел... // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 112.

34. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития. Хабаровск, 2001. С. 23.

35. *Крюков В. Г. и др.* Принципы рационального природопользования (на примере Хабаровского края). Хабаровск, 2000. С. 64.

36. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития. Хабаровск, 2001. С. 54.

37. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития. Хабаровск, 2001. С. 53.

38. *Зайцев В.* Прокуратура вникает в суть экологических проблем // Зеленый мир. 1999. № 9. С. 13.

39. *Комаров Е.* Рыбаки в России отомрут вместе с рыбой // Экология и бизнес. 2001. № 4; *Николаев А.* Простите, минтай и горбуша // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 43

40. *Николаев А.* Простите, минтай и горбуша // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 42.

41. *Крюков В. Г. и др.* Принципы рационального природопользования (на примере Хабаровского края). Хабаровск, 2000. С. 42.

42. *Крюков В. Г. и др.* Принципы рационального природопользования (на примере Хабаровского края). Хабаровск, 2000. С. 64.

43. *Агранат Г. А.* География – экономика – общество // Изв. АН. Сер. геогр. 2001. № 6. С. 7.

44. *Ишаев В. И.* Концепция развития Дальнего Востока России (научный доклад на президиуме РАН). Хабаровск, 2001. С. 4.

45. *Коптюг В. А.* Возможна ли разработка стратегии устойчивого развития России в настоящее время? // Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 279.

46. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. С. 212.

47. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития. Хабаровск, 2001. С. 55.

48. *Крюков В. Г. и др.* Принципы рационального природопользования (на примере Хабаровского края). Хабаровск, 2000. С. 20.

49. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития. Хабаровск, 2001. С. 56.

50. *Ишаев В. И.* Особый район России. Хабаровск, 1998.С. 113–114.

51. *Коптюг В. А.* О разработке государственной (национальной) стратегии устойчивого развития России // Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 258.

52. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. С. 53.

53. *Крюков В. Г. и др.* Принципы рационального природопользования (на примере Хабаровского края). Хабаровск, 2000. С. 19.

54. *Ишаев В. И.* Особый район России. Хабаровск, 1998. С. 123–124.

55. *Заусаев В. К., Леденев М. И., Быстрицкий С. П.* Социально-экономическое развитие Дальнего Востока в условиях формирования рыночных отношений. Хабаровск, 1999. С. 209.

56. Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы (краткое изложение). Хабаровск, 1996. С. 31.

57. *Заусаев В. К., Леденев М. И., Быстрицкий С. П.* Социально-экономическое развитие Дальнего Востока в условиях формирования рыночных отношений. Хабаровск, 1999. С. 225–226.

58. Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы (краткое изложение). Хабаровск, 1996. С. 29.

59. *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. С. 36.

60. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. С. 61.

61. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. С. 65.

62. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 315.

63. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. С. 215.

64. Агропромышленный комплекс России. Сводные показатели по Российской Федерации. М., 2001. 466 с.

65. *Фесик А.* Тундра, однако, вымерла // Двенадцать разгневанных стихий. Владивосток, 2002. Вып. 5. С. 48.

66. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 321.

67. *Корчмит В.А.* Корякия: любовь и боль моя. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 120–121.

68. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России / *Коптюг В. А., Матросов В. М., Левашов В. К., Демянко Ю. Г.* Владивосток, 1997. С. 42.

69. *Коптюг В. А.* Возможна ли разработка стратегии устойчивого развития России в настоящее время? // Наука спасет человечество, Новосибирск, 1997. С. 279.

70. Эта статья была перепечатана в Хабаровске в последние годы: *Меркулов С. Д.* Искушение чужим хлебом // Дальний Восток. 1994. № 3–4.

71. *Коптюг В.А.* Продовольственная безопасность: как достичь ее? //Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 267.

72. *Меркулов С. Д.* Искушение чужим хлебом // Дальний Восток. 1994. № 3–4. С. 171.

73. *Меркулов С. Д.* Нужно ли облагать пошлиной Маньчжурское зерно // Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911. Вып. II. С. 33.

74. *Меркулов С. Д.* Искушение чужим хлебом // Дальний Восток. 1994. № 3–4. С. 162.

75. *Меркулов С. Д.* Русское дело на Дальнем Востоке // Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911. Вып. 2. С. 9.

76. *Галичанин Е. Н.* Основные положения президентской федеральной программы экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы // Кооперация на пороге XXI века: Материалы международного научно-практического симпозиума. Хабаровск, 1996. С. 13.

77. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. С. 294.

78. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. С. 66.

79. Коптюг В. А. Возможна ли разработка стратегии устойчивого развития России в настоящее время? // Наука спасет человечество, Новосибирск, 1997. С. 280.

80. *Ишаев В. И.* Концепция развития Дальнего Востока России (научный доклад на президиуме РАН). Хабаровск, 2001. С. 8.

81. *Быстрицкий С. П., Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. С. 28.

82. Это и другие высказывания авторитетных американских аналитиков приводит один из самых известных советских диссидентов *Рой Медведев* в статье «Десять условий экономического прогресса в России» // Дальний Восток. 1999. №11–12. С. 196.

83. *Коптюг В. А.* О разработке государственной (национальной) стратегии устойчивого развития России // Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 257.

84. Об итогах социально-экономического развития Хабаровского края в 2001 году и основных направлениях развития края на 2002 год. Хабаровск, 2002. С. 150; Итоги социально-экономического развития Хабаровского края за 2002 год и основные направления социально-экономической политики в 2003 году. Хабаровск, 2003 С. 128.

85. Об итогах социально-экономического развития Хабаровского края в 2001 году и основных направлениях развития края на 2002 год. Хабаровск, 2002. С. 51.

86. Итоги социально-экономического развития Хабаровского края за 2002 год и основные направления социально-экономической политики в 2003 году. Хабаровск, 2003. С. 4.

87. Там же. С. 5.

88. Агропромышленный комплекс России. Сводные показатели по Российской Федерации. М., 2001. 466 с.

89. Итоги социально-экономического развития Хабаровского края за 2002 год и основные направления социально-экономической политики в 2003 году. Хабаровск, 2003. С. 20.

90. Там же. С. 32.

91. Там же. С. 95.

92. Агропромышленный комплекс России. Сводные показатели по Российской Федерации. М., 2001. 466 с.

93. Агропромышленный комплекс России. Сводные показатели по Российской Федерации. М., 2001. 466 с.

94. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1994 году. М., 1995. С. 299.

95. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1996 году. М., 1997. 508 с.

96. Экологический мониторинг. Состояние окружающей природной среды Томской области в 1997 году. Томск, 1998. С. 122.

97. Состояние окружающей природной среды в Новосибирской области в 1994 году. Новосибирск, 1995. С. 55.

98. Доклад о состоянии окружающей природной среды Приморского края в 1995 году. Владивосток, 1996. 174 с.

99. Доклад о состоянии окружающей природной среды Магаданской области в 1996 году. Магадан, 1997. 77 с.

100. Доклад о состоянии окружающей природной среды в Амурской области за 1998 год. Благовещенск, 1999. 101 с.

101. Доклад о состоянии окружающей природной среды в Амурской области за 1996 год. Благовещенск, 1997. С. 26.

102. Доклад о состоянии окружающей природной среды Еврейской автономной области в 1996 году. Биробиджан, 1997. 62 с.

103. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1996 году. М., 1997. 508 с.

104. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития. Хабаровск, 2001. С. 237.

105. *Ишаев В. И.* О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Забайкалья: Доклад губернатора Хабаровского края в Анкоридже, США. 2002 г. Сентябрь.

106.Итоги социально-экономического развития Хабаровского края за 2002 год и основные направления социально-экономической политики в 2003 году. Хабаровск, 2003. С. 7.

107. Там же. С. 42.

108. Там же. С. 41.

109. Там же. С. 46.

110. *Коротков Л. В.* Все у нас хорошее: приезжайте – угощайтесь // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 56.

111. *Ус В. Г.* Сельские миллионеры в карточном домике // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 60.

112. *Турков О.* Сегодня – развитие. А завтра? // Дальневосточный капитал. 2003. № 5.

113. *Карпенко Н. Б.* Я тринадцатый по счету градоначальник Магадана // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 7.

114. *Марценко В.* Улучшения не предвидится // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 20.

115. *Ишаев В. И.* О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Забайкалья: Доклад Губернатора Хабаровского края в Анкоридже, США. 2002 г. Сентябрь.

116. *Моисеенко В.* Как вернуть к станку молодых // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 22.

117. *Галушко Е.* Кому здесь жить // Дальневосточный капитал. 2003ю № 5.

118. *Галушко Е.* Кому здесь жить // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 17.

119. *Галушко Е.* Кому здесь жить // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 17–18.

120. *Галушко Е.* Кому здесь жить // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 18.

121. *Галушко Е.* Кому здесь жить // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 16.

122. *Галушко Е.* Кому здесь жить // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 22.

123. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 марта 2002 г. № 169 О федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года». М., 2002.

124. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 марта 2002 г. № 169 О федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года». М., 2002.

125. *Никитин И.* Чукча в чуме ждет американского рассвета // Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 13.

126. *Ишаев В. И.* О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Забайкалья: Доклад губернатора Хабаровского края в Анкоридже, США. 2002 г. Сентябрь.

127. *Ишаев В. И.* О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Забайкалья: Доклад губернатора Хабаровского края в Анкоридже, США. 2002 г. Сентябрь.

128. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития. Хабаровск, 2001. С. 52.

129. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития. Хабаровск, 2001. С. 54.

130. *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну. М., 2001. С. 509–510.

131. *Сулакшин С. С.* Измена. М., 1998. С. 68.

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Вопросы входного контроля:

Нужно ли было реформирование советской экономики?

а) да;

б) нет;

в) нужно, но не такое.

Оценка результатов реформирования:

а) катастрофа;

б) неизбежный спад перед подъемом;

в) мы получили то, что заслужили.

Вопросы текущего контроля:

Каково должно быть соотношение между государственной и частной собственностью в России?

а) 75% / 25%;

б) 50% / 50%;

в) 25% / 75%.

Почему не идут инвестиции в дальневосточную, равно как и в российскую, экономику?

а) нет приемлемой законодательной базы;

б) нет доверия к российским партнерам;

б) виной – наши удорожающие факторы.

Вопрос Спиридона Меркулова сто лет спустя: открытые экономические границы или закрытые?

а) открытые – это решение проблемы обеспечения продовольствием и рабочей силой;

б) закрытые – это решение проблемы русского денежного, промышленного, человеческого и военного присутствия России в регионе;

в) нужны регулируемые таможенные барьеры; пошлины должны быть близкими к запретительным.

Вопросы выходного контроля:

В чем причина обвала дальневосточной экономики с началом рыночных реформ?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное учебное пособие по курсу истории экономики Дальнего Востока является первым, но можно надеяться, не последним в этой серии.

Наряду с процессом глобализации экономического развития не менее отчетливо проявляет себя в последнее время и противоположный процесс регионализации. В их диалектическом взаимодействии будет проходить не одно десятилетие хозяйственной эволюции мировых и национальных систем. И потому необходимо было проиллюстрировать и проанализировать этот процесс на примере самого специфичного региона не только в России, но и, надо полагать, во всем мире.

Подготовка специалистов в области национальной экономики в экономических образованиях, сформировавшихся в конкретных природно-исторических условиях, требует углубления познания особенностей как национальной, так и, чем дальше, тем больше, региональной экономики. Будущие организаторы и руководители производства должны знать, чем отличается их объект управления от других; в свою очередь, это требует ознакомления с закономерностями общечеловеческого развития.

Именно на грани веков возникло мощное движение по изучению устойчивого развития цивилизации и стало общепризнанным, что главную угрозу этому развитию представляют собой рыночные механизмы, не знающие торможения. Хозяйственная же эволюция нашей страны проходила за все тысячелетие существования российской государственности под воздействием внешней опасности, что вынуждало нас жить в условиях всеобщей и вечной мобилизации и привело к формированию мобилизационной экономики. И наши суровые природные условия заставляли нас во все века стремиться к минимизации социального расслоения, потому что иначе, при нашей бедности, мы несли бы слишком большие потери даже в мирное время от вымирания беднейших слоев населения.

Дальний Восток – это Россия в квадрате, вся наша специфика выражена в этом регионе в самом резком виде. И освоение территории, и развитие социохозяйственного потенциала происходило здесь в предельно нетрадиционной, с точки зрения мировой экономики, форме. Наше хозяйство обречено было стать сверхмилитаризированным, с одной стороны, и неискоренимо убыточным, с другой стороны.

Студенты, имея на руках фактический материал, приведенный в пособии, получают возможность сделать собственные выводы о том, что за три с половиной века русского присутствия в этом регионе Дальний Восток стал передовым форпостом страны на тихоокеанских рубежах и частью единого экономического целого страны, и без России в целом он не самодостаточен и нежизнеспособен. Наше хозяйство во все времена было открытым для других областей государства российского и закрытым от сопредельных государств, и пока эти условия соблюдались, Дальний Восток развивался опережающими, по сравнению с остальными нашими регионами, темпами. Нынешние изменения нарушают требования экономического благополучия; повышение транспортных и энергетических тарифов отрезает нас от западных областей России, открытие экономических границ ставит нас в невыгодные условия разорительной конкуренции с иностранными фирмами и предприятиями.

Освоившие материал учебного пособия способны самостоятельно предсказать траекторию социохозяйственного развития региона при различных вариантах принятой центром и региональными властями экономической политики. И если выпускники будут работать в дальнейшем на наших здешних предприятиях, то они будут осознанно вырабатывать стратегию управления этими предприятиями.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

ОСНОВНОЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Агранат Г. А.* География – экономика – общество // Изв. АН. Сер. геогр. 2001. № 6. С. 5–14.

2. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. 288 с.

3. *Быстрицкий С. П, Заусаев В. К., Леденев М. И.* Рыночные преобразования на Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск, 1998. 57 с.

4. Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911. 107 с.

5. *Галичанин Е. Н.* Межрегиональные аспекты экономической реформы на Дальнем Востоке и Забайкалье. Хабаровск, 1998. 441 с.

6. *Глухов С.* Что там, за горизонтом? Хабаровск, 1990 (книга представляет собой интервью журналиста С. А. Глухова с экономистом М. И. Леденевым). 96 с.

7. *Заусаев В. К,. Леденев М. И., Быстрицкий С. П.* Социально-экономическое развитие Дальнего Востока в условиях формирования рыночных отношений. Хабаровск, 1999. 269 с.

8. *Ишаев В. И.* Концепция развития Дальнего Востока России (научный доклад на президиуме РАН). Хабаровск, 2001. 23 с.

9. *Ишаев В. И.* Особый район России. – Хабаровск, 1998. 270 с.

10. Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы (Краткое изложение). Хабаровск, 1996. 37 с.

11. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России. / *Коптюг В. А, Матросов В. М., Левашов В. К., Демянко Ю. Г.* Владивосток, 1997. 83 с.

12. *Минакир П. А., Рензин О. М., Чичканов В. П.* Экономика Дальнего Востока. Перспективы ускорения. Хабаровск, 1986. 256 с.

13. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. Хабаровск, 1969. 418 с.

14. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. Рекомендовано издателем в качестве

начального курса экономики для министров финансов, министров экономики, директоров институтов проблем экономики переходного периода. М., 2001. 411 с.

15. Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск–Владивосток, 1927. Вып. 5. Человек.

16. *Салин Ю. С.* Собственность с точки зрения нравственности // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1993. № 1. С. 124–134.

17. *Салин Ю. С.* Россия и русские. Хабаровск, 2002. 186 с.

18. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия. М., 1991. 415 с.

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсеньев В. К.* Избранные произведения: В 2. т. Хабаровск, 1997. Т. 1. 656 с.; Т. 2. 624 с.

2. *Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. 365 с.

3. *Барсуков И. П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Хабаровск, 1999. 672 с.

4. *Вронский В. А.* Прикладная экология. Ростов-на-Дону, 1996.

5. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. 208 с.

6. *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков. Хабаровск, 2001. 352 с.

7. *Курдюмов С. П.* В обход «конца света» //РФ сегодня. 1999. № 15. С. 54–56.

8. *Корчмит В. А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский, 2001. 439 с.

9. *Корчмит В.* А. Перспективы устойчивого развития регионов проживания народов Севера. М., 2002. 415 с.

10. Концепция комплексной программы научно-технического прогресса и развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период 1986–2005 гг. Владивосток, 1982. 70 с.

11. *Коптюг В. А.* Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. 342 с.

12. *Кропоткин П. А.* Этика. М., 1991. 496 с.

13. *Салин Ю. С.* Иная цивилизация. Хабаровск, 1996; 1997. Вып. 1. 74 с. Вып. 2. 111 с.

14. *Солоневич И. Л.*. Народная монархия. М., 1991. 481 с.

15. *Фроянов И. Я.*. Погружение в бездну. М., 2001. 528 с.

16. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития. Хабаровск, 2001. 255 с.

17. Об итогах социально-экономического развития Хабаровского края в 2001 году и основных направлениях развития края на 2002 год. Хабаровск, 2002. 152 с.

18. Итоги социально-экономического развития Хабаровского края за 2002 год и основные направления социально-экономической политики в 2003 году. Хабаровск, 2003. 127 с.

19. Обзор социально-экономического положения Хабаровского края в разрезе городов и районов в 2002 году. Хабаровск, 2003. 195 с.

20. *Чехов А. П.* Остров Сахалин. М., 1984. 368 с.

Учебное издание

Салин Юрий Сергеевич

История экономики Дальнего Востока.
Учебное пособие

Главный редактор Л. А. Суевалова
Редактор Л. А. Суевалова

Компьютерная верстка Н. Ю. Салина
Дизайн обложки Л В. Задвернюк

Подписано в печать 10.02.04. Формат 60x84 1/16
Бумага писчая. Гарнитура «Georgia».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,1.
Тираж 490 экз. Заказ 45.

Издательство Хабаровского государственного технического университета. 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.

Отдел оперативной полиграфии Хабаровского государственного технического университета. 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136